

Annotation

Вы когда-нибудь думали, о том, что ждет вас после смерти? Я вот раньше никогда. И я умер. Мою прошлую жизнь нельзя назвать легкой, да и жизнью это назвать сложно... Но у меня теперь есть второй шанс. И эту жизнь я смогу прожить гораздо интереснее! Когда Боги говорят тебе: “ЖИВИ!”, ты не сможешь от этого отвертеться. Власть, интриги, дворяне, бояре, князья — да по фигу! Я пойду к своей цели, и, пока Боги со мной, я смогу пройти путь до конца. Теперь я — Матвей Волков, и это — моя Дорога Шамана.

- - *

Боярский Сын II — Рыкарь

Пролог

Глава 1. «Это не Я!»

Глава 2. «Разве у шамана всего лишь три руки?!»

Глава 3. «Все не то, чем кажется»

Глава 4. «Крыло другое — птица та же»

Глава 5. «Император, поручик и царский постельничий»

Глава 6. «Делай деньги, делай деньги, позабыв тоску и лень...»

Глава 7. «Император — компаньон, князь — соперник, и сам черт не брат!»

Глава 8. «За одного битого двух небитых дают»

Глава 9. «Мой дом — моя крепость»

Глава 10. «Не зови меня Боярским!»

Глава 11. «Юный шаман, мы приветствуем тебя!»

Глава 12. “У меня тоже есть просьба”

Эпилог

- - *

Боярский Сын II — Рыкарь

Пролог

Князь Долгоруков злился. Хотя тут Аркадий очень сильно преуменьшал эмоции, бушующие внутри князя. Андрей Павлович расхаживал по своему кабинету от камина к столу и обратно уже минут двадцать. За это время ему под руку попались стул, хрустальная пепельница, графин и пара бокалов для виски и макет английского парусного корабля. Пепельница, графин и два бокала улетели в стену, оставив царапины на деревянных настенных панелях из мореного дуба, макет корабля отправился в камин, моментально вспыхнув в веселом пламени, а стул был просто разбит в щепки об пол. Хотя князь уже давно разменял свой первый век, своей силы он так и не потерял.

Соловьев тихо стоял в углу кабинета и, как говорится, «не отсвечивал». Когда начальство буйствует, лучше оказаться «поближе к кухне». Но начальник службы безопасности рода не мог себе позволить просто взять и покинуть кабинет князя.

Наконец, князь все же упал в свое кресло во главе стола и поднял свой взгляд впервые за последние полчаса на Соловьева.

— И как же так вышло, Аркаша? Ты же мне докладывал, что договорился с ним о встрече. А потом он просто сбегает на границу с Афганистаном. А теперь что мы знаем? Что мальчишка ПРОПАЛ!!! — Последнее слово князь буквально проорал, и порыв таранного ветра ударил Соловьева в грудь, откидывая его на стену за спиной.

— Прошу прощения, господин. — Соловьев медленно поднялся с пола, чувствуя, как по затылку потекла теплая кровь, и склонился перед своим сюзереном в низком поклоне, — Я был уверен, что молодой Волков согласился искренне. Я не решился устанавливать за юношей слежку, чтобы не спугнуть его. Вы ведь знаете, что Одаренные очень чувствительны к вниманию со стороны...

Новый воздушный удар вновь усадил Соловьева на пол. Теперь противный привкус появился и во рту. Соловьев всеми силами сдерживал порыв тошноты, зная, что подобного князь не простит, и он получит лишь новый удар.

«И почему на востоке считают, что Лекари не умеют драться? Этот мутузит меня весьма профессионально...» — Пронеслась мысль в голове Соловьева, которую он тут же откинул в сторону, — «Сейчас не время и не место думать о таком...»

— Где пропал мальчишка? — Спросил Андрей Павлович, когда Соловьев выпрямился в полный рост.

— Нам известно, что Волков отправился в составе конного патруля на дежурство по маршруту на границе с королевством Афганистан четыре дня назад. Затем вечером того же дня на границе королевства и империи был замечен очень сильный выброс нескольких типов энергий — Жизни, Ветра, Смерти и Тьмы. Второй патруль из крепости «Саркел» отправился по тревоге к точке выброса энергии. Но они ничего не нашли кроме кучи разорванных тел и моря крови. Судя по рапорту командира второго патруля, там была просто

какая-то мясорубка. Лекарь Матвей Александрович Волков и заместитель командира патруля Иван Андреевич Маханьков на месте боестолкновения не найдены. Патруль дошел маршрут до конца и вернулся назад, так никого и не обнаружив.

— Афганцы? — Продолжил допрос князь Кобылин.

— Три десятка солдат, среди них пять Одаренных. Двое достаточно сильных, трое — мелочь, слабаки. Три десятка мулов и ослов с наркотой и почти полтора десятка погонщиков без оружия. Все убиты. Также в рапорте отображено, что один из афганцев применил неизвестных артефакт, «влияющий на физическую форму Одаренного».

— Что за артефакт? — Поднял бровь Андрей Павлович.

Соловьев лишь покачал головой:

— Неизвестно, господин, артефакт был одноразовым и самоуничтожился после применения. На него егеря и списали такое количество энергии Смерти и Тьмы вокруг места сражения.

— На этом всё?

— Да, господин, это все, что нам передал наш человек из столичного Пограничного Управления. Обещал сразу же сообщить, если будут какие-то новости по интересующему нас Волкову.

Князь откинулся на спинку кресла, открыл ящик стола и достал оттуда бутылку виски и бокал.

— Иди и приведи себя в порядок. Отслеживай все сообщения, приходящие в погрануправление. Если мальчишка выжил — я хочу узнать об этом первым. Ты меня понял?

Соловьев вновь поклонился:

— Да, господин, я все сделаю.

Соловьев уже повернулся к выходу, как князь продолжил:

— Аркаша, это уже вторая твоя ошибка. Я не хочу, чтобы ты допустил третью. В таком случае, я буду вынужден применить к тебе серьезное наказание. Ты меня понял?

— Да, князь, я все понял. — Сглотнув слюну, Соловьев вновь поклонился и спиной вперед покинул кабинет, так и не разогнувшись.

Лишь после того, как дверь закрылась с тихим щелчком, Соловьев выпрямился и пошел в свою комнату, держась за грудь. По его опыту, он мог точно сказать, что несколько сломанных ребер и сотрясение мозга князь ему обеспечил.

«Старый больной убудок. Когда же ты наконец-то уже сдохнешь!/? Сколько можно терпеть

все эти унижения...» — Думал Аркадий Соловьев, пока шел в свою комнату...

Глава 1. «Это не Я!»

— На выход, заключенный! — Голос из-за двери вывел меня из дремы.

Я сидел на соломенном матрасе в камере, куда меня кинули позавчера, судя по моим внутренним часам.

После схватки с Абдулматином (я узнал его имя от него самого, расспрашивая призванную мною Тень) я выпал из реальности на несколько часов. После того, как я пришел в себя, из живых рядом был лишь прапорщик Иван Маханьков. Взвалив его на себя, я отправился на запад, в надежде выйти к какому-нибудь селу или деревне или вообще просто встретить каких-нибудь людей и попросить о помощи.

Тут мне и повезло, и не повезло одновременно. Через десять часов с «условно раненным» на плечах я вышел на ещё один конный патруль наших егерей. Они вначале взяли меня на прицел, но после того, как услышали русскую речь, решили сдать в погрануправление. Егеря меня довели до своей крепости даже с некоторым комфортом — раненного уложили на лошадь, а я просто шел пешком со связанными руками.

А вот в крепости меня уже взяли, как говорится, «в оборот». Местный «особист» в гарнизоне заковал меня в браслеты из «нулевого» мифрила и отправил под конвоем в Самарканд...

Про «нулевой» мифрил нам уже рассказывали в Университете. Это был единственный материал, способный сковать силы любого Одаренного вплоть до Архимагистра. Процесс его изготовления был долгим и муторным, да и к моей специальности он не относился, поэтому нам про него рассказывали очень поверхностно...

Но все «прелести» этих чудесных в кавычках изделий на себе я ощущал уже вторые сутки... Мои Источники оставались со мной, я спокойно гонял разную энергию по всему телу, но не мог сформировать ни одного аркана. Даже простейшие манипуляции со стихиями вроде порыва ветра мне были не доступны. Как только я начинал формировать любую печать или концентрировать Жар Источника на каком-то конкретном Луче Звезды, то он моментально втягивался в мифриловые браслеты, словно в черную дыру... Прошлые сутки меня «мариновали» перед допросом. В моей прошлой жизни сотрудники военной прокуратуры поступали примерно также, как я помню...

За дверь в камеру раздались шаги, и я подошел ко входу в камеру. Маленькое окошко открылось, и из-за двери раздался голос:

— Руки наружу!

Я выставил руки наружу и почувствовал, как в специальные кольца на браслетах вновь замкнули короткую цепочку, которую сняли, когда меня сюда посадили.

— Руки убрать!

Я убрал руки и замер на месте.

— Три шага назад.

Я отошел на три шага и замер. Дверь открылась, и мне пришлось зажмуриться от яркого света, который прорвался в глухую темноту камеры без окон.

В коридоре стояли двое солдат. Вначале один из них заглянул в камеру, осматривая её (алё, гараж! Я тут вообще-то один, ты сам меня сюда засунул!) и только после того, как убедился, что все в порядке (ага, как же! Абдулматин всё также прятался в моей тени и мог спокойно выскочить из неё и прибить очень тихо и быстро этих двоих неодаренных), скомандовал:

— Заключение, на выход.

Я молча вышел из камеры.

— К стене!

Я встал лицом к противоположной стене. Один солдат контролировал меня, второй закрывал камеру. После того, как щеколда тяжелой задвижки скрипнула, вставая в пазы в стене, а на ней уже появился навесной замок, второй солдат скомандовал мне:

— Нале-во!

Я повернулся и вновь замер.

— Я иду первым, заключение, вы за мной, за вами второй номер. Попытайтесь что-нибудь вытворить или сбежать — мы будем стрелять на поражение. Вам все ясно? — Первый встал передо мной.

Я лишь молча кивнул. Говорить вообще не хотелось. В горле пересохло, последние два дня мне давали всего по две кружки воды: одну на завтрак, вторую — с ужином. А в камере было довольно жарковато и очень душно. После первой попытки попросить дополнительную воду я получил лишь удар прикладом в живот и больше подобных попыток не предпринимал. Какой смысл?

— Тогда идем. — Кивнул первый солдат и зашагал в сторону лестницы, ведущей из подвала наверх.

— Начальник, дай воды! Пить охота, сил нет! — Раздался крик из-за одной запертой двери, когда мы проходили мимо.

— Молчать! — Рывкнул первый и ударил прикладом карабина по двери.

За ней тут же замолкли все звуки, а мы пошли дальше.

По лестнице мы поднялись на первый этаж. Затем мы вышли из здания гауптвахты и дошли до соседнего здания. Тут дневальный стоял на улице и открыл нам дверь, пропуская внутрь. Меня завели в комнату с серыми стенами, в ней было всего одно окно, стол и два стула. Посадив спиной к окну, цепочку на браслетах заковали в металлическое кольцо, вмонтированное прямо в столешницу, и меня оставили одного греться в солнечных лучах.

Примерно спустя двадцать минут ко мне пришли. Двое типичных следователей в военной форме с майорскими погонами на плечах. Оба крупные, русые, подстрижены «под канадку», с одинаковым выражением серых глаз. На вид немного за тридцать.

— Добрый день, молодой человек. Меня зовут Скворцов Михаил Андреевич, моего коллегу — Васин Егор Алексеевич. Нам поручено провести ваше первичное дознание.

— Добрый день, Михаил Андреевич, Егор Алексеевич. — Кивнул я.

— И так, что мы имеем, юноша, — Скворцов открыл черную папку, принесенную с собой, — согласно рапорту капитана Максименко, командира патруля с заставы «Ярцево», вы вышли на их маршрут движения и представились Волковым Матвеем Александровичем, подданным Российской Империи, студентом первого курса Императорского Университета в Санкт-Петербурге. Вы следовали в составе конного патруля под командованием капитана Свиридова из заставы «Саркел». Весь патруль погиб в пограничной стычке, выжили лишь вы и прапорщик Маханьков Иван Андреевич, которого вы вынесли на себе. Очень красивая сказка, не находите?

Тут я немного опешил. Сказка? Вот ты сволочь, майор!

Но пока я еще смог сдержаться:

— И в чем же здесь сказка, господин майор?

— Понимаете, юноша, по вашим словам получается, что вы прошли больше двадцати километров пешком с раненым на плечах. Перед этим попали в засаду, вступили в схватку с превосходящими силами противника, затем исцелили выжившего прапорщика Маханькова, и уже после дошли до патруля Максименко. Мне с трудом вериться в такое везение, если уж быть откровенным.

— Откуда ты дезертировал, парень? — Задал вопрос Васин.

— Я не дезертир, господин майор. И я говорю правду, можете расспросить прапорщика Маханькова, он сможет подтвердить мои слова. — Я отвечал Васину, но продолжал смотреть в глаза Скворцову. У меня было ощущение, что он является «головой» в этом дуэте.

— А если я сейчас тебя немножко подрихтую здесь? — Васин обошел стол и навис надо мной.

— А ты попробуй, майор. Только браслеты с меняними вначале. И посмотрим, кто кого рихтовать ещё будет. — Зло бросил я, переведя взгляд на Васина.

Ой, зря я это сказал. Хотя усталость и напряжение последних дней дала о себе знать — даже взрослому мужику тяжело «выдохнуть» после таких событий. Тут бы не по допросам ходить, а дома лежать с бокальчиком коньяка...

Васин схватил меня за голову и ударил об столешницу. Картинка в голове поплыла, голова закружилась, из разбитого носа хлюпнула кровь. Васин повторил действие еще трижды. Моя голова поднималась и впечатывалась в стол снова и снова. Когда меня он поднял в пятый раз, я ждал нового удара, но майор повернул мое лицо к себе и прорычал практически в упор:

— Ещё раз обвинишь меня в трусости, сопляк, я тебе язык отрежу!

Я же плюнул кровью ему в лицо. О! А вот и новый удар об столешницу. Васин еще дважды впечатал меня в стол, и я услышал голос Скворцова:

— Егор Алексеевич, довольно уже.

Васин отошел от меня, достал платок и начал вытирать лицо.

— Ну что же вы, юноша, такой неаккуратный, так сильно разбили себе лицо об столешницу. Может воды? — Голос Скворцова в момент стал мне казаться очень гадким.

— Обойдусь, спасибо. — Просипел я с улыбкой.

Я моментально начал гонять Жар Источника через луч Жизни. Быстрое исцеление это мне не даст, но даже такая процедура способна за ночь исцелить все мои повреждения на допросе. И браслеты этот Жар не затягивали в себя, ведь я не концентрировал энергию где-то в одном месте — просто гонял её по всему телу.

— И так, вы продолжаете утверждать, что вы — Матвей Александрович Волков?

— Да.

— И как же вам удалось тогда совершить такой серьезный подвиг, юноша?

— В схватке я получил тяжелое ранение, что привело к прорыву Источника. В момент схватки я стал рыкарем.

Оба следователя замолчали. Васин смотрел на меня насмешливо, а Скворцов недоверчиво.

— Это очень серьезное заявление, юноша. Как вы его сможете подтвердить? — Спустя минуту продолжил Скворцов.

— Снимите с меня браслеты и сами все увидите. Но предупреждаю сразу, майор Васин должен быть готов тоже «упасть» лицом на столешницу. — Усмехнулся я разбитыми губами.

О, Васина передернуло! Видимо, понял, что влип, ну, ничего, майор, мы с тобой ещё побеседуем.

— К сожалению, это запрещено по инструкции комендатуры. Кто-то может подтвердить вашу личность?

— Полковник Ибрагимов Исмаил Ибрагимович, командир гарнизона крепости «Саркел». Мы лично знакомы с ним.

— Вот и отлично, мы попросим приехать его завтра. А пока вам придется остаться в камере. Дежурный! — Скворцов решил закончить, резко ставший неудобным, допрос.

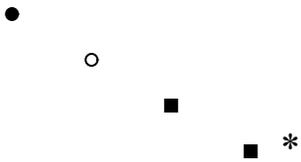
В допросную вошел сержант — дежурный по комендатуре.

— Уведите задержанного обратно в камеру, мы с ним закончили. — Сказал Васин, злобно поглядывая на меня.

Я же лишь улыбался своей кровавой улыбкой в ответ.

— Есть. — Сержант отстегнул цепочку браслетов и вывел меня из допросной.

Мне было чем заняться — нужно было восстановить себе лицо до приезда Ибрагимова.

Когда Волкова увели, Скворцов повернулся к Васину.

— Егор, ну и на кой х*р ты опять сорвался?! Нас и так уже в эту глушь из-за такого же случая сослали!

— А не хрен меня в трусости обвинять. Еще я мальчишку сопливого терпеть буду... — Буркнул Васин в ответ, скрестив руки на груди.

— А если он сказал правду, и действительно теперь — рыкарь?

— И что с того?

— Да вот приедет Ибрагимов, подтвердит его личность, очнется Маханьков, тоже даст показания. И мы его отпустим. И он спокойно, как дворянин дворянина, вызовет тебя на дуэль. И что потом?

— Я не верю, что мальчишка — рыкарь!

— А ты допусти это на секунду.

Васин еще сильнее насупился:

— Тогда нам пи***ц.

— Не нам, Егор, а конкретно тебе. Я его не бил, да и дуэли идут один на один.

— И что, ты даже мстить за друга не будешь?

— Против рыкаря?! Иди, поищи дурака! Да с ними Архимаги иной раз справиться не могут!

— Прыснул Скворцов.

В это время за дверью раздались быстрые шаги, и в дверь постучали.

— Войдите! — Гаркнул Васин.

— Господин майор, разрешите доложить?! — В допросную вошел дневальный и вытянулся по струнке.

— Докладывайте, рядовой. — Кивнул Скворцов, убирая блокнот обратно в черную папку, с которой пришел на допрос.

— Из госпиталя позвонили, сообщили, что в себя пришел прапорщик Маханьков Иван Андреевич, вас просят прибыть в госпиталь немедленно! Разрешите идти?! — Ответил дневальный.

— Идите, рядовой, и прикажите подать машину на КП комендатуры, мы немедленно отправимся в госпиталь! — Скворцов повернулся к Васину, когда дневальный убежал исполнять распоряжение.

— Что?! — Не выдержал Васин взгляда Скворцова.

— Х*р через плечо, Егор! Собирайся, едем в госпиталь! — Рывкнул Скворцов и поднялся из-за стола.

— А Ибрагимов?

— С крепостью «Саркел» пусть связисты связываются, скажут, что нашли двоих, вроде бы их «потеряшки». Пусть приезжает и подтверждает личности обоих. Ждем его завтра. Распорядись. — Ответил Скворцов и покинул допросную.

•

○

■

■ *

Полковник Ибрагимов гнал машину на пределе возможностей. Он выехал еще ночью. Вчера вечером из особого отдела сообщили, что найдены двое его людей из патруля Свиридова. По

предварительной информации остальные члены патруля погибли. И Исмаил Ибрагимович гнал машину в Самарканд.

За четыре часа он домчал до Самарканда, посетил госпиталь, проверил состояние Маханькова, узнал, что тот жив, и отправился в пограничное управление. Сейчас он стоял у внутреннего периметра, окружающего комендатуру управления, пыльный, невыспавшийся и очень-очень злой. Злость полковника лишь росла, потому что на территорию комендатуры его не пускали. Сказали ждать следователя Скворцова, а тот явно не спешил приходить на КПП и встречать полковника.

Когда командир гарнизона крепости «Саркел» уже собирался вынести ко всем чертям дверь КПП, дверь все-таки открылась. Дежурный по КПП пригласил полковника пройти внутрь, так как за ним прибыл следователь Скворцов.

— Доброе утро, господин полковник. А мы ждали вас только к вечеру, если честно, прошу прощения за задержку. — Ибрагимов встретил типичный «особист» в звании майора.

— У бабушки просить прощения будешь, майор. — Буркнул Ибрагимов, проходя через «вертушку» на КПП и нависая над следователем, — где мой человек?

— Господин полковник, прошу вас успокоиться, нам нужно провести ряд следственных действий, которые также имеют отношение и к вам, прошу вас для начала пройти ко мне в кабинет, там мы побеседуем за кружечкой чая и... — Начал Скворцов, но Ибрагимов его перебил.

— ГДЕ. МОЙ. ЧЕЛОВЕК? — Ибрагимов навис над майором словно скала.

— Полковник, это может очень плохо закончиться. — Тихо прошептал Скворцов, подняв на лицо Ибрагимова только глаза. Ибрагимов был гораздо выше Скворцова, но следователь не хотел заирать голову, чтобы смотреть на полковника «снизу».

— Плохо все может закончиться только для тебя, майор, если я сейчас же не увижу человека, который представляется Волковым Матвеем Александровичем.

— Я думаю, что нам лучше вначале посетить госпиталь, ведь там сейчас находится прапорщик Маханьков, который все-таки из нашего строя. Он сможет дать нам более полную картину произошедших событий... Мы вчера посещали его, но нам не дали с ним нормально побеседовать, состояние у него было слишком слабое. А после уже мы могли бы встретиться с Волковым...

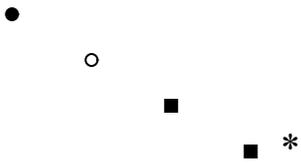
— Я УЖЕ БЫЛ В ГОСПИТАЛЕ, МАЙОР! — Зарычал Ибрагимов, — и все, что мне важно, я уже обсудил с прапорщиком Маханьковым. И да, он из МОЕГО строя, майор, именно МОЕГО, и я, как его непосредственный командир, запретил ему давать любые показания по произошедшему боестолкновению без МОЕГО присутствия. А сейчас я хочу видеть именно Волкова Матвея Александровича. И, если человек, который находится у вас, является именно им, то я заберу его из вашего цирка немедленно.

Минуту царила тишина. Скворцов смотрел на Ибрагимова, а Ибрагимов на Скворцова. Дежурный по КПП просто молчал и старался прикинуться элементом мебели, лишь бы не попасть в спор больших начальников. Но руку с тревожной кнопки вызова дежурной смены караула не убирал. Если двое Одаренных начнут здесь свою драку, у него сил, чтобы из разнять точно не хватит.

— Хорошо, господин полковник. Пусть будет по-вашему. Прошу вас пройти в мой кабинет. Я попрошу дежурного по гауптвахте привести Волкова в мой кабинет. — Сдался Скворцов.

Ибрагимов только кивнул в ответ.

Скворцов развернулся и отправился в здание комендатуры, а Ибрагимов, словно туча, молча двинулся следом.

Новый день, новые знакомства! Меня вновь вывели из камеры и повели в здание комендатуры. Сегодня меня даже завтраком не покормили! А я ведь и есть, и пить хочу...

На этот раз меня повели на третий этаж. На металлической двери, ведущей на этаж, была установлена табличка «ОСОБЫЙ ОТДЕЛ». Мы с конвоем прошли внутрь, на этаже также стоял дневальный, который проводил нас до пятого кабинета, на двери которого уже были две другие таблички: «майор юстиции Скворцов Михаил Андреевич» и «майор юстиции Васин Егор Алексеевич». После стука нам разрешили войти.

Внутри меня ждал мой новый знакомый Скворцов Михаил Андреевич и полковник Ибрагимов Исмаил Ибрагимович. Этот медведь моментально вскочил со своего места и с криком: «МАТВЕЙ!» сгреб меня в свои огромные лапищи.

— Господин полковник, убьете же... — Прохрипел я из этой хватки.

Ибрагимов меня отпустил, повертел на месте, осматривая, обратил внимание на браслеты и синяки на лице (я смог за ночь восстановить сломанный нос и разбитые губы, но синяки полностью убрать не успел) и перевел тяжелый взгляд на Скворцова.

— Били. — Не спрашивал полковник, а констатировал факт.

— Ну что вы, господин полковник, как можно, просто молодой человек неудачно поднимался на лестнице на гауптвахте.

Ибрагимов повернулся к конвою, который до сих пор не покинул кабинет:

— Браслеты снять. — Скомандовал он.

Конвойные не поспешили выполнять приказ полковника, переводя взгляд на майора.

— Ты плохо слышишь, сержант. Я тебе команду дал: снять браслеты! — Повторил Ибрагимов, еще больше хмурясь и повышая голос.

Скворцов коротко кивнул, и сержант, выдохнув, взялся за ключи у себя на поясе. Спустя полминуты с меня сняли браслеты. О! Божественное ощущение. Я моментально направил Жар по лучу Жизни и приложил руки, сложенные лодочкой к лицу, проводя ими вниз, словно умываюсь. Остатки синяков моментально сошли, как и трещины на высохших губах, и лицо стало вновь целым.

— Исмаил Ибрагимович, разрешите воды? Четвертые сутки не могу нормально напиться, да и не ел со вчерашнего вечера... — Спросил я Ибрагимова сухим голосом.

— Слышал, сержант, воды графин, нет, два! И тарелку каши со столовой тащи! — Рыкнул полковник, и сержант с рядовым просто вылетели из кабинета Скворцова.

Сперва принесли воду, затем и кашу из столовой. Пока я ел и пил, в кабинете царило гробовое молчание. Ибрагимов недобро смотрел на Скворцова, а Скворцов переводил взгляд то на Ибрагимова, то на меня.

А я что? Я просто наслаждался возможностью гонять энергию Источника вокруг себя и по всему телу. Пока ел, я смог понять, что отчетливо чувствую Источники обоих офицеров, они будто пульсировали в такт сердечному ритму. При этом я четко мог различить по цветам лучи Звезд в солнечном сплетении у каждого из них. Ибрагимов оказался обладателем классического Темного Источника «земля-огонь-тьма». Самая частая вариация стихий Темного Источника, которая встречается, где Огонь и Тьма чаще всего выступают как нападающие элементы, а Земля исполняет защитную роль. А вот Скворцов был не совсем стандартным «экземпляром» — в его источнике были три вершины в комбинации «вода — воздух — свет», а стандартной вариацией считался мой набор «вода — воздух — жизнь». Что, по сути своей, означало, что майор был полным антагонистом Ибрагимову. Но при этом, источник Ибрагимова был раза в три лучше развит, судя по плотности лучей, и обладал общим объемом УЕР, раза в два больше, чем Источник Скворцова. Я думаю, тут три с небольшим сотни Темного Источника против полутора сотен Светлого...

— Спасибо, господин полковник, а то тут просто отвратительный сервис. — Усмехнулся я.

— Сильно они тебя поколотили? — Спросил Ибрагимов.

— Что вы, господин полковник, как и сказал господин майор, я просто упал на лестнице гауптвахты, раз пять так. — С усмешкой ответил я и перевел взгляд на Скворцова, — кстати, господин майор, а где же ваш коллега, господин Васин?

— Он будет немного позже, Матвей Александрович. — Сглотнув, ответил Скворцов.

Вот всегда так, что в прошлой моей жизни, что в этой. Особисты вначале наломают дров, а

потом начинают трястись, когда понимают, что натворили какую-то «дичь». А, ведь, именно из-за одного обидчивого особиста в прошлой жизни я и не мог после армии устроиться ни в одну даже самую замшелую деревенскую больницу...

— Что ж, тогда я предлагаю его подождать. Это будет правильно, я думаю. — Кивнул я.

— Матвей, расскажи мне пока, что произошло в ущелье. — Кивнул Ибрагимов.

— Мы шли по маршруту, в первой половине маршрута не было следов применения некротической энергии. Когда мы в очередной раз остановились, отделение егерей заняло оборону по периметру, а я начал строить аркан «Нити Жизни», он позволяет любому целителю ощущать нити жизни во всех живых объектах в определенном радиусе, в зависимости от Ранга Контроля и доступного объема УЕР. Соответственно, некро — энергия также ощущается при создании такого аркана в отрицательном спектре. При построении я увидел Источник Одаренного с упором развития в Луч Смерти, но первоначально принял его за некий артефакт, который и выдавал эту энергию. Когда я начал приближаться, то ощутил токи праны вокруг Источника и понял, что это живой человек, а не артефакт. Я закричал, что это засада, но афганцы нас опередили. Они начали вести огонь одновременно со моим криком. Этот афганец выпустил какие-то тени, то ли големы, то ли собственные копии, которые атаковали меня и прапорщика Маханькова. Когда я очнулся, этот афганец был мертв, возможно, он был командиром или его заместителем, не знаю, часть афганцев тоже погибла, но в живых осталось около половины. Из них четверо были Одаренными. Один довольно серьезный противник, трое — ниже среднего. Они сперва отрубили кисть прапорщику Маханькову. — Тут я замялся, но продолжил, — после подошли ко мне, сказали, что им передали информацию о Лекаре, который будет в этом патруле, и решили захватить меня. И сказали, что целым я не нужен, лишь чтобы был жив. Они отрубили мне стопу, и мой Источник взбунтовался. В моменте все замерло для меня, я не знаю даже, что тогда увидел, помню даже, что слышал чей-то голос, но о чем он говорил — вспомнить не могу. И мое тело изменилось. И токи энергий всех Стихий вокруг меня стали словно бы живыми. Я пожелал создать бурю, шторм, и она появилась вокруг нас без всяких арканов. Просто по моей воле. И ветер был такой сильный, что раскидывал афганцев, словно котят, затем я пожелал создать лед в этой буре, и он родился. — Да, тут я начал уже привирать, хотя, какие у меня варианты — не могу же я сказать, что все шесть стихий смешались в момент прорыва...

— Что было дальше? — Подал голос Скворцов, и только сейчас я заметил, что он просто строчит в своем блокноте.

— А дальше этот шторм с ледяными кусками начал рвать афганцев, сначала погибли неодаренные — стрелки и погонщики, затем буря расширилась и порвала на куски животных, потом под стихией погибли трое слабых Одаренных. Последний смог закрыться щитом на основе земли, и его щит держался до тех пор, пока он не потратил весь свой резерв. В конце схватки несколько глыб льда пробили его на вылет. Он сказал, что род Нафизулах будет мстить за своих солдат. А потом я смог частично исцелить прапорщика Маханькова и погрузил его в целебный сон и сам потерял сознание. Через какое-то время я очнулся, взял его на плечи и пошел на запад.

— Род Нафизулах? Я правильно услышал? — Переспросил Скворцов.

— Да, он назвал род Нафизулах. — Кивнул я.

— Это уже зацепка. — Кивнул Скворцов, — если мы сможем захватить хотя бы одного представителя и добиться показаний, то...

— А зачем захватывать их представителя? — Я абсолютно не понял логики майора.

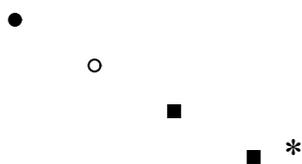
— В смысле? — Скворцов уставился на меня непонимающим взглядом.

— Этот афганец сказал, что им сообщили о том, что я буду именно в этом патруле, следовательно, им сообщил кто-то из тех, кто бывает на территории крепости «Саркел», так? Так. Следовательно, не проще ли будет найти связного, заставить его связаться с людьми из рода Нафизулах, принудить их к очной встрече, а после взять их с поличным на территории границы на нашей стороне? А потом официально или не очень получить от них все показания? — Покачал головой я.

— Да, логика есть в этой идее есть, а я как-то выпустил этот момент со связным... — Пробормотал Скворцов.

— Господин майор, отдаю в пользование идею даром, ничего требовать за нее... — Я недоговорил, так как открылась дверь, и в кабинет без стука вошел майор Васин Егор Алексеевич.

— О! А вот и вы, господин майор! — Я поднялся с диванчика, на котором сидел вместе с Ибрагимовым и сделал шаг навстречу майору, вызывая свою метаморфозу...

Майор юстиции Васин Егор Алексеевич был прямым человеком. И всегда действовал так, как велели ему его собственные принципы чести и достоинства. Где-то это ему помогало, а где-то наоборот, лишь усугубляло его положение. И вот один раз он смог нажать из-за своих действий себе такой ворох проблем, что начальство приняло решение о переводе майора Васина вместе с его напарником, майором Скворцовым, в Самарканд.

Вначале Васин был оскорблен подобным решением, но потом смог свыкнуться. А потом и привык к новому месту службы в Самарканде, даже нашел свои плюсы. И последние три года все у него было хорошо, даже замечательно. И с молодым Лекарем, с которым он вчера разговаривал, он встречи не боялся. До текущего момента.

Как только Васин вошел в кабинет, он увидел полковника рядом с Лекарем, самого Лекаря и Скворцова, который сидел за своим рабочим столом. И только после этого он понял, что на Лекаре больше нет браслетов.

— О! А вот и вы, господин майор! — Лекарь вскочил с диванчика, на котором так любил поваляться Васин в дни, когда жара становилась невыносимой, и сделал шаг навстречу, протягивая свою руку, в приветствии.

Только за этот шаг Лекарь моментально изменился. Вот стоит этот мальчишка, да крепкий, сбитый, натренированный, но все равно лишь мальчишка, шаг — и навстречу майору идет другой человек. Да и человек ли?!

Волосы удлинлись и упали за спину, побелев, словно снег, глаза приобрели антрацитовый цвет, радужка и белки растворились в этой черноте, кожа посерела, черты лица заострились. На руках вместо ногтей появились короткие когти такого же антрацитового цвета, как и его глаза. И сила, которая упала на плечи Васину, просто висела на его плечах, словно он приседал со штангой, которая в три раза больше его собственного веса. Васин решил, что перед ним не человек. Да и можно ли называть человеком того, кто стал так близок к своему Небесному Покровителю? Перед Васиным стоял рыкарь. Молодой, крепкий, злой и безумно опасный. И тут было не важно, что он — Лекарь, другими стихиями он явно сможет воспользоваться не хуже...

— Добрый день, господин Волков... — На лбу Васина выступили бисеринки пота.

Майор протянул руку в ответ на жест Лекаря, тот пожал ее, и Васин понял, что давление лишь усилилось после телесного контакта.

— Я думаю, что вам стоит в будущем лично проверить лестницу на гауптвахте, господин майор, а то там задержанные могут и убиться насмерть. — Сказал Волков.

— Спасибо, господин Волков, обязательно лично займусь этим вопросом. — Проблеял майор.

— Вот и прекрасно. — Волков начал принимать вновь нормальную форму, не отпуская руку майора, — и да, совет, так сказать, от специалиста, настоятельно рекомендую обратиться в хорошую клинику за полноценным обследованием. А то что-то сердечко ваше барахлит, я даже так слышу его стук. — Улыбнулся вновь Волков и отпустил руку майора.

— Да, да, конечно. — Васин наконец-то смог выдохнуть, давление постепенно пропадало.

— Вот и прекрасно. Господин Скворцов? — Волков повернулся ко второму майору, который все также сидел с открытым ртом на своем рабочем месте.

— А? Да, господин Волков?

— Я правильно понимаю, что все мои показания вы записали, и я могу убывать в гарнизон «Саркел» вместе с полковником Ибрагимовым?

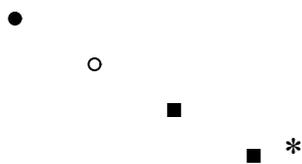
— Да, господин Волков, можете, мы вас больше не смеем задерживать.

— Ну, тогда желаю вам всего наилучшего. Господин полковник, мы можем идти.

Ибрагимов пару раз моргнул и поднялся со своего места.

— Да, Матвей Александрович, пойдём отсюда. — Кивнул Ибрагимов и покинул кабинет следователей особого отдела.

Волков отправился вслед за ним.

— Исмаил Ибрагимович? — Позвал я командира гарнизона крепости «Саркел».

— Да, Матвей? — Обернулся ко мне полковник, когда мы вышли за высокий бетонный забор, окружающую территорию комендатуры.

— Мы можем зайти поесть где-нибудь перед тем, когда поедём в гарнизон? А то я нормально ещё не восстановился. Может, вы знаете какой-нибудь хороший ресторан здесь? Обещаю, деньги верну, когда приедем в «Саркел».

— Пойдем, местечко есть. — Кивнул Ибрагимов с улыбкой.

За десять минут мы добрались до небольшого кафе с типичным названием «Самарканд». Мясо и овощи — вот то, что мне сейчас нужно.

Закат принесли быстро, и первые полчаса мы с Ибрагимовым посвятили исключительно еде. После того, как со стола убрали все следы недавнего пиршества, и принесли чайник и чашки, Ибрагимов начал разговор, разливая чай по чашкам:

— Матвей, ты не поедешь со мной в «Саркел».

— Почему? У меня ведь ещё три с половиной недели практики в гарнизонном лазарете?

Ибрагимов выбил барабанную дробь пальцами:

— Ситуация сложилась, честно говоря, отвратительная. Я не думаю, что тебе стоит возвращаться в «Саркел» со мной, Матвей.

— А куда мне тогда ехать? Да и вещи мои практически все в госпитале остались...

— Ты поедешь в отпуск, Волков, так что выше нос! — Улыбнулся на миг Ибрагимов, но тут же вновь стал серьезным, — Пойми правильно, Матвей, скоро в крепости узнают, что среди них есть крот. Крот, соответственно, тоже узнает, но пока ни тебя, ни Маханькова не будет на территории части, есть какие-то шансы, что он некоторое время ещё не сбежит и не

покончит с собой. Если же ты или Маханьков окажетесь на территории крепости, и все узнают, что вы лично допрашивали афганцев, крот может решить, что вы не назвали его имени только потому что хотите сами с ним по квитаться...

«Ага, как же, даже Абдулматин не знал ни имени, ни внешности связного, все сообщения проходили через главную семью рода Нафизулах...» — Подумал я, а вслух продолжил, — То есть, в гарнизон мне нельзя из-за оперативной необходимости. Допускаю, но как тогда быть мне?

— Вещи твои я привез с собой, документы по окончании практики обещаю подготовить лично и отправить в университет не позднее двадцатого августа. Зарплату одну я привез тебе на руки, вторая будет на открытом на твое имя счете в Императорском Банке. До конца августа ты еще официально закреплен за мной, так что я своей властью отправляю тебя в отпуск на четыре недели, плюс, дорога отсюда и до Сибири, и, соответственно, из Сибири в Петербург.

— Так это же практически до конца практики, даже немного больше? — Я с удивлением посчитал все дни.

— Верно, после окончания отпуска ты просто отправляешься обратно на учебу в Петербург. Поезд из Самарканда на Москву отправляется через два часа, так что доедай и поехали на вокзал за билетом.

— А Ваня? Давайте хоть с ним увидимся перед отъездом?

— Не пустят к нему, Матвей. Ни за что не пустят — слишком тяжелое состояние. Ты не смог излечить внутренние повреждения, только внешние, они его там выходят, но никого не пускают, уж извини...

— Так я же сам Лекарь...

— Пока без диплома. А в нашей стране, без бумажки, как говориться, ты...

— Я понял, господин полковник.

Я быстро доел свой ужин, и мы поднялись из-за стола.

— Вы не будете платить? — Я с удивлением посмотрел на Ибрагимова.

— Не буду, потому что это кафе моей жены. Она и так всю мою получку на книжку получает, пока я в гарнизоне нахожусь. — Отсмеявшись, ответил Ибрагимов.

Мы сели в гарнизонную машину Ибрагимова с его бессменным водителем (имени и фамилии которого я так и не запомнил, потому что он ни разу не обращался ко мне за медицинской помощью). Машина (очень похожая внешне на УАЗ из моей прошлой жизни) домчала нас с ветерком до Самаркандского Железнодорожного Вокзала.

Красивое здание все в тех же желто-синих тонах в современном стиле с некоторыми элементами декора в мусульманском стиле. В общем, мне понравилось.

Да, мне понравился весь Самарканд, который я успел увидеть за два дня, что я здесь провел (двое суток на гауптвахте не в счет!). Старые узкие улочки переплетались с новыми широкими проспектами, при этом архитекторы явно старались сохранить этот восточный «дух» города, поэтому в стиле зданий преобладали те же цвета, что и в мечетях, декоративные элементы старались уместно вписать в новые дизайны, чтобы рождалось ощущение единой архитектурной группы. Ощущение старого города, который прожил долгую жизнь...

Мы с Ибрагимовым дошли до касс дальнего следования, там он передал кассиру проездные требования, указал маршрут, как командир гарнизона клятвенно обещал исправить оплошность в виде отсутствия удостоверения военнослужащего... Этот хитрец минут десять пел «соловьем», о том как хороша кассирша, какие подвиги я совершил, неся бремя тяжелой службы медбрата весь прошлый год, и впервые еду в отпуск в Сибирь, на свою малую родину, где снега нет всего месяц в году (!). Но кассирша после комплементов подобрела к господину полковнику, и выписала нам билеты на требования сразу по всему маршруту Самарканд — Москва — Новосибирск — Санкт — Петербург... Чудо, а не женщина...

Мы вернулись к машине, забрали мои вещи, добрались до информационного табло, выяснили путь и платформу и отправились к поезду.

— Матвей. — Позвал меня Ибрагимов, пока мы шли с краю от толпы на нужную платформу.

— Да, Исмаил Ибрагимович? — Кивнул я.

— Я буду писать ходатайство на представление тебя к награждению орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Так что не удивляйся, если в следующем учебном году тебя пригласят в погрануправление в столице.

— Благодарю, господин полковник. Служу Отечеству! — Улыбнулся я. Ну вот приятно же.

Ибрагимов кивнул, улыбнувшись, и мы пошли дальше.

Добравшись до нужного вагона, я закинул вещи на свою полку и вышел обратно на платформу к Ибрагимову.

— Прощаться будем, товарищ полковник? — Улыбнулся я.

— Будем, Матвей, но, надеюсь, не навсегда. Коли предки дадут — свидимся, страна, она только на карте большая, а на деле — люди живут по краям дальним, а за углами соседних домов встречаются. — Ответил полковник.

Я протянул руку. Мне понравился Ибрагимов. Для меня он был таким «классическим образом» полковника — «бати». Солдат своих любит, в обиду посторонним не дает, сам, как говорить, кормит, сам с них за все и спрашивает. Офицеров воспитывал, заставу на

самотек не бросал... Хороший офицер и достойный человек.

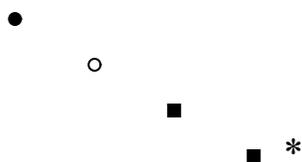
Ибрагимов Исмаил Ибрагимович в ответ пожал мне руку и приобнял слегка.

— Дорогие пассажиры и провожающие, поезд номер «У триста пятьдесят три» сообщением Самарканд — Москва отправляется через десять минут, просим занять пассажиров свои места, провожающие, просим вас покинуть вагоны! — Проводники начали объявлять о подготовке отправки поезда.

— Иди, садись уже, Волков. Отдохни и учись дальше, в нашей стране большой и необъятной Одаренных много, но Лекарей мало, а Лекарей с сердцем и состраданием ещё меньше. Так что, не меняйся, Волков, не меняйся, сердце у тебя доброе. — Попрощался со мной полковник.

— Спасибо, ваше благородие. Даст Бог, свидимся. — Ответил я и запрыгнул в тамбур.

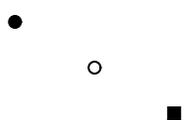
Поезд тронулся, а я смотрел на Ибрагимова, пока полковник не скрылся из вида. Впереди у меня было почти шесть суток дороги...

Полковник Ибрагимов смотрел как уходит поезд, в котором сидит второй рыкарь, которого он видел в своей жизни. Ибрагимов не хотел везти Волкова к Маханькову, потому что просто не знал — к чему это приведет.

К Маханькову уже можно было попасть, тут Ибрагимов немного приврал. Но вот то, что Волков не смог полностью исцелить прапорщика, Ибрагимов не соврал. Да и не смог бы, как сказал ему главврач хирургического отделения. Слишком много времени прошло с момента отсечения кисти... Маханьков был относительно цел и физически здоров в настоящий момент, но он был полностью отрезан от своего Источника в следствие травмы отрубленной кисти левой руки. И сейчас прапорщик Маханьков уже второй день старался вызвать хоть одну, самую простейшую реакцию от своего Источника. На это было жутко смотреть — пусть сейчас он еще в своем рассудке, но то, что он уже начал вести себя несколько маниакально, говорило само за себя...

И Ибрагимов просто не хотел, чтобы Матвей видел Ивана таким. Один раз Волков уже спас Маханькова, когда только прибыл в гарнизон. Второй раз получилось, но не совсем... Ведь, по сути своей, Волков скорее продлил агонию Маханькова, который уже никогда не сможет воспользоваться своим Источником...

РИ, Сибирь, Новосибирск, железнодорожный вокзал.

Как давно я не был дома! Поезд уже подъезжал к Новосибирскому железнодорожному вокзалу, и я с удовольствием наблюдал за городским пейзажем за окном.

— Давно не были дома, молодой человек? — Поинтересовался Аркадий Петрович Васильев, мой попутчик и собеседник последние три дня.

— Это так заметно, Аркадий Петрович? — Улыбнулся я.

— О, конечно же, юноша, конечно же. Все сибиряки просто начинают светиться, когда приезжают на малую родину. Вот прям как вы сейчас. — Кивнул Васильев.

Аркадий Петрович был взрослым мужчиной уже за сорок. За время совместного путешествия я узнал, что у него двое детей, старший сын и младшая дочь, жена, работающая бухгалтером в той же конторе, что и он сам, а сам он являлся торговым представителем «Крымских вин» и сейчас направлялся в служебную командировку по торговым делам компании на границу Китая, там у него была назначена встреча с таким же торговым представителем, как и он сам. Все три дня он рассказывал мне истории из своей жизни. В Новосибирске его ждала пересадка уже на поезд, идущий маршрутом до границы с Поднебесной Империей Дома Дракона...

— Дамы и господа, наш поезд прибывает на конечную станцию по маршруту «Москва — Новосибирск». Температура в Новосибирске составляет +33 градуса... Компания «Русские железные дороги» благодарит вас, за то, что вы воспользовались нашими услугами, приятного вам дня. — На этот раз перед окончательной остановкой поезда нас провожал не механический голос, а сам начальник поезда.

— Прощайте, Аркадий Петрович, был рад знакомству с вами. Благодаря вам, дорога прошла быстро. — Я протянул руку Васильеву.

— Благодарю, Матвей Александрович, в свою очередь отмечу, что ваша компания мне была также приятна, вы — великолепный слушатель. — Васильев пожал мне руку на прощание и продолжил собирать вещи в сумку — ему-то спешить точно было не куда.

Я же выскочил на платформу и быстрым шагом направился на выход из вокзала. Меня должен был встретить Гаврила на машине деда, и мне не терпелось попасть домой.

Я буквально вылетел из вокзала и начал глазами осматривать автомобильную стоянку перед зданием.

— Матвей А-а-александрович! — Я услышал с правой стороны крик и повернулся на голос.

Меня приехал встречать Гаврила, первый человек, которого я увидел, оказавшись в этом теле почти два года назад.

Я махнул рукой и направился к машине. Единственное, в чем Гаврила изменился за год, что мы не виделись, так это его шевелюра. Шевелюра старичка лет шестидесяти полностью приобрела пепельный цвет.

— Здраве будьте, Матвей Александрович! — С улыбкой поклонился мне Гаврила.

Я же подлетел к машине и, бросив сумку на асфальт, и обнял Гаврилу.

— Задушите, Матвей Александрович! — Просипел Гаврила, и я отпустил его.

— Здравствуй, Гаврила. Рад тебя видеть! — Я отпустил старичка и похлопал его по плечам.

— Вот, ей-богу, Матвей Александрович! Вроде бы и вытянулись лишь ещё больше, вес-то тот же вроде бы остался, а дури-то, дури-то молодецкой точно приросло! — Рассмеялся Гаврила, забирая мою сумку и закидывая её в багажник, — Вы как ехать изволите, барин? Со мною на пассажирском, аль по столичному, на заднем сидении?

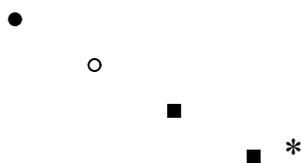
— Успокойся, Гаврила, с тобой поеду. — Ответил я, усаживаясь на переднее пассажирское место.

Машина тронулась с места, выезжая с парковки на дорогу.

— Как дед, Гаврила? — Я задал главный вопрос, который меня интересовал последние полгода.

— Старееет Аристарх Прохорович, Матвей Александрович, старееет. — Гаврила в момент стал серьезнее.

— Тогда поехали домой побыстрее. — Кивнул я на дорогу.

РИ, Сибирь, предместья Искитима, родовое поместье Волковых

— Ну что, салага, добро пожаловать домой! — Первым человеком, который меня встретил по приезду в поместье, оказался Конев Василий Иванович.

Бывший дворянин «Коневский» не изменился абсолютно. Все та же нагловатая улыбка, стойка собранного бойца, и нахальные глаза. Конев стоял у входных дверей в поместье, опираясь спиной на стену и скрестив руки на груди.

— Я же прошел твой первоначальный курс. Кто-то говорил о том, что я уже не салага. — С улыбкой ответил я, поднимаясь по ступеням крыльца.

— Да ты в столице наверняка и дня нормально не тренировался, так что сейчас и одного удара по мне не нанесешь. — Прыснул Конев, рассматривая свои ногти на правой кисти.

— Уверен? — Улыбка не уходила с моего лица, и мне оставалось пройти две ступени.

— На все сто, как говориться. — Конев с ухмылкой поднял взгляд на меня.

— Ну-ну... — Ответил я, делая последний шаг.

РАЗ — ногу заносит один Волков, а ставит уже другой — рыкарь. О-о-о-о-о! Это надо было видеть! Такие глаза у Конева я не видел никогда! Вечно спокойный и нахальный Конев, который всегда был уверенным в своих силах, впервые на моей памяти выглядел растерянным, удивленным и опешившим одновременно.

— ДА НУ НАХ*Й! — Конев аж отпрыгнул в сторону, уходя с возможной линии прямой атаки.

— Что, Василий Иванович, не ожидал? — Улыбнулся я.

Да, улыбка явно смотрится выразительно, потому что даже Конева передернуло.

— Рыкарь. — Кивнул Конев, вновь принимая свой обычный внешний вид, — Даже не знаю, Матвей, поздравлять тебя или соболезновать?

— Не нужно ни того, ни другого, просто воспринимай это теперь как факт. — Ответил я (хотя, наверное, вопрос Конева был риторическим...).

Конев кивнул:

— Тогда пойдем к деду, ему тоже стоит об этом узнать. Да и историю твою выслушать я бы тоже не отказался.

Василий Иванович подошел ко мне и протянул руку в приветствии.

— Идем, дважды её рассказывать и у меня не будет желания. — Я принял обычную форму и пожал руку Конева.

Гаврила стоял у дверей поместья с моей сумкой и открытым ртом. Если бы я мог уверенно сказать, что посидеть седой человек может дважды, я бы точно приводил Гаврилу как пример этой теории — мне показалось, что его волосы стали ещё белее...

Глава 2. «Разве у шамана всего лишь три руки?!»

РИ, Сибирь, предместья Искитима, родовое поместье Волковых

— Бра-а-а-атик! — На шею ко мне прилетел спортивный болид, обвив шею тоненькими ручками.

— Здравствуй, Софушка. Я очень скучал. — Я с улыбкой обнял свою младшую сестренку.

Почти год меня не было дома, и только сейчас я понял, насколько я соскучился по поместью и всем людям, с которыми для меня связано это место...

Конев стоял рядом и просто молчал, глядя на нас с веселой ухмылкой.

— Вообще-то, я на тебя обижаюсь! — Софья уселась у меня на руках, надула милые щечки и скрестила руки на груди.

Она так была похожа на маленького воробушка, что я рассмеялся. Но быстро остановился, чтобы не обижать её:

— Прости, сестренка, я правда приехал как только смог. Но зато я привез тебе подарки и научился новым фокусам.

— Подарки?! — «Воробушек» услышала главное для себя слово, и глаза её просто засияли.

— Да, подарки, но сначала нужно сходить к дедушке, а потом уже пойдём ко мне за подарками. Пойдешь к дедушке со мной?

— Да! — Кивнула Софья.

И мы втроем отправил в кабинет главы рода.

Пойдя к двери кабинета деда, я аккуратно постучал и только после властного «Войдите!», открыл дверь и вошел в кабинет.

— Здравствуй, деда! — Поприветствовал я старшего Волкова, который стоял у большого панорамного окна, выходящего на лесной пейзаж.

Дед сдал за последние месяцы. На лице появилось еще больше морщин, руки стали тоньше, а кистях появились пигментные пятна. Я не мог сравнить, как сиял Источник деда раньше, но сейчас волны от центра по лучам звезды расходились медленно и не особо часто...

— Матвей! — Дед с улыбкой подошел и обнял меня, — Присаживайся и рассказывай, что произошло. Мне прислал письмо полковник Ибрагимов, но он не распространялся в объяснениях, сказал лишь, что благодарен тебе, и ты сам все расскажешь.

Я усадил в одно из кресел Софью, соседнее занял сам. Конев занял место у камина.

— Многое произошло. Как ты знаешь, после моей дуэли с младшим Юсуповым, на меня вышел человек Долгоруковых, он представился Аркадием и предлагал встретиться с князем Долгоруковым. Я дал предварительное согласие, чтобы не обострять общение с ними, накануне этого я узнал, что Университет отправляет меня на практику, на границу с Афганистаном, в крепость «Саркел». Первый месяц все шло достаточно спокойно, но за время работы в лазарете я понял, что все егеря, что двигались по одному маршруту

патрулирования, возвращались со следами некро — энергии. Я сообщил об этом полковнику Ибрагимову и добился разрешения на выход в составе патруля на этот маршрут. В ходе следования по маршруту на нас напали из засады. Кроме меня и заместителя командира патруля, прапорщика Маханькова, никто не выжил. Афганцы знали, что в составе патруля будет Целитель, и именно на меня и была засада, они хотели взять меня в плен. Чтобы я не смог пользоваться Источником, они отрубили мне ступню. Это привело к прорыву Источника, и я стал рыкарем. Я перебил всех афганцев и допросил их командира. Это были люди на службе рода Нафизулах. По его словам, именно наследник рода Нафизулах приказал поймать целителя и доставить к нему. А! Да, один из Одаренных — афганцев использовал неизвестный мне артефакт, который превратил его в какую-то непонятную тварь... — Я не стал рассказывать ни об аркане «Темного Воплощения», ни о призыве Теней. Не стоит лишний раз нервировать деда, он и так просил не пользоваться Темным Источником...

— Перед превращением в чудовище этого Одаренного окутал кроваво-красный туман? — Подался вперед Василий Иванович.

— Да, его окутал туман, и уже из него вышла непонятная тварь. — Кивнул я.

— Артефакт «Последний шаг». На востоке его создают, извлекая Темные Источники из Одаренных. Это последний шанс победить в бою с Одаренным, который сильнее тебя. Вот только обратной дороги после его использования нет. Одаренный навсегда теряет человеческую форму, память и разум, жить ему остается, максимум, месяц. Затем тело разрушается под потоками Жара. Ни разу не слышал, чтобы подобные твари выживали дольше. Официально никто об этих артефактах не говорит уже века три — четыре, но на Востоке они встречаются. Отвратительная вещь. Тебе повезло, что ты смог его победить. Как ты смог это проверить?

— Прорыв Источника вызвал слияние Ветра и Воды, и это породило ледяной шторм в ущелье. Тварь не смогла выжить. Ветер и лед просто разорвали её на части. — Ответил я.

— Да, такое часто бывает. Прорыв Источника приводит к формированию очень сильных стихийных проявлений, которые не вредят только Одаренному, чей Источник их создал. — Кивнул Конев.

— Продемонстрируешь? — Тихо спросил дед.

— А... — Я глазами указал на Софью.

— Ничего, ей стоит привыкать к такому, все-таки, рыкари встречаются в нашей империи, и ей стоит быть готовой к такому. А это можно назвать практически идеальными условиями. — Махнул рукой дед.

— Софья. — Позвал я сестру.

— Да. — Младшая повернулась ко мне.

— То, что ты сейчас увидишь, будет странным и даже, возможно, страшным. Но помни — это всё ещё я, твой брат. И кричать не нужно, хорошо?

— Да, братик!

Я закрыл глаза и открыл. Секунда — и я почувствовал, что волосы стали длиннее, а на пальцах вместо ногтей появились когти.

Конев уже был готов, а вот дед и Софья буквально открыли рты от удивления.

Я посмотрел в глаза деду, затем перевел взгляд на Софью. О! В районе солнечного сплетения у Софьи уже начал разгораться Источник в четыре луча! Судя по цветам, тут были все стихии! Свет — жизнь — вода — воздух. И самый длинный был именно луч Жизни! Так у неё есть все шансы стать вторым Лекарем!

Я вновь закрыл глаза и открыл их уже в простой форме. Да, в форме рыкаря я видел и те Источники, которые только ещё развивались и росли! Сейчас я вновь видел Источники деда и Конева, а вот Источник Софьи пропал из моего вида.

— Деда. — Задумчиво проговорил я.

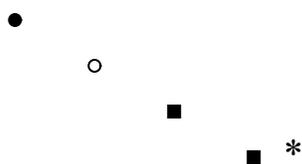
— А, да? — Дед вышел из ступора.

— А наша принцесса вновь удивляет. У нее развивается Светлый Источник с четырьмя Лучами.

— Новость, конечно, хорошая, но пока говорить об этом рано. — Дед упер локти в столешницу и положил подбородок на кулаки, — У меня есть один знакомый, что живет рядом с Иркутском. Нам стоит посетить его, он сможет многое рассказать тебе о рыкарях.

— Если нужно, то давай посетим. Когда отправимся? — Пожал плечами я.

— Завтра же. Не стоит откладывать поездку. Твой отпуск тоже не бесконечен. — Ответил дед, — Поедем вчетвером. Думаю, эта встреча будет полезна всем нам.

РИ, Сибирь, Листвянка, берег Байкала.

— Как же красиво... — Выдохнул я, наблюдая за пейзажем береговой линии Байкала рядом с поселком Листвянка.

Мы два дня назад покинули поместье в указанном составе: я, дед, Софья и Конев. Дед быстро все организовал: выкупил полностью два купе до Иркутска, приказал собрать вещи

на неделю, сам лично (!) позвонил в гостиницу и заказал два номера, сказав, что на такую короткую поездку можно и потесниться...

И вот, спустя два дня всего мы были на берегу Байкала. Небо было чистым, и солнце кутало воды Байкала в золотистое полуденное покрывало. Под солнечным светом воды священного озера казались золотыми, и лишь у самого берега возвращали свой привычный цвет...

Поселок Листвянка был одним из множества стоявших на берегу озера, но он стал одним из самых крупных туристических мест. Вытянутый по береговой линии он напоминал мне «сосиску». В прошлой своей жизни я уже бывал на берегу Байкала, но с другой стороны, как говорили у нас «на бурятском берегу».

Сам Иркутск я оценить не успел. Лишь понял, что он стоит по двум берегам дочери Байкала, Ангары. Мы сели в такси у железнодорожного вокзала, проехали через мост, проскочили по практически пустой Императорской набережной утром выходного дня (кажется, в прошлой жизни это была улица Седова), после выскочили на Байкальскую улицу, и уже с нее на Байкальский тракт... И вот спустя два часа неспешной езды мы подъезжали к Листвянке.

Интересным моментом для меня, что водитель останавливался с целью «бурханить», как он объяснил за время поездки, он угощал духов — хозяев местности и своих предков, молился за дорогу к берегу священного озера. На каждой остановке наш водитель набирал деревянную чашу молоком и, произнеся молитву на бурятском языке, разливал чашу молока по кругу вокруг своей оси. Не знаю, помогло это или нет, но каждый раз я чувствовал некоторое положительное течение сил Стихий, которые резонировали с моими Источниками...

— Ну вот и Листвянка, господа хорошие, как и условились. Куда дальше едем-то? — С улыбкой кивнул наш водитель в сторону выгнувшейся береговой линии и посмотрел на Василия Ивановича Конева, который сидел с ним по соседству.

— До конца улицы Горной езжай, там нас высадишь. — Ответил ему дед, сидевший вместе со мной и Софьей на заднем ряду.

— О, понял, сделаю. — Водитель вмиг стал серьезнее и зарулил в левый поворот.

Мы быстро нырнули в частный сектор и поехали по узкой улице с односторонним движением.

Не доехав до конца улицы, водитель остановился у таблички «улица Горная, 53». От угла забора начиналась очередь из людей, которая тянулась добрую сотню метров! И в этой очереди стояли самые разные люди — по одежде было довольно просто отделить простолюдинов, дворян, военных, даже явно кто-то иностранцев был! И все эти люди стояли в очереди в большую восьмиугольную юрту, из крыши которой клубился сероватый дым.

— Спасибо, сдачи не нужно. — Кивнул Конев на прощание, забирая сумки из багажника и рассчитываясь с таксистом.

— И что теперь? — Спросил я, когда таксист нас покинул.

— А теперь ждать своей очереди. — Хмыкнув, ответил дед.

— Так, а куда мы приехали? К кому? — Я просто не понимал, зачем мы здесь стоим.

— Мы приехали в гости к моему старому другу. — Ответил дед, и, помолчав, добавил, — а ты приехал к шаману.

— К шаману? — Не понял я.

— Объяснять долго и сложно. Лучше просто дождаться. — Кивнул дед и замолчал.

Станным было и то, что молчали и все остальные — и Конев, и Софья, и все люди в очереди. Все стояли и молча ждали своей очереди к таинственному шаману.

Ждать пришлось долго. Кто-то заходил в юрту и выходил спустя пару минут, кто-то проводил внутри юрты полчаса, кто-то — около часа. И реакция людей, выходящих из юрты тоже была разной. Кто-то рыдал, кто-то смеялся, словно безумец, а кто-то выходил очень задумчивым, не видя ничего и никого вокруг себя...

Но спустя почти шесть часов подошла и наша очередь. Софья уже успела устать, уснуть, проснуться и снова начала интересоваться всем, что её окружало, но все также продолжала молчать.

Мы подошли к ступеням юрты. К нам на встречу вышел бурят, одетый в синий халат с капюшоном, подпоясанный кушаком цвета молодой травы, на манжетах рукавов и по кромке капюшона на халате была вышита тесьма в форме поднимающейся волны, пока бурят спускался к нам, я успел рассмотреть, что синий халат покрыт орнаментом вышивки в форме облаков.

— Добрый день, меня зовут Жаргал, я — ученик Баира Баторовича. Как мне представить вас учителю? — Голос у бурята был молодой.

Ученик обладал ярким Светлым Источником «жизнь — вода — ветер».

— Волков Аристарх Прохорович с внуком и внучкой и Конев Василий Иванович. — Ответил за всех дед и поклонился.

— Приветствую вас. — Поклонился Жаргал в ответ и приглашающим жестом указал на вход в юрту, — прошу вас, проходите.

Мы поднялись по ступеням и вошли под откинутый полог юрты. Внутри по углам юрты царил полумрак, из которого выступала лишь стойка, на которой висела огромная шуба, а в центре юрты горел слабый костер. Над ним висел небольшой чайник. За костром на низком широком кресле сидел бурят, скрестив ноги на турецкий манер. С правой стороны к креслу был прислонен большой бубен цвета кофе с молоком. Лицо его было испещрено

морщинами, короткий ежик волос был полностью седым. Тонкие узловатые пальцы держали маленькую глиняную трубку с длинным мундштуком, которая дымилась тонкой сизой струйкой. Одет он был в халат изумрудного цвета.

— Здравствуй, старый друг. — Голос буряты был похож на шелест осеннего ветра.

У меня появилось ощущение, что голос звучит не от буряты, а вокруг меня. Я оглянулся вокруг, но кроме нас, в юрте никого не было.

— Здравствуй, дорогой друг. Я пришел к тебе со всей своей семьей. Окажи нам помощь? — Дед вновь поклонился.

Я перевел взгляд обратно на шамана. И только тут я понял. Старый шаман обладал Темным Источником, который пульсировал с безумной частотой и яркостью! Я впервые видел, чтобы Луч Тьмы мог светиться словно звезда!

— Присаживайся, Аристарх, и вы, гости. — Шаман указал трубкой на ковер с нашей стороны костра. Первым уселся на ковер дед, скрестив ноги, как и шаман. Следом уселись и мы трое. Софья уселась ко мне в ноги.

Пару минут в юрте царила тишина. Шаман курил трубку одной рукой, во второй руке он медленно перебирал зерна длинных четок, в которых было явно больше ста звеньев.

— Молодой рыкарь. — Не спрашивал, а констатировал факт шаман.

— Сможешь помочь? — Дед посмотрел в мою сторону.

— Смогу. — Кивнул шаман, — но без тебя, ты здесь не поможешь мне ничем. Ты, внучка и Василий будете жить в гостинице и видеться с парнем только по вечерам. Остальное время он будет проводить со мной и Жаргалом или в юрте, ночевать также останется в юрте. За три недели я смогу объяснить ему, как встать на Дорогу.

— Благодарю, Баир. — Кивнул дед.

— Забирай Софью и Василия, Аристарх. Оставь Матвея со мной. А сам уходи. Приходи завтра вечером. А сейчас нам есть о чем поговорить с рыкарем. — С улыбкой кивнул Баир Баторович.

Дед, Василий Иванович и Софья поднялись с ковра и, кивнув на прощание, покинули юрту. Софья обернулась на выходе, посмотрела на меня, я подмигнул ей на прощание, и она покинула юрту, держась за руку деда.

Мы остались вдвоем с шаманом.

— Мне говорили о тебе, рыкарь. Но я не думал, что ты прибудешь так скоро.

— Простите, но я не знаком с вами, да и дед вряд ли мог вам сообщить обо мне так быстро.

Кто же тогда вам рассказал обо мне? — Прищурился я.

— А ты думаешь, ты единственный, кто может общаться с предками или Небесными Покровителями? — С хитрой улыбкой прищурился шаман, начав чистить трубку и выбивая её в глиняную чашу рядом с собой.

— О каких предках вы говорите? — Не понял я.

— О Белобоге и Чернобоге. Твоих Великих Предках. У вас, русских, их называют Небесными Покровителями. Но мы, буряты, знаем и помним, что каждый род имеет своих Великих Предков, и каждый род обладает покровительством кого-то из Богов, которые основали род, к которому относятся все смертные. И тут нет разницы — кто ты: Одаренный, простой смертный, спящий или рыкарь. За каждым из нас стоит кто-то из предков нашего рода.

Сказать, что я опешил, значит, ничего не сказать. Я ни слова не говорил о Белобоге и Чернобоге, но Баир Баторович только что сказал то, о чем я никому не говорил. Я ведь действительно никому не говорил, что общался с ними несколько раз, а не только в день Принятия Небесного Покровительства!

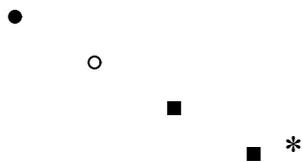
— Тогда кто такие рыкари по вашему? — Задал я первый вопрос, пришедший в голову.

— Это те, кто встал у начала Дороги. — коротко ответил шаман. И слово «дорога» звучало в его речи именно с большой буквы.

— И что это за «Дорога»? — Я продолжил спрашивать.

— О! Это очень интересный вопрос! Но ты узнаешь об этом потом. Пока на сегодня хватит вопросов о Предках. Сегодня тебе стоит отдохнуть. Завтра с рассветом мы начнем первый урок. Ночевать ты должен здесь, в юрте. Следи, чтобы костер не погас. Это тебе поможет. Но запомни, пламя не должно погаснуть. А теперь отдыхай. — Баир Баторович снова раскурил трубку, поднялся со своего кресла и направился к выходу из юрты, — и да, мое кресло занимать не стоит, как и трогать мой бубен или шубу. Тебе не понравится то, что за этим последует.

Старый шаман покинул юрту, и я остался один.

— Доброе утро! — Услышал я и резко сел на полу.

Ничего удобнее я так и не придумал. Всю ночь я провел в юрте в одиночестве. Костер я поддерживал всю ночь, а под утро сложил костер по памяти, чтобы он прогорал долго, и улегся спать в рассветных сумерках. Из-за шторки, прикрывающей вход в юрту, и отверстия в крыше внутрь пробивался яркий солнечный свет.

Разбудил меня Жаргал, ученик Баира Баторовича. Молодой бурят посмотрел на костер, удовлетворительно хмыкнул и сложил костер в новую кладку. Все это время я просто сидел и приходил в себя — спал я не больше пяти часов и все ещё не до конца проснулся.

— Доброе утро, Жаргал. — Наконец ответил я.

— Когда уснул? — С улыбкой спросил тот.

— На рассвете. Сложил костер и лег. Сколько я спал? — Ответил я.

— Недолго, чуть больше четырех часов. Пойдем со мной. Баир Баторович сказал нам подойти к полю.

— К какому полю? — Не понял я.

— Пойдем, сам все узнаешь. — Кивнул на выход Жаргал.

Только сейчас я понял, что Жаргал всё также одет в свой синий халат. Выходя из юрты, я поинтересовался:

— Жаргал, а что это за одежда на тебе? Традиционный наряд?

— Почти, почти все шаманы носят дыгыл. — Ответил он.

— Дыгыл?

— Ну, можешь называть это одеяние халатом. — Подумав, ответил Жаргал.

Мы вышли наружу. Сегодня перед юртой совсем не было народу.

— Интересно. А вчера здесь была куча людей, которые ждали, пока их пригласят. — Задумчиво проговорил я.

— Да, но сегодня Баир Баторович не принимает никого. Как и ближайшие три дня. Он сказал, что будет лишь заниматься с тобой. — Ответил Жаргал.

Мы обошли юрту и спустились в низину позади холма, на котором стояла шаманская юрта. За ним была созданная площадка с ровной поверхностью диаметром около пятидесяти метров, на краю которой стоял небольшой одноэтажный домик. На крыльце домика сидел Баир Баторович в своем изумрудном дыгыле и с дымящейся трубкой в руке.

— Доброе утро, Баир Баторович. — Поздоровался я.

— Доброе, Матвей, доброе. — С хитрой улыбкой ответил Баир Баторович и посмотрел на подходящего Жаргала, — ну как?

— Костер продолжал гореть. — Ответил на невысказанный вопрос Жаргал.

— Воля или хитрость? — Тут же спросил старый шаман.

— Я бы сказал, что пополам. — Улыбнулся Жаргал.

Старый шаман вновь перевел взгляд на меня:

— Как интересно. Матвей, когда ты стал рыкарем?

— Совсем недавно, меньше месяца назад.

— И как ощущения?

— Ммммм... Странные.

Старый шаман расхохотался:

— Молодец, хороший ответ! Ты часто сражался?

— Нет.

— Но приходилось?

— Да.

— Тогда, проведите дружеский поединок с Жаргалом. — Старый шаман указал на площадку позади меня, — и ты, Матвей, прими форму рыкаря. Хочу посмотреть, что ты можешь.

— А, Жаргал не против? — Я посмотрел на молодого шамана.

— Совсем наоборот, пойдём. — Ответил Жаргал, и, подавая пример, двинулся к центру площадки.

Мы вышли к центру площадки и встали друг напротив друга.

— Принимай свою форму. — Сказал Жаргал, сводя кисти рук на уровне груди в странной фигуре, напоминающий контур дома.

Я закрыл глаза. Два Источника вспыхнули одновременно. Раз. И вот я вновь чувствую себя другим. Руки, ноги, волосы, глаза, кожа — мое тело и другое одновременно. И окружающий мир изменился. Стал ярче. Весь мир был наполнен Жаром. Он струился, пульсировал, клубился и рассыпался снопом искр вокруг меня. Все стихии смешивались в безумном, постоянно меняющемся хороводе.

— О, интересная форма. Я бы даже сказал, что очень редкая. Это будет интересный опыт. — Сказал молодой шаман, рассматривая меня.

— Не тяни. — Сказал — прорычал я.

Источник Жаргала вспыхнул, моментально разнося Жар по всему телу. Молодой шаман моментально ускорился и нанес прямой удар. Единственное, что я успел — поставить жесткий блок своими руками. Удар отбросил меня на добрые три метра назад — ноги оставили рыхлые борозды словно плуг.

Я тоже ускорился, сокращая дистанцию, и нанес серию в три удара по Жаргалу.левой — боковой, правой — прямой удар, левой ногой под колено молодому шаману. И я ни разу не попал! В момент удара тело молодого шамана словно ускользало с места, оставляя после себя призрачный фантом. В ответ Жаргал провел свою серию ударов. Я почувствовал движение Ветра, который после первого прямого удара Жаргала, подбросил его на уровень моей груди, и молодой шаман ударил ногой с разворота меня в корпус. Синий дыгыл поднялся за спиной шамана словно крылья, Ветер вновь подбросил тело шамана чуть выше, и удар ноги, словно гильотина, опустился на мое плечо, вбивая меня в землю, и заставив опуститься на одно колено. Я опустил обе ладони на землю, подавая Жар через луч Земли, в землю. Вокруг меня ударил частокол каменных кольев. Жаргал же спокойно встал носком на кончик одного из них и застыл.

— Я бы мог уже тебя убить, Матвей. — Весело ответил Жаргал, поднимая рукава халата до локтей.

Я молча смотрел на молодого шамана. И постепенно приходил в шок! Жаргал точно должен был потратить уйму энергии на свои арканьи все манипуляции с Воздухом, но его Источник продолжал сиять и пульсировать точно так же, как и перед началом поединка! А это значило только одно — либо он не потратил совсем энергии, либо затраты настолько незначительны, что никак не влияют на его Источник.

— Как ты можешь не тратить энергию на сотворение арканов? Я же чувствую, что ты используешь свой Источник! — Прорычал я.

— Все вопросы потом! Сражайся! — И воздушный таран разбил частокол копий вокруг меня, а молодой шаман вновь пошел в атаку.

Удар — блок — удар — блок — пирует — удар — подсечка — обманка — удар — блок — пирует. Мы «танцевали» по кругу площадки, пытаясь поймать моменты между атаками друг друга. И честно скажу — у Жаргала это выходило чаще, чем у меня. И он практически не тратил энергию. В то время как я, не смотря на свой просто огромный резерв и арсенал возможностей, начал уставать. Но я не мог его поймать! От ударов Ветра он уворачивался, ловушки Земли обходил, был почти удачный момент со льдом, но я просто не успел среагировать на его ошибку, Жизнь работала на меня, Тьму и Смерть я просто не использовал. И вот последний удар Жаргала, который шел мне в грудь, выбил воздух из легких и отбросил в сторону крыльца, на котором все также сидел Баир Баторович и наблюдал за нами. Упав на землю, я захрипел, почувствовав, как треснули ребра.

— Достаточно! — Я услышал голос старого шамана и выдохнул.

Положив руки на грудь, я выдал часть энергии через Луч Жизни, восстанавливая грудную клетку. Наконец, почувствовав полное восстановление, я поднялся с земли, вернулся в обычную форму и подошел к крыльцу, Жаргал уже стоял возле учителя.

— Мда, работы много, а времени так мало. — Пробурчал Баир Баторович.

— Все так плохо? — Криво усмехнулся я.

— Ты похож на ребенка, которого научили ходить, но не рассказали, зачем ему это нужно. Работы много. — Ответил старый шаман и затынулся.

Минуту царило молчание. Старый шаман пыхтел трубкой и о чем-то думал, а мы с Жаргалом стояли и молчали, чтобы не помешать ему.

— Хорошо, начнем с практических вопросов. Как ты думаешь, почему ты, рыкарь, проиграл простому Одаренному, который даже не Магистр по классической системе рангов, и не обладает каким-то фантастическим объемом резерва Источника?

— Он более опытен и умел, чем я. — Я пожал плечами.

— И да, и нет. Жаргал!

— Да, наставник.

— Покажи Матвею «Цепи Жизни».

Жаргал кивнул и повернулся ко мне.

— Начнем с простого. Как ты используешь Жизнь?

— Направляю энергию из ядра Источника по лучу Жизни и укрепляю ей своё тело и органы. Чтобы держать этот эффект постоянным, я не прерываю поток Жара из ядра. — Ответил я.

— И как ты направляешь её?

— Просто распространяю по всему телу.

— Хорошо, тогда смотри. Ты — рыкарь, должен понять быстрее на практике, чем в описаниях...

Жаргал отошел на пару шагов. Он вновь свел руки в фигуру домика, как перед поединком и запустил Жар через луч Жизни. В районе солнечного сплетения Жаргала сначала образовалось кольцо из Жизни, затем второе, за ним третье... каждое кольцо «вырастало» из предыдущего, распространяясь по всей поверхности тела Жаргала. Когда все тело было покрыто дорожками из колец, они одновременно погрузились внутрь тела, словно впитываясь в кровеносную систему.

— А дальше? — Спросил я.

Жаргал вместо ответа пустил новую волну Жара от Источника по Лучу Жизни. Жар прошел по первому кольцу, рассеялось по окружающим кольцам, сделала полный круг по всем звеньям и вернулась к Источнику, не развеявшись, а впитавшись вновь через луч Жизни.

Молодой шаман повторил это действие трижды и развеял аркан.

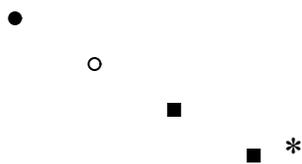
— Так ты не тратишь Жар Источника и можешь постоянно покрывать все свое тело собственной силой. Она будет укутывать тебя словно покров, усиливая тело и все физические процессы, а также позволить реагировать и действовать быстрее.

— Ты понял принцип? — Спросил Баир Баторович.

— В общем-то, да. — Кивнул я.

— Тогда начинай тренироваться. У тебя три дня. Затем мы перейдем к другим знаниям. — Кивнул старый шаман, выбил трубку, поднялся и зашел в дом.

— Пойдем, Матвей. Я провожу тебя до юрты. — Кивнул Жаргал на тропинку, по которой мы спустились вниз с вершины холма.

Три дня пролетели для меня как одно мгновение. Днем ко мне приходил Баир Баторович наблюдал за мной, иногда давал какие-то мелкие советы по освоению «Цепи Жизни», ночью его сменял Жаргал. Вечером третьего дня Баир Баторович объяснил мне, что принцип «Цепи» может применяться к любой Стихии. Да, по советам старого шамана я понял, что он тоже способен видеть Источники Одаренных. Вслух мы об этом не говорили, но обоим было все прекрасно понятно. И да, принцип Цепи действительно можно было применять ко всем Стихиям, которые я мог использовать.

Но на четвертый день наше затворничество прекратилось. К Баиру Баторовичу приехали люди на встречу. Сейчас я сидел у одной из стен юрты на небольшом коврикe рядом с огромной медвежьей шубой (о том, из кого сделана шуба, я узнал от Жаргала), Баир Баторович занял свое место у костра, а Жаргал отправился встречать гостей.

— Проходите. — Из-за шторы, прикрывающей вход в юрту, послышался голос молодого шамана, и шторка откинулась в сторону.

В юрту вошли трое: тучный мужчина лет сорока на вид, с уже появившимся третьим подбородком, залысинами на лбу и обвисшими щеками, дама, лишь самую малую толику уступающая в массе мужчине, и маленькая девочка в нежном голубом платице с черными кудрявыми волосами, мягкой игрушкой веселого слона в соломенной шляпе и красных

брюках на подтяжках и ярким синим правым глазом, второй был закрыт медицинской повязкой. Девочка была явно младше Софьи, лет пять, не больше.

— А это кто? Мы так недоговаривались! — Рыкнул глава семейства.

— Во-первых, здравствуйте. — Баир Баторович затянулся из своей трубки и выпустил тонкую струйку табачного дыма в сторону отверстия в крыше юрты, — во-вторых, мы с вами ни о чем не договаривались. Это вы пришли ко мне в дом за помощью, не я вас приглашал. Мои ученики всегда находятся подле меня во время моей работы. Если вас это не устраивает — можете уходить туда, откуда пришли.

Мужчина играл желваками и сжимал свои лапы в кулаки где-то полминуты. Все это время в юрте царило молчание. Женщина молчала и смотрела на мужа, дочка или внучка переводила взгляд с одного родича на другого.

— Прошу прощения. Мы прибыли за помощью, потому что никто из врачей и целителей не смог помочь нашему горю. Я слишком много нервничаю в последние месяцы, вот и срываюсь без причины. Прошу прощения за свое поведение. — «Бульдог», как я его прозвал для себя, поклонился Баиру Баторовичу.

— Извинения приняты. Но вы так и не поздоровались. А это правила простого приличия и взаимного уважения. — Продолжал настаивать старый шаман.

— Добрый день. — Спустя пару секунд ответил багровеющий «бульдог».

— Добрый день. Что привело вас в мой скромный дом? — Старый шаман не менялся в интонации. Голос его был все также нейтрально — приветлив.

— Беда. — Ответил «бульдог», — после аварии моя дочь потеряла голос и способность видеть левым глазом. Врачи и целители сказали, что этот глаз восстановить невозможно, а голос когда-нибудь возможно вернется. Но нам рассказали, что вы смогли вернуть зрение отставному военному, потерявшему глаз... — Мужчина начал рассказывать, но его прервала женщина.

— Прошу вас, верните зрение и голос нашей дочери! — Мать ребенка разрыдалась, прижимая к себе дочку.

— Для начала нужно посмотреть, что с её глазом и голосом. Малышка, подойди ко мне. — Баир Баторович с улыбкой поманил к себе малышку.

Мать подвела ребенка, прижимающего плюшевого слона к груди.

— Не бойся, малышка, я тебя не обижу и не сделаю больно. — Баир Баторович снял повязку с левого глаза и стал всматриваться. При этом он запустил построение двух Цепей, соединивших его Источник и собственные глаза.

Осмотрев девочку, шаман кивнул и весело подмигнул малышке. Та моментально спряталась

за юбку матери.

— Что ж, я могу помочь малышке. Оставьте её, а сами покиньте юрту. — Баир Баторович указал родителям на шторку, прикрывающую вход в юрту.

— Мы о таком не договаривались... — Вновь начал было «бульдог», на старый шаман его прервал уже суровым голосом.

— Я повторяю — мы ни о чем с вами не договаривались, вы сами по собственной воле пришли ко мне. Я повторяю вам — я могу помочь вашей беде. Но свои секреты выдавать никому не собираюсь. Второй раз я повторять не буду.

— Простите. Мы уйдем, и будем ждать вас за стенами вашего дома. — Женщина потянула «бульдога» за собой, выходя из юрты.

Родители вышли за шторку. Жаргал, всё это время стоявший рядом со входом, бесшумно подошел к малышке со спины и положил руку ей на затылок.

Девочка начала задирать голову вверх, чтобы увидеть, кто подошел к ней сзади, но не успела.

— Спи сладко. — Шутливо сказал Жаргал, и вокруг его руки вспыхнул аркан «Целебного сна».

Веки девочки потяжелели и закрылись, тело её обмякло и начало заваливаться на пол, но молодой шаман поймал ее на руки и уложил на ковер перед костром, усевшись рядом с головой девочки. Баир Баторович поднялся со своего места, обошел костер и присел с другой стороны от головы девушки.

— Матвей, подойди. — Позвал старый шаман.

Я встал со своего места и приблизился к шаманам.

— Все Одаренные считают, что исцелять могут лишь Жизнь и немного Свет, а применение Смерти считают возможным только в качестве атакующей стихии. Но это не совсем так. Смотри внимательно.

Старый шаман выпустил из своей руки щупальце толщиной в нить Стихии Смерти. Моментально некро — энергия разлилась вокруг нас.

— Смешение всех тихий, в том числе и антагонистов, вполне возможно, это просто их совместное применение. И их совместное воздействие может породить удивительные результаты, при правильном подходе. Комбинации формируют на основе техники печатей, а потом формируют на их основе узловую технику. Эти комбинации могут стать твоими козырными тузами в рукаве, а также полнее раскрыть твой потенциал как Лекаря или просто Одаренного. — Начал рассказывать Баир Баторович, в то время как его щупальце проникло в глазницу девочки и опутало глазной нерв, который выглядел «потухшим», как и голосовые связки девочки в «Оке Целителя».

— Мягкие ткани вполне возможно восстановить, если они погибли не так давно, особенно, если это какие-то маленькие части, но даже так, их восстановление требует просто огромного ресурса энергии от Одаренного, который проводит лечение. — Продолжал занятие Баир Баторович, а его аркан контролируемо «пожирал» мертвый зрительный нерв.

— Сейчас Жаргал вступит в аркан. — Сказал старый шаман, а Жаргал кивнул, закрыл глаза и положил одну руку на закрытый глаз девочки, а вторую на висок.

Руки Жаргала стали двумя вершинами печати по форме эллипса, вокруг и внутри которого вспыхнули два десятка рун по внешнему и внутреннему контуру печати. При этом внутри печати был еще один маленький круг, внутри которого осталось щупальце старого шамана.

Жаргал запустил свой аркан, и его энергия начала постепенно замещать энергию Закаменского. В итоге, прямо на моих глазах (делайте поправку на всё еще действующий аркан «Ока») энергия Жаргала влилась в тело девочки и принудила вырастить новый зрительный нерв!

— Теперь переходим на голосовые связки. — Кивнул Баир Баторович, и Жаргал кивнул.

На этот раз Закаменский выпустил два щупальца — по одному из каждой руки и запустил их внутрь через приоткрытый рот. Я вновь наблюдал, как аркан старого шамана ювелирно уничтожал поврежденные ткани, а затем аркан молодого заставляет организм самостоятельно восстановить потерянные ткани. Это было удивительно! И не только гибридное использование стихий — антагонистов, но и аркан Жаргала. Он не восстанавливал погибшие органы, он заставлял сам организм восстановить себя! Это же настоящий прорыв во всей медицине! Ведь так можно восстановить и потерянные конечности!

Когда лечение было закончено, Жаргал сидел, обливаясь потом и мелко подрагивая.

— Баир Баторович, это удивительно! Это же может стать прорывом во всей медицинской науке! Ведь так можно научиться восстанавливать и потерянные конечности?! — Мой словесный поток начался сразу же, как только старый шаман развеял свой аркан.

В ответ старый шаман тихо засмеялся.

— Жаргал, мальчик мой, сколько по результатам последней проверки составлял твой резерв? — Спросил старый шаман.

— Около пятисот единиц, наставник. — Ответил молодой шаман.

— И сколько ты потратил сегодня?

— Почти всё. Я пуст.

— Вот. — Поднял указательный палец вверх старый шаман, — и заметь, Матвей, почти полтысячи единиц ушло на восстановление щитовидного хряща, перстневидного хряща,

черпаловидного хряща, голосовых связок и зрительного нерва. А теперь задумайся — какое количество энергии потребуется для восстановления одной кисти или стопы?

Тут мой позитивный настрой и закончился. Ведь, старый шаман говорил правильные вещи. Я слишком быстро воодушевился увиденным, забыв подумать о таких простых вещах...

— Простите, Баир Баторович, я замечтался.

— Мечтать — это хорошо, Матвей. Со временем мечты становятся целями, к которым мы стремимся. Возможно, именно ты сможешь создать на основе этой техники более совершенный аркан. — Улыбнулся старый шаман, — а пока, будь добр, позови родителей этой девочки.

Я кивнул и вышел из юрты. Родители малышки были тут, стояли у ступеней, ведущих в юрту. Исцеление девочки заняло порядка сорока минут.

— Господа, прошу пройдите к Баиру Баторовичу. — Сказал я.

Первой, почти вприпрыжку, по ступеням влетела мать девочки, я едва успел откинуть шторку. Следом, пыхтя, поднялся отец девочки.

— Просыпайся, малышка. — Я услышал голос старого шамана, который будил девочку.

Я вошел в юрту последним и увидел, как девочка открывает глаза. Второй глаз вновь видел окружающий мир, и девочка явно сама была в шоке, хотя и до конца не понимала, что произошло.

— И как тебя зовут, девочка? — С улыбкой спросил старый шаман.

Девочка молчала.

— Ну же, не стесняйся. Попробуй сказать свое имя, а я угощу тебя конфеткой. — В руках старого шамана появилась завернутая в обертку «барбариска».

— Н...н...на...на... На — дя... — Тихо прошептала девочка.

— Доченька! — Мать девочки упала на колени рядом с ребенком, обняла её и разрыдалась.

Отец девочки застыл в ступоре. Он явно не ожидал, что эта поездка принесет такой результат.

Мать подняла ребенка на руки и, тараторя: «Спасибо, спасибо, спасибо...», вылетела из юрты.

— А... — Отец девочки остался стоять напротив Баира Баторовича.

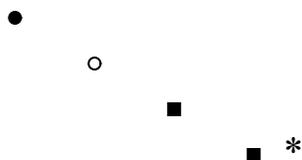
— Девочка потратила много сил. Ей требуется много еды и сна в ближайшую неделю, также

не стоит заставлять её говорить, голосовые связки должны восстановиться, а она сама должна вновь привыкнуть их использовать. — Сказал Баир Баторович, насмешливо глядя на отца девочки.

— Что я...тебе...вам...должен за исцеление моей дочери? — Скомкано спросил «бульдог», не глядя в глаза старого шамана.

— Только то, чем посчитаете нужным отблагодарить меня и моих учеников, которые помогали мне. — Продолжая улыбаться, ответил старый шаман.

Отец девочки лишь кивнул.

— Доброе утро! — Я услышал голос Жаргала и сел на ставшем уже привыкшем для меня коврик перед костром в юрте.

Прошлой ночью мне снился очень странный сон. Словно я гулял по серой пустыне, в которой не было солнца. Во сне в пустыне царили вечные сумерки, и лишь вдалеке я видел силуэт одинокой горы, к которой я пытался дойти...

— Доброе. — Ответил я, протирая глаза и вставая с коврика.

Обязанность поддерживать пламя с меня никто не снял, так что ложишься спать я уже ближе к рассвету, и я не мог полноценно выспаться.

— Сегодня у нас вновь занятие с Баиром Баторовичем. Пойдем к священному озеру. — С улыбкой Жаргал протянул руку, помогая подняться.

— А умыться?

— В байкальской воде умоешься. — Ответил Жаргал, все также улыбаясь, и выскочил за дверь.

Я надел футболку и выскочил за молодым шаманом. Тот уже легким бегом спускался с холма, на котором стояла шаманская юрта в сторону улицы, ведущей к байкальскому берегу.

Пришлось поспешить за ним. Меньше, чем за пятнадцать минут, мы добрались до берега. Интересно было то, что на пляже был лишь один старый шаман. Он сидел на поваленном дереве и покуривал свою трубку. За все дни, что я провел с этой парочкой, я ни разу не видел, чтобы Баир Баторович выпустил из своих рук эту трубку...

— Доброе утро, Баир Баторович. — Поздоровался я.

— Доброе утро, Матвей, доброе. Как спал сегодня? — С хитрой ухмылкой спросил старый шаман.

Блин, может он телепат? Я ведь ни слова не сказал о сне. Или старый шаман сам может погружать в сон? Я же не знаю, есть ли у него Атрибут, и на что он направлен...

— Хорошо, Баир Баторович.

— Ну, вот и славно. Тогда раздевайся и полезай в воду.

— А?

— В воду, мальчик, в воду, раздевайся догола и полезай в воду. Да не бойся, никто сюда не придет сегодня, это я тебе обещаю.

— Вы умеете влиять на огромное количество людей, Баир Баторович?

— Нет, — Рассхохотался старый шаман, — просто мой Атрибут позволяет мне ненадолго заглянуть в будущее, на очень короткий срок, но всё же...

Я в изумлении открыл рот. Атрибут, который помогает заглянуть в будущее?! Да это же просто подарок судьбы! Да, боги, которые становятся Небесными Покровителями, могут те вещи, которые даже с учетом возможностей Одаренных кажутся просто невозможными, но возможность заглянуть в будущее это что-то с чем-то...

— Рот закрой, а то муха залетит, — кивнул Баир Баторович и махнул рукой в сторону озера, — давай, давай, пошевеливайся.

Я быстро скинул одежду и полез в воду. А вода-то оказалась холодной!

— Уходи по грудь! — Услышал я крик старого шамана со спины и судорожно кивнул, шагая вперед.

— И что д-д-д-д-дальше? — Крикнул я, разворачиваясь к берегу, когда погрузился в воду по грудь.

— Жди, я иду. — Крикнул уже раздевшийся Жаргал, который шагал мне на встречу.

Остановившись в пяти шагах от меня, Жаргал трижды нырнул в воду с головой, выдохнул, смахивая с лица воду руками, и посмотрел на меня.

— Сформируй «Цепи», которые ты освоил, но теперь через луч Воды. — Сказал Жаргал, и сам подал пример, формируя аркан «Цепей» через Луч Воды в своем Источнике.

Я вновь кивнул и начал построение. А вот с этим были проблемы. От холода я постоянно сбивался, и аркан рассыпался, так и не закрепившись. Мне потребовалось минут десять, прежде аркан был построен и смог быть зафиксирован, хоть и дрожал как... в общем,

дрожал.

— Гот-т-т-тов-в-во. — Ответил я на взгляд Жаргала.

— А теперь самое сложное — начни достраивать аркан так, чтобы он вышел за границы твоего тела, чтобы цепи связали твое энергетическое ядро с водами священного озера.

Я смотрел на Жаргала, который начал свою «достройку» аркана. Цепи выросли примерно на три звена каждое, на конце каждой цепи последнее звено не было полностью сформировано — лишь половина от звена. Каждая цепь словно зацепилась за водные потоки и начали собирать серебристую пыль, которая по цепям струилась внутрь Источника Жаргала.

— Эта форма Цепей позволяет связывает тебя и энергию, где её концентрация очень высока. Байкал — это одно из таких мест. С помощью этой формы можно очень быстро восстанавливаться и излечиваться. — Рассказывал Жаргал при этом, не переставая контролировать «Цепи».

— Понял, сейчас попробую... — Кивнул я, и начал пытаться повторить действия Жаргала.

Первое время ничего не получалось. «Цепи» никак не хотели выходить за пределы моего физического тела. А потом до меня дошло принять форму рыкаря. И мир мгновенно окрасился в потоки нейтральной энергии, которая была очень похожа на ту, которая формируется в ядре Источника. И когда я постарался не просто выпустить «цепи» за пределы тела, а именно связать их с этими потоками, и цепи выскользнули за границы тела и замкнули последние кольца вокруг самых малых каналов текущей вокруг меня энергии мира. В какой-то момент половина последнего звена на каждой из цепей, которые я выпустил с обеих рук, растворились, и энергия потекла по ним внутрь моего Источника. Это было похоже на заполнение резервуара водой. Чистой, кристально прозрачной и холодной, словно из родника.

— Получилось. — Прошептал я.

— Да, я чувствую. — Ответил Жаргал, — восполни Источник и выходи.

Я провел ещё какое-то время в воде. Почувствовав, что Источник полон, я выбрался на берег и пошел к своим вещам. Баир Баторович всё также сидел рядом с ними.

— Потоки энергии есть везде, Матвей, с их помощью можно быстро восстановить свои силы. Запомни этот урок. — Сказал старый шаман.

— Да, Баир Баторович, я запомню. — Ответил я, одеваясь...

●

○

■

■ *

— И как тебе Баир? — Дед с хитрой улыбкой смотрел на меня.

Шла уже третья неделя моего обучения у старого шамана. И я не мог сказать, что он ничему меня не смог научить. Старый шаман и его ученик использовали свои силы совершенно с другой точки зрения. Мало того, что они практически никогда не прибегали к словесной или печатной технике, а печати строили по устаревшим принципам классической ритуалистики, но их результативность была выше всяких похвал! Использовать стихию Смерти для лечения! Да я о таком даже не слышал на учебе. Нам весь год твердили о том, что данная стихия хороша лишь для уничтожения! А тут я увидел другую сторону...

— Он действует нестандартно. И его мышление... — Я попытался подобрать подходящее слово.

— Построено на другой картине мира. — Подсказал дед.

— Да. — Ответил я.

Мы сидели на берегу Байкала на поваленном дереве. Рядом была расстелена скатерть, на которой стояли две плетеные корзинки, остатки овощей, фруктов и шашлыка, рядом весело потрескивал небольшой костерок. Софья вместе с Василием Ивановичем бегала по пляжу, запуская и удерживая в воздухе на восходящих потоках ветра, воздушных змеев.

Малышка была счастлива, весело смеялась, постоянно улыбалась и звала всех по очереди, чтобы обратили внимание на её успехи.

— Главное, чтобы и ты смог вынести уроки из этих занятий. — Кивнул дед.

— Это действительно интересный опыт. Он дает возможность взглянуть на все вокруг с другой стороны. Но, это требует времени.

Мы немного помолчали, и я решил задать тот вопрос, о котором думал последние пару недель:

— Деда, а почему такой человек, как Баир Баторович, с его знаниями, навыками, опытом и талантами живет где-то в Сибири и ведет образ жизни деревенского колдуна, уж прости за сравнение, а не служит, к примеру...

— Где-нибудь в Тайном Приказе? — Ухмыльнулся дед.

— Да. — Кивнул я в ответ.

— В свое время его пытались завербовать на службу в Тайный Приказ. — Дед скрестил руки на груди, — Пытались вначале по-хорошему, затем уже и по-плохому. В один момент, лет двадцать назад, вроде бы, но точно могу сказать, что это было ещё до твоего рождения. Тогда боевое крыло Тайного Приказа попыталось захватить Баира. Тогда всё боевое крыло было передано оперативникам Тайного Приказа разоруженным и слегка помятым, но все были живыми. И настоящую рекомендацию больше не приближаться к нему и на пушечный

выстрел. Оперативники извинились, и с тех пор больше никто из Тайного Приказа не приезжал к Баиру Баторовичу с целью вербовки, только как просящие помощи для себя, но не для Приказа.

— И Тайный Приказ так просто проглотил такую пощечину? — Удивился я.

— Ну, не совсем, насколько я знаю, даже князь Кобылин задумывался о возможной мере наказания для Баира, но вот только сначала решил сам к нему заглянуть. И заглянул. О чем они говорили, я не знаю, но точно знаю, что князь Кобылин после этой встречи приказал Баира не трогать, и больше вопроса о привлечении шаманов на службу в Тайный Приказ не поднимать. — Дед поднял со скатерти глиняную кружку и начал катать её между ладоней, — вообще, с шаманами ситуация странная. Большинство шаманов в схватках с Одаренными, которые равны им по силам и рангу Контроля, чаще всего выходят победителями, даже рыкари проигрывают тренировочные схватки. Но и шаманы по нашим законам считаются представителями верований малых народов нашей империи, по этой причине их нельзя просто привлечь на службу, а учить своим хитростям всех подряд не хотят, и своих учеников отбирают сами, но и ученики, даже если они из нашего племени, так сказать, потом не выдают знаний и умений, которые они получили от шаманов — наставников.

— Все настолько сложно?

— Не то, чтобы сложно. Думаю, здесь встает вопрос рациональности. Если люди, получившие такие знания, могут быть полезны государству, то зачем из них вытаскивать силой то, то они не могут дать добровольно? Пусть лучше подобный человек служит и использует полученные навыки на благо Империи. Это даст гораздо больше для империи.

— А что будет с таким человеком после того, как он уйдет со службы?

— Уйдет в простую жизнь, на заслуженный отдых, но и без присмотра такого человека никто не оставит. Негласно Приказ будет присматривать за ним. Впрочем, как и за любым сильным Одаренным. Скажу так, за обладателями подобных знаний приглядывают так же, как и за рыкарями, как и за Одаренными Ранга «Стихия». — Пожал плечами дед.

— То есть, и за мной начнется такой же негласный надзор теперь?

— Да, — кивнул дед, — я уверен, что он уже объявлен. Просто в силу моего статуса и статуса князя Кобылина, тебя вряд ли рискнуть привлечь к какому-либо сотрудничеству с Приказом. По крайней мере, без нашего ведома.

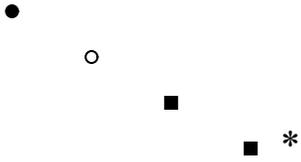
— Мы сможем обернуть это себе на пользу?

— Какие интересные вопросы пошли! — Дед с удивлением поднял брови, глядя на меня.

— Абсолютно нормальный вопрос. Если это можно использовать на благо рода, то это нужно использовать на благо нашего рода. Даже от негласного надзора Тайного Приказа должна быть выгода. — Ухмыльнулся я.

— Посмотрим. Об этом нужно подумать, крепко подумать. Но это будет уже после твоего возвращения в Петербург. Там уже и будем решать, какую пользу мы сможем из этого извлечь. — Кивнул дед.

Конев и Софья закончили запускать воздушных змеев и решили вернуться к нам.

— Матвей, что ты знаешь о шаманах? — Баир Баторович сидел на своем низком стуле рядом с костром в юрте. Справа от него сидел Жаргал с деревянной пиалой, внутри которой дымился душистый чай с чабрецом.

— Только то, что говорили вы, Баир Баторович. — Ответил я.

Мы втроем сидели этим вечером в юрте шамана и разговаривали. Обо всем. Жаргал, в основном, молчал, редко выдавал короткие реплики, разливал нам всем душистый чай по деревянным пиалам. А Баир Баторович говорил постоянно, спрашивал, слушал мой ответ и давал свой комментарий.

— Принято считать, что есть разные шаманы. Есть белые шаманы, которые способны лечить травмы и болезни, есть черные шаманы, которые способны сражаться с сабдаками, снимать порчи, вызволять души предков, попавших в Нижний Мир... Некоторые считают, что шаманы разделяются на земных и небесных. Некоторые считают, что разделение шаманов происходит по инструменту, которым они пользуются при камлании: бубен, колокольчик, трость, плеть... Но как по мне, всё это чушь. Инструмент шамана в начале его пути — это костыль, которым он пользуется, дабы устоять на дороге, в середине — это помощник, который поддержит тебя в трудный момент, а на закате жизни шамана — это наследие, которое поддержит твоих потомков, которые будут жить после тебя. Но в самом начале, самый первый шаг каждый шаман должен сделать сам.

— А что является первым шагом?

— Первый шаг — это Мир Духов. Нижний или Верхний — никто не знает, и никто никогда не будет спрашивать тебя о том, откуда началась твоя Дорога.

Мы все немного помолчали.

— Сегодня ты сделаешь первый шаг. Это не сделает тебя полноправным шаманом. Но даст возможность учиться у своего Небесного Покровителя, чтобы стать тем шаманом, которым ты можешь быть. — Сказал старый шаман.

— Почему-то чего-то подобного я и ожидал. — Усмехнулся я, — дадите пару советов, Баир Баторович?

Старый шаман задумчиво попыхтел своей трубкой, выпуская кольца дыма.

— Дам. Первое — каждого, кого ты встретишь там, и кто постарается заговорить с тобой, трижды спроси об его или её имени. На третий вопрос ни демон, ни дух, ни божество не смогут тебе солгать. Это один из небесных законов. Второе — земные законы гостеприимства позаимствованы людьми от Богов и Духов, они действуют и там, и они непреложны. Третье — не всё то, чем кажется. А теперь ложись на ковер. Жаргал!

Молодой шаман поднялся со своего места и отошел к столу, на котором стояли курильницы и различные сушеные травы. Молодой шаман засыпал две курильницы и вернулся к костру и щипцами достал красные угли и закинул их в курильницы. По юрте быстро распространился запах тлеющего чабреца и адиса. Жаргал окурил ими меня по часовой стрелке, после чего поставил одну курильницу с левой стороны, вторую — с правой. Баир Баторович взял в руки бубен и колотушку, на навершие которой была вырезана медвежья голова.

Стук бубна начал нарастать. Первые редкие удары начали учащаться. Гул ударов бубна разрастался и заполнял собой все пространство внутри юрты. Старый шаман начал меняться. Его Источник вспыхнул, и на меня смотрел уже не человек. Огромное крепкое тело сменило старческую плоть. Вместо человеческого лица на меня смотрела бычья голова с черными как ночь глазами. Рога быка были словно бы отлиты из чистого золота. Между ними вспыхнул шар багряного веселого пламени.

— Ахай ехэ мини гуу... Айдун байдал мини гуу... Ахай ехэ мини гуу... Айдун байдал мини гуу... Ахай ехэ мини гуу... Айдун байдал мини гуу... — Начал бормотать старый шаман на своем родном языке.

Старый шаман оказался рыкарем, чего я не смог узнать ранее... Голос звучал словно горловое пение... Моя голова начала кружиться, я перевел взгляд на пламя. И пламя поглотило меня.

— Главное — не сдавайся, юный рыкарь... — Услышал я шепот Жаргала, утягиваемый пламенем в неизвестность...

Глава 3. «Все не то, чем кажется»

Я очнулся, лежа на спине. Надо мной было серое небо. Я поднялся на ноги. Вокруг меня была серая пустыня. Не было солнца, не дул ветер, вокруг царствовали серые сумерки. Небо над головой было серым, песок под ногами был того же оттенка, что и небо, и сливался в дали в единый серый фон. Лишь вдалеке я различал силуэт одинокой горы, которая возвышалась над всем горизонтом одиноким обломанным зубом. Все, как в тех снах, где я пытался дойти до одинокой горы. Я посмотрел на свои руки и понял, что нахожусь здесь в форме рыкаря. Несколько минут я потратил на то, что постарался принять обратно простую человеческую форму, но все попытки провалились. В моей тени все также пряталась тень Абдулматина, и это радовало. Хоть какое-то подспорье. Я попробовал призвать все стихии по очереди — каждая отозвалась. Это тоже радовало. — Это Мир Духов, о котором говорил Баир Баторович? — В слух спросил я. Вопрос был риторическим, но неожиданно для мен

самого тень выскользнула на поверхность, сформировалась в полноценную фигуру и, приклонив одно колено, ответила: - Да, господин, вы оказались в Мире Духов, пройдя в него с помощью бурятских врат. Я с удивлением посмотрел на первого и пока единственного своего подчиненного Теневого солдата (да, ничего оригинальнее я пока не придумал, и решил их называть просто Тенями). — А раньше ты не проявлял никакой инициативы. — Ответил я. — Раньше я не мог, господин. Но этот переход что-то изменил в вас, в вашей душе. А я связан с ней. Ваша душа словно бы стала другой, более полной, и я теперь могу мыслить и говорить сам, пока вы не запретите мне. — Ты уже был здесь? — Да, господин. — Когда? — В то время, пока я был мертв, моя душа попала в Мир Духов. Но я не провел здесь много времени. Вы быстро призвали меня обратно. Что ж, логично, если есть мир людей, существуют боги, то должен быть и мир духов. Значит, я должен найти в этом мире своего Небесного Покровителя, который поможет мне на моей Дороге? Как сказал Баир Баторович, я должен искать встречи со своим Небесным Покровителем. Но у меня их два. Значит ли это, что я должен найти обоих, или же будет достаточно одного? Вопросов много, а ответов — ноль. И где их искать? А главное — как? — Ты видел здесь хоть кого-то, пока был в мире духов? — Я задал вопрос. — Нет, господин, я лишь успел отправиться в сторону той одинокой горы, которая похожа на сломанный клык. Но дойти до нее я не успел. Я вновь перевел свой взгляд на гору. Других объектов поле моего зрения не попадало. Что ж, делать нечего. Придется идти своими двумя. — Тогда пошли к этой горе. Будем наверстывать то, что ты не успел закончить в прошлый раз. — Да, господин. — Ответила Тень, и двинулась вслед за мной, не оставляя следов на сером песке под ногами.

•

○

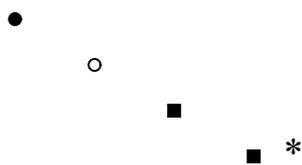
■

■ *

Сколько мы шли, для меня было непонятно. Я пытался считать в уме, пытался считать вслух, считал шаги, но каждый раз сбивался. И это злило. В какой-то момент я просто перестал обращать внимание на количество шагов и чисел в уме, просто постарался абстрагироваться от самого себя. Лишь продолжал идти вперед. Небо не менялось надо мной, ветра все также не было. Лишь Тень все также следовала за мной. И было абсолютно непонятно — почему у меня есть тень под ногами? Ведь солнца нет! Этим вопросом я задался, когда прошел первую тысячу шагов. И из-за него сбился со счета. Но решать вопрос наличия тени под ногами сейчас я не собирался — главное, добраться до горы... — Господин. — Тень позвала меня, и я вынырнул из своих мыслей. Гора наконец-то приблизилась к нам. — Если гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе сам... — Задумчиво сказал я, осматривая открывшийся передо мною пейзаж. Море сухого шипованного кустарника окружало гору. Среди этого моря шипов шла узкая тропинка к единственной пещере, которая смотрела на этот мир своим черным лазом. — Никогда не слышал такого выражения, господин. — Так говорят в России, устоявшееся выражение, так сказать. — Афоризм? — Афоризм. — Кивнул я. — Мне не нравится эта гора, господин. Словно бы мы заходим во владения очень опасного дикого зверя. — Тебе-то бояться явно уже нечего, тебя ведь не убить даже. — Мне кажется, господин, что здесь даже духи могут умереть... Я повернулся к Тени. И замер. Абдулматин изменился. Тень стала более четкой — появились черты брони, сотканной из Тьмы, оружие

стало более очерченным — на поясе афганца висел ятаган, сотканный из лоскутов тьмы. Даже черты лица Абдулматина приобрели более четкие линии. Он словно бы стал более четким из-за того, что кто-то убрал мутное стекло, которое мешало мне его рассмотреть раньше... — А ты изменился, и я, не приукрашивая, могу точно сказать, что в лучшую сторону. — Этот мир влияет на меня, господин. — Ладно, пошли к той пещере, возможно, там мы найдем кого-то. — Кивнул я и шагнул на тропинку среди моря шипов. На мой взгляд, до входа в пещеру нам нужно было бы пройти километра три — четыре по прямой, но пройти прямо не было возможности из-за шипов. Трогать их я опасался, идти через них — тем более. — Нормальные герои всегда идут в обход. — Криво улыбнулся я, обходя почти полный круг вокруг одного колючего куста на пути. — Шшшшшшшшшш... — Из кустов впереди меня по правой стороне раздался неприятное шипение, очень похожее на змеиное. — О, а я уже думал, что мы здесь одни. — Улыбнулся я. Но вот только бравады в мои слова было больше смелости. И одновременно со словами я запустил построение аркана Цепей. Спасибо Баиру Баторовичу и Жаргалу — за три недели я смог полноценно освоить данный аркан. “Цепи Тьмы” окутали все тело и скрыло корпус, руки и ноги полноценным покрывалом, очень похожим на глухо запахнутый плащ. Единственным отличием от полноценного плаща стали четыре щупальца, которые сейчас просто легли на землю, но я мог в любой момент использовать их, словно это мои собственные руки. — Тень. — Позвал я. — Да, господин. — Абдулматин появился слева от меня, сжимая в руке свою саблю. — Не вмешивайся, если мне не грозит опасность смерти. Ты меня понял? — Да, господин. — Ответил теневой солдат, пряча клинок, сотканный из тьмы, обратно в ножны. Я сделал первый шаг в направлении звука. Шипение усилилось. На каждый мой шаг шипение лишь усиливалось. На седьмом шаге кусты дернулись, и на меня пригнула крупная тень на четырех лапах. Но щупальца только этого и ждали. Плащ взметнулся темным покрывалом и окутал здоровенную серую кошку с тремя хвостами. — МЯУ! — Печальный и оскорбленный вскрик здоровенного кошака был ответом на мою реакцию. — А ты чего хотел? Пугать добрых людей вздумал, сидишь в засаде, шипишь, людей пугаешь, прыгаешь на людей — вот и получаешь. — Ответил я, осматривая здоровенную кошку. А кошак был интересным. Шерсть ему заменяла крупная ромбовидная чешуя, которая терлась друг об друга и издавала звук, который был очень похож на треск сухих веток. Окрас кошака состоял из тонких черных полос на сером фоне, который позволял ему сливаться на фоне этого серого пейзажа в глубине кустарника. Серые глаза не обладали зрачками, и было абсолютно непонятно — видит ли он вообще, или полагается лишь на слух и осязание... Но самым интересным было даже не тело большой кошки, а его хвост, точнее хвосты. У кошака их было три. Три длинных, больше чем само тело кошки, гибких чешуйчатых хвоста, каждый из которых заканчивался узким слегка изогнутым жалом длиной около тридцати сантиметров. Сейчас одно из щупалец прижимало одновременно все три хвоста, два щупальца оплели по паре лап, а четвертое обвил шею и придавило к земле. Размерами этот кошак напоминал пантеру, но более сухую и поджарую. Хотя, возможно именно так и должна выглядеть пантера, если её побрить налысо... — Ну и что теперь мне с тобой делать? — Задумчиво проговорил я, продолжая рассматривать кота из мира духов. — МЯУ?! — Ответил мне этот гений. — Господин, возможно, его стоит убить на месте, чтобы он не смог атаковать нас в спину... — Тень снова подошла ко мне бесшумно со спины. Меня опять слегка перекосило. Ну не люблю я, когда подходят вот так со спины и абсолютно бесшумно! Вот, был бы я наемным убийцей, то меня точно бы ждал безумный успех, при условии, что я бы выбирал правильные

контракты... С таким-то помощником! — Мяу!!! — Протестующие ответил кошка и коротко прошипел явно что-то неприятное в сторону Абдулматина. — Не шипи, чучело лысое. И кто тебя таким создал... — Пробурчал я. — Мяу! — Этот “мя” уже был явно адресован мне, после чего кошка повернул голову в сторону пещеры, к которой я шел ранее. — Если я тебя правильно понимаю, то этот жест значит, что твой хозяин внутри пещеры под горой? — Мяу! — На этот раз это прозвучало утвердительно. — Тогда ты пойдешь со мной внутрь. — Я принял решение, и щупальца из Тьмы оторвали кошака от серого песка, подвесили его в воздухе и потянули вслед за мной. — Мяу! — Вновь протестующее. — Нет уж, дружище, ты один раз уже показал себя, так что пойдешь со мной так, как есть. И, если я найду твоего хозяина, и если мы с ним сможем договориться, то я тебя освобожу. Только при таких раскладах я оставлю тебя в живых здесь и сейчас. Годиться? — Мр-р-р-р-рыр-р-р... — Обреченно ответил кошка и отдался “на волю случая”. — Тогда идем дальше. — Резюмировал я и поспешил ко входу в пещеру.

До входа в пещеру наша троица добиралась еще добрый час. Тропинка постоянно петляла в остром кустарнике. Только к концу тропинки я понял, что меня так смущало всю дорогу — весь этот кустарник был под завязку налит энергией, которая словно уже прошла через луч Земли и закрепила на нем. В конце пути я не удержался и, вырвав еще одно щупальце из своего плаща Тьмы, решил попробовать дотронуться до кустарника. Щупальце доползло до кустарника и как только коснулось поверхности шипов, кустарник, словно хищник, начал обвивать ту часть, что попала на его территорию, пытаясь пронзить шипами. Что-то не уверен я, что эти шипы всего лишь пронзают плоть и фиксируют жертву. Готов поставить сто рублей серебром, что они ещё и ядовиты... Я развеял попавшее в капкан щупальце, не решившись продолжать свои эксперименты, и прошел дальше. Интересно, а почему этого странного кошака данная флора не пыталась схватить? Или его чешуйчатая шкура защищает его от укусов этих шипов? Хотя вряд ли, его же не держали шипы, когда он пригнул на меня... Ладно, разберемся позже. Я вошел под своды пещеры. Вниз шла лестница, выдолбленная в камне. У третьей ступени стоял одинокий камень, на котором сидела одинокая старушка, одетая в несколько богатых халатов, очень похожих на те, что носили Баир Баторович и Жаргал. Верхний халат был просто накинут поверх плеч. Лицо женщины обладало всеми типичными признаками восточной внешности — черные длинные волосы, узкие карие глаза, смуглый оттенок кожи. И вроде бы её поза не выражала никакой агрессии, не было ничего, что несло признаки возможной опасности. Но что-то внутри меня, какое-то смутное чувство просто тихо шептало, что, если я не хочу сдохнуть прямо здесь и сейчас, сдохнуть окончательно и бесповоротно, так что моя душа уже никогда и нигде не возродится, мне нужно быть **ОЧЕНЬ** вежливым и вести себя достойно. Ни раболепно, а именно достойно. Поэтому я остановился на первой ступени, опустил на колени, положил ладони рук перед собой и поклонился в пол: - Здравствуйте, великий предок. — Здравствуй, юноша. — Позвольте узнать ваше имя, великий предок? — Задал я второй вопрос, не поднимая головы. — Я та, что несет на своем теле каждого. Я та, что примет в себя каждого,

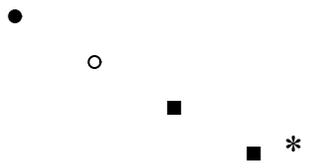
Я та, на ком стоит каждый. Баир Баторович сказал мне перед камланием, что нужно спрашивать трижды, если тебе не дают ответа. И если дают — тоже спрашивать. Ни боги, ни духи, ни демоны не могут солгать, когда их спрашивают трижды. Это один из небесных законов, который никто из них не способен нарушить. — Простите, великий предок, но я не услышал вашего имени. Как же вас зовут? — Меня называют началом и концом вечного круга, меня называют самым старым и вечным другом Синего Неба. С каждым словом этой женщины на меня падал груз. Тяжелый, просто неподъемный. Мне казалось, что с окончанием второго ответа я держу на себе горы. Так тяжело было слышать эти слова, этот голос. — И вновь...спрошу, великий...предок... Как... ваше имя?... Трижды...спросил я, трижды...прозвучал...мой голос, небесный. закон...требует...ответа...Вены на руках вздулись, мои руки дрожали от навалившейся тяжести, но я все же приподнял голову, глядя на женщину, сидящую на камне. Она улыбалась. — Я — Мать Земля Ульгень. Приветствую тебя в своих чертогах, как хозяин приветствует гостя в своем доме. И груз пропал с моих плеч. От резкого рывка вверх я просто свалился на пятую точку. От знания того, где я оказался, меня ввело в ступор. Но я вновь встал на колени и поклонился в пол. — Здравствуй, Великий предок Матушка Ульгень. Я — Матвей, сын Александра, славянских кровей. — Ты нашел моего котенка, Матвей, сын Александра. Ты пришел вернуть его? Я не понял её слов вначале. А потом услышал сзади нежное, почти детское: - Мяу. Повернув голову, я увидел, в щупальцах моего плаща уже висит спутанным не огромный кошак с чешуйчатой шкурой, а маленький, просто крохотный милый рыжеватый, почти золотой котенок с тремя пушистыми хвостиками. — Честно говоря, Матушка Ульгень, когда мы с ним встретились впервые, он имел другой облик. Но я готов вернуть его вам, если вы этого пожелаете. — О, именно этого я и желаю. — Улыбнулась самая опасная женщина из всех, кого я встречал. Я опустил котенка на пол пещеры и развеял плащ. Щупальца, все это время удерживающие котенка, осыпались черным прахом, который, даже не успев коснуться пола, истаял прямо в воздухе. Котенок в несколько прыжков добрался до богини и запрыгнул к ней в руки. Мило заурчав, он сперва потерся об ее руки, а затем устроился прямо на них, свернувшись пушистым калачиком. — Часто бывает так, что то, что мы видим, не совпадает с тем, чем это является в действительности, юный рыкарь, но и то, чем видимое нами является в действительности, не всегда соответствует нашим ожиданиям от увиденного... — Матушка Ульгень подняла на меня взгляд. Сколько лет было в этом взгляде. Десятков? Сотен? Тысяч? Миллионов? Миллиардов?.. В мои глаза смотрела Вечность. На меня смотрели глаза того существа/богини/духа/сущности, которая помнила мир без людей, помнило мир, который был молодым и юным. Видело, как кто-то первым взял палку, что стала первым орудием. Видела первое сострадание и первый гнев, первую скорбь и первую радость, первую боль и первую нежность, первую старость, первую ненависть и первую любовь... И даже, когда умру я, умрут мои дети, мои внуки и правнуки, она все также будет наблюдать за этим миром... И видеть все и вся... — Мне пока не дано это осознать, Матушка Ульгень. — Конечно, не дано, жалкие полвека не могут даровать мудрость, но даруют опыт. А твоя жизнь была интересная. Не каждый проходит через такое испытание, но кто-то проходит и через те испытания, которые ты считаешь невообразимыми. Но каждому Река Мира дарует то, что он способен вынести. Если ты смог это вынести и не сдаться, значит, закон всего Мироздания вновь доказал, что Миропорядок не нарушен. — Какой Закон, Матушка Ульгень, позволено ли мне узнать? — У Знания, любого Знания, есть своя сила и своя цена. А Сила подобного Знания Велика, как и Цена за Обладание им. Ты

уверен, что сможешь заплатить эту Цену, юный рыкарь? Я замялся. Каждое слово “знание” Богиня Земли произносила так, словно это было нарицательное имя. И каждый раз при этом слове по моей спине торжественным маршем в аккуратном строю гуляла “коробка” мурашек. Вверх — вниз — вверх — вниз... — Нет, Великий Предок. Я не уверен, что смогу заплатить цену за это Знание. — Наконец ответил я. — Тогда оно пока что не нужно тебе, юный Андрей. — Улыбнулась Богиня. — Простите, Великий Предок, но меня зовут Матвей. — А ты сам-то уверен в том, что говоришь сейчас? — Богиня Земли продолжала улыбаться. — Я...я...я...Мое горло схватила судорога. Мышцы стали каменными, во рту стало словно, словно в пустыне... Я пытался прошептать хоть что-то, но не мог выдать из себя ни единого звука, словно я стал немым. — Так кто же ты, юный рыкарь, Андрей или Матвей? Я не отпущу тебя, пока ты не ответишь мне правду. — Матушка Ульгень никак не изменилась. Ни поза, ни выражение лица, абсолютная неподвижная фигура, я даже не видел ни одного тока энергии, ни одной крупинки, которая оторвалась от ауры, окружающей Богиню Земли. Но ее сила сковала меня. Что я могу сделать против нее? Да ничего! Она раздавит меня, словно червя, да какого червя?! Я для нее меньше, чем микроб! — Неважно...как меня... звали...тогда...и...как...зовут...сейчас...я...это...я...теперь...я...Матвей...Волков... — Именно! — Богиня впервые подняла руку и щелкнула пальцами. Ко мне вернулась способность нормально говорить, — Ты — это только ты... В прошлой жизни ты был Андреем, в этой будешь Матвеем, в следующей ты можешь быть Баиром, но это не меняет твоего естества, твоей души, юный рыкарь. Имя — всего лишь пропуск, который нужен тебе исключительно для удобства. Как и мое имя нужно мне лишь для удобства. Моей сути это не изменит. Запомни это, рыкарь. — Запомню, Матушка Ульгень, благодарю за напутственное слово. — А ты интересный, юный рыкарь, ты напоминаешь мне Бату, воина — барса. Когда-то ему была дарована сила, подобная твоей. — Бату? Он был из бурятского рода? — Да, потом сможешь узнать о нем побольше, если захочешь. Но сейчас мы должны поговорить о другом. Ведь, ты пришел ко не просто так, юный рыкарь. — Матушка Ульгень опустила руку, и перед ней возник низкий столик, на котором стояли чайник и две простые глиняные пиалы.

— Присаживайся, юный рыкарь. Налей мне и себе чаю забеленного молоком. Испей его, как мой гость, с дороги дальней и поведай, зачем ты пришел в Мир Духов. — Матушка Ульгень широким жестом указала на столик. — Благодарю вас. Великий Предок. — Ответил я и присел за столик. Я попытался взять одной рукой чайник, но не смог его даже оторвать от стола. Мне пришлось вновь встать и взяться за него двумя руками. Словно штангу я смог его немного поднять от стола и дрожащими руками разлить чай по двум глиняным пиалам. Поставив чайник обратно на стол, я шумно выдохнул и уселся за столик. — Испей же чаю беленного, юный рыкарь. — Матушка Ульгень продолжала улыбаться. Уже чуя подвох, я взялся за пиалу двумя руками. Пиала оказалась немногим легче чайника. С трудом я приподнял пиалу и сделал глоток, во рту развернулся настоящий ад — настолько горячим был напиток. Но я все же проглотил и поставил пиалу обратно на столик. — Благодарю за угощение, Матушка Ульгень. — Поклонился я. — Отведай и оладьев, юный рыкарь, подкрепишься с дорожки-то. — Богиня продолжала улыбаться, а под взмахом её руки появилась глиняная миска, наполненная оладьями. — Благодарю, Великий Предок. — Ответил я и протянул руку. Оладьи не были такими же тяжелыми, как и посуда, но они были настолько сухими, словно я вместо выпечки взял в руки кусок песчаника. Я с усилием

откусил маленький кусочек и начал его тщательно прожевывать. У меня было ощущение, что на моих зубах скрепит песок, а не тесто. — Хороша ли выпечка моя, юный рыкарь?” Все не то, чем кажется” — слова старого шамана просто барабанным маршем застучали в моей голове. — Хороша, Великий Предок. — Кивнул я. — Добрый ли чай ты испил, юный рыкарь? — Добрый, Великий Предок. — Красив ли мой дворец, юный рыкарь? — Красота его не соизмерима, Великий Предок. Матушка Ульгень весело рассмеялась. Смеялась она красиво и долго. — Молодец, юный Матвей. Ты усвоил уроки старого шамана, по крайней мере, часть из них. — Отсмеявшись, ответила она на мой вопросительный взгляд и вновь щелкнула пальцами. И мир вокруг преобразился. Пропала пещера, пропал невзрачный каменный столик и глиняная посуда. Теперь мы сидели в богатом украшенном самоцветами зале за длинным столом. Во главе стола сидела Матушка Ульгень на троне с высокой спинкой, изготовленном из малахита. Длинный стол из черного дерева был инкрустирован тонкими серебряными нитями, которые образовывали сложный геометрический узор на столешнице и спускались по ножкам стола до самого пола. Вместо глиняной посуды на столе стоял фарфоровый сервиз с узором, повторяющим узор столешницы. — А ты хорош, юный рыкарь. Испытание пройдено. А теперь можешь говорить, зачем ты прибыл в этот Мир. — С удовольствием сказала Матушка Ульгень, откидываясь на спинку малахитового трона и поднимая свою пиалу со стола. Я тоже взялся за пиалу. Теперь она имела обычный вес, и я смог спокойно поднять ее со стола, отпить душистого чая и поставить ее обратно на место. — Я прибыл в поисках своего Небесного Покровителя, Матушка Ульгень. Мне необходимо встретиться с ним. — Но у тебя, ведь, их двое. С кем из них ты хочешь встретиться? — Хитро прищурилась богиня, — учти, в зависимости от вопроса будет и ответ. Я задумался — с кем мне было важнее встретиться? С одной стороны, с Белобогом я уже несколько раз общался, а с Чернобогом мне поговорить не представилось возможности. Да, я слышал его, видел, но беседовать — такого ни разу не было. С другой — мне важны именно мои навыки в стязе лечения и лекарского дела. Но, при этом... А! Кого я обманываю... — Великий предок, вы можете проложить мне дорогу до Чернобога, чтобы я смог поговорить с моим Небесным Покровителем? — Великолепно! Ты не перестаешь меня радовать, юный рыкарь! Вопрос стоит практически идеально. Ну, да ладно. Как у вас говорят? По доброте душевной? Так вот, по своей душевной доброте, я могу проложить тебе дорогу до того места, где сейчас находится Чернобог. И я даже, по доброте душевной, могу дать тебе возможность приручить животное, что сможет доставить тебя до этого места. Но знай, чтобы попасть за один стол с одним из Вышних Богов, тебе тоже придется пройти испытание. И оно будет уже гораздо сложнее, чем мое. Ты согласен? — А разве у меня есть выбор? — Криво усмехнулся я. — Выбор есть всегда, юный рыкарь. Ты мог не приходить в этот Мир, но решил прийти, ты мог не идти к моему дворцу, а идти подальше от него, но ты пришел. Гобелен твоей Судьбы может быть уже сплетен, а может лишь плестись прямо сейчас... Кто знает? Но каждый платит свою цену за свои решения. — Значит, и сейчас у меня есть выбор? — Есть, — Кивнула Богиня, — сейчас выбор прост — либо я проложу тебе дорогу до твоего Небесного Покровителя, и ты пойдешь на своих двоих, и добираться ты будешь, как минимум, месяц. Либо ты приручишь зверя, который донесет тебя туда за один день и одну ночь. Решать тебе. — А что это за зверь такой, который способен за сутки преодолеть расстояние, которое пеший проходит за месяц? — О, тебе понравится. — Улыбнулась вновь богиня и поднялась со своего малахитового трона. Щелчок пальцев её рук, и на месте ровного пола, который был справа от стола, мгновенно возник спуск в

подвал. — Тогда не будем зря терять время. — Ответил я и поднялся из-за стола.

Мы спустились в подвал. Ну, как сказать, подвал. Мы спустились по лестнице в огромный подземный амфитеатр. Арена в низине была подсвечена факелами с фиолетовым пламенем, каждый из которых стоял на отдельной стеле, которые возвышались по всей окружности сцены на расстоянии примерно десяти метров друг от друга. Круг сцены имел в диаметре около трех сотен метров на мой взгляд, половина окружности упиралась в высокий борт амфитеатра, вторая — в отвесную скалу, нависшую над сценой каменным когтем. Мы спустились до главной ложи в центре амфитеатра. Здесь центральное место занимал трон, аналогичный малахитовому, но немного меньше в размерах. Матушка Ульгень уселась на свой трон и вновь щелкнула пальцами. В центре сцены, словно вышибая пол, с грохотом появилась огромная клетка из мрамора. Внутри сидела непонятная тварь, от которой даже на таком расстоянии несло Тьмой. Концентрированной энергией Тьмы, которую я ранее не чувствовал нигде и никогда. Она волнами расходилась по окружности сцены и не шла дальше лишь благодаря странному фиолетовому пламени от горящих факелов по окружности. — Я не смогла его приручить. У него дикий и необузданный нрав, я уже подумывала его прикончить, но раз ты пришел, возможно, у тебя получится приручить этого зверя. — Богиня кивнула в сторону клетки. — А что это вообще такое? — Я удивленно смотрел на клетку, в которой крутился безумный хоровод Тьмы. — О, это Теневой Пятихвостый Волк. Порождение Тьмы. — Улыбнулась богиня и снова щелкнула пальцами. Клетка рассыпалась пылью. На сцена остался огромный, размерами с коня породы Шаир, волк с пятью длинными хвостами. Широкие лапы, огромное тело, крупная голова, черная, отливающая серебром, постоянно колышущаяся словно под дуновением ветра... Хвосты моментально встали дыбом и распушились, волк поднял морду в нашу сторону и протяжно взвыл. Волна Тьмы ударила от него во все стороны и остановилась лишь на границе фиолетового пламени. Факелы мгновенно затрепетали, но ни один не погас. Яркие голубые глаза, словно морская Луна, остановились на нас, и волк зарычал, выпустив такие же голубоватые когти, а хвосты начали бить по песку на сцене. — Если подчинишь его, сможешь забрать и на нем же добраться до Чернобога. — Кивнула в сторону теневого волка Матушка Ульгень. — И как это сделать? — Ну, задача эта не простая, но, в основном, от тебя здесь мало что зависит. Дай ему своей крови. Крови рыкаря. И если волк посчитает тебя достойным, ты сможешь забрать его. — И в чем подвох? — Нет никакого подвоха, но есть небольшая сложность. — И в чем тогда сложность? — Волк должен добровольно вкусить твою кровь, а ты не должен при этом погибнуть. Я молча начал спускаться вниз. Этот волк мне был нужен. Что-то было в этом волке, что-то родное. Дойдя до нижнего яруса, я остановился у бортика. Волк поднял морду и, уставившись на меня, тихо зарычал. Я же перемахнул бортик и спрыгнул вниз.

— Мы с тобой похожи, дружище. Мы оба попали в клетку, и нас держали против нашей воли. Я был заперт в теле, которое стало моей клеткой на несколько лет, тебя же заперли

внутри настоящей клетки. Я помогу тебе выбраться, но только при условии, что ты сам этого захочешь. — Я остановился в десяти шагах от теневого волка.

Шерсть на загривке волка встала дыбом, он опустил голову к земле и тихо зарычал, все пять хвостов начали бить по песку, покрывающему сцену амфитеатра. Я же медленно присел на песок.

— Тише, малыш, тише... Я не собираюсь пленить тебя вновь. Лишь предлагаю тебе союз...
— Я раскопал маленькую лунку в песке, пролил в нее немного воды и заморозил мокрый песок, создав своеобразную поилку для волка. Когтем правой руки я рассек запястье левой и сцедил кровь в лунку. После чего встал и спиной вперед вернулся к факелам фиолетового пламени. Волк перестал рычать и, раздувая ноздри, не отпуская меня из поля зрения, подошел к лунке. Понюхав кровь, он вначале фыркнул и лег рядом с лункой, но крови так и не попробовал.

— Чего тебе надо, волчара серый?! — Удивился я его реакции.

— RRRRRRRRRR.... — Тихое рычание было мне ответом.

— Без меня тебе отсюда не выбраться, дружище. Либо ты пойдешь со мной, либо ты останешься здесь на долгие — долгие годы. Так что я бы на твоём месте даже не думал над выбором.

— RRYRRRRRRR... — Снова был ответ, и волчара развернулся ко мне пятой точкой...

— Да что ты ломаешься, как девица красная, а? — Прыснул я.

Со стороны главной ложи я услышал залиvistый женский смех. Волк посмотрел на меня, фыркнул и отвернулся.

ДА НУ НАФИГ! ЭТО ЖЕ ДЕВОЧКА!!!

— Прощу прощения, красавица. Я слишком давно не общался с дамами, поэтому не смог сразу разглядеть вашу... красоту. — Я поклонился.

У меня сложилось стойкое ощущение, что этот зверь был разумным. Да и можно ли называть простым зверем существо, обитающее в Мире Духов?!

— Мадам, я предлагаю вам партнерство. Вкусите моей крови, и мы сможем заключить союз, я вытащу вас из этой темницы, а вы поможете мне в моем путешествии. — Я вновь поклонился волчице.

Волчица вновь поднялась и повернулась ко мне лицом. Пару минут она смотрела мне в глаза, не моргая, затем все же поднялась и вернулась к импровизированной поилке с моей кровью. Понюхала её, снова посмотрела на меня и снова понюхала.

— Хочешь ведь выбраться отсюда? Тогда пошли со мной. — Улыбнулся я.

Волчица самым кончиком языка коснулась крови. Окрас её начал меняться — в волнах тьмы начали появляться темные багровые всполохи, её аура расширилась, стала плотнее. Я начал различать Источник волчицы, который представлял собой концентрированную Тьму, густую, словно кисель. Из её Источника ко мне потянулась одна единственная цепь, сотканная из Тьмы. Она росла медленно, но довольно уверенно. Звено за звеном цепь вырастала и уже вышла за границы физического тела волчицы. Я повторил её действия, выпуская свою Цепь медленно подходя к волчице. Она остановилась на середине очередного звена и просто ждала моих действий. Я, в свою очередь, построил крайнее звено аналогичным способом и соединил свою половину звена с её цепью.

В один момент в моей голове возник безумный хоровод воспоминаний волчицы — рождение, первые запахи, впервые открытые глаза, первая охота, частый голод и холод и постоянное одиночества и тоска, от которой так и хотелось завывать... И одна единственная мысль: «САГА.»

— Ты тоже была одинока, девочка. Это твое имя? Сага. — Я подошел к волчице, присел перед ней и положил руки по двум сторонам морды, — больше не нужно быть одной, у тебя будет своя стая.

Я начал медленно гладить волчицу по голове.

— Сага. Хорошее имя, мне нравится. Мы так и будем все тебя называть.

Ответом мне было тихий удовлетворительный рык.

Со стороны трибуны послышались редкие хлопки. Матушка Ульгень медленно спускалась к границе сцены. Подойдя к границе, она ни словом, ни жестом не обозначила своего намерения пройти дальше. Просто сделала шаг вперед. Но границы уже не было — под ногами богини из стены вырастала лестница, ведущая к нам с Сагой.

— Неплохо, юный рыкарь. Совсем неплохо, хотя, можно было и лучше. Но и то, что ты не стал подчинять её Силой, меня порадовало. Что ж. Эта девочка сможет быстро донести тебя до озера. — Матушка Ульгень улыбалась, рассматривая преобразившуюся волчицу.

— Что за озеро?

— О, сам увидишь, не хочу испортить сюрприз. Хочешь совет?

— А его цена?

Матушка Ульгень весело рассмеялась:

— Молодец! Ты быстро усвоил урок! Меня это радует. Тогда дам тебе целых два! И не волнуйся, я делюсь этим знанием по собственной воле, и я не буду требовать за них никакой платы.

Я медленно кивнул. Глупо отказываться от советов богини.

— Первое — по мосту идет душа, а не тело. Второе — знания Вышних Богов стоят любой цены, которую лично ты можешь заплатить здесь и сейчас!

Матушка Ульгень подняла правую руку на уровень моих глаз. Большой и средний пальцы выдали громкий щелчок, который разнесся по амфитеатру ударом колокола. Земля под ногами задрожала, а за спиной богини из песка сцены выросла каменная арка с глухими створчатыми воротами около пяти метров высотой. Ворота арки открылись, и я увидел проселочную дорогу, окруженную хвойным лесом.

— Бегите по дороге до озера. Не заходите в лес, даже если видите, что можете срезать путь. На озере тебе нужно попасть на остров, на котором живет... Впрочем, это испортит сюрприз. — Улыбнулась богиня, — для тебя главное, что Чернобог сейчас находится там. Так что бегите.

Я повернулся к Саге, у меня зародилась идея нового эксперимента.

«Ты слышишь меня, Сага?» — Я постарался обратиться к волчице по той связи, что образовали наши цепи.

— Ррыр! — Удовлетворительно.

О! Успешно! Продолжаем!

«Ты сможешь посадить меня к себе на спину и быстро пронести по дороге к озеру?»

— Ррыр! — Снова удовлетворительно.

«Я могу тогда залезть к тебе на спину?»

Вместо ответа Сага просто легла на песок, давая мне возможность забраться к ней на спину.

Я же повернулся к Матушке Ульгень и низко поклонился до земли:

— Благодарю вас, Великий Предок! За слово ваше напутственное и дар ваш!

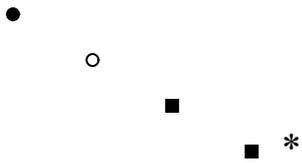
— Ступай уже, рыкарь. Посмотрим, что у тебя получится. — Богиня махнула рукой и указала на арку.

Я забрался на Сагу и попросил её бежать вперед. Одним мощным прыжком она проскочила арку. Чтобы не упасть, мне пришлось вцепиться руками за шерсть на загривке. Еще пара прыжков, и мы ушли на добрую сотню метров от арки. Я обернулся посмотреть на наши ворота. Но их уже не было. Вновь была одинокая пещера у подножья одинокой горы, которую окружал лес. Больше не было пустыни. Вокруг царили всё те же сумерки.

«Не всё не то, чем кажется» — Вспомнил я слова старого шамана.

— Пора, Сага, нам нужно попасть к озеру. — Я почесал волчицу за ухом.

— Ррыр-р-р-р! — Был мне ответ, и волчица побежала по дороге.

Вот ведь блин! Вроде бы и шерсть мягкая, и это Мир Духов, а сидеть верхом для меня все равно непривычно! Сага неслась с безумной скоростью по лесной дороге, вокруг нас менялись пейзажи — леса и болота, река, озера и широкие степи. При каждой смене окружающего ландшафта мы пронеслись сквозь огромные арки — ворота. Одно озеро меня заинтересовало — оно было рубиново — алым, словно наполнено кровью. И запах от озера шел соответствующий... После вторых врат я впал в некую прострацию, отрешившись от происходящего, разум лишь фиксировал смену пейзажей и новые врата. Всего мы пронеслись через девять врат — арок.

Но Матушка Ульгень сказала мне никуда не сворачивать, и я следовал её совету. Сага пару раз была готова сорваться в лес по своим волчьим делам, но я не позволил. В итоге мы оказались на берегу широкой реки с непроницаемыми черными водами и серебристым песком на берегах. Дорога здесь резко поворачивалась и дальше шла параллельно течению реки. Вдали, выше серой туманной дымки, я смог различить башни огромного черного замка.

— Ну, по всей видимости, нам нужно туда, малышка. Помчались! — Я указал Саге на замок.

Волчица взвыла и помчалась вновь по дороге. Сейчас уже я не проваливался в свои мысли, а наблюдал за приближающимся черным замком. Замок был построен в восточном стиле. Постепенно проступали детали зданий. Замок располагался на другом берегу реки, Моста к нему с такого расстояния не было видно. Девять башен замка возвышались вверх, скрываясь в сером небе.

Крылья замка были высотой в несколько сотен метров, у меня сложилось ощущение, что весь замок отлит из металла.

На моей стороне стояла небольшая юрта, рядом с которой был вбит деревянный кол в землю. Добравшись до юрты, я соскочил с Саги и подошел к одинокой юрте.

— Доброго дня, хозяева! Есть кто в доме? — Крикнул я, далеко не отходя от волчицы.

— Доброго, коли не шутишь, путник. С чем пожаловал сюда? — Ко мне вышел, сгорбившись, крепкий старичок лет за семьдесят на вид. И все было в его виде, кроме трех черт. Во-первых, выпрямившись, он стал в росте около трех метров, во-вторых, его кожа была такого же серого оттенка, как и моя, и, наконец, его глаза были заполнены живым огнем. Пламя бушевало внутри глаз, оно вращалось, танцевало в безумном водовороте, в нем появлялись и моментально пропадали силуэты животных и лики людей (как я думаю).

— Здравствуйте, Великий Предок. Я ищу своего Небесного Покровителя, Чернобога. Мой путь лежит на ту сторону реки, но моста я не вижу, подскажите, будьте так добры, как мне попасть туда?

— О-хо-хо-хо-хо-хо-хо... — Утробно рассмеялся «старичок», — как это нет моста, вот же он!

Старичок подошел к забитому в землю деревянному колу и ударил рукой перед ним. Раздался гулкий звон от одинокой струны, натянутой до другого берега.

— Это мост? — Удивился я, задрал голову.

— Это мост. — С улыбкой кивнул «старичок».

— И кто по нему сможет пройти?

— Любой, чья воля крепка. — всё также с улыбкой ответил «старичок».

— А как называется эта река?

— О, это первый правильный вопрос, юный рыкарь. — Кивнул головой «старичок», — это река Тойбодым, рожденная из слез тысячи тысяч. Ты сейчас на восточном берегу, а на западном берегу стоит Стальной Дворец Адам Эрлик-хана, владыки Подземного Мира. Мост к его Вратам — конский волос через реку Тойбодым, юный рыкарь. И именно в нем сейчас в гостях находится твой Небесный Покровитель, Чернобог. Коли хочешь встретиться с ним, то по мосту тебе этому пройти придется.

«Эх, а что я теряю! Мне все равно нужно к нему!» — Подумал я и сделал шаг вперед.

— Э, нет-нет-нет, рыкарь. Рановато шагаешь. За проход по мосту нужно заплатить, ты же не думаешь, что я здесь просто так сижу? Не-е-е-ет, за проход нужна плата соразмерно тому месту, куда ты хочешь попасть. — «Старичок» легонько толкнул меня в грудь, вот только от этого «легонько» я отлетел на пару метров и лег на лопатки, — что-то ты больно хлипкий, рыкарь, а ты точно рыкарь? Или может захворал часом?

— Все хорошо, не беспокойтесь. — Я поднялся с земли, потирая грудь, — тогда хотелось бы узнать, какова цена?

— Дай-ка подумать... — «Старичок» приставил палец к подбородку и начал им постукивать, — с тебя и взять-то нечего... Кожа, да кости. Да и даров ты не принес. Ни злата, ни серебра, ни парчи, ни драгоценностей, ни одеяний, даже пищи белой с чаем беленым, молоком и кумысом нет. Ну, я думаю, глаз. Да, точно! Пусть будет глаз! Это достойная плата за проход к Владыке!

— А если я не согласен?

— То можешь убираться на все четыре, а нет, на все три стороны! — Улыбка не сходила с

лица «старичка».

— Ну а если я решу пройти с помощью силы?

— О, это было бы интересно! Давно я уже не разминался! — «Старичок» резко повернул шею, громко хрустнув позвонками, — но ты, конечно, можешь попробовать, РЫ-КА-РЬ!

Огненный вихрь моментально окружил «старичка», и из него на меня вышел крепкий воин в восточной броне с пылающим луком, который длинной был больше моего роста, с наложенной на него золотой стрелой, длиной около двух метров с пылающим трехгранным наконечником. От него по всей округе разлилась такая огненная энергия, которая воспламенила даже землю. Лишь моментально выпущенная на одних рефлексах, Тьма спасла меня от испепеления. Сага отскочила от нас на один мощный прыжок.

— Воу, я понял, понял, мне вас не одолеть! — Крикнул я, окутывая себя Тьмой.

— Ха-ха-ха-ха-ха... — Рассмеялся «старичок», возвращаясь в свою прежнюю форму, — молодец, правильно понял, что со мной ты тягаться пока не можешь! Ну, так что решил? Заплатишь или пойдешь подобру — поздорову?

— Плата. — Прорычал я.

— Тогда держи. — «Старичок» протянул мне узкий нож без гарды, — отдашь глаз — сможешь пройти.

Клинок ножа источал жар и мерцал, словно угли ночного костра.

— Левый или правый? — Сглотнув, спросил я.

— А мне без разницы. Оставляю выбор за тобой. Какой не нравится, тот и отдай. — Хохотнул «старичок».

— Мне бы зеркало какое, иначе не получится. — Прохрипел я.

— А, пожалуйста. — «Старичок» взмахнул рукой, и пламя волной разошлось по песку у нас под ногами. Мгновение — и мы стоим на одном огромном зеркале.

— Зеркало — есть, нож — есть, рыкарь — есть. Можешь приступать. — «Старичок» уселся прямо на зеркало, скрестив ноги, упер локоть в бревно и положил голову на сжатый кулак, наблюдая за мной.

Я опустился на колени, согнувшись в пояснице. Мое лицо было передо мной. Руки мелко задрожали. Вы когда-нибудь готовились добровольно вырезать свой собственный глаз? Нет?! Так вот, я вам честно скажу, морально я не мог поднести нож к глазу. Я видел себя, свои руки. Черт возьми! Я хирург с огромным опытом, я знаю, как удалить глазное яблоко! Да я, в конце концов, в Мире Духов! Мой глаз останется у меня! Или нет?..

— А мое тело потеряет глаз? — Я поднял глаза на «старичка».

Тот с улыбкой пожал плечами.

— М-да, и выбор-то невелик... — Пробурчал я, возвращаясь к своему отражению.

Я злился, злился на себя, на свою слабость, на свой страх. Дрожащая левая рука легла глаз, оттянула нижнее веко. Правая подняла нож...

— А-А-А-АРРРР! — Я зарычал, доставая глазное яблоко из глазницы.

Руки дрожали, голова дрожала, спина просто содрогалась, даже ступни ног дрожали от боли...

— Давай его сюда, парень. — «Старичок» протянул ко мне руку.

Я буквально полз к нему на коленях. Каждое движение отзывалось болью. Мне показалось, что я полз вечность. Дважды я упал, ожог на глазном дне отдавал пульсирующей болью в мозг.

На открытую ладонь легло обожженное глазное яблоко. Руки продолжали дрожать.

— Я могу пройти ко Дворцу Владыки? — Прохрипел я.

— Плата принята, можешь пройти по мосту. — Теперь «старичок» не улыбался.

Лицо его стало серьезным. Он поднялся и подошел к деревянному колу, к которому был привязан конский волос. В руке «старичка» возник деревянный молоток, и он им трижды ударил по колу, погружая его чуть глубже в землю. С третьим ударом над рекой появился веревочный мост, соединивший два берега.

— Можешь пройти, рыкарь. Во Дворце ждут. Не стоит заставляя Владыку ждать. — «Старичок» приглашающим жестом указал на мост.

Я с трудом поднялся на дрожащие ноги. Попытка приложить руку, напитанную жизненной энергией, ничего не дала, аркан «Цепей Жизни» тоже не помог. Я по очереди пытался применить разные целительские чары, но ни один «аркан» не оказывал никакого воздействия, но вот движение энергии Источника через луч Жизни.

— А, попытка не пытка, да?! Но ты же не думал, что всё будет так легко, да? Не-е-е-е-ет, рыкарь, рядом со Стальным Дворцом ты не сможешь воспользоваться ни светом, ни жизнью, вода тебе не подчинится, и воздух тебе не откликнется. Тьма и смерть, твердь и пламя здесь сильнее, чем где бы то ни было. Так что пройти этот мост ты сможешь только за счет Воли.

Я лишь кивнул и шатающейся походкой шагнул на мост. Вдох — выдох — шаг — вдох — выдох — шаг — вдох — выдох — шаг. Я медленно продвигался вперед, держась за натянутый канат моста. Каждый новый шаг отдавался ноющей болью в голове. Я медленно

дошел до середины моста и услышал крик со спины:

— Э-э-эй, ры-ы-ыка-а-арь!

Я обернулся на «старичка», который все ещё стоял на берегу реки Тойбодым. Даже с середины реки я понимал, что он всё также улыбается и подбрасывает в руке мой глаз.

— Ты же не думал, что все будет так просто, да?! — Крикнул «старичок» и, размахнувшись, метнул мой глаз ближе к середине реки.

Глаз с характерным «бульк» ушел под воду.

Вначале ничего не происходило. Но новый шаг показал, что все совсем ненормально. Новый шаг по мосту. И картинка передо мной изменилась.

Не было больше берега реки Тойбодым, не было и Дворца. Я стоял перед свежей выкопанной могилой. Рядом лежал простой деревянный крест, который ставят на первый год после захоронения.

Мою руку сжимала чья-то рука. Я повернул голову, и сердце сдавило. Мама, любимая, единственная. Она стояла и молча плакала, держа меня за руку. Что происходит. И тут я вспомнил — это Казанское кладбище. Здесь мы хоронили бабушку. Никто тогда не пришел на похороны, и мы хоронили её вдвоем. Стоял холодный октябрь, и пока опускали гроб, начался мелкий холодный дождь. Он пробирал меня всего до дрожи, потому что куртка быстро промокла. А мама все так и стояла, ожидая машины...

И вот приезжает черная машина, четверо мужиков достают закрытый гроб. Его опускают вниз, и дождь начинает лить в два раза сильнее.

— Мама, а где бабушка? — Я слышу свой голос. Детский, звонкий, тревожный. И ничего мне мама тогда не ответила. Не смогла.

Плохо на душе. Так не хочется отпускать её руку. Так хочется остаться с ней. Но мне нужно идти вперед. Отпускаю её руку и делаю шаг вперед.

Вновь передо мной мост и Дворец. Только воды Тойбодым стали еще темнее.

Вдох — выдох — шаг.

Вновь пропал Дворец. Я стою на входе в нашу однокомнатную квартиру в Рыбацком.

— Андрей, тебе пора ехать в училище! В увольнительное же не отпустят на следующей неделе, если опоздаешь! — Мама стояла передо мной и причитала.

Я помню этот день. Я смотрю на рукав и вижу две косые курсовки. Второй курс, это последний раз, когда я видел мать живой...

— Мама... — В горле встает ком.

— Что? Давай уже, езжай в училище, а то без пирогов оставлю! — Она стояла передо мной, уперев руки в бока.

Я беру мать за руку и прижимаю к себе.

— Андрей, что с тобой? — Я слышу удивленный голос мамы.

— Ничего, мама, просто я тебя люблю. — Слезы сами появляются в уголках глаз.

— Андрей, все хорошо? Может, на учебе что-то не так?

— Нет, мамуль, все хорошо, просто я так давно тебе этого не говорил...

Я отпускаю маму, а руки дрожат.

— Ты чего плачешь-то?!

— Прости, прости, пожалуйста, я сам не знаю... Мне пора...

Я делаю шаг.

Снова мост и Дворец.

— Ну и с*ка же ты, старичок! — Шепчу я, пытаюсь отдышаться.

За спиной раздается смех.

— Не уже ли ты слышишь меня на такой дистанции... — Пробормотал я.

— Слышу, слышу, не волнуйся! Иди дальше! — Раздался крик сзади.

Вдох — выдох — шаг.

— Таким образом, мы с вами теперь знаем, что все травмы после минно — взрывных ранений требуют переливания крови не только в связи с потерей, но и в связи с тем, организм получает заражение продуктами взрыва...

Я сидел в аудитории. Меня окружали курсанты училища, рядом с доской стоял преподаватель. Я даже не помню уже, как его зовут...

В дверь кафедры постучали.

— Войдите! — Громко ответил преподаватель.

В аудиторию входит наш курсовой офицер.

— Прошу прощения, мне нужен курсант Волков.

— Я! — Тело вновь отвечает само и поднимается со своего места.

— Курсант Волков, идемте со мной. — Отвечает наш «курсовик» и выходит за дверь.

Я выхожу с аудитории. Он стоит у окна, и я приближаюсь к нему. Я знаю, что он сейчас скажет. Я не хочу его слышать. Но тело идет само.

— Андрей, мне нужно с тобой поговорить. — Офицер переминается с ноги на ногу, не зная, как рассказать. Только сейчас понял, насколько он был тогда молодой...

— Андрей, нам позвонили в институт... В общем, произошел несчастный случай... Твоя мама... Её сбила машина... Она сейчас в Мариинской больнице в тяжелом состоянии...

Я, не произнося ни слова, срываюсь на бег. Он что-то кричит сзади, бежит за мной. Но мне всё равно. Я успеваю добежать до КПП, и там меня ловят двое дневальных и дежурный. Он заламывают мне руки и укладывают на землю.

— Пустите! Пустите меня!!! — Я кричу, пытаюсь вырваться, но меня держат. По телу проноситься волна дрожи, и тут я чувствую боль — удар в затылок — и тьма...

Вновь мост и Дворец, вдох — выдох — шаг — вдох — выдох — шаг...

Осталось совсем немного до конца. Совсем чуть — чуть...

Вдох — выдох — шаг...

Стук молотка в зале окружного военного суда.

— Прошу всех встать! Оглашается приговор! — Все присутствующие встают, и поднимаюсь вместе со всеми, опираясь на костыли.

На трибуну поднимается судья, оглашавшая приговор по моему делу.

— Согласно рассмотренному нами делу, третий окружной военный суд постановил: признать майора Волкова Андрея Борисовича виновным в нарушении исполнения приказа вышестоящего начальства, нарушении техники безопасности, а также пренебрежении своими должностными полномочиями. В связи с этим, третий окружной военный суд принял решение, что майор Волков Андрей Борисович должен быть уволен из рядов Вооруженных Сил Российской Федерации с лишением звания и выслуги лет...

Злость... Ненависть... Обида... Гнев... Эти чувства заполняли меня. Мне было страшно и обидно. Меня уволили за то, что я дал в морду особисту, который запретил мне вытаскивать парней — саперов, которых раскидало с брони подрывом фугаса...

— Да пошли вы все нах... — Прощедил я сквозь зубы и делаю шаг из-за стола.

И весь мир замер. Посерел, все окружающее меня пространство потеряло цвета.

— Хочешь все это изменить? — Голос «старичка» звучал отовсюду.

Я молчал и продолжал, словно в замедленной съемке, делать свой шаг.

— Я могу помочь. И все измениться. Бабушка не уйдет так рано, Мать не собьет машина. Тебя не уволят... Ты вернешься в своё тело, ты вновь будешь здоров, мать будет жива, а главное — у тебя будет семья... — Старичок продолжал говорить.

Передо мной появилась новая квартира. Мужчина с квадратным подбородком, высокий, с коротким ежиком каштановых волос, карие глаза и шрам на нижней губе, которую разорвал прилетевший камень в одной из уличных драк... Таким был я до того, как меня уволили с позором. Рядом с мной сидит мама, постаревшая, но счастливая. На коленях у нее сидят двое ребятишек. Мальчик и девочка. Мальчик чуть постарше — лет четырех, девочка — не старше трех лет. Оба ребенка с каштановыми волосами, как у меня. Как были и у мамы...

— Ты ведь всегда был один. Это одиночество — та пустота, что была внутри тебя всегда... всю твою жизнь... Но у тебя есть шанс исправить это... Мать будет жива... У тебя будет семья... У тебя будут дети... Будет смысл жить... — Голос «старичка» звучал так, словно он стоял рядом и шептал мне на ухо, — Просто не делай этот шаг, в нем ведь нет смысла, нет цели, он не нужен тебе, зачем так стремиться вперед...

Да, это было заманчиво. Да, я на какой-то момент, на секунду был готов согласиться... Все бросить и вернуться. Вернуться назад и исправить все ошибки, которые я совершил тогда, в прошлой жизни... Но вот только слова Баира Баторовича продолжали звучать в моей голове. А еще я вспомнил деда, Софью, Конева...

— У меня уже есть семья. — Сглотнув, ответил я, — и я не верю, что кто бы то ни было может изменить ход времени...

Я сделал шаг. Первый... Второй... Третий... Картинка меркла и пропадала, словно туман. А я шел вперед.

— Испытание пройдено, рыкарь. — Услышал я.

Тьма пропала в один миг. Я стоял на другом берегу реки Тойбодым.

— Ты можешь войти в Дворец Владыки, рыкарь. — «Старичок» стоял рядом.

— Ты ублюдок. — Процедил я сквозь зубы.

— Не без этого, но у меня работа такая — отсеивать слабых. — Хохотнул «старичок».

— А если бы я согласился?

— Тогда бы я тебя выкинул в реку. — Пожал плечами «старичок», — и утопил.

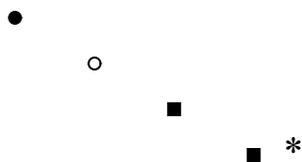
Я разворачиваюсь к сидящему “старичку” и наношу удар сплетенными щупальцами из плаща Тьмы на манер кулака в челюсть. “Старичок” немного потерялся от такого удара. Я запрыгиваю ему на грудь, и щупальца уже складываются в огромное жало за моей спиной.

— Скажешь, что не справедливо получил по морде? — Я рычу на него точно Сага, столько во мне злости.

Только сейчас я понимаю, что мои кулаки сжаты, и когти пробили кожу, кровь капает с ладоней.

— Справедливо, чего уж там. — “Старичок” не рвется встать и говорит лежа на спине, всё также продолжая улыбаться, — но работа такая, чего уж там. А ты не робкого десятка оказался, уважаю. Даже сжигать не буду. Тебя во Дворце ждут.

Я молча встал и шагнул к Дворцу.

Огромные черные металлические ворота медленно раскрывались навстречу мне. «Старичок», имя которого я так и не удосужился узнать, остался сидеть на берегу и за мной не пошел.

С каждым шагом я приближался к распахнутым воротам Дворца Эрлик-хана. С каждым шагом я чувствовал все сильнее и сильнее, как вокруг пульсирует Тьма.

На пороге дворца я услышал её шепот. Тихий... Спокойный... Уверенный... Вечный... Я остановился, открыв рот, услышав этот шепот. Сама Стихия говорила. Как это возможно?! Не уже ли у Стихии есть разум? Есть свое Сознание?

Тьма ничего не обещала... Она ничем меня не манила... Она ничем меня не искушала... Она шептала о постоянстве. Она рассказывала историю всей вечности... Она шептала о Пустоте... Она шептала о Начале и Конце... Она рассказывала хором мириад голосов мириады разных историй, и я слушал то одну, то другую, не успевая понять, как переключаться и фокусироваться на каком-то одном голосе...

Сколько я стоял? Не знаю... Я слушал Тьму, все, что она могла рассказать таким тихим чарующим голосом... Я выхватывал осколки её историй и пытался сложить общую картину, но, чем больше я слушал, тем больше «белых пятен» появлялось в этой картине...

Я бы так и продолжал стоять... Если бы не «старичок». Мощный удар ногой в спину толкнул меня вперед.

— Иди уже! Говорю же, тебя уже ждут! Рано тебе ещё Тьму слушать, мальчишка! — Крикнул из-за ворот «старичок».

Я поднялся и посмотрел на него. Только сейчас я понял, что пересек порог Дворца. Выходить и бить вновь по морде этого гения у меня уже желания не было, так что я развернулся и отправился внутрь Дворца. Шепот Тьмы странным образом успокоил меня, вернул собранность и хладнокровие.

Внутри царил полумрак. Шагов через сто я начал различать силуэт огромного стола, за которым сидели две персоны.

Подойдя ближе, я начал рассматривать сидящих за столом. Первого, который сидел ближе ко мне, я узнал сразу. Крепкий мужчина с длинными гладкими черными волосами до плеч, черные глаза без признаков радужки и белков. Серая кожа, острые, практически хищные, черты лица, хитрое и безумно опасное выражение лица, на голове — белоснежная корона, словно выточенная из отполированной кости с одним единственным черным ромбовидным камнем по центру, и ощущение, что корона словно бы растет из его головы, так и не пропало... За столом сидел Чернобог. Сейчас его рост был метра четыре, чтобы сидеть за таким столом. Но даже в такой форме мой один из моих Небесных Покровителей мерк по сравнению с тем, кто сидел на месте хозяина стола.

От затылка по всей спине пробежала волна мурашек. Потом вторая. А потом третья. А, когда я окончательно рассмотрел фигуру хозяина Дворца, прошла и четвертая. Похоронным маршем.

Если с Матушкой Ульгень было ощущение опасности просто появилось и пропало в определенный момент времени, то сейчас это чувство просто тихо скулило, спрятавшись на задворках сознания, перед тем, кто сидел во главе стола...

Огромная фигура крупного мужчины с голым торсом восседал на скопище медвежьих шкур. Сидя со скрещенными ногами на низком табурете, он был больше в росте, чем Чернобог. Рядом с ним, воткнутый прямо в пол, стоял огромный меч из зеленого металла. На широкой груди висели бусы черного цвета, спускавшиеся до пояса, где каждое звено было размером с мою голову. Рядом с ним на столе лежал аркан, смотанный кольцами, рядом с ним стояли крупные весы. За спиной Хозяина Подземного Мира находилось огромное зеркало в простой черной оправе. Длинные прямые черные волосы свободно падали за спину, усы же у Эрлик-хана были такой же огромной длины и заправлены за уши. Было просто непонятно, куда смотрят глаза, заполненные Тьмой.

— И ты про этого заморыша говорил, Чернобог? Да он рассыплется пылью от моего дыхания! — Пробасил хозяин Дворца.

— От твоего дыхания тело любого смертного рассыплется пылью. Твое дыхание ни одно тело не выдержит, Хозяин Подземного Мира.

— И что с того, был же один смертный, что смог выдержать мое Слово! — Эрлик-хан поднял чашу, выполненную в виде черепа и в один глоток осушил, — Вот тогда я удивился!

— Ага, а потом один из твоих сыновей с ним пил! — Улыбнулся Чернобог и поднял свой кубок.

— Так это же один из моих сыновей, а не я! У меня их, между прочим, девять! А что твой? Как его... Кощей, вроде бы. — Бухнул ладонью по столу Эрлик-хан, — и ему, этому смертному заморышу, который не прожил даже века, ты просишь дать право пойти по Дороге? Хочешь, чтобы он вновь открыл Славянские Врата?

— Да, мы с братом именно этого и хотим. — Кивнул Чернобог, проигнорировав вопрос о своем сыне.

— А давай заключим сделку? — Прищурился Хозяин Подземного Мира.

Стоит ли говорить, что его прищур был больше похож на оскал?

— Какую?

— Если он выдержит одно мое Слово, то я дам тебе то, чего ты хочешь. Всего одно! И ты мне ничего не будешь должен за услугу?

С одной стороны, мне было неприятно обсуждение меня в третьем лице. С другой стороны — а стоит ли вообще в их присутствии открывать рот?.. А если я чихнуть захочу, меня сразу развоплотят в космическую пыль или после слов о том, что меня плохо воспитали, и старших перебивать некрасиво?..

В итоге, весь диалог между богами я прикидывался ветошью. Стоял, молчал и не отвечивал...

— Идет. — Кивнул Чернобог, — одно твое Слово, и если он выстоит, ты подаришь ему Ключ. И ни он, ни я, ничего не будем должны тебе, Эрлик-хан.

— Сделка? — Кивнул Эрлик-хан.

— Сделка. — Кивнул Чернобог.

Чернобог и Эрлик-хан повернулись ко мне.

— Тебе нужно выстоять. Всего одно Слово. Используй для защиты все, что умеешь. — Кивнул Чернобог.

Я молча кивнул. Светлый Источник здесь я использовать не мог абсолютно. Но Темный Источник был со мной. Земля вряд ли подойдет для защиты от Хозяина Подземного Мира, Смертью защититься было просто невозможно, разве что не выставить перед собой толпу мертвецов, поднятых как куклы. Но только вот, думаю, что Слово будет обращено ко мне лично, и, мне кажется, что толпа кадавров не защитит меня от «адресного» аркана... Остается Тьма. А защита на основе Тьмы очень своеобразна. Она не отражает, она поглощает, впитывает в себя все, что на нее обращено... Ну, значит, пусть будет Тьма. Клинь

— клином, так сказать...

Аркан «Цепей» на основе Тьмы сформировался моментально, следом появился плащ на его основе, его «хвосты» расправились и окутали меня сферой, затем встали простые ученические щиты, которые не были привязаны к какой-либо стихии. На момент я «завис». Шепот Тьмы тихим, практически неслышным фоном зазвучал в моей голове. Колебался я не долго и решился впустить этот шепот в защиту.

Если мгновение назад защита была частично прозрачной снаружи, то теперь она приобрела антрацитовый цвет.

Когда новый цвет заполнил всю сферу, я ответил:

— Готов.

На каком-то подсознании я занял рукопашную оборонительную стойку.

— Ну раз он говорит, что готов, значит, я могу начать? — Эрлик-хан посмотрел на Чернобога.

Славянский бог лишь кивнул.

Эрлик-хан развернулся ко мне всем корпусом, вытянул вперед свои огромные руки, с громким хеканьем развернул ладони и щелкнул пальцами.

Одну руку он положил на колено, а второй сжал рукоять меча из зеленого металла.

— М — Е — Ч! — Слово Эрлик-хана просто развалило разом всё.

Сферу, щиты, плащ из Тьмы — все просто рассек МЕЧ. Самый кончик клинка дотянулся и до меня. Я почувствовал, как кончик клинка рассекает меня от центра груди до левой ключицы. Я упал на колено, тяжело дыша, темная кровь теплым покрывалом начала покрывать грудь.

— Надо же, он выдержал! А я уже подумал, что его надвое развалит! — Хохотнул Эрлик-хан.

— Сделка. — Напомнил Чернобог.

— Да, сделка. — Кивнул Хозяин Подземного Мира, — Подойди ко мне, смертный.

Впервые он обратился ко мне на прямую. Я на ватных ногах подошел к Эрлик-хану. Вблизи он казался ещё более огромным.

— Я, Эрлик-хан, Владыка Душ, Хранитель Закона и Верховный Судья, Хозяин Подземного Мира, дарую Право этому смертному. Слово мое произнесено, Слово мое нерушимо. И Стихии будут мне Свидетелями. — Голос Эрлик-хана заполнил все пространство. Мне показалось, что сейчас оно звучало по всем уголкам Подземного Мира. Каждый слышал его

Слово, каждый его принял. И никто из Духов и Богов не решиться его нарушить.

— Тогда, как говорят у нас, пора и честь знать. Пойдем мы, Владыка Подземного Мира. — Чернобог поднялся из-за стола, коротко поклонился Эрлик-хану и подошел ко мне.

С каждым шагом Чернобог уменьшался, и рядом со мной стоял уже просто высокий мужчина (со своими особенностями внешности).

Он осмотрел рану, цыкнул и поднял правую руку, вытянув указательный палец.

— Пламя. — Шепнул Чернобог.

Перед указательным пальцем вспыхнул тонкий голубой огонек.

— Стой смирно. Будет больно. Но оно того стоит. — Кивнул Чернобог.

Он схватил меня левой рукой за плечо, а правой начал прижигать рану. Это было больно. Это было очень БОЛЬНО! Я сжал зубы и терпел эту экзекуцию...

— Этот старик все также продолжает творить какие-то безумные испытания за право прохода по мосту, иногда мне кажется, что он уже давно окончательно обезумел. Хотя я удивлен, что ты смог так быстро начать слышать шепот стихии. Возможно, в будущем, это нам пригодится. — Чернобог осмотрел пустую глазницу и положил на неё левую руку.

Вначале пришел холод. Это несло облегчение. Затем ушла боль. А затем пришло облегчение.

— Считай это Даром за то, что ты добрался до Дворца. — Кивнул Чернобог, убирая руку.

Я снова мог смотреть двумя глазами. Боли больше не было, и я с удивлением ощупал восстановившийся глаз.

— А с этим нельзя также было поступить, Великий Предок? — Я опустил вернувшийся полноценный взгляд на грудь, на которой уже зарубцевался новый шрам.

— Нет. — Покачал головой Чернобог, — Слово Эрлик-хана сильно. Эта отметина останется с тобой на всю оставшуюся жизнь. Она же и отпечатается на твоём теле. А сейчас идем, нам пора, мы и так задержались.

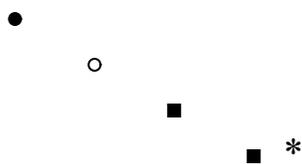
Чернобог развернулся и взмахнул рукой. Перед ним возникла дверь. Он спокойно открыл её. За ней была лишь Тьма. Абсолютная и непроглядная. В ней не было ни одного намека на свет. Она была тихой и спокойной, её шепот моментально донесся до моего разума. До моей Души.

— И куда мы, Великий Предок? — Нервно сглотнув, спросил я.

— Во Тьму, — Чернобог весело (!) улыбнулся, — ты вместе со мной сделаешь шаг во Тьму, я проведу тебя, живого, по глубинам изначальной Тьмы, мы пройдемся по самой Бездне, с

помощью этих древних потоков энергий Тьмы мы на миллисекунду приоткроем дверь в Сверхсознание, вернемся из вневременья, дабы услышать Откровение, увидеть пробуждение Смерти и рождение Земли, вспышку первого яростного Пламени и вернуться к началу Дороги Шамана.

Вышний славянский Бог взял меня за руку и шагнул во Тьму.

Матвей, весь бледный и вспотевший лежал на ковре рядом с костром в юрте.

От центра груди и до левой ключицы протянулся багровый шрам. Баир Баторович, который всё это время продолжал камлать, так и не понял, когда он упустил момент появления нового шрама. Секунда — и его не было, и вот — он уже есть на груди.

Близилась сумерки. За ними придет новый рассвет. Он не сказал молодому рыкарю лишь одно — если он умрет в мире духов, то умрет и его физическое тело, вместилище его души...

Неожиданно молодой рыкарь открыл глаза, заполненные Тьмой. Он резко сел на ковре, открыв рот в немом крике. Начиная от глаз, Тьма пробежала по каждому сосуду, заполняя их. Пальцы крючками вцепились в ковер под рыкарем, тело выгибалось в приступах агонии. Шаман и его ученик слышали, как хрустят все суставы рыкаря. Жаргал отскочил от Матвея, стараясь не коснуться Тьмы, которая уже начала выступать на теле рыкаря словно пот. Спустя пару минут все закончилось.

Матвей тяжело дышал, лежа на ковре. Глаза вернулись к обычному виду, Тьма из сосудов ушла, все тело расслабилось. Молодой парень мутным взглядом поймал фигуру старого шамана, пытаясь сфокусироваться на ней.

Баир Баторович закончил камлание.

— Давно не виделись, Матвей. — Улыбнулся Баир Баторович.

Глава 4. «Крыло другое — птица та же»

РИ, Сибирь, Листвянка, берег Байкала.

— Держи, Матвей. Это мой подарок тебе. — Баир Баторович протянул мне свернутый хадак, — мне даже интересно было бы встретиться с тобой лет через пять и посмотреть, кем ты станешь. — Спасибо, Баир Баторович, если жизнь меня в Иркутск заведет вновь, обязательно заеду к вам в гости. Вы смогли научить меня смотреть на многие вещи с другой стороны. — Ответил я, принимая сверток и разворачивая его. Внутри лежало маленькое латунное зеркало размером около семи сантиметров в диаметре, завязанное на синюю нить, сплетенную из монгольского шелка. С левой стороны, чуть выше, если надеть зеркало на

себя, висела пуля из латуни. — Это шаманское зеркало — толи, а выше пуля — зурхайбши, если объяснять в упрощенной форме — это щит и пуля шамана, щит защитит от злых духов, меч поможет дать им отпор. — Кивнул Баир Баторович, давая тем самым знак, что я могу надеть этот оберег на себя, — со временем он вберет в себя частицы твоей силы и станет помощником в жизни. — Благодарю, наставник. — Я низко поклонился старому шаману. — Ступай, вам уже пора выезжать. — Кивнул Зааменский и сжал мое предплечье и прощание. Я повернулся к Жаргалу: - До встречи, Жаргал, надеюсь, ещё увидимся. — Ну, если ты будешь в Бодайбо, заглядывай. — Улыбнулся молодой шаман. — В смысле? — Не понял я. — Мое обучение у наставника тоже подошло к концу, так что я скоро поеду к себе домой, в Бодайбо, там уже давно нет своего шамана. — Пожал плечами Жаргал. — Обязательно загляну, если будет возможность. — Ответил я, и мы сжали предплечья друг друга. Я развернулся и начал спускаться к воротам забора, окружающего участок Баира Баторовича. У ворот я обернулся и помахал шаманам на прощание. Они повторили жест, и я покинул шаманскую поляну. За воротами стояла машина такси, в которой уже сидели дед, Софья и Конев. — Ну что? Пора в столицу? — Конев был явно веселом настроении, последние три недели ему было просто нечем себя занять, а сейчас он возвращался в поместье вместе с дедом и Софьей, да и учебный год вновь скоро начнется, и Василий Иванович начнет гонять курсантов... — Да, пора в столицу. — Тихо ответил я, кидая взгляд в сторону священного озера. Над поверхностью Байкала танцевали воздушны потоки северо-восточного Баргузина, разогнавшего все облака над озером. Солнце стояло в зените и дарило последние теплые дни. Впереди у меня был новый учебный год. Пора было отправляться в столицу Империи...

•

○

■

■ *

РИ, Санкт — Петербург, Николаевский вокзал

— Внимание, дамы и господа, пассажирский поезд комфорт — класса “Байкал” прибывает на третий путь через двадцать. Температура в столице составляет... — Я разлепил сонные глаза и сил на своем месте. Дед, Софья и Конев сошли с поезда ещё в Новосибирске. Но дед толи неверно объяснил, то ли его не поняла женщина — кассир бальзаковского возраста на железнодорожном вокзале в Иркутске, но в моем купе оказались выкуплены оба места вплоть до столицы. Как вы думаете, чем я занимался последние два дня дороги? Правильно! Я спал! Все-таки три недели сна по четыре пять часов в сутки изматывают, и не организм в целом, все же в становлении рыкарем есть свои плюсы, но вот нервную систему та точно! И два дня я потратил на то, чтобы нормально выспаться и отдохнуть. О, это великое блаженство — сон... Но все хорошее, как говорится, заканчивается. Так и мое отшельничество в поезде. Вот что мне понравилось в поезде, так скажем, “люкс” класса, так это наличие своей душевой в каждом купе. Я быстро встал, умылся, принял душ и начал собираться на выход. Бриться не стал, так как официальных встреч у меня сегодня не планировалось. Да и подстричься бы не мешало... Так что на сегодня все мои планы были расписаны всего в двух пунктах: добраться до дома и сходить в цирюльнику, кабинет которого располагался через три дома от моего на Декабристов... Такси я поймал быстро, не

смотря на то, что рядом с Николаевским вокзалом не было припарковано ни одной машины. Дом 21/2 по улице Декабристов встречал меня тишиной и покоем. Я вошел во внутренний дворик через калитку и устроился в беседке, которую так любил мой сосед с первого этажа. — Доброе утро, Матвей Александрович, давненько мы с вами не бэсэдовали. — С улыбкой из задней двери квартиры первого этажа вышел господин Арик Давидович Эльман, хозяин аптеки и мой сосед. Старый еврей с молодыми глазами все также был тучен и жизнерадостен. Он вышел из квартиры с термосом, складным столиком и газетой под мышкой. Своему стилю он не изменял: идеально чистые лакированные туфли, черные брюки, нарукавники и жилетка, белоснежная рубашка, черная шапочка — ермолка и золотой крючок с цепочкой карманных часок, тянущейся до кармана жилетки. — Доброе утро, Арик Давидович. И правда, давно не виделись. Я не узнал вас сразу, явно лето пошло вам на пользу, как говорится, богатым будете. — С улыбкой отдал я коротки поклон. — Ой, ну шо вы говоритэ, в мои года, Матвей Александрович, главное богатство — это здоровье. — Арик Давидович присел напротив меня, поставив перед собой столик. Старый аптекарь открыл термос и налил в кружку — кружку ароматный кофе, чей запах моментально распространился по всей беседке. Он пригубил горячий напиток, причмокнув губами от удовольствия, затем поставил кружку на столик и, соединив пальцы, продолжил: — И как прошла ваша летняя практика, молодой чэловек? Таки мы можем вас поздравить с успешным окончанием первого курса Императорского Университета? — Я думаю, уже можете. Практика прошла спокойно, сидел внутри гарнизона, лечил солдат и офицеров, занимался прямой деятельностью по профилю. В общем, мне понравилось. Особо рассказывать нечего, Арик Давидович. Время пролетело быстро, я даже заметить не успел, что практика закончилась, и мне пора возвращаться обратно в Петербург. Почему я соврал? Во-первых, с Ариком Давидовичем мы были просто знакомы и всего лишь соседями, во-вторых, я просто не понимаю, почему я должен делиться событиями своей жизни, очень значимыми и имеющими особое значение, с малознакомым человеком. С ним меня связывает лишь соседство, да утренние беседы “ни о чем”... — Что же, тогда таки и поздравляю вас с успешным окончанием первого курса Императорского Университета. И да, прошу вас, — Старый аптекарь выудил из кармана брюк связку ключей, — это ключи от вашей квартиры, моя экономка наводила порядок в ней все прошедшее лето. Я взял на себя смелость поддерживать порядок в вашей квартире, хоть вы и не просили об этом, честно говоря, я решил, что вы просто забыли об этом, когда так быстро собирались убыть на практику. И да, с вас пятьдесят имперских рублей. — Пятьдесят? — Все верно, Матвей Александрович, право слово, я даже не думал, что в столь юном возрасте таки возможны проблемы со слухом! Помню, в свою бытность, я не имел никаких проблем со здоровьем, когда мои годы равнялись вашим, да, я обладал истинно богатырским здоровьем! И так, о чем это я? А, да! Вы должны мне пятьдесят имперских рублей: сорок пять рублей, которые я исправно выплачивал экономке, и пять рублей — за мое участие в решении ваших вопросов. Я тихо “крякнул”, но полез за кошельком. Отсчитав пятьдесят рублей десятками, подошел к старому аптекарю и положил на столик, забрав связку ключей. — Благодарю за оказанную услугу, Арик Давидович. Я признателен вам за оказанную помощь. — Полно, Матвей Александрович, полно, право слово, шо вы так меня смущаете... — Махнул рукой старый еврей. — Тогда не буду вас отвлекать от утренней газеты. — Кивнул я и отправился в свою квартиру.

●
○
■
■ *

РИ, Санкт-Петербург, улица Декабристов, дом 21/2, 31 августа

Последние дни отдыха пролетели быстро, я потратил их на бытовые дела — заказ нового костюма, посещение цирюльника, покупка небольшого запаса кофе, поход в тир, посещение больницы Святого Георгия. В тире провел два дня, просто вспоминая навыки, в больнице узнал, что Володин сам уехал в отпуск на крымское побережье Черного моря отдыхать и вернется только тринадцатого сентября, так что и мне придется сидеть без работы. А связано это было с тем, что Володин дал распоряжение не приписывать меня ни к кому, кроме него самого.

Я спокойно принимал ванну после утренней тренировки, когда в дверь позвонили.

— Странно, я же никого не ждал... — Пробормотал я, выбираясь из ванной и натягивая банный халат.

Сырыми босыми ногами я прошлепал до входной двери. Единственным человеком, который мог ко мне наведаться в такую утреннюю рань, был Арик Давидович, старый аптекарь. Больше я пока никому не успел сообщить о своем приезде. Да и, честно говоря, просто не считал нужным. Близкие отношения у меня были только с Александром Кобылиным, а больше я ни с кем толком близко и не сошелся...

Звонок раздался уже в третий раз, и мне пришлось ускориться.

— Да, да, иду уже, иду! — Громко крикнул я, подходя к двери.

Быстро сотворив аркан «Целебного ока» я посмотрел на окружающее пространство. Перед дверью стояли две персоны. Одним из гостей был точно Эльман, его энергетiku я уже успел запомнить, а вот второго я не узнал, хотя я сразу отметил, что второй гость обладает, а также нарушение каналов в левой ноге ниже колена, видимо, какая-то травма. В общем-то, «Целебное око» было создано для быстрой поверхностной диагностики больных, но и для разведки за преградами на маленьких дистанциях, как я уже для себя выяснил, оно тоже подходило. Кроме этих двух энергетик на площадке перед дверью никого не было.

— Арик Давидович, доброе утро. У вас что-то случилось? — Я специально открыл дверь так, чтобы якобы «не увидеть» второго гостя.

— Да, молодой человек, я был вынужден подняться в такую рань, и даже пропустить свой утренний кофий, в связи с тем, что данный господин буквально потребовал меня сопроводить его к вам, отчего я в полнейшем негодовании, в полнейшем! — Арик Давидович был действительно зол. Золотая цепочка часов противно брэнчала в провисе на жилетке хозяина.

— Кхм — кхм. — Прокашлялся второй гость и вышел из-за двери.

Рядом со старым евреем встал молодой мужчина в зеленом парадном кителе и белоснежных брюках сухопутных родов войск с золотыми погонами ротмистра на плечах и знаками артиллериста на воротничке кителя.

Покатые плечи, мощные руки, крепкое сбитое тело, русые волосы, седые виски, серые спокойные глаза, плотно сжатые губы — типичный военный. Опирался мужчина на черную деревянную трость с набалдашником серебряного цвета. Явно получил за годы службы серьезное ранение, которое не смогли исцелить магически или восстановить с помощью общей медицины...

— Дворянский недоросль Матвей Александрович Волков? — Голос ротмистра звучал тихо.

— Да, это я. А в чем, собственно, дело?

— Меня зовут Шишкин Александр Юрьевич, я являюсь заместителем начальника армейского стола Санкт-Петербургского Его Императорского Величества Константина V «Багрянородного», ректор и начальник армейского стола требуют, чтобы вы немедленно явились со мной в Университет.

— Почему я должен сегодня немедленно явиться с вами в Университет? — Прищурился я.

— Согласно Особому Указу Его Императорского Величества Алексея Третьего 31/23222/1 от 11.12.1861 года «Об особых Одаренных», каждый подданный Империи, обладающий высокоразвитым Источником, подлежит регулярной периодической проверке и учету. Подпункт третий пятнадцатого пункта основной части Указа. Так что советую поторопиться. — Ротмистр поджал губы. Развернулся и начал спускаться по лестнице вниз, на пятой ступени он остановился и бросил через плечо, — я буду ждать вас в машине, юноша.

— Матвей Александрович, советую вам поторопиться, не стоит заставлять представителя Университета ждать вас слишком долго, молодой человек. — Тихо прошептал старый аптекарь. Злость из выражения его лица и речи моментально пропала, стоило ротмистру Шишкину скрыться и поля зрения.

— Спасибо, Арик Давидович. Я поспешу последовать вашему совету. Прошу меня простить, мне нужно собраться. — Кивнул я.

— Ой, ну что вы, молодой человек, не стоит благодарности, но бутылочку красного сухого приму в дар с удовольствием. — Усмехнувшись, ответил старый еврей, и начал спускаться.

Я лишь вздохнул, подумав, что старый аптекарь своего не упустит...

Пришлось очень быстро собираться. Я натянул на себя серый костюм в клетку, который мне передали в благодарность Кобылины, галстук вязать не стал и открыл свой чемодан (как же хорошо быть запасливым хомяком!) — внутри лежали еще три куса кварца. Было у меня

оформившаяся мысль, что меня могут проверить сегодня на силу. По этому темный Источник я практически полностью опустошил. После скорой процедуры по закачиванию своей силы в кварц, которая заняла от силы три минуты, я, схватив свою студенческую сумку, выскочил из дома (едва не забыв закрыть квартиру).

На улице меня ждал внедорожник черного цвета. Автомобиль сразу выделялся высотой и агрессивным дизайном с непроглядной тонировкой. Номера машины были белыми на черном фоне, что свидетельствовало, что машина принадлежит армейскому ведомству Российской Империи.

— Вы позволите? — Открыв переднюю пассажирскую дверь, я вновь увидел сурового ротмистра Шишкина.

— Вы не спешили. — Ответил ротмистр, выпуская облако табачного дыма.

Я лишь пожал плечами. Отвечать на эту реплику было бессмысленно.

Шишкин ещё раз затянулся и затушил сигарету. Только после того, как он закрыл пепельницу и завел внедорожник, он сказал:

— Садитесь.

Я залез в машину, пристегнул и решил прикинуться овощем. Не могу сказать, что общение с ним мне было приятно, скорее он вызывал у меня чувство неловкости. С одной стороны, он вроде бы и начальник, но где-то там и над кем-то, но точно не надо мной. Да и практика моя уже закончена, значит, и военным я уже не подчиняюсь, с другой стороны, мужик он явно не плохой, а скорее даже наоборот, просто армейский быт наложил на него свой отпечаток...

— Надеюсь, вы не решили, что теперь всеильны, юноша? — Первым, спустя пару минут, как машина начала движение, начал диалог Александр Юрьевич.

М — да, видимо, все, кому было разрешено ознакомиться с отчетом полковника Ибрагимова, уже его прочитали. И ротмистр вошел в их число. Только для чего мне нужно явиться в ректорат? Тем более к ректору? Да, всё-таки, хотя бы поверхностно, но мне нужно ознакомиться с законами Империи. Особенно с теми, которые касаются дворян, князей, бояр и Одаренных...

— Нет, ваше благородие, таких мыслей у меня не было, скорее даже наоборот. Я понял, насколько я еще неопытен как медик в составе армейского подразделения. — Ответил я, боковым зрением ловя реакцию Шишкина.

— Хм... — Ротмистр хмыкнул, — думали продолжить службу Империи в составе армии после окончания Университета?

— Рассматриваю все варианты, ваше благородие, в том числе и этот. — Кивнул я.

Ну а что? Я действительно рассматривал и такой вариант. Просто решил, что принимать

такое решение буду уже перед окончанием Университета. До этого момента можно и просто пожить для себя...

— Будет неправильно, если я скажу что-то против этой идеи. Но дам совет на будущее — сто раз все взвесьте, юноша, прежде принимать подобное решение, даже для Одаренного с его долгой жизнью срок службы в армии — очень долог. А уйти можно только двумя путями — со щитом или на щите. А за срок службы хотя бы в одном вооруженном конфликте поучаствовать придется. А Лекари нужны везде и всегда. Даже если они становятся рыкарями.

— Учту на будущее, ваше благородие.

— Молодец, мы почти приехали. — Кивнул Шишкин и начал поворачивать на парковку служебного автотранспорта Императорского Университета.

После того как машина была запаркована, я вслед за ротмистром прошел главный корпус, поднялся на третий этаж и сейчас стоял у приемной кабинета ректора Петра Александровича Задунайского.

— Ожидайте здесь. — Коротко сказал ротмистр Шишкин и прошел в приемную, оставив меня за дверью.

До третьего этажа доносился шум с первого — шел последний день вводных занятий перед началом основного учебного года. Первокурсники шумели, галдели словно дети, делясь впечатлениями между собой, словно дети. Хотя они и были детьми. Да, большими, да, уже почти взрослыми, да, почти самостоятельными, но пока ещё детьми. Хотя, с другой стороны, большинство из них ещё не были расчетливыми, хитрыми, стремящимися к личной выгоде... Эх, прекрасный возраст, когда веришь, что все впереди, весь мир у твоих ног и тебе покоряться все вершины, ты станешь успешным, любимым, богатым, значимым...

Хотя, о чем это я? Я, ведь, и сам сейчас в таком же возрасте! И весь мир и так передо мной! И мне...

— Пройдемте, Матвей Александрович. — Дверь приемной ректора открылась, и оттуда показался ротмистр Шишкин.

Я отвлекся от своих мыслей и прошел в кабинет.

Секретаря ректора сегодня не было на привычном месте, так что мы просто пришли во вторую комнату приемной.

Я впервые оказался в кабинете ректора. Стены кабинета имело светло — серый тон, пол кабинета покрыт темно — серым паркетом. По правой стороне тянулся ряд из пяти окон во всю высоту стен, которая была явно выше двух с половиной метров. Левую стену занимали три картины с различными пейзажами природных катаклизмов, с которыми боролись Одаренные: на первой было изображено извержение вулкана, перед которым стоял

Одаренный, поднимая огромную каменную стену, преграждающую путь потокам магмы, на второй — Одаренный поднимал огромную контр — волну навстречу грядущему цунами, на третьей — Одаренный стоял в центре колоссального торнадо, удерживая его на месте. Ближайшие две трети кабинета занимал огромный овальный стол, рядом с которым стояло тринадцать стульев. В дальней части, напротив последнего окна, стоял одинокий рабочий стол с мягким креслом. В отдельной стойке, рядом с рабочим столом стоял посох, полностью изготовленный из мифрила. Как только я вошел в кабинет, сразу почувствовал ауру, которую посох распространял вокруг. Сейчас кабинет выглядел пустым. За столом сидело лишь трое собеседников.

Во главе стола заседал, конечно, ректор Императорского Университета — Петр Александрович Задунайский. Мужчина преклонных лет, уже частично растерявший былую физическую крепость, но сохранивший хитрость и остроту ума. Седой как лунь, насколько я уже смог узнать, Петр Александрович уже давно передал титул главы клана своему наследнику и занимался исключительно преподавательской и научной деятельностью.

Справа от него место занимал профессор Золотой, декан моего факультета, слева — этого мужчину я вообще не знал... Хотя, военная форма и погоны полковника говорили о простом выводе — это был тот самый начальник армейского стола.

— Господин ректор, студент Волков Матвей Александрович по вашему указанию прибыл. — Я вошел в кабинет и поклонился.

— О, Матвей Александрович, проходите. Мы вас ждали. — Ректор поднял на меня взгляд и указал на кресло напротив него.

Я кивнул и занял предложенное мне место. За спиной встал ротмистр Шишкин.

Пару минут трое мужчин рассматривали меня, словно искали отличия от меня предыдущего. Самым забавным было то, что единственным человеком, который действительно мог бы найти какие-нибудь изменения, если бы они действительно были — профессор Золотой. С ним я, по крайней мере, на практике и экзамене провел вместе около сорока часов за прошлый год. Ректора я видел только на официальных мероприятиях, а главу армейского стола при нашем Университете вообще ни разу не видел до сегодняшнего дня.

— Матвей Александрович, мы получили отчет по пройденной вами практике в крепости «Саркел», в отчете полковник Ибрагимов отмечает ваш профессионализм, а также сообщил нам, что своей властью командира гарнизона отправил вас в короткий отпуск, после всех произошедших с вами событий. В принципе, я абсолютно не против такого решения, тем более, что восстановление в родных стенах после столь мрачных событий пройдет лучше и быстрее. Однако, я не могу не отметить тот факт, что вы никаким способом не проинформировали Университет о своих перемещениях, а также не выполнили предписания Особого Указа 31/23222/1 от 11.12.1861 года «Об особых Одаренных». Это меня несколько опечалило, Матвей Александрович. — Ректор по старшинству решил взять первое слово.

Когда Петр Александрович закончил, я поднялся, поклонился и ответил:

— Господин ректор, прошу простить мое поведение, я был несколько не собран после прошедших событий, что и сбilo меня с правильного порядка действий. Но также хочу отметить, что в рамках учебной программы первого курса нас не ознакомили с предписаниями Особого Указа 31/23222/1 от 11.12.1861 года «Об особых Одаренных». И порядок действий, описанных в данном Указе, мне неизвестен. Если я правильно помню нашу учебную программу, то ознакомление с различными нормативными документами у нас стоит лишь во втором полугодии третьего курса.

Золотой на мой ответ лишь одобрительно улыбнулся, а вот начальник армейского стола наоборот нахмурился.

— Чему вы там учите их на своем врачебном факультете, Андрей Владиславович? — Буркнул начальник армейского стола.

— В первую очередь, думать, в том числе и критически, Борис Александрович, во вторую — лечить, в третью — прививаем нормальные морально — этические нормы, которые помогут им прожить достойную жизнь. — Золотой отвечал начальнику армейского стола, скрестив руки на груди и приподняв одну бровь.

Между этими двумя явно пробежала черная кошка. Хотя, глядя на то, как «набычился» начальник армейского стола, я думаю, тут не кошка была, а большой черный слон.

— Ну-ну, а потом они ни черта в армии не могут...

— Врач в армии нужен не для того, чтобы убивать и калечить...

— Иногда и врачу нужно взять в руки винтовку...

— Вам бы, Борис Александрович, только винтовку в руки всучить...

— Коллеги, прошу вас. — Перебил разгорающийся спор Задунайский, и оба спорщика моментально замолчали, — все-таки, у нас в гостях студент, не будем подавать дурной пример молодому поколению. И так, на самом деле, Матвей Александрович, ничего критически страшного не произошло. Все-таки, вы отправились на малую родину, а не на передовую. Но на будущее знайте, согласно Указу, любой Одаренный, ставший рыкарем, либо добившийся Ранга Архимага и выше обязан сообщить об этом достижении в Императорскую канцелярию, так как эти подданные становятся, как бы сказать вернее... Стратегическим потенциалом страны.

Ага, особенно Одаренный, который достиг ранга «Стихия» побежит срочно докладывать о том, что он теперь так крут, что просто желает стать стратегическим резервом в обойме Империи... Так и хочется сказать, чтобы заканчивали нести этот бред, но нельзя. Я же сам пока не Стихия...

У меня уже сложилось мнение, что все Одаренные ранга Стихия в Империи живут спокойно только по одной причине — из восьми Одаренных ранга Стихия, которые проживали в

Империи, три принадлежали к Императорскому роду.

— Если такая ситуация возникнет вновь, обещаю вам, при первой возможности, я постараюсь действовать согласно предписанному Указом порядку, господин ректор. — Ответил я.

— Хорошо, Матвей Александрович, мне будет достаточно вашего слова. А теперь прошу вас уже лично рассказать нам о событиях в форте и патруле. — Ректор сплел пальцы в замок и положил на них подбородок.

А я начал рассказ. Рассказ затянулся. Я начал с самого убийства, операции с прапорщиком Маханьковым, о моих наблюдениях в отношении некро — энергии, которая копилась в егерях. Рассказал, как упрашивал полковника Ибрагимову отпустить меня в патруль. Рассказал о нападении на патруль и «правильную» версию становления рыкарем. Рассказал, как назывался артефакт, использованный афганцем. Рассказал о роде Нафизулах, похищениях егерей и гражданских, караване наркотиков. На моих словах о том, что пришлось проводить допрос на месте, начальник армейского стола криво ухмыльнулся, кинув взгляд на Золотого. Закончил рассказ тем, как находился в особом отделе, откуда меня и забрал полковник Ибрагимов.

Пока я вел свой рассказ, нам принесли чайник и чашки, которые наполнил Золотой, расставив их всем, кроме начальника армейского стола — тому пришлось встать со своего места и подвинуть чашку лично.

К концу рассказа Андрею Владиславовичу передали резную шкатулку и крупный кусок янтаря. Как я и думал, проверку мне решили все-таки устроить...

— После этого я отправился в Новосибирск, господа. На этом моя фактическая практика была закончена. — Закончил я свой рассказ и взялся за ручку фарфоровой чашечки с душистым чаем.

Золотой достал в это время из резной шкатулки малый артефактный алтарь, служащий для проверки количества УЕР по наполненности янтаря или кварца, без указания подконтрольных Стихий.

— Матвей, будьте любезны. — Он с улыбкой протянул мне янтарь. Я кивнул и взял кусок янтаря в свои руки. Пара минут, я отдал в него три четверти резерва светлого Источника, и янтарь начал светиться словно маленькое солнце. Я передал его обратно Золотому.

— Интересный эффект. Он даже стал теплее. — Буркнул себе под нос Андрей Владиславович и расположил его на площадке артефакта, спустя секунд десять он удивленно присвистнул, — ну, надо же! Матвей, какой результат был в прошлом году на поступлении?

— Около пятисот условных единиц расчета. — Ответил я.

— Вы ведь сейчас отдали не все?

— Примерно пять шестых. — Соврал я.

— Текущий результат — шестьсот семьдесят три УЕР. Если бы это было при прошлом физическом состоянии, я бы на этот год упаковал вас в кабинет к Анне Андреевне для тренировки и развития контроля, а в конце года отправил бы на экзамен, на ранг Архимага.
— Ответил Золотой, — Вы не могли бы нам также продемонстрировать вашу вторую форму?

Вдох — выдох — вдох- выдох. Я почувствовал, как тело изменилось. Это ощущение было похоже на погружение в воду. Спокойную, прохладную, тихую. Вот стою я, секунда — и холодная волна меняет — волосы стали длиннее, мир в глазах вокруг преобразается, на пальцах появляются короткие когти.

Ректор с интересом принялся меня разглядывать, Золотой поднялся со своего места и начал крутиться вокруг меня, создавая арканы исследования и диагностики, а полковник наоборот отодвинулся и нахмурил брови. И только сейчас я понял, что меня немного смущало в начальнике армейского стола — он не обладал Источником. Полковник был простым человеком. Нет, не подумайте, у меня нет никаких предрассудков по поводу наличия или отсутствия Дара, но вот пульсирующие ненависть и зависть, исходящие волнами от полковника, я чувствовал ярко. Негативные эмоции в старшем офицере просто зашкаливали.

— Какая интересная форма рыкаря, — Задумчиво сказал Золотой, продолжая проводить диагностику, — практически полностью соответствует человеческому телу, изменения минимальны. Матвей Александрович, вы, скорее всего, не в курсе, но это достаточно редкая форма. Большинство рыкарей получают во второй форме, в первую очередь, усиление своих физических возможностей, а вот те рыкари, которые принимают форму, близкую к человеческой, усиливают свои способности. Вы можете поделиться секретом?

— Каким, Андрей Владиславович?

— Кто ваш Небесный Покровитель?

— Простите, Андрей Владиславович, — Покачал головой я, — но мой дед запретил мне раскрывать подобные тайны, так как они имеют отношение к роду. С подобными вопросами стоит обращаться к нему лично.

— Да, простите, это действительно вопрос безопасности рода. Но попытаться же стоило. — Весело подмигнул Золотой и вернулся на свое место.

— Каков ваш вердикт, профессор? — Ректор обратился к Золотому.

— Молодой рыкарь, усиление способностей Дара, возможно, вероятнее всего, усиление всего Дара разом: Жизни, Воды и Воздуха. Также есть следы темного Источника на ауре, но это не проклятие, думаю, что это остатки темных арканов, которые попадали на нашего подопечного в процессе схватки. С учетом развития пассивного Аспекта нашего подопечного — весьма серьезный потенциал на будущее, в частности, как Лекаря.

— Каждый Одаренный должен служить на благо Империи. — Впервые подал голос полковник, с момента как я принял форму рыкаря.

— Ой, вы его хотите прямо сейчас в армейский корпус завербовать? — С издевкой спросил Золотой.

— Я имею право предложить ему это. А также Указом Императора я имею право мобилизовать любого Одаренного в Университете, начиная со второго курса обучения, если в этом есть необходимость, и данное действие послужит на благо Империи. — Хищно улыбнулся полковник.

— Борис Александрович, я, честно говоря, не могу припомнить в утренних новостях хоть какое-то упоминание о войне между Империей и кем-то еще...

— Империя всегда находится на войне, и не обо всех войнах нужно рассказывать обществу. А рыкарь способен на многое в хорошем подразделении и при грамотном руководстве...

— Так! Вы оба можете вести свои дебаты без присутствия студентов и не в моем кабинете!

— Голос ректора был похож на камень.

Оба соперника моментально замолчали и опустили взгляд на стол.

— Подведу итог, Матвей Александрович. С тем, что вы стали рыкарем, поздравлять не буду, так как события, которые ведут к этому, никак нельзя назвать приятными. Слова Бориса Александровича тоже верны, определенные действия он имеет право совершить, как и может предложить вам добровольно вступить в армию.

— Я... — Я начал было отвечать, но меня прервал звук открывающейся двери.

— Не думаю, что господин полковник может призвать на службу данного юношу. — За моей спиной послышался знакомый голос.

Дверь в кабинет ректора хлопнула за моей спиной. К моему стулу подошел Алексей Владимирович Кобылин, наследник рода Кобылиных и отец Александра.

— Здравствуй, Матвей. — Алексей Владимирович улыбнулся мне.

— Добрый день, Алексей Владимирович. — Кивнул я в ответ на приветствие наследника.

В кабинете стало заметно напряженнее.

— Добрый день, Андрей Владиславович. Добрый день, Петр Александрович. Прошу прощение за то, что так бесцеремонно ворвался к вам в кабинет.

М-да, у главы розыскного крыла Тайной Канцелярии Российской Империи явно серьезная репутация, раз все в кабинете разом напряглись. Алексей Владимирович сам взял стул, поставил его рядом со мной и занял место справа от меня.

— И почему же я не могу призвать Волкова? — Нахмурился полковник.

— Так как близкий родственник Волкова долгое время проходил службу в составе Тайного Приказа Российской Империи, и срок секретности после его увольнения не вышел, вы не можете мобилизовать юношу в данное время, для его мобилизации требуются события глобального масштаба, которые несут прямую угрозу существованию и целостности Российской Империи.

— И сколько лет еще осталось от срока секретности? — «Надулся» полковник.

— Около десяти лет. — Усмехнулся Алексей Владимирович, — если Матвей Волков к тому времени еще будет учиться в стенах этого благородного учебного заведения, то мы сообщим вам об окончании действия запрета.

По лицу полковника загуляли желваки.

Золотой же с довольной миной откинулся на спинку стула и, скрестив руки на груди, победоносно посмотрел на начальника армейского стола.

— Я подожду. — Выдавил из себя полковник и поднялся со своего места, — прощу меня простить, господа, впереди еще много дел. — И полковника и след простыл...

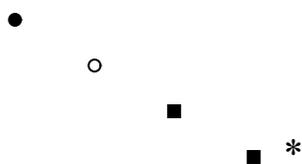
— Если у вас к Матвею больше нет вопросов, то, с вашего позволения, я отвезу его домой, господа. — Кивнул Алексей Владимирович, поднимаясь со своего места.

— Да, это очень любезно с вашей стороны, Алексей Владимирович. — Кивнул Петр Александрович, — до встречи, Матвей Александрович. Жду вас завтра на учебе.

— Да, Матвей Александрович, прощу вас не опаздывать завтра, первая ваша лекция у меня. — С улыбкой кивнул профессор Золотой.

— Благодарю за встречу, Петр Александрович, Андрей Владиславович. Обещаю завтра не опаздывать.

Я поднялся со своего места и покинул кабинет ректора вслед за Кобылиным.

Мы сели в машину Алексея Владимировича и двинулись со стоянки Университета.

— Алексей Владимирович, вы позволите задать вопрос? — Я посмотрел на наследника Кобылина, который расстегнул пиджак на заднем ряду.

— Хоть десять. Время у нас есть. — Улыбнулся Кобылин, открывая бутылку воды «Байкал»

и протягивая мне вторую.

— Вы знакомы с начальником армейского стола Университета?

— Хах, не-е-е-ет. Это просто навык общения, качественная подготовка и хорошо собранное досье. Начальник армейского стола Борис Александрович Галушин, полковник, неодаренный, выпускник Московского Военного Училища, дважды был в командировках в составе экспедиционного корпуса, за службу получил титульное дворянство без земельного надела. Дальше подполковника на службе продвинуться не смог в связи с тем, что особыми талантами в командовании не отличался. Во второй командировке получил тяжелое ранение, почти год провел в госпиталях на восстановлении. После по результатам комиссии был признан не годным к строевой службе, тогда освободилась полковничья должность начальника армейского стола, она считается штабной, вот его сюда и перевели дослуживать до отставки. И да, он недолюбливает всех Одаренных, считает, что именно из-за Одаренных он не смог расти дальше в чине.

— А зачем ему нужен я?

— О, я думаю, что ему нужен не ты конкретно, просто ты попал под руку.

— М?

— Как думаешь, как много рыкарей учиться в стенах Университета?

— Не могу дать ответ на этот вопрос. — Я покачал головой.

Я действительно не мог ответить на этот вопрос. Количество и имена рыкарей не афишировались на каждом углу, и знать их количество было просто невозможно.

— Ни одного. — Кивнул Алексей Владимирович, но тут же поправился, — вернее, не было ни одного, теперь есть только один ты. Видишь ли, рыкарями становятся очень редко в ходе весьма опасных событий, которые заставляют и тело, и Дар работать на износ, преодолевая самих себя. В настоящее время, твой случай — самый ранний по возрасту среди всех зафиксированных на данное время.

— А привлечь меня к службе действительно не могут?

— Не могут, если не наступят те обстоятельства, о которых я говорил в кабинете, — Покачал головой Кобылин, — это обязательная мера защиты сотрудников Тайного Приказа.

— А вы откуда узнали, что меня вызвали в Университет? Вы знакомы с Золотым?

— Нет, — Покачал головой Алексей Владимирович, — об этом попросил твой дед, он сразу подумал, что тебя попытаются завербовать в армию. Золотой просто откровенно недолюбливает Галушина.

Пару минут мы молчали. Я обдумывал сказанные Кобылиным слова, а Алексей

Владимирович просто сидел и наблюдал за мной.

— Видимо, теперь мне не стоит попадаться в поле внимания господина полковника. —
Наконец произнес я.

— Ну, это было бы не лишним. — Кивнул Кобылин, — а, да! Отец просил тебе передать, что
в скором времени тебя могут пригласить на Имперский Бал Осеннего Равноденствия. Так
что советую подготовиться к этому событию.

— Э-э-э-э-э-э-э-э-э-э-э-э-э-э-э-э-э-э... — Я просто опешил от таких новостей.

— Чего ты завис? — Рассмеялся Кобылин.

— Это немного пугает, если честно. За какие заслуги меня пригласят во Дворец?

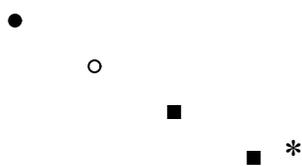
— Скажем так, это проявление доброй воли государя за самоотверженность в вопросе
защиты интересов Империи.

Машина доехала до улицы Декабристов.

— Что ж, тебе пора готовиться к началу занятий, а мне нужно дальше на службу. До встречи,
Матвей. — Протянул руку Алексей Владимирович.

— До свидания, Алексей Владимирович. Спасибо вам за оказанную помощь. — Я пожал
протянутую руку и покинул салон автомобиля.

Машина наследника Кобылина тронулась с места, а я отправился домой. Завтра был первый
день учебы на втором курсе.

РИ, Санкт-Петербург, Университетская набережная, Санкт-Петербургский Университет его
Императорского Величества Константина V «Багрянородного»

Первый день осени встретил меня ярким солнцем и прохладным ветром. Выбравшись из
такси (да, сегодня я решил немного шиковать) я пошел к главному корпусу университета.

Сегодня был первый день занятий на втором курсе. Я прошел в главный корпус и начал
подниматься на четвертый этаж. В этот момент со спины, почти сбив меня, в меня прилетел
спортивный болид, и попытался взять на «удушающий».

— И долго ты бегать от меня собрался?! — Услышал я голос из-за спины.

Подсесть, легкий укол локтем в бок, одна рука под захват, вторая рука на замок кистей

условного противника, сжатие первого сустава большого пальца на верхней кисти замка, разворот, подсечка, перехват контроля, тело условного противника теперь в моем захвате и «висит» на нем, потеряв опору в ногах. М-да, свои уроки Конев все-таки смог «вбить» мне на подкорку.

— А я и не бегал, — Ответил я, удерживая Сашу Кобылина в захвате, — вообще-то, я собирался встретиться с тобой после пар, у тебя в расписании на одну лекцию больше, чем у меня сегодня.

— Можно уже и отпустить. — Прохрипел Саша, и только сейчас я его отпустил.

— Привет, Саша. — С улыбкой сказал я, когда Кобылин повернулся ко мне лицом, — а ты немного изменился.

А он за лето, пока мы не виделись, немного изменился. Все также стройный и высокий, с прямыми черными волосами, зачесанными назад, тонкие скулы и тонкий прямой нос, карие, почти что черные глаза, узкий подбородок, узкие бледные губы, да и сам слегка бледный, словно недавно отболел, тонкие кисти с длинными тонкими пальцами. Но вот плечи стали заметно шире, килограмм пять в массе прибавил, да и взгляд стал более цепким...

— Привет, Матвей. Просто взял с тебя пример в вопросе физического развития. И да, можешь меня поздравить, — Кобылин с довольным лицом поднял руку с указательным пальцем вверх, я достиг ранга Подмастерья.

— Поздравляю, — Кивнул я, продолжая улыбаться, — с такими темпами развития Контроля, ты действительно сможешь через год добиться ранга Мастера.

— Но до тебя мне далеко, — Саша подошел ближе и продолжил тихим голосом, — дед рассказал мне, что с тобой произошло. Да и в университете уже большинство старших и средних курсов знают о событиях на границе с Афганистаном. Так что ты теперь — местная знаменитость.

— В смысле? — Не понял я.

— Как? Ты не в курсе? — Удивился Саша и полез в свою сумку, — сейчас покажу, подожди.

Младший Кобылин достал из сумки сложенную газету «Вестника Империи». Он развернул ее и открыл на центральном развороте. Там на меня смотрел огромный заголовок: «НОВЫЙ ПОХОД!»

Я начал читать статью вслух:

— В связи с добытыми неопровержимыми доказательствами, указом нашего Императора Александра Четвертого стало формирование нового экспедиционного корпуса, который прибудет на территорию афганского рода Нафизулах с целью взыскания контрибуции в пользу Российской Империи. Король Афганистана уже объявил, что род Нафизулах нарушил все нормы международного права и действовал против интересов афганской короны, в связи

с этим корона отрекается от рода Нафизулах и поддержит притязания Российской Империи о справедливости. В связи с этим, все границы рода Нафизулах будут перекрыты королевскими войсками Афганистана... — Я поднял глаза на Сашу, — и как студенты свяжут это со мной?

— Да все просто, — Саша кивнул за спину, — отчет по твоей практике пришел в университет, там с ним ознакомились, кто-то поделился с кем-то и далее по «сарафанному» радио... В итоге, за те три недели, что уже прошли с момента получения отчета о твоей практике, о твоих подвигах узнал практически весь университет...

— М-да... дела... — Я покачал головой. Быть «местной знаменитостью» мне никак не хотелось.

— Тут уже ничего не изменишь. — Развел руки Саша, — теперь тебе не отделаться от внимания студентов и преподавателей. Пусть никто и не распространяется о том, что ты теперь — рыкарь, но весь преподавательский состав точно будет теперь в курсе. А как может быть иначе? Рыкари редко встречаются, а в университете ты вообще один, так что за тобой явно будут присматривать.

— И Тайный Приказ тоже?

— Ну, пока вроде бы ни дед, ни отец о таком не говорили. Так что пока можно не волноваться об этом.

— Хоть что-то хорошее. — Выдохнул я.

— А после всех пар, что ты хотел сделать? — Сменил тему разговора Саша.

— Да вообще-то хотел бы съездить с тобой к Давиду и посмотреть, как идет развитие нашего проекта. Я же больше трех месяцев отсутствовал. А потом можно и поужинать.

— Расскажешь о том, что произошло на границе с Афганистаном?

— Расскажу. — Кивнул я.

— Тогда увидимся в холле у главного входа после последней лекции. Подождешь меня?

— Конечно. — Кивнул я, и мы с Кобылиным разошлись по своим аудиториям.

Саша пошел на третий этаж, а я продолжил подниматься на четвертый. Там я добрался до малой аудитории «4 — 005», рассчитанную на одну полную группу и вошел внутрь.

Четверо студентов группы «ЛД-01-03» уже были тут.

Хрупкая брюнетка Тоболова Анастасия, наследница рода Тоболовых, которые уже больше трех веков единолично правили городом Тобольском в Сибири, Никита Добров, солдат, который после Инициации смог поступить на Лекарское Дело, и близняшки Соколовы

Мария и Светлана, которые были дочерьми купца первой гильдии Архангельска. Они сидели кружком и обсуждали прошедшую практику.

— Доброе утро! — Поздоровался я, и все присутствующие повернулись ко мне.

— Доброе утро, Матвей. — Поздоровались близняшки Соколовы.

— Доброе. — Ответила Тоболова.

Никита, ничего не сказав, поднялся со своего места и подошел ко мне. С минуту он рассматривал меня и только после этого молчаливого изучения протянул мне руку.

— Благодарю за службу. — Только и сказал он.

Я кивнул и молча пожал протянутую руку. Да, моя группа уже явно в курсе прошедших событий. Как минимум, в общих чертах.

Следом за мной в аудиторию вошли Егоров Антон и Ольга Комаровская.

— Доброе утро, Матвей! — Поздоровалась Комаровская.

— Здравствуй, Матвей! — Поздоровался Егоров.

— Доброе утро, ребята! — Ответил я, поднимая руку.

С Егоровым мы обменялись рукопожатием.

Следом были Елизавета Скуратова и Ольга Милорадович:

— Привет, Матвей!

— Доброе утро, девочки. Рад вас видеть в добром здравии. — Ответил я.

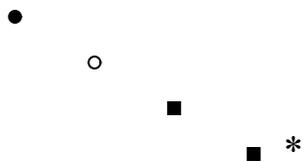
Вся группа была в сборе. Никто не отчислился и не оставил учебу. Знаете, меня это даже немного порадовало. И хоть я не был близок со своим учебным коллективом в прошлом году, мне было приятно видеть все эти знакомые лица с началом нового учебного года.

Пару минут все делились впечатлениями о прошедшей практике. Тоболова и Скуратова проходили практику у себя на малой родине, в Тобольске и Ростове-на-Дону, Добров — в своем полку, который квартировался в Тамбове, близняшки Соколовы остались в столице и были приписаны к Главному Военно — Морскому Госпиталю, Егоров практиковался во Пскове, в областной больнице, Милорадович проходила практику в Москве, а Комаровская ездила в Королевец. В мою сторону никто не задавал вопросов о практике, культурно пропуская меня в этом опросе.

Тут нашу беседу прервала открывшаяся дверь, и в аудиторию влетел Андрей Владиславович Золотой, наш декан и преподаватель дисциплины «Нормальной физиологии», классической

медицинской дисциплины, которая изучает правильное функционирование человеческих систем, а также функции организма и отдельных клеток. Такой же предмет был у меня и в прошлой жизни...

— Доброе утро, господа и дамы! С огромным удовольствием поздравляю всех вас с началом второго учебного года и переходом всех вас на второй курс обучения! Ну что же, не будем терять время, впереди у нас огромный пласт знаний, который нужно усвоить!

Я сидел на первом этаже главного корпуса Университета, ожидая окончания лекции у Саши. Полтора часа почти прошли, и вот-вот должен был прозвенеть звонок, сообщающий об окончании занятия.

— Ожидание — самое противное занятие на свете. — Прошептал я вслух.

Мимо тонким ручейком университет покидали студенты, чьи занятия уже закончили, но сами студенты задержались в его стенах. В основном, это были первокурсники, которые оставались после своих занятий на знакомство со своими кураторами...

Наконец-то прозвенел звонок, и поток студентов моментально начал возрастать.

Саша показался на лестнице спустя пять минут. Он взглядом нашел меня, махнул рукой, и пошел на встречу.

— Ну что? Можем ехать? — Спросил Кобылин, подходя ко мне.

— Да, давай только такси поймаем? — Кивнул я.

— Зачем? Я же на машине.

— Не знал, что ты умеешь водить автомобиль. — Удивился я.

— А, пришлось научиться. Пока ты был на границе с Афганистаном, я занимался оформлением бумаг для нашей компании, и это пришлось совмещать с практикой. И, чтобы успевать везде, пришлось сесть за руль, чтобы успевать везде. Отец согласился выделить мне автомобиль, если я сам сдам на водительские права, так что пришлось немного попотеть вначале, совмещая, практику, работу и обучение, но я смог. — Улыбнулся младший Кобылин.

— Тогда пошли, хвастаться будешь. — Поддержал я друга, и мы пошли на стоянку.

На стоянке нас ждал низкий темно-синий болид хищного вида. По центру капота шло ребро жесткости, на конце которого была небольшая круглая площадка прямо перед радиатором.

На площадке стояла миниатюрная фигурка стройной женщины с крыльями за спиной. Руки её были подняты к небу, в них она сжимала клинки, скрещенные лезвиями над её головой.

— Я даже такой марки не знаю! — С удивлением сказал я, рассматривая болид и обходя его по кругу.

— Это Астарта. Матвей, ну не в такой же деревне ты вырос, чтобы не знать о самой знаменитой в Империи марке автомобилей! — Рассмеялся Саша.

— Это у вас, столичных щеголей, каждый второй на дорогих машинах разъезжает. У нас же, людей в глубинке, больше любят внедорожники. Высокие, крепкие, проходимые. Потому что в России всего две проблемы. — Я с серьезным видом поднял вверх указательный палец.

— Да? И какие? — С интересом спросил Кобылин, открывая автомобиль.

— Франты и дороги. — Ответил я, ухмыляясь.

— А причем здесь те, кто красиво и дорого одевается? — Не понял Саша.

— А ты в зеркало посмотри и поймешь. — Рассмеялся я.

— Сам дурак! — Рассмеялся Кобылин, и мы сели в машину.

Как только мы сели в машину, Саша завел двигатель, и машина утробно заурчала.

— Надеюсь, ты неплотно обедал? — Хитро улыбнулся младший Кобылин.

— В смысле? — Не понял я.

— О, сейчас поймешь! Пристегнуть ремень безопасности не забудь!

Автомобиль буквально сорвался с места, выскакивая на дорогу.

— От полиции сам отмазываться будешь! — Крикнул я, судорожно пытаюсь попасть креплением ремня в гнездо замка.

В ответ Кобылин лишь расхохотался, сильнее вдавливая педаль газа.

До купчинской промзоны, где Богомоллов арендовал небольшое производственное помещение со складом, мы добрались меньше, чем за полчаса, собрав четыре красных светофора, истеричный свист трех регулировщиков движения, раз пять (или семь?!) нарушив общие правила дорожного движения.

— Ты псих, Саша, самый настоящий. Еще раз так будем ехать, и я к тебе в машину никогда больше не сяду! — Сказал я, выползая из салона.

Вот чего — чего, а умереть в автомобильной аварии в моих планах точно не было! Навыки

Саши были, конечно, на высоте, но и мы ведь не на гоночном треке!

— Извини, привычка. — С улыбкой ответил Кобылин, закрывая машину.

— Да какая, на х*р, привычка, у тебя права всего два месяца! — Возмутился я.

— Два с половиной, — Покачал головой Саша, — и, чтобы успевать везде, пришлось освоить навыки экстремального вождения. Пошли уже, Давид должен быть как раз здесь.

Кобылин двинулся к железной двери в заборе, выкрашенном в серый цвет, и трижды постучал.

За забором раздался лай двух собак и хлопок двери.

— Ша! — Старческий голос рыкнул на двух лающих собаки, и те мгновенно замолчали.

Шаркающаяся походка приблизилась к железной двери, и скрипнул проворачивающийся ключ.

— Ваше благородие. — Поприветствовал седой мужичок в черной восьмиклинке и посеревшей шинели без погон на плечах.

— Аркадий, день добрый. — Поприветствовал сторожа Кобылин.

— А с вами кто, ваше благородие? — Спросил сторож, взглянув на меня.

— Познакомься, Аркадий, это Матвей Александрович Волков, наш третий учредитель, он же является проектным директором «БВК». Он также может прибывать на производство в любое время.

— Понял, Вадима предупрежу. — Кивнул Аркадий, пропуская нас внутрь.

Старик посторонился, пропуская нас внутрь, и закрыл за нами дверь.

На территории стояли два грузовых автомобиля, кузова обоих были открыты и уже опустели. Явно разгружали сегодня в первой половине дня. Они стояли рядом с открытым одноэтажным складом серого цвета без окон, за первым зданием виднелось и второе. В центре территории стоял трехэтажный желтый цех, по боковой стороне цеха были установлены высокие окна высотой около двух метров на всех трех этажах. На каждом этаже виднелась постоянная суета. Кто-то бежал из одного края в другой, кто-то носил коробки, на первом этаже вспыхивали вспышки работающего сварочного аппарата.

Из цеха доносился рабочий шум. Работали станки, надрывалось радио, все это перекрикивали мастера, следящие за работой. В дальней стене цеха явно были ворота, потому что с обратной стороны здания уже пару раз выбегала парочка молодых парней, забегали на склад и тащили из него очередной ящик в цех.

Мы с Сашей пошли в небольшое отдельно стоящее одноэтажное белое здание, которое примыкало к забору рядом с бытовкой охранника.

— Давид должен был здесь. Он последний месяц не вылезает отсюда. И работает, и живет здесь. — Сказал Саша, подходя к двери, — Он буквально стал захвачен идеей, которую ты подал по поводу мобильных устройств связи. Он вначале скептически отнесся, но после прочтения твоих выкладок он просто с катушек сорвался. Как ты написал в бумагах? Комму-ни-ка-тор, вроде бы.

— Да, я тогда описал общий принцип идеи, которая ко мне пришла после его презентации. Честно говоря, я сам решил, что это больше фантастика, чем рабочий принцип, но, видимо, гений Давида смог увидеть в этом рациональное зерно. — Ответил я.

Ну не могу же я сказать, что в моей прошлой жизни эта технология уже была разработана?! И принцип её действия я читал в журналах по технике и технологиям, так что общий принцип действия системы связи я уже знал, как минимум, в общих чертах. Так же знал и принципы, по которым идет распространение сигнала, что и даст старт нашей компании, ведь, конкурентов у нас сейчас нет...

— Пошли, посмотришь на нашего гения. — Улыбнулся Саша, толкая дверь и входя внутрь.

Мы вошли внутрь, короткий коридор вел в две комнаты. Саша прошел налево, и я двинулся вслед за ним. Мы оказались в большой комнате площадью около пятидесяти метров. Шесть столов были составлен в один, на котором были разбросаны чертежные листы в хаотическом порядке. Тут же на отдельном столе стоял собранный компьютер с мониторов, который уже работал, системный блок его был размером с высокий однодверный шкаф высотой примерно два метра. Вспоминая фотографии первых ЭВМ моего мира, это даже можно было назвать хорошим результатом для первого образца.

В комнате стоял удушливый запах табака, все окна были закрыты. В полумраке центра никого не было, а от дальнего дивана раздавался тихий храп из-под пледа.

Саша покачал головой и повернулся ко мне:

— Видишь? Это то, о чем я говорил. — Кивнул Кобылин в сторону дивана, на котором тихо похрапывал наш гений информационных технологий.

Саша по очереди открыл три окна, после чего подошел к дивану и начал тормошить Богомолова:

— Давид, проснись, уже обед прошел! Посмотри, кого я привез!

— Э, нужно увеличить радиус действия антенны? Попробуйте увеличить число накопителей, а для снижения нагрева увеличьте количество охлаждающей жидкости в резервуаре. — Пробормотал сонный Богомолов.

— Да-а-а-ави-и-ид! Про-о-о-осни-и-и-ись! — Кобылин просто сдернул плед с Давида,

оставив того в одних джинсах.

— А! Что?! Кто?! Где?! — Взлетел Давид на своем месте.

— Доброе утро! — Крикнул ему в ухо Кобылин.

— Доброе утро! — На автомате крикнул Богомоллов, так до конца и не проснулся.

— Здравствуй, Давид. — Я с улыбкой махнул рукой Богомоллову.

А наш гений изрядно похудел. Словно последние три месяца он был в рабстве. Видны ребра, мешки под глазами, темные русые волосы отросли, походом к цирюльнику тут и не пахло, появилась неопрятная борода.

— О, Матвей Александрович! Вы вернулись! — Давид наконец-то рассмотрел меня и вскочил с дивана.

— Сиди, Давид! — Я толкнул его в грудь, оставляя сидеть на диване, — давай я тебя посмотрю.

Я запустил арканы на диагностику, рассматривая Богомоллова. М-да, вот что значит, человек сам себя умотал. Организм Богомоллова работал в надрыв. Ну вот зачем себя так ушатывать?!

Общее укрепление, общее исцеление, общая стимуляция. Восстановление сил и «жизненная сила». Лицо Давида моментально начало розоветь и общие функции организма приходили в норму.

— О-о-о-о-о!!! — Издал Давид, чувствуя улучшение.

— И хватить меня по имени — отчеству называть, мы же договорились только по имени. — Кивнул я, наблюдая за восстановлением Богомоллова.

— А?! Да... Прости Матвей, я забылся. — Богомоллов устало начал разминать лицо ладонями.

— Тебе не мешало бы попасть к цирюльнику и нормально поесть, да и выспаться лучше дома. — Покачал головой я.

— Нет, не сейчас! Матвей! Я смог понять твою идею! Эти твои устройства! Они смогут изменить весь мир! — Взгляд Богомоллова стал слегка безумным, — Я смог разработать принцип осуществления связи! Сейчас мы ведем разработку устройств приема передачи и уже заканчиваем проект антенны для приема — передачи сигнала!

— СТОП! — Рывкнул я, — Давид, давай по порядку. Как наш первоначальный проект?

— Готов практически полностью. Через месяц мы будем готовы провести демонстрацию. Также проходит разработка второго проекта, как я уже говорил. — Давид моментально

перенастроился на рабочий лад, — у нас встал вопрос, куда отправлять вторую машину, которая будет принимать сигнал?

— О, это действительно важный вопрос. — Кивнул я и повернулся к Саше, — Думаю, князь Кобылин не откажет нам в размещении второй машины в своем московском поместье для демонстрации. Тогда обе машины будут под его присмотром вдобавок.

— Я думаю, это можно устроить. — Кивнул Саша.

— Тогда этот вопрос можно снимать. — Кивнул и Давид.

— Когда мы сможем отправить машину со вторым нашим аппаратом в Москву после согласования? — Задал я вопрос Давиду.

— Через две недели все будет готово к отправке. — Ответил Давид.

— Хорошо, тогда ты сейчас отправишься домой, мы тебя отвезем. Ты отдохнешь пару дней, нормально поспишь и поешь, и потом приедешь снова на производство. Иначе ты просто свалишься в постель от переутомления. — Сказал я, не спуская глаз с Богомолова.

— Но мне... — Начал было Давид, но я его прервал.

— Давид, тебе нужно отдохнуть, эмоциональное выгорание ни к чему хорошему тебя не приведет. Я тебе как будущий врач со всей ответственностью это заявляю. — Ответил я.

Богомолов собирался было воспротивиться, даже набрал воздуха в грудь, чтобы ответить, но в последний момент он сдался:

— Мне нужно отдать несколько распоряжений и собраться, потом мы сможем поехать.

— Давай. — Кивнул я.

Давид быстро оделся и выскочил из рабочего кабинета.

— Это действительно нужно? — Спросил Саша, когда мы вышли наружу.

Из цеха доносились крики Богомолова, который раздавал указания работникам.

— Да, ему действительно нужно отдохнуть и привести себя в порядок. Иначе мы потеряем нашего гения. А нам нужно развиваться и расти, мы только вместе сможем построить информационную империю, которая станет новым столпом в мире.

— Ты на такое рассчитываешь? — С удивлением посмотрел на меня Кобылин.

— Ну, все впереди. Пока я хочу, чтобы мы стали независимы настолько, насколько это возможно в рамках Империи. — Я неопределенно помотал рукой в воздухе.

— Уж не императором ты решил стать? — Прищурился Кобылин.

— Упаси тебя Бог, Саша, стать императором и взвалить на свой горб самое большое государство в мире со всеми его проблемами?! Нет, увольте, лучше уж я буду подданным Империи, с деньгами, властью, влиянием, и очень ограниченным кругом людей, которые смогут мне приказывать, а лучше лишь просить. Но во главе государства я быть не хочу. — Покачал головой.

Саша молча облегченно выдохнул.

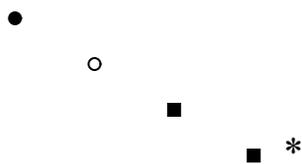
А, ведь, если бы я ответил, что хочу, то он бы встал перед выбором: сообщить деду о моих словах, либо поддержать меня...

От раздумий меня отвлек показавшийся Богомоллов:

— Я готов, пару дней они смогут работать без моего личного присутствия.

— Тогда поехали. Мы с Сашей отвезем тебя домой, а через пару дней приедем к тебе сюда, и уже спокойно обсудим все моменты и вопросы, которые есть у нас. — Кивнул я.

И мы все отправились к машине Кобылина.

— М-да, дела... — Только и сказал Саша, выслушав всю историю, которая произошла со мной лето.

Мы отвезли Давида домой. После этого решили взять ужин в ресторане на вынос и поехали ко мне. И вот уже три часа как закончили с едой, и под свежесваренный кофе я рассказывал младшему Кобылину о своих приключениях и встрече с ректором, не упоминая лишь о поездке к шаману и посещении Мира Духов.

Кстати, оказалось, что Саша до сегодняшнего дня не пробовал кофе. Так что я стал для него первооткрывателем. Напиток ему понравился, и мы, сидя в креслах в гостиной, распивали мой запас.

— Таких испытаний и врагу не пожелаешь.

— Ну, тут уже ничего не попишешь. Это уже все произошло. — Пожал я плечами.

— И каково это? Быть рыкарем?

— Знаешь, это сложно описать. Самое простое описанное — это странно. Странные ощущения, странное восприятие, странные чувства, странное ощущение всех Стихий и их

ПОТОКОВ.

— То есть, ты чувствуешь не только свои Стихии, но и другие?

— Абсолютно все. Жизнь и смерть, тьму и жизнь, воду и пламя, воздух и землю. У каждой стихии свой особенный подчёрк, если так можно сказать.

— Во дела... — Покачал головой Саша, отпивая из кружки.

В этот момент в дверь раздался звонок.

— Ты кого-то ждешь в гости? — Удивился Саша.

— Нет. — Покачал я головой и отправился проверять, кто пришел ко мне поздним вечером.

Уже на подходе к двери сотворил аркан «Целебного ока» и посмотрел на окружающее пространство. За дверью стоял лишь один человек, обладающий светлым Источником.

— Добрый вечер, вы ко мне? — Я открыл входную дверь.

За дверью стоял молодой парень лет двадцати пяти на вид в черно-золотом камзоле Императорской канцелярии.

— Добрый вечер. — Поздоровался парень, — Волков Матвей Александрович?

— Да, это я.

— Я — посыльный Императорской канцелярии, Карбузов Михаил, мне приказано вручить вам конверт. — Парень протянул черный конверт с золотой лентой через правый верхний угол, — За сим, откланиваюсь. Приятного вечера.

— Всего доброго. — Попрощался я, принимая конверт в руки.

Парень кивнул и начал спускаться. Я же закрыл дверь и вернулся в гостиную с конвертом в руках. Саша с удивлением посмотрел на черный конверт.

— Посыльный Императорской канцелярии?

— Угу. — Ответил я.

— Так вскрывай конверт и читай вслух, просто так такие конверты не присылают. Мне тоже интересно!

Я вскрыл конверт, достал вложенный листок с отпечатанным текстом и начал читать вслух:

— Дворянскому недорослю Волкову Матвею Александровичу надлежит прибыть к девяти часам в Рюриковский Летний Дворец в Царском Селе двадцать первого сентября сего года,

дабы принять участие в Бале Империи, посвященному Осеннему Равноденствию. Подпись: Император Всероссийский Александр Четвертый. — Прочитал я.

— Вот это да! Ты приглашен на Императорский Бал! — Саша пару раз хлопнул в ладоши, обозначая аплодисменты.

— От этого пахнет подставой. — Покачал головой я, — подумай сам, из-за чего простого дворянского отпрыска будут приглашать на бал, хозяином которого считается сам Император.

— Ну, во-первых, не простого дворянского отпрыска, а рыкаря, во-вторых, тебя вроде как наградить хотели? Так вот, открою тебе тайну, именно на таких мероприятиях чаще всего и награждают.

— Все равно, Саша, у меня неприятные предчувствия. — Покачал головой я, — твой дед или отец ведь отправятся на этот бал?

— Оба. — Кивнул Саша.

— Я могу поехать с ними?

— Думаю, дед не откажет. Я попрошу его.

— Да, их компания мне точно не помешает. — Кивнул я.

Глава 5. «Император, поручик и царский постельничий»

РИ, Санкт-Петербург, улица Декабристов, дом 21/2, ночь с 21 на 22 сентября

О, как же мне все-таки не хотелось ехать в Императорский Дворец! от всей этой ситуации просто веяло какой-то «подставой», но ни Белобог, ни Чернобог на мои вопросы ответов не давали, а двадцать первое сентября настало. Единственное, что меня хоть как-то обнадеживало — я буду в компании с князем Кобылиным. После событий у ректора и последующего разговора со старшим Кобылиным у меня дома, мне как-то не хотелось оказаться в компании высоких чинов в одиночку... Да, меня вряд ли (но это не точно) кто-нибудь решил меня захватить силой с целью включения в состав какого-то из государственных ведомств. Но вот подвести все так, чтобы скомпрометировать меня, получить возможность шантажировать или вообще жениться и войти в какой-то род — запросто... Опять же, Долгоруковы и Юсуповы, как и все старшие благородные фамилии Империи, тоже будут присутствовать на этом “добровольно-принудительном” мероприятии. И если на Юсуповых первоначально мне было откровенно начхать с высокой колокольни (или просто шпиля Финского маяка, который стоял на краю береговой линии), то самой опасной встречей могла стать для меня встреча с князем Долгоруковым. Глава рода был очень опытным Лекарем, и очень опытным придворным игроком... Но вариантов у меня не осталось — не прийти на одно из семи главных мероприятий года в столице (четыре бала посвященные равноденствиям и солнцестоянию, день Империи, день рождения Императора,

день рождения наследника престола), приглашение на которое подписано лично рукой Его Величества, все равно, что подписать себе аутодафе на надгробной плите ещё при жизни. Так что в вопросе внешнего вида род Кобылиных меня спас уже во второй раз. Неделю назад с меня сняли последние мерки, а вчера вечером мне доставили новый костюм. Стоит говорить, что костюм сел идеально? Думаю, что нет. Черная приталенная тройка, белоснежная сорочка, серебряные запонки и заколка на галстук, небольшой платок паше, который вставляется в нагрудный карман пиджака того же серебряного цвета, узкий черный галстук “селедка” и черные лакированные туфли “оксфорды” — и мой образ закончен. Честно говоря, моя коммунистическая душа так и подмывала меня устроить какую-нибудь глупость — надеть яркие носки, краешек которых будет выглядывать при ходьбе, сменить галстук или рубашку, но мой инстинкт самосохранения (наверное, это был единственный мой инстинкт, который работал нормально в критических ситуациях) не позволил мое бунтарской душе совершить какую-то глупость и подставить князя Кобылина. В момент, когда я заканчивал со своим внешним видом, в дверь раздался звонок. Я посмотрел на настенные часы в прихожей — стрелки на восьми часах вечера. “Точно в указанное время” — отметил я про себя и поспешил открыть дверь. — Добрый вечер. — Поздоровался я, открыв дверь. За ней стоял один из сотрудников службы безопасности рода Кобылиных. Я уже видел его, когда СБ рода встречали Сашу у Университета, да и когда к императорскому госпиталю после покушения на главную семью рода прибыли безопасники Кобылиных. — Добрый вечер, Матвей Александрович. Владимир Алексеевич и Алексей Владимирович ожидают вас в машине, чтобы далее проследовать на бал. Вы готовы выдвигаться? — Да, готов. Одну минуту. — Буду ожидать вас у входа в аптеку, прошу вас не задерживаться. — Кивнул безопасник, развернулся и начал спускаться. Я развернулся, окинул себя взглядом в зеркале, оставшись довольным увиденным молодым человеком, взял ключи, покинул квартиру и, заперев ее, отправился к старшим Кобылиным. Честно говоря, я и не думал, что поеду вместе с дедом и отцом Саши. Хотя, откуда мне знать, кому именно отправлены все приглашения на данное мероприятие?.. У входа в аптеку меня ждал сбэшник Кобылиных. Увидев меня, он подошел к центральному автомобилю кортежа и приглашающе распахнул заднюю дверь, когда мне оставалось пройти три шага до машины. — Владимир Александрович, Алексей Владимирович. Рад встрече и заранее благодарю вас за оказанную помощь в сегодняшнем вечере. — Я пожал руки обоим Кобылиным, как только сел в машину. — Добрый вечер, Матвей. Не стоит, твой дед сразу сообразил, что тебя постараются взять “в оборот”, как только ты вернешься в столицу. А нас теперь связывают не только дружба, но и совместное предприятие, которое вскоре должно начать функционировать. Так что, в твоей безопасности и независимости, как физической, так и правовой, мы также заинтересованы. — Кивнул Владимир Алексеевич. — Все верно, Матвей. Нам бы не хотелось, чтобы наследника дружественной нам семьи просто вписали в состав армии на ближайшие десять лет и отправили в дальний гарнизон или экспедиционный корпус. — Поддержал отца Алексей Владимирович. Князь и наследник были одеты “с иголочки”. Оба в темно-серых с металлическим отливом костюмах, белоснежные сорочки и черные галстуки с заколками из белого золота с маленькими черными драгоценными камнями. На груди каждого, под черным платком паше серебряными нитями был вышит родовой герб. На руке князя выделялся тяжелый перстень главы рода, с гербом жеребца, вставшего на дыбы. — Нужно ли мне что-то узнать до нашего прибытия на бал? Возможно, кто-то из присутствующих на балу, является старым врагом или просто недолюбливал деда? Может он кого-то из их

родственников отправил на тот свет? Да и просто — кого из присутствующих мне стоит опасаться или вообще не попадаться на глаза? — Мне хотелось разобраться, с чем или с кем я могу столкнуться, ведь и князь с наследником не могли быть со мной постоянно, да и меня не пустят в некоторые залы... — Ну, если подумать, то особо враждебно настроенных к твоей семье нет, уже нет. Все-таки, Аристарх в годы службы находился под крылом Императора, как и любой сотрудник Тайного Приказа, а связываться с Императором, который хоть и номинально, но все же является главой Тайного Приказа, никто в империи не решится. Из особо ретивых я бы постарался не сталкиваться с твоими родственниками, в первую очередь. Я, честно говоря, еще не узнавал еще, как Долгоруковы отнеслись к твоему появлению в столице. Но, зная как князь Долгоруков стремится последние двадцать лет усилить свое положение не только на политической арене, но и экономически, я бы не сбрасывал со счетов возможность того, что он постарается привязать тебя к роду твоей матери, пусть земля ей будет пухом. Тем более, что сейчас ты для них довольно интересен. — Почему? Разве у Долгоруковых недостаточно специалистов в медицине? — Специалистов-то у них как раз более, чем достаточно. Но вот общее отношение к роду в высших кругах довольно своеобразное. Посуди сам. Долгоруковы — консервативный род с жесткой, если не сказать, жестокой системой правления. Они довольно надменны, эгоистичны, и, чего ж греха таить, наглы. Все-таки, патронаж императорского рода о защите Долгоруковых они используют на полную катушку. Да, они — лучшие медики в стране, возможно, даже в мире. Каждый князь Долгоруковых является личным врачом Императора и лейб-медиком всего императорского рода, и их ежегодное содержание, которое им выплачивается, могло бы обеспечить небольшую такую область внутри империи. Но при всех их заслугах, треть родов империи их откровенно ненавидит, а вторая треть просо боится с ними связываться. А ты бы мог стать ключиком к простому народу — лекарь, работающий в простой городской больнице, проводящий операции и не берущий за это безумные деньги, отмеченный вниманием самого Императора, незамеченный в дурных связях и поступках, трудящийся на благо всех подданных Империи, из этого можно слепить очень хорошую “политическую” конфетку, которая направит мнение простого населения, которых, на секундочку, в Империи более двухсот миллионов, относиться к роду Долгоруковых с почтением, а возможно и с любовью. А любовь толпы — страшная сила, уж поверь мне. — Вы назвали две трети, а что с третьей частью благородных родов Империи в отношении Долгоруковых? — Я вычленил нестыковку в речи князя. — А тут еще проще, — слово взял Алексей Владимирович, — эту треть можно разделить пополам. одна половина подмята под Долгоруковых, они служат им на основе вассальных клятв, а вторая половина — в долгах, и они тоже служат им с очень простой целью — расквитаться с долгами самому защищенному роду в Империи, потому что возможность у князя Долгорукова пожаловаться на любой род в Империи самому главному человеку в ней есть буквально ежедневно. И он не упускает возможность напомнить об этом должникам при каждой встрече. К слову, наш путь лежал в Царское село, в Летний Рюриковский Дворец (в моей прошлой жизни, это был Большой Екатерининский Дворец в Пушкине). Балы, посвященные Летнему Солнцестоянию и Осеннему Равноденствию, проходили именно там. Да, и комната там тоже была, только не янтарная. Царская опочивальня была полностью изготовлена из нефрита. Весь этот нефрит был выкупом от Поднебесной Империи Дракона за одного из генералов, принадлежавших к императорскому роду Дракона. — Алексей Владимирович, а как много гостей ожидается на императорском балу? — О, тут не так много гостей, как у вас в Университете. Это

кардинально разные мероприятия по своей сути. Ваши балы созданы с целью укрепить и познакомить молодых Одаренных между собой. Императорский бал — это мероприятие статуса. Одними приглашениями император выражает свое отношение в родах. Приглашен, значит, в почете, не приглашен, значит, в опале. Но это применимо разве что к старшим благородным родам. Дворяне, военные, купцы и сановники получают приглашение за определенные заслуги. — Ответил Алексей Владимирович. — А есть ли те места, куда мне не стоит заходить во дворце? — Об этом не волнуйся, на балу охрану обеспечивает Золотая Тысяча, которая вежливо укажет тебе путь на бал, но не пустит в недра дворца или спальные крылья императорского рода. — Золотая Тысяча? — С непониманием переспросил я. — Да, — Вернул себе слово князь Кобылин, — формально они являются частью Тайного Приказа, а по факту — самостоятельное подразделение, обеспечивающие безопасность императорского рода. По сути своей, это элитный полк численностью в тысячу бойцов со времен Иоанна Четвертого, прозванного Грозным, которые отвечают за охрану всех царских резиденций и самого царского рода. Как правило, в него набирают наиболее сильных Одаренных из числа курсантов еще на третьем курсе военных училищ или нашей академии. — Понятно. — Да, Матвей, в некоторые моменты очень понятно, что ты жил все детство очень уединенно. Все-таки, мало кто не знает о Золотой Тысяче и Царском Постельничем. — Царском Постельничем? — Снова удивился я, припоминая, что уже где-то слышал этот термин. На мою реакцию вначале повисла тишина, затем оба старших Кобылиных рассмеялись. Смеялись весело и долго. — О, вот Аристарх, развеселил. — Вытирая выступившие слезы, ответил князь Кобылин. — И не говори, отец, — весело поддержал князя Алексей Владимирович, возвращая взгляд на меня, — Матвей, царский постельничий — официальная должность главы Тайного Приказа при Императоре. На эту тему сотни страшилок придумали за долгое время существования Приказа. К примеру, о том, что Царский Постельничий вечерами шепчет на ухо Императору имена предателей и заговорщиков, а утром их уже никто не находит. — Не думаю, что это далеко от истины. — Криво улыбнулся я. — Ну, тут ты прав. Для глав Тайного Приказа определено время доклада государю по штатным вопросам, а также глава Приказа при возникновении неотложных дел имеет право немедленно потребовать аудиенции главы государства с целью изложения ситуаций и обстоятельств, несущих угрозу государству, подданным или самому Императору. — С улыбкой ответил Владимир Александрович. На это я уже только молча кивнул. Как по мне, князь Кобылин был самым опасным человеком Империи, которого я встречал. Даже Великий Князь Сибирский Михаил Васильевич Рюриков не вызывал во мне такого чувства опасения, как князь Кобылин. Да, Великий Князь был силен, да, в открытом бою он всех Одаренных, которых я встречал в этой жизни, он мог задавить просто голой силой. Но именно чувство страха у меня вызывал лишь князь Кобылин... За продолжившейся беседой “ни о чем” мы добрались до Царского Села. Летний Дворец Рюриковых встречал нас морем света, вереницей дорогих представительских автомобилей, толпой журналистов, стоявшей за лентой ограждения, и чередой народа, чинно восходящей по ступеням к парадному входу дворца. — Нам пора проследовать во дворец, уже скоро должен прибыть сам государь — император, не стоит вызывать его раздражение. — Кивнул князь Кобылин, когда наша машина остановилась у начала ковровой дорожки. Стоявший у начала дорожки слуга в императорских черно — золотых цветах камзола услужливо распахнул дверь автомобиля, позволяя нам выйти на дорожку. Стоило покинуть салон автомобиля, как нас троиц окружила сотня вспышек фотоаппаратов. От частых хаотичных вспышек света у меня

зарябило в глазах, и я немного растерялся. Ситуацию спас отец Саши, Алексей Владимирович: - Матвей, старайся не отставать и ни в коем случае не останавливайся, не слушай крики журналистов, не отвечай на вопросы, просто иди за нами. Я кивнул и пристроился в центре между князем и наследником.

Ковровая дорожка тянулась почти сто шагов до лестницы. Честно говоря, я уже смирился с тем, что ослепну под вспышками фотоаппаратов, но Кобылины меня спасли, в конце концов, просто направляя меня легкими толчками плеч.

Уже поднявшись наверх лестницы, один из церемониймейстеров дворца встречал нас у парадного входа во дворец.

— Князь Кобылин в сопровождении наследника рода и дворянского недоросля Волкова. — Сказал Владимир Алексеевич.

— Прошу Вас проследовать в главный зал, желаю приятного вечера вам и вашим спутникам. — Церемониймейстер поклонился князю согласно этикету, но даже и не подумал проверить приглашенные у нас.

Чего нельзя было сказать о других гостях. Почти всех гостей перед нам церемониймейстер проверял.

Мы прошли через холл и, не задерживаясь, двинулись вглубь дворца. Я толком даже не успевал рассматривать убранство каждого зала, лишь отмечал общее богатство, большое количество разнообразных картин — в одних залах на стенах размещались коллекции пейзажей, посвященных разным временам года, в других — портретные галереи, один из пройденных залов был увешан огромными полотнами, на каждом из которых были изображены батальные сцены.

— А вот и главный зал. — Сказал Алексей Владимирович, когда мы прошли в очередные огромные двери.

Мы пришли в огромный богато украшенный ангар. Это была моя первая мысль. Огромные золотые люстры в несколько рядов освещали все пространство, редкие колонны по бокам зала немного визуально уменьшали воспринимаемое пространство, но это только на первый взгляд... По боковым сторонам этого «золотого» ангара шли окна высотой около трех метров. Весь зал уже был заполнен толпой людей, в глазах просто рябило от парадных кителей, увешанных различными наградами, на мужчинах и дорогих украшениях на женщинах. Средний возраст гостей, которых я видел вокруг себя, колебалась от сорока до пятидесяти лет, даже в возрасте тридцати лет здесь было достаточно мало мужчин и женщин.

Вся эта толпа распивала вина и сбивалась в небольшие компании, в каждой компании обсуждались свои вопросы и сплетни. Кто-то говорил о новых назначениях в генеральном штабе, кто-то — о торговле с другими государствами, кто-то — о новых законах, которые рассматриваются Парламентом вместе с Императором...

И вся эта толпа придворных и гостей то и дело бросали взгляды на лестницу на другой стороне зала, ожидая прибытия Императора. Это ожидание напряженной струной буквально висело в воздухе...

В момент мне показалось, что на этой струне можно играть. На краткий миг я обратил свои глаза в глаза рыкаря и, честно говоря, немного обомлел — вокруг меня в поле зрения были только Одаренные. Очень сильные Одаренные! Но четверо меня буквально заставили зависнуть. И от одного Одаренного моя спина покрылась липким потом в одно мгновение. Четверо были рыкарями. Все рыкари обладали темными Источниками. А один... Я не видел таких, как он, раньше...

Я уже привык, что Источник сияет внутри каждого Одаренного в груди, чуть ниже мечевидного отростка, и никогда не выходит за границы физического тела. У этого мужчины Звезда Источника сияла в несколько раз ярче, чем у всех окружающих, и каждый луч выходил за пределы тела.

— Алексей Владимирович. — Тихо позвал я наследника.

— Да, Матвей? — Отозвался отец Саши.

— А кто эти люди? — Я аккуратно кивнул на четверку рыкарей, одетых в военные мундиры.

— Уже заметил? Слева направо: Сергей Павлович Шереметьев, Александр Сергеевич Морозов, Андрей Владимирович Милославский, Петр Петрович Кутузов. Каждый из них — рыкарь. — Назвал каждого Алексей Владимирович.

— А это кто? — Кивнул я на пятого.

— О, ответь сначала мне — как ты его ощущаешь среди всех? — Прищурился Кобылин.

— Он — самый опасный среди всех гостей, он сильнее каждого в отдельности, скорее всего сильнее всех присутствующих в этом зале. — Сглотнул я.

— Тут ты прав. — Кивнул Кобылин. — Это Алексей Андреевич Трубецкой, Одаренный Ранга Стихия. Он — Аватар Молнии.

— В каком смысле, Аватар?

— Когда он использует свой Дар, то принимает форму воплощенного в мире аспекта Стихии. В конкретном данном случае, он превращается в живую молнию.

— Честно говоря, мне даже интересно было бы это увидеть. — Кивнул я. Хотя мне и было страшно, но было и жутко интересно после полученной информации.

— Поверь мне, не стоит. Большинство тех, кто видел его в этой форме, уже не ходят по этой земле. Скорее, то, что от них осталось, закопано в нее.

— Он военный? — Продолжил я.

— Да, генерал Военного Воздушного Флота Российской Империи, Командующий Столичным Гарнизонам и, по совместительству, Северо-Западным Воздушным Флотом.

— Жуть.

— Подожди, он — не самое страшное существо во плоти, которое ты увидишь сегодня. — Усмехнулся Кобылин.

— Да куда уж еще страшнее? Да и кто может быть ещё опаснее или страшнее? — Я поднял бровь.

— О, не буду портить сюрприз. — Улыбнулся Алексей Владимирович, — но тебе придется предстать перед ним сегодня, дам один совет — не робей, он этого не любит.

— Не понимаю, о ком вы говорите, Алексей Владимирович, но постараюсь следовать вашему совету. — Кивнул я.

Наследник рода Кобылиных удовлетворенно кивнул.

— Владимир Александрович, давненько мы с вами не виделись! — К нашей компании подошел низкий полноватый мужчина в возрасте «уже за пятьдесят» на вид в компании молодого крепкого мужчины.

Мужчина был одет в светлый серый костюм — тройку, с черным галстуком и черным платком в нагрудном кармане. Седые, почти белые волосы, аккуратная ухоженная борода, серо-голубые глаза с постоянным хитрым прищуром и «дежурная» улыбка на лице — у меня появилось ощущение, что к нам присоединился какой-то глава крупной корпорации.

— Тимофей Ильич, рад встрече с вами, действительно, давно мы с вами не встречались. — Кивнул в приветствии Владимир Александрович.

— Ну, так и сферы наших интересов разнятся, все-таки, службу я оставил уже давно. Теперь только дела рода. — Развел руками «глава корпорации».

— Да, дела рода — главная забота для его главы. Позвольте представить, Тимофей Ильич, этот юноша — Волков Матвей Александрович. — Кивнул Владимир Александрович, — Матвей Александрович, представляю вас князю Юсупову Тимофею Ильичу, главе рода княжеского рода Юсуповых.

О! Это его второго внука я отделал на дуэли! Как же его звали... Дмитрий... Дмитрий Алексеевич... Нет! Дмитрий Александрович Юсупов. Да! Точно!

— Для меня честь быть представленным вам, князь. — Я поклонился, моментально трансформируя глаза в форму рыкаря.

Поднимаясь, я моргнул пару раз, рассматривая князя.

А князь-то с гнильцой! Злость, ненависть и презрение — первые три эмоции, которые я почувствовал от князя по отношению к себе. Будь у князя возможность — он бы меня уже здесь и сейчас порвал на куски. Эх, жаль я не умею мысли читать! Лишь ощущать сильные эмоции, которые может скрыть лицо, но вот Источник врать не будет...

— Здравствуйте, молодой человек. Рад наконец-то встретиться с вами! Честно говоря, я был крайне удивлен, когда узнал, что мой внук проиграл вам, ведь, вы всё же не военный. — Все также с дежурной улыбкой говорил князь Юсупов.

Я выпрямился и вернул свои глаза в нормальное состояние.

— Думаю, что ваш внук усвоил этот урок. В будущем, если так сложится, у меня уже не будет такой форы. — Ответил я.

— Не переживайте, он усвоил. Но позвольте узнать — кто вас тренировал?

— Мой дед, Волков Аристарх Прохорович. — Быстро соврал я.

— Весьма достойная подготовка, весьма. Честно говоря, не могу припомнить это имя... Возможно, мы и не встречались.... — «Задумался» Юсупов.

— О, вы точно встречались, Тимофей Ильич, лет двадцать назад. — Хитро улыбнулся князь Кобылин.

— В самом деле? — Деланно улыбнулся Юсупов.

— Да, вы с ним даже беседовали в нашем столичном управлении. — Кивнул князь Кобылин.

— В нашей жизни всякое бывает. — Пожал плечами Юсупов, — в вашем управлении я бывал, и не раз, как и множество других людей.

— Ваша правда, Тимофей Ильич. — Продолжал улыбаться князь Кобылин.

— Что ж, господа, не смею вас более отвлекать, тем более, скоро уже должен прибыть сам государь. — Князь Юсупов попрощался, кинув взгляд на меня напоследок и развернувшись, покинул нашу скромную компанию.

— И что это было? — Спросил я, когда Юсупов удалился на достаточное расстояние от нас.

— Игра на самом любимом инструменте всех плутов и интриганов. — Ответил князь Кобылин.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Нервы. — Ухмыльнулся князь, — Тимофей Ильич решил поиграть на нервах. А еще он

теперь лично знаком и знает в лицо человека, который оскорбил его род.

— Род Юсуповых я не оскорблял, Владимир Алексеевич. Лишь поставил на место одного заносчивого мальчишку. — Покачал головой я.

— Это ты ему расскажи, он очень захочет тебя послушать, правда, это скорее всего будет проходить перед тем, как оторвать твою голову и добавить её в свою коллекцию. — Ответил Владимир Алексеевич.

— У него есть коллекция голов его собственных врагов?

— По слухам — черепов, но прямых доказательств нет.

— Жуть... — Выдохнул я.

В это время главный церемониймейстер вышел вперед на вершине лестницы в конце зала и трижды ударил церемониальным золотым посохом в пол:

— Император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; царь Казанский, царь Астраханский, царь Польский, царь Сибирский, царь Херсонеса Таврического, царь Грузинский; государь Псковский и великий князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; государь и великий князь Новагорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северныя страны повелитель; и государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкасских и Горских князей и иных наследный государь и обладатель, государь Туркестанский; наследник Норвежский, герцог Шлезвиг-Голштейнский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, Хозяин земли русской, Его Императорское Величество Александр Четвертый, народом именуемый Великим!

Весь зал замер. Все гости замерли. Дыхание словно бы замедлилось. Я осмотрел вершину лестницы. Там уже стояли Великий князь Сибирский Михаил Васильевич, брат Императора, и его сын, сама Императрица Екатерина Александровна и четыре старших дочери Императора. Юного наследника и самую младшую дочь Императора на балы ещё не представляли... Но даже все родственники Императора не давали такого ощущения, которое появилось и росло, как только открылись двери на вершине лестницы.

От темечка, по затылку, шее, плечам, вниз по спине поползла череда мурашек. Появилось ощущение того, что волосы на затылке встали дыбом. Кисти рук непроизвольно задрожали, мне захотелось вжать голову в плечи, да и вообще оказаться как можно дальше отсюда...

На помост вышел высокий крепкий мужчина. Серные волосы отливали каким-то странным потусторонним багряным отблеском в свете люстр. Короткая борода скрывала виски и подбородок, но на правой стороне её разрубал уродливый кривой белый шрам, уходящий на

висок. Тонкий хищный нос, раздувался при вдохе, словно был сломан, и перегородка искривилась. Алые радужки глаз горели ярче фар автомобиля. Император обвел глазами всех присутствующих. И никто не выдерживал его взгляда.

Я вновь перевернул свои глаза. Кутузов тут самый опасный? Беру свои слова обратно! Вот этот человек стоит на вершине лестницы в белом парадном мундире, пустыми погонами и одиноким гербом империи на груди, убрав руки за спину. И вокруг него бушует его Источник! Не сияет, не горит, не мерцает, не пульсирует! ОН БУКАЛЬНО БУШУЕТ!!! Вокруг Императора Всероссийского бушевало призрачное марево, сплетенное из черного и белого пламени, напоминающее раскинувшую крылья птицу.

— Дорогие гости, — Тихо сказал Император, — я рад видеть всех вас сегодня в своем доме. Да начнется праздник Осеннего Равноденствия. Через час мы начнем награждение сегодняшних героев нашей Империи.

Император говорил тихо. Очень тихо. Зал словно наполнился шелестом осенних листьев. Только этот вроде бы приятный шелест звучал страшнее грома в чистом поле с одиноким деревом. При чем, я уверен, что каждый находящийся в зале ощущал себя этот момент сидящим на верхней ветке того самого одинокого дерева...

— Словно орел за ним... — Прошептал я.

— Жар — птица. — Прошептал Алексей Владимирович, — Родовой герб и воплощение всех старших сыновей, которые наследуют трон империи, в каждом поколении Рюриковых — Жар — птица.

— Знаешь, почему Рюриковы смогли удержать власть после Божьего Суда? — Шепнул с другой стороны Владимир Александрович.

— Нет. — Помотал я головой.

— После обретения Дара, они были первыми и единственными, кто получил смешанный Источник. И строго лишь в связке «отец — первый сын», Источник императора и наследника имеет три луча «Тьма — Свет — Пламя» и идентичный Атрибут «Светоч Святого Проклятого Пламени». Все остальные Рюриковы наследуют мощный, но вполне стандартный Темный Источник «Тьма — Земля — Пламя».

— Как Пламя может быть Святым и Проклятым одновременно? — Не понял я.

— А никак. Нигде и никогда не может. Кроме двух людей в мире. Императора и наследника Российского престола. Но их пламя бьет по носителям Света Тьмой, а по обладателям Тьмы — Светом. Оттого их Атрибут так и прозвали. — Прошептал в ответ князь Кобылин.

В это время Император Александр Четвертый начал спускаться вниз по лестнице. Вслед за ним начала спускаться и его семья.

○

■

■ *

— Матвей, пора бы уже и расслабиться. — Усмехнулся князь Кобылин.

— Простите, Владимир Александрович, у меня не получается. — Я стоял рядом с князем Кобылиным в третьей линии гостей и напрягал разные группы мышц с целью унять дрожь во всем теле.

Прошел уже час с момента прибытия Императора. Сейчас глава государства уже начал торжественное награждение подданных, что отличились, по мнению главы государства, в вопросах отстаивания и защиты интересов Империи.

Главный церемониймейстер называл награждаемого, тот выходил, представлялся Императору. После Император называл подвиг, за который награждался подданный империи, затем вручал благодарность, подписанную самим Императором и награду, а потом шло торжественное фото.

— Волков Матвей Александрович. — Назвал меня главный церемониймейстер.

Я на ватных ногах отправился к Императору. Эти двадцать шагов до трибуны, за которой стоял Император, мне показались марш-броском.

Я встал напротив Императора. И хоть мы с ним были примерно одного роста, мне казалось, что стою я перед вулканом. Даже без использования Дара, я чувствовал Жар, исходящий от него.

— Ваше Императорское Величество, Волков Матвей Александрович по вашему указанию прибыл. — Ответил я, вытянувшись в струнку.

— За отвагу и смелость, проявленные при спасении товарища и отражении посягательств на территориальные границы Российской Империи, мы, Император Всероссийский, Александр Четвертый, приняли следующее решение: присвоить Волкову Матвею Александровичу почетное звание поручика Первого Стрелецкого Полка с соответствующим годовым жалованием. России — Виват!

— Виват! Виват! Виват! — Рывкнули сотни глоток гостей.

— Виват! Виват! Виват! — Повторный крик вновь прогнал строевым шагом по моей спине полк мурашек.

— ВИВАТ! ВИВАТ! ВИВАТ!!! — В третий раз гаркнул весь зал и затих.

— Во имя Империи. — Тихо прошептал Император, глядя мне в глаза.

Это были усталые глаза. Очень усталые глаза мужчины, который очень давно не отдыхал.

А ведь, если вспомнить историю, Император Александр взошел на престол в довольно молодом возрасте — в восемнадцать. Его отца, Императора Василия Седьмого (прозванного Мирным за то, что во время его правления Империя не участвовала ни в одном военном конфликте), убили. Во время парада, посвященному Дню Империи (который проходил каждый год первого августа), произошел теракт, в котором погибли Император Василий Мирный, его супруга и три дочери. Из главной семьи остались лишь Александр и Михаил, и то по причине того, что были на практике от военного училища.

Сразу после теракта началась Восточная Война, которая длилась почти двенадцать лет с несколькими перерывами. Активные действия длились четыре года, остальное время составляли пограничные конфликты. И в первый год Император и заслужил свое народное прозвище «Великий». Тогда войска противника продвинулись вглубь Восточной Сибири и почти заняли всю территорию Байкала. Тогда молодые Александр и Михаил прибыли на фронт. И Император буквально сжег атакующий корпус восточников меньше, чем за десять минут. Почти пятнадцать тысяч человек со всей техникой, вооружением и тыловым обеспечением. На это победное наступление восточников захлебнулось на три года. Если бы не действия Императора и Великого Князя, Империя могла бы лишиться почти десятой части своей территории...

— Во имя Империи, Ваше Императорское Величество. — Ответил я и опустил на одно колено перед Императором.

— Словом своим, мы, Александр Четвертый, Император Всероссийский и Хозяин Земли Русской именуем тебя: поручик Первого Стрелецкого Полка Волков Матвей Александрович. Пусть поступки твои служат на благо Империи, пусть дела твои будут сотворены во имя Империи.

— Служу Империи. — Ответил я, поднимаясь с колен.

Император кивнул, отпуская меня. Я вновь поклонился и развернулся, сжимая в руках две рамки — в одной была благодарственное письмо, подписанное лично императором, во второй, размером поменьше, пара золотых погон со звездами поручика.

Я вернулся к Кобылиным.

— Поздравляю, Матвей. Первые погоны. — Улыбнулся Алексей Владимирович.

— Благодарю, Алексей Владимирович. — Кивнул я, выдыхая.

Только удалившись от Императора, меня начало «отпускать» от давления его ауры. Сейчас я стоял и просто дышал, стараясь успокоить безумно колотящееся сердце.

— Да, Матвей, поздравляю, а сейчас прошу меня извинить, мне нужно попасть на аудиенцию к государю в перерыве перед фуршетом. — Владимир Александрович кивнул, — Матвей, останься с Алексеем.

— Понял, Владимир Александрович.

Князь Кобылин удалился вслед за императорской четой, уходящей в небольшие двери рядом с трибуной. В зале из династии остался лишь Великий Князь Сибирский.

— Алексей Владимирович, мне показалось или князь был чем-то недоволен? — Спросил я.

— Ну, есть такое дело. Он твоим награждением был недоволен. — Ответил наследник.

— Почему? — Не понял я.

— Первоначально, как мы с ним узнали, тебя представили к ордену «За заслуги перед Отечеством» самой малой, четвертой степени. И вроде бы как, государь все лично согласовал. Отец был доволен таким решением: и тебя отметили, и титульное дворянство у тебя в кармане, и премия солидная на твоём счету. А тут все изменилось. Ордена нет, тебе на плечи погоны практически насильно вlepили. И теперь ты не награжденный студент, а поручик Первого Стрелецкого Полка, со своими обязательствами, которые пусть и призрачные, но обязательны к исполнению в случае приказа хоть и небольшого, но все же определенного круга лиц.

— Каких обязанностей? — Тут же заинтересовался я.

— Матвей, ответь, пожалуйста, а что ты знаешь о Первом, Втором и Третьем Стрелецких Полках? — Алексей Владимирович ответил, как говорится, в «еврейской манере».

— Ничего. — Честно ответил я.

Алексей Владимирович вздохнул:

— Эти три полка называют «почетными». Их реально, как таковых, не существует. Самое низкое звание в иерархии этих полков: прапорщик. Каждый, кто числится в этих полках — члены родов: боярских, княжеских, дворянских. В основном, конечно, дворянских. Все они Одаренные. Выйти на пенсию из этих полков можно только при двух условиях: либо офицер возглавил свой род, либо он просто остался единственным мужчиной в роду. Да, тебе будет выплачиваться соответствующее твоему званию жалование. Но в любой момент Император может потребовать тебя и остальных Одаренных прибыть на место постоянной дислокации Первого Стрелецкого Полка и исполнять обязанности своей должности. Вопрос только в том, на какую должность тебя определили? Ну это ты узнаешь скоро, тебе домой должны будут привести документы Императорской Канцелярии о назначении на должность внутри полка.

— А если отказаться подписывать эти документы?

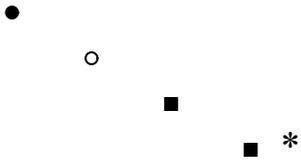
— Тогда считай, что ты подписал себе приговор, в котором фигурирует самый тупой способ самоубийства.

— Тысячу раз ударился об пол головой.

— Ага, отбивая поклоны на коленях перед Императором. — Улыбнулся наследник.

— М-да, участь незавидная, согласен. То есть, меня, фактически, подставили? — Прищурился я.

— Именно, Матвей, именно. Вопрос в том, кто это придумал и смог реализовать? — Отец Саши обвел гостей, присутствующих в зале, взглядом, — одно могу сказать точно: этот человек или группа людей присутствуют сегодня здесь.

Князь Кобылин вошел в комнату, где отдыхала императорская чета. В данный момент в комнате находились Императрица Екатерина Александровна и трое дочерей: Анастасия, Софья и Наталья.

— Екатерина Александровна, вы, как и всегда, выглядите просто великолепно. — С улыбкой коротко поклонился князь императрице.

— Добрый вечер, князь. Вряд ли вы решили заглянуть ко мне, чтобы выразить свое восхищение. — Императрица качнула бокалом с игристым в правой руке и слегка приподняла бровь, — с чем пожаловали?

— Поверьте, Екатерина Александровна, ваша красота стоит того, чтобы выражать вам свое восхищение ежедневно, вне зависимости от места, где это происходит. — Кивнул Кобылин, — но вы правы, я хотел бы просить вас о встрече с государем.

— Вряд ли ВАМ нужно просить МЕНЯ о встрече с государем. — С улыбкой, выделяя отдельные слова, ответила императрица, — он на балконе.

Князь кивнул и отправился к двери на балкон. Открыв дверь, князь моментально оказался в облаке табачного дыма. Император сейчас располагался в глубоком мягком кресле, попыхивая грушевой трубкой с ароматным табаком с нотками вишни и мяты. Верхние две пуговицы кителя были расстегнуты, Лента с орденом Святого Станислава второй степени лежит на барном столике рядом с пепельницей и зажигалкой.

— Государь. — Коротко поприветствовал князь императора.

Обращение «государь» к Императору Российской Империи могли использовать не более тридцати человек во всей империи. Остальным подобное и не снилось...

— Князь, мне кажется, что еще не время для сказок на ночь. — Улыбнулся император.

— Государь, позвольте обсудить с вами один вопрос, если у вас найдется для меня пара минут? — Продолжая стоять, спросил князь.

— Пара минут у нас есть. Задавай, Владимир Алексеевич.

— Государь, два дня назад я видел документы о награждении Волкова Матвея Александровича орденом «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени. Они уже были вами подписаны и заверены печатями Императорской Канцелярии. Сегодня же Волкова зачислят в Первый Стрелецкий Полк. Так позвольте узнать, кто смог так радикально повлиять на ваше решение?

— Это так важно для тебя?

— Хотелось бы понимать всю ситуацию, тем более, что это внук моего близкого друга. Так что скажу честно и открыто — я лично заинтересован.

— Волков Матвей Александрович, студент, Лекарь, внушительный резерв, хороший контроль, новаторские подходы в операционной практике, молодой рыкарь, талантлив, расчетлив, хладнокровен, психологически старше своего возраста. Князь Долгоруков, ознакомившись с досье и приказом посоветовал оставить его при себе, он думает, что Волков может вырасти до ранга «Стихия» в развитии Жизни. Такие таланты, даже будущие, лучше держать при себе.

— Кхм — кхм... — «Проглотил» свой смех Кобылин, — а поженить его на одной из своих правнучек или внучатых племянниц он еще не предложил? А то так и генофонд сильных Одаренных сохраним внутри империи...

— Об этом он пока промолчал. — Улыбнулся Император, глядя в сад у дворца, — но думаю, об этом пока речи идти не будет. Слишком молод наш Волков для семейной жизни. А вот лет через пять посмотрим. Пока пусть учится. Но ты приглядывай за внуком друга, чем боги не шутят, вдруг, он через десять лет с тобой в соседнем кресле на чаепитии нашего клуба заседать будет...

— Э-э-э-э, государь, не рановато ли вы о таком говорите? Или вы воспользовались своим Аспектом?.. — С удивлением поднял брови князь Кобылин.

— Знаешь, Владимир Александрович, самое интересное, что использовал. — Хитро улыбнулся Император, — и самое интересное в том, что Светоч ничего мне не показала, ни в святом, ни в проклятом пламени его я не увидел. И тут только два варианта, почему я не смог увидеть его в будущем.

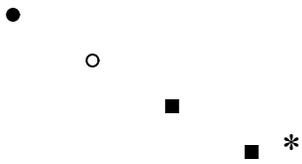
— И какие же? — Сглотнул князь.

— О, князь! Тут интересны оба: первый — я в будущем уже мертв, — усмехнулся Император, в это же время вместо зрачков в его глазах вспыхнуло черное пламя обрамленное белоснежной каймой, — и второй, который не менее интересен: наш юный рыкарь на особом положении у кого-то из Вышних Богов...

Кобылин знал, что Аспект императора позволяет заглядывать в будущее людей. И за всю

свою службу нынешний Император и его отец, как знал князь, не смогли увидеть будущее лишь пятерых. И каждый из них уже оставил след, как минимум, в истории Империи.

И хоть князь уже давно бросил такую вредную привычку как курение, в этот момент ему резко хотелось вновь закурить. Почувствовать, как дым обжигает горло, чтобы убедиться, что это не сон. Потому что просить императора ущипнуть себя даже во сне выглядело как моветон...

— И как тебе Бал Осеннего Равноденствия во Дворце Императора? — Алексей Владимирович спросил меня, когда мы все втроем уже покидали Летний дворец.

— Честно говоря, я бы лучше лишний раз на таких мероприятиях не появлялся. — Я покачал головой, вспоминая прошедший вечер.

— Что так? — Усмехнулся князь.

— Это не бал у Императора, а какой-то змеиный рассадник. Все-таки слух у рыкаря более чувствительный... И то, что я услышал, меня не радует, не такие разговоры и беседы должны вести представители высшего света Империи...

— Идеалист... — Кивнул князь, садясь в автомобиль.

— Максималист пока что. — Вторил ему наследник и последовал за главой.

С минуту оба Кобылина молчали, пока мы все рассаживались, и наш водитель выруливал от дворца, и лишь затем весело рассмеялись. Спустя минуту князь продолжил:

— Матвей, эти балы — самое важное мероприятие в Империи. И на них существуют две крайности: первая — здесь заключаются самые важные соглашения, контракты и союзы внутри Империи, вторая — здесь ты встретишь самые низменные пороки среди высшего света Империи.

— Это я допускаю и понимаю. У меня вопрос в другом: почему весь старший цвет Империи превращается в такое скопище эгоистов?

— А я тебе очень просто отвечу: мы слишком давно не воевали. — Покачал головой князь, — Пока Империя живет в мире, все рода начинают себя жрать. Каждый хочет урвать свой кусочек: богатство, влияние, власть. Каждый стремится забраться повыше, сесть на голову более слабому. И это касается всех: армия, духовенство, политическая, экономическая, социальная сферы жизни общества. Даже посмотри на родственников твоей матери, пусть земля ей будет пухом.

— Вы про Долгоруковых, Владимир Алексеевич?

— О них, родимых. Посмотри на них: они находятся под личной протекцией Императоров последние шестьсот лет, у них самая сильная родовая школа Лекарей, их услугами пользуются во всем мире, их богатство практически не исчислимо, но они все равно рвутся к власти. Все больше и больше влияния, собирают компромат, шантажируют рода, даже княжеские и боярские.

— Опять же встает вопрос: зачем им эта власть?

— А это просто, по моему мнению: власть ради власти. Когда у человека в жизни есть все, что он только может себе представить, он начинает стремиться к власти, к абсолютной неопровержимой власти.

— Если они к этому стремятся, то у меня снова есть вопрос: почему Император до сих пор допускает существование этого рода?

— Потому что за руку Долгоруковых пока что никто не ловил. А пока прямых доказательств нет, а польза от Долгоруковых существенна, их никто трогать не будет. Пока польза перевешивает ущерб, никто трогать их не будет.

— Владимир Алексеевич, вы ведь не просто так вспомнили про Долгоруковых? — Прищурился я.

Князь откинулся на спинку кресла и прищурился:

— И все-таки, нужно было Аристарха уговаривать тебя в нашу академию отдавать.

— Так к чему разговор о Долгоруковых зашел?

— Изменения в твоём поощрении идет от князя Долгорукова Андрея Павловича. Это с его легкой руки тебя сосватали в Первый Стрелецкий Полк и присвоили звание поручика. Так что это не секундный каприз государя.

— А замуж меня выдать ещё не хотят? — Криво улыбнулся я.

— Вот поверишь или нет — я спросил о том же самом. — Усмехнулся князь.

— Мне даже страшно узнать, что на это ответил император. — Ответил я.

— Пока можешь выдыхать — никто тебя насильно женить не собирается, пока что. — Хитро улыбнулся наследник.

— А с чего ты решил, что император принял такое решение? — Посмотрел на наследника князь.

Вот тут я реально напрягся. Вот чего — чего, а жениться по указке, пусть даже Императора,

я точно не согласен! А тут такие спорные моменты...

— Отец, ты же не хочешь сказать, что Матвея... — Алексей Владимирович повернулся к князю с удивленными глазами.

— Ну, не то чтобы нет, но пока что... нет. Император подобных распоряжений ПОКА не давал. — Усмехнулся князь.

Наследник просто рассмеялся, а я шумно выдохнул. Пронесло. Почему-то у меня сложилось мнение даже от одной встречи с императором, что с таким человеком отказ не пройдет...

Некоторое время мы ехали молча, просто отдыхая от прошедшего вечера. Уже трасса сменилась городом, и мы въехали на улицу декабристов.

— Владимир Александрович, позвольте, я выйду здесь — хочу немного пройтись.

— Уверен? — Спросил князь.

Я просто молча кивнул в ответ.

— Гена, останови машину. — Распорядился князь.

— Благодарю за помощь, Владимир Александрович, Алексей Владимирович. По нашему совместному проекту я сообщу через Сашу дату демонстрации для согласования с вами. — Я пожал руки князю и наследнику на прощание.

— До встречи, Матвей. — Кивнул князь.

— Увидимся. — Махнул на прощание наследник.

Дверь закрылась, и две машины Кобылиных резво стартовали с места.

Я же пошел пешком от одиннадцатого дома.

Было, о чем подумать.

Ночная улица Декабристов в последней декаде сентября встретила меня легкой прохладой, белоснежным инеем, выступившим на листьях деревьях и полной тишиной.

Дойдя до своего дома, я зашел во двор и забрался в беседку.

И так, что мы имеем? Долгоруковы в курсе обо мне, уже приглашали на встречу, от которой я смог убежать на границу с Афганистаном. После моего возвращения люди Долгоруковых на меня ни разу не выходили. Я, честно говоря, думал о том, что они обо мне уже забыли и отпустили. Лишь перед Равноденствием меня начали мучить опасения о возможной встрече с князем Долгоруковым на приеме. Но тут пронесло.

Да вот только я встретился с другим человеком, о котором и не думал. Князь Юсупов оказался очень злопамятным дедулей. За внушка он будет мстить. И мстить такие люди умеют очень изобретательно. Я не верю, что Долгоруков заботился об интересах Империи, скорее повесил на меня хоть и гипотетические, но все же обязательные к исполнению требования. И это даже не пакость, так, выражение мелкого недовольства. А вот как будет с Юсуповыми — вопрос...

И гадостей и Долгоруковы, и Юсуповы могут создать много. А раз так то, что мне нужно? Мне нужна защита, протекция. От кого-то, кто может потягаться и с Долгоруковыми, и с Юсуповыми. Разница лишь в одном — Долгоруковым нужно что-то от меня, а вот Юсуповым нужна только моя голова, как мне кажется.

И тут мне могут помочь две фамилии: Кобылины и Рюриковы. Но об этом я буду думать завтра.

А сейчас пора уже спать. А то учебу завтра никто не отменял.

Глава 6. «Делай деньги, делай деньги, позабыв тоску и лень...»

Российская Империя, пригород Санкт — Петербурга, загородное поместье Долгоруковых, неделю спустя после Имперского Бала Осеннего Равноденствия

Кортеж из трех машин с гербами рода Юсуповых, не снижая скорость, прошли КП охраны периметра загородного поместья Долгоруковых.

Тимофей Ильич Юсупов, сидя в салоне центрального внедорожника, скривился, словно от зубной боли, едва из-за деревьев показалось огромное поместье Долгоруковых. Князь Юсупов ненавидел это место, проклинал весь этот род, но уже полвека действовал в его интересах. Он ненавидел императорского лекаря, но выполнял все его «пожелания» вот уже сорок лет! Слишком крепко держал его Долгоруков, слишком много в руках самого известного лекаря империи было способов манипулировать и интриговать, и компромата собранного Долгоруковыми на большинство старших родов Империи, хватило бы на сотню закрытых казней в застенках Тайного Приказа...

Кортеж припарковался, и выдрессированная охрана моментально выскочила из соседних машин, оцепила кортеж, а начальник смены открыл дверь князя и занял место за правым плечом Юсупова, когда князь выбрался из машины.

— Добрый день, Тимофей Ильич. Андрей Павлович ожидает вас в своем кабинете. — Юсупова встречал начальник службы безопасности Долгоруковых, Аркадий Соловьев с двумя бойцами.

— Веди. — Коротко ответил князь и двинулся за начальником СБ Долгоруковых.

Огромный особняк встретил Юсупова полной тишиной. Не было слышно ни домочадцев, ни привычного шума на кухне, не были видно никого из слуг... Словно не в особняке

княжеского рода, а на кладбище...

— Что это за тишина в особняке? — Спросил Юсупов, проходя по коридору на первом этаже до личного кабинета главы рода Долгоруковых.

— Князь отправил почти всех домочадцев в московское поместье. Сейчас здесь проживают только он, наследник и двое правнуков, которые учатся в императорском лицее. Так что вашей беседе ничего и никто не помешает. — Ответил Аркадий, подходя к двери кабинета, и постучал в нее трижды.

— Войдите. — Раздался властный голос с другой стороны.

Соловьев распахнул дверь и пропустил вперед Юсупова.

Князь вошел в этой ненавистный кабинет, выполненный в английском стиле. Его самый заклятый “друг” сидел в своем кресле во главе стола. Князь Долгоруков грел в руках пузатый бокал с виски, в хрустальной пепельнице дымилась раскуренная сигара. Юсупов машинально отметил, что пепельница новая, да и макет английского корабля, который стоял над камином, пропал. Да и стулья обновились...

— Здравствуй, Андрей Павлович. — Поприветствовал хозяина кабинета князь Юсупов.

— Здравствуй — здравствуй, дорогой. Рад тебя видеть! Что-то ты осунулся с последней встречи. Как здоровье? Не болеешь? — Князь поднялся из-за стола и вышел навстречу Юсупову.

Долгоруков крепко пожал руку Юсупову. Старый князь моментально почувствовал легкую теплую тонизирующую волну, прокатившуюся по всему телу. Моментально ушла усталость последней недели, пропала легкая мигрень, тянущее чувство из мышц шеи тоже ушло, и князь с удовольствием покрутил головой.

— Присаживайся, Тимофей Ильич, присаживайся. В ногах, как говорится, правды нет. — Долгоруков кивнул на пару кресел, стоящих у камина, — Аркаша, ты гостей с собой заberi, идите там, кофейку, чайку попейте, нам с Тимофей Ильичом есть о чем пошущукаться.

— Да, господин. — Кивнул Соловьев и увел своих коллег вслед за собой.

В кабинете главы рода Долгоруковых осталась лишь пара князей. И эту пару нельзя было назвать равными. Юсупов скривился внутри, внешне оставаясь невозмутимым. Сколько раз он бывал уже в этом кабинете. Еще будучи наследником клана, он вместе со своим отцом прибыл сюда впервые. И еще тогда главой Долгоруковых был Андрей Павлович. Этот человек держал власть в своей семье и роду уже больше века. Даже когда убили его сына, он не заперся и не закрылся, он собрал всю информацию об убийцах, и затем медленно и верно выкосил каждого из них, иногда и до третьего колена. Мечь князя Долгорукова растянулась почти на двенадцать лет. И Юсупов успел ему помочь в этом, замарался в той же гадости, будучи князем...

И Юсупов прекрасно знал, что во всем мире были лишь два человека, с которыми считался князь Долгоруков. И оба почили почти двадцать лет назад. Лишь князя Боярского и прошлого Императора главный лекарь империи боялся и уважал. Но Боярского наследник престола быстро убрал после смерти своего отца, а потом и весь род самых сильных некромантов в мире извел под корень... Вот и не осталось ни одного человека, которых старый князь хоть сколько-то уважал...

— Как тебе бал прошедший, Тимоша? — Ехидно спросил старый князь, когда они остались одни.

— Как обычно, Андрей Павлович. Ничего нового не произошло. Все в рамках регламента Имперской Канцелярии. Наградили, поздравили, поели, попили, потанцевали и разошлись.
— Пожал плечами Юсупов.

— Ой ли, все так просто, Тимоша? А как же твоя встреча с юным рыкарем, который прошлой весной твоего младшего внука отмудохал. Кстати, отмудохал-то за дело, за дело... Как он там, кстати? — Долгоруков глубоко затянулся сигарой.

— Нормально. Уже пару месяцев назад восстановился после травм, в вашей клинике лечение проходили, Андрей Павлович...

— Да я не про внука твоего! Как рыкарь? — Перебил его Долгоруков.

— Ничего о нем сказать не могу, слишком мало мы смогли побеседовать... — Буркнул князь Юсупов.

— Ой, Тимоша, лукавишь, как есть, лукавишь. Ну да ладно, я тебя зачем позвал-то, да, ты этого Волкова не трогай, по крайней мере, пока я не скажу. — Долгоруков продолжил дымить сигарой, глядя на реакцию Юсупова.

— Позвольте узнать, Андрей Павлович, почему вы так резко начинаете оберегать этого сопляка? — По скулам Юсупова начали гулять желваки.

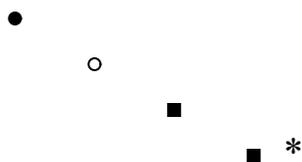
— Потому что он очень способный и талантливый юноша, которого я свяжу с собой. Талантливый, способный, карта Дара просто впечатляет... Просто самородок из Сибири... Да, давно таких не видел, с полвека точно. Такие таланты гробить нельзя, никак нельзя. Таких самородков нужно вербовать и к себе завлекать, да так, чтобы работали на тебя не за страх, а за совесть. Такие нужны, и ой как нужны всегда... Жаль, конечно, жаль, что раньше мои ребятишки его не нашли, но лучше позже, чем никогда... Ну да ладно, вернемся к нашим баранам, то есть, к волкам. Тимоша, ты мой наказ понял — ты и никто из твоих бычков к Волкову и шагу не сделает, а если с его головы хоть один волосок слетит, я первым с тебя спрошу. Ты меня понял?

— Это что получается — если этого сопляка Волкова кто-нибудь тронет на улице, то спрос все равно с меня будет? Как-то несправедливо это будет, Андрей Павлович...

— Тимоша, кто на улице сможет рыкаря, даже и молодого, тронуть? Он что, с пьяным Трубецким в рюмочной столкнется и бабу не поделит? Поверь мне, это один шанс на миллиард... Ну да ладно, в чем-то ты прав. Но ты тогда подсуетись немножко, обеспечь Волкова наружкой толковой, присмотри за ним, чтобы ничего не случилось... Сделаешь, ведь, уважишь старика, в конце концов... — Долгоруков положил сигару в пепельницу, и глаза самого старого князя в империи вспыхнули глубоким изумрудным цветом.

— Я понял, Андрей Павлович, распоряжусь сегодня же. — Сглотнул князь Юсупов.

— Вот и прекрасно, Тимоша, прекрасно. А пока возьми бутылочку, разлей-ка нам коньячку... — Долгоруков откинулся на спинку кресла, вновь беря в руки сигару, глаза старого князя медленно тухли, словно угли.

РИ, Санкт-Петербург, Городская больница Святого Георгия, отделение хирургии и неотложной помощи

Я вошел в родное отделение хирургии. В коридоре царил тишина, лишь из дальней палаты доносился шум работающего радиоприемника.

За столом дежурной медсестры сидела Оленька, молоденькая медсестра, которая пришла в отделение уже при мне. Она склонилась над журналом дежурного обхода, выписывая указания для пациентов в отдельный блокнот.

— Оленька, добрый вечер. — Тихо поздоровался я.

Медсестра оторвалась от журнала и подняла на меня взгляд:

— Ой, Матвей, здравствуй. Ты к Володину? — Улыбнулась Оленька.

— Да, он уже прибыл?

— Ага, утром с поезда сразу в больницу приехал, до обеда проверял все журналы и карты пациентов, затем сам всех лично обошел, сейчас в ординаторской сидит. — Кивнула она.

— Я тогда пойду к нему, провожать не надо. — Я махнул рукой в сторону врачебного кабинета.

— Да, только ординаторская теперь в конце отделения, Володин распорядился, чтобы перенесли.

— Чтобы он курить мог в окно? — Усмехнулся я.

— Официально, чтобы его радио не мешало пациентам отдыхать и восстанавливаться после операционного вмешательства. — Улыбнулась Оленька.

Я быстро прошел до конца коридора, постучался и вошел в ординаторскую.

В новом помещении, как и в старом, царил запах табака, кофе и медицинской стерильности. Новое помещение, новое окно, новый подоконник, а фигура на нем та же самая. Лысый мужик с короткой черной бородой, очках в роговой оправе и белом халате с пятнами чужой крови. Володин сидел на подоконнике, одна рука лежала на колене, между указательным и средним пальцами тлела сигарета. Только в это раз Володин не спал.

— Добрый вечер, Борис Геннадьевич. — С улыбкой поздоровался я.

— А, Волков, ну, здорово, коль не шутишь. Проходи, садись. — Начальник отделения махнул рукой в сторону дивана и крепко затянулся, — Чего пришел-то?

— Так, мы же разговаривали с вами, что после окончания практики к вам приеду, чтобы работать у вас продолжить. Так вот, я от своих слов не отказываюсь. — Пожал плечами я.

— Что же, не сдался, не сдулся, не бежишь с нашего безумного корабля? — Улыбнулся Борис Геннадьевич.

— Не сдался и не сдулся, и бежать не собираюсь. Когда приступать могу? — Ответил я.

— В старом графике и на прежней должности с прежней зарплатой?

— Да.

— Тогда все по-прежнему. В старом графике дежуришь вместе со мной трижды в неделю. И...

Оленька прервала Володина на половине речи. Влетевшая медсестра с широко раскрытыми глазами переводила взгляд с меня на Володина и обратно:

— Борис Геннадьевич, Матвей, там позвонили, к нам скорая едет, в ней трое пострадавших из автокатастрофы, семья. Отец, мать и дочь. Все тяжелые! У матери оторвало ногу в коленном суставе! Будут у нас через семь минут!

Володин перевел взгляд на меня:

— Чего стоишь, Волков! Пулей переодевайся, я один не справлюсь! Ольга! Третью операционную готовь! Звони Огаеву и всей его бригаде, пусть срочно едет в отделение! ВОЛКОВ?! Ты какого х*ра ещё в уличной одежде?!

Я улыбнулся и начал быстро скидывать одежду. Как же мне всего этого не хватало...

РИ, Санкт — Петербург, улица Декабристов, дом 21/2, день закрытой демонстрации информационной продукции компании «БВК»

О, как я не люблю костюмы! А еще больше я ненавижу завязывать галстуки! Только ради этого стоит ввести галстуки на застёжке, как у меня в детстве был...

Сегодня был день демонстрации наших машин перед князем Кобылиным и его делегацией. И как бы мне не хотелось надевать на себя весь этот строгий деловой костюм, сейчас это было очень нужно. И нужно всем троим: и Богомолу, и Кобылину — младшему, и, в частности, мне. Эх, жаль, что в этом мире еще не было человека, который выходил на презентации в водолазке, джинсах и кроссовках... Хотя... Может мне стать основателем нового стиля?... Как говорится, посредственности копируют, гении воруют... Ну да ладно, об этом можно будет подумать, когда наша компания заберется повыше... А пока строгий регламент, строгий костюм, удавка на шею и заколка с гербом империи на галстуке...

Я еще раз осмотрел себя в зеркале, оставшись довольным увиденным образом классического черного костюма с тонким черным галстуком — селедкой и белоснежной рубашкой. Накинув сверху пальто, я вышел из дома и отправился на к дороге. Меня от дома должен был забрать Саша Кобылин, после чего мы договорились сразу отправиться в Купчино, где уже с раннего утра должен был «править балом» Богомол.

Начало октября выдалось на редкость теплым и солнечным, словно в Петербург заглянуло бабье лето. Но вот северный ветер не оставлял у теплой осени ни единого шанса обогреть петербуржцев и гостей столицы в последний раз перед долгой и холодной зимой... Так что сейчас все кофейни и булочные, да и другие заведения, разливающие горячие напитки от какао и кофе до чая и глинтвейна, собирали тройную выручку в день — с таким ветром находиться на улице больше получаса было попросту невозможно...

Я, выйдя к дороге, начал оглядываться по сторонам. В девять утра по обеим сторонам улицы стояло немало автомобилей. Аптека была еще закрыта, но в дальних помещениях уже горел свет, а это значит, что господин Арик Давидович Эльман уже проснулся и проводит ежеутренний ритуал с газетой и бокалом красного сухого... Что ж, традиции и порядок — это дело, как говорится, святое...

С левой стороны раздался двойной сигнал, и я пошел на звук.

За серым микроавтобусом спрятался темно-синий спортивный болид с крылатой женщиной, держащей скрещенные клинки над головой. Саша явно не собирался покидать теплый и уютный салон Астарты и менять его на холодную улицу. Увидев меня, Кобылин начал махать рукой и указывать на пассажирское место. Я поспешил к нему.

Упав на пассажирское место, я пожал руку Кобылину. Тот в ответ протянул бумажный

стаканчик, исходящий паром.

— Кофе? — Спросил я.

— Чай боярский. — Покачав головой, ответил младший Кобылин, — черный чай с медом, мятой, барбарисом, лимоном и смородиной. Отлично согревает и не дает простудить горло в такую мерзкую погоду, еще и будит по утрам неплохо.

— Это один из рецептов народной медицины? — С удивлением спросил я, открывая крышку стаканчика и вдыхая аромат черного чая с добавками.

— Скорее то, что я запомнил из рекламы этого напитка в пекарне. — Рассмеялся Кобылин, заводя машину.

Эта дикая металлическая пантера утробно заурчала и плавно тронулась с места, постепенно набирая скорость. В этот раз Саша не гнал, сломя голову, а спокойно двигался в жиденьком потоке воскресного утра.

— Тебя все-таки оштрафовали или пригрозили лишь новеньких прав? — Прищурился я.

— Нет, с чего ты взял? — Удивился Кобылин, не спуская глаз с дороги.

— Просто ты слишком аккуратно водишь сегодня. — Ответил я, продолжая наблюдать за Сашей.

— Да нам просто спешить-то особо некуда. Мы с тобой заранее едем, Давид уже на месте, у нас все готово к презентации и демонстрации. Так что, в данный момент поговорка: тише едешь — дальше будешь, имеет прямое отношение к нам.

— Ясно, — Кивнул я, — как настроение?

— Боевое, только немного боюсь, если честно.

— Саша, мандраж в такой ситуации — это абсолютно нормальное явление.

— Ага. Только на презентации твоего деда не будет. — Кивнул Кобылин.

— Зато будет твой дед и отец, и я уверен, они расскажут о ней во всей красе, а самое главное, они это сделают при любом раскладе — и при успехе, и при провале нашей демонстрации, так что не дрейфь, в случае чего — вместе на гильотину пойдём. — Улыбнулся я и поднес стаканчик с горячим чаем к губам.

— Блин, точно! Чуть не забыл! Мне отец шепнул, что к нам на презентацию может заглянуть Великий Князь Сибирский Михаил Васильевич. Его дед вроде как уговорил вчера с ним прокатиться сегодня, и Великий Князь ответил, что, если он быстро закончит на совещании, то присоединиться к нему с огромным интересом.

Тут я чуть не выплюнул весь чай по передней панели и самому Кобылину.

— Саша, а почему я узнаю об этом за два часа до начала презентации? — Вот сейчас мне хотелось дать младшему Кобылину хорошего отеческого «леща», как мне когда-то давали на первом курсе моей курсантской жизни... Но Кобылин был за рулем, и мы двигались, судя по спидометру, со скоростью девяносто восемь километров в час...

— Так а что в этом такого? — Удивился Саша.

— Саша, ты вот в отличие от меня, с самого детства в столице живешь. Но тебя ничего не смущает? Ты уж прости, но проводить пусть и закрытую презентацию и демонстрацию для пусть и главы рода, пусть и княжеского или боярского, это одно. Но к нам на демонстрацию и презентацию собирается прибыть ЛИЧНО БРАТ ИМПЕРАТОРА! — Я специально выделял голосом последние три слова, — Саша, вдумайся в последние три слова, я их для тебя специально повторяю: ЛИЧНО БРАТ ИМПЕРАТОРА!.. Улавливаешь?

Тут до Кобылина — младшего начало явно доходить.

— Матвей... А я даже не подумал об этом в таком ключе, если честно... И что нам делать?

— Сглотнув, спросил Кобылин.

— Уже ничего. Приезжаем, проверяем готовность, тестовую проверку проводим, предупреждаем Давида и работников — участников демонстрации, чтобы не потерялись при прибытии Михаила Васильевича. Ну и молимся всем Богам, которые есть, чтобы у нас все получилось. Как говорится: чем выше риск, тем больше куш...

В голове завертелись шестеренки разума. Из присутствия Великого Князя нужно было «выжать» максимум полезности, на которую мы могли рассчитывать. Сейчас нужно придумать грамотную награду за разработанную технологию. И придумать причину, почему она должна остаться у нас в руках, а не приватизирована Рюриковыми как «национальное достояние» в государственную копилку...

М-да, вопросик нарисовался непростой... Нужно что-то срочно придумать... Срочно, срочно, срочно... И превратить все в такую форму, что вроде как и Рюриковы приложили царскую руку к созданию этих технологий, но и собственниками её не являются... Нужно сделать их спонсорами, благородными меценатами, что поддержали молодые таланты на поприще новых научных открытий во благо Империи... Помнится, еще прошлой весной я читал про определенный грант, который присваивался Имперской Канцелярией в пяти различных категориях: «наука и технологии», «спортивное развитие», «медицина и лечебное дело», «искусство» и «исследования в области Дара».

И вот наш проект проект прекрасно мог подойти к первой категории... Ну что же, лучшая защита — это нападение... Вот и будем брать быка за рога! Тьфу — тьфу — тьфу, чтоб не сглазить...

Пока я думал, выстукивая пальцами рваную мелодию по подлокотнику, Кобылин —

младший молчал и старался просто вести машину, не отвлекая меня.

Лишь когда я откинулся на спинку пассажирского кресла, Саша повернулся ко мне и спросил:

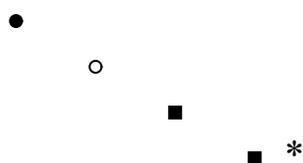
— Что придумал?

Я хитро улыбнулся и, указав на дорогу, ответил:

— Не спеши, скоро узнаешь, главное, нам нужно успеть к Давиду, мы обсудим весь план переговоров втроем, и его нам нужно строго придерживаться. Тогда, возможно, мы даже в плюсе останемся от сегодняшней встречи с Великим Князем...

— Понял. — Весело ответил Саша и вдавил педаль газа.

«Астарта» резко рванула с места, моментально набирая скорость на полупустой дороге. Кобылин — младший начал свою излюбленную игру в «шашечки» на дороге, а я инстинктивно схватился за ручку над окном мертвой хваткой....

Мы успели раньше приглашенной делегации. И, когда Давид узнал, что с высокой вероятностью к нам пожалует Великий князь Сибирский, наш юный гуру информационных технологий свалился в обморок. Пришлось приводить его в чувство, а после еще и успокаивать, отговаривать от заказа безумного количества шампанского, закусок и выездного фуршета. Отговорили на пару с Кобылиным — младшим.

Давид даже готов был отказаться от демонстрации с целью изменения места проведения. А потом Богомоллов за пять минут развел очень бурную деятельность. Даже наш старый сторож Аркадий ворчал, бурчал, но подметал дорожки между зданиями.

В итоге, спустя три часа после нашего приезда, весь двор разве что не блестел. Паркохозяйственный день в сокращенной форме прошел с оценкой «отлично».

К приезду делегации из семи автомобилей (на одном из которых по бортам были гербы Рюриковых), весь персонал цеха был готов выйти, построиться и поклониться по первой команде Богомоллова (хотя мы с Кобылиным и пытались его отговорить от этого «марша верноподданного поклонения»).

Из прибывшего кортежа выбрались князь Кобылин с наследником, Евгения Борисовна, супруга Алексея Владимировича, пара немолодых мужчин, которых я раньше не видел. Последним показался Великий Князь Сибирский. Даже с учетом того, что Великий Князь передвигался исключительно в крупных внедорожниках армейского образца (отделанных внутри и уровнем защиты, с учетом того, что в этих внедорожниках армейского типа будет

передвигаться брат императора и генерал — губернатор Сибирского края, второго по площади субъекта Империи),

Михаил Васильевич на этот раз был в строгом черном костюме — двойке с узким бордовым галстуком и такого же цвета платком паше в кармане на груди. За прошедшее время, что я не видел второго в очереди на престол Российской Империи, князь словно бы стал ещё больше. Сейчас я уже видел и его темный источник с тремя «стандартными» лучами: земля — пламя — тьма. Общий резерв на глаз можно было оценить примерно в девять сотен условных единиц расчета, а Ранг Контроля, судя по скорости циркуляции энергии внутри лучей Звезды и остаточным потерям вовне, соответствовал уверенному Архимагистру. Еще не чудовище, но уже близок к тому, чтобы стать им...

Хотя, если задуматься, то даже уверенного и тренированного Архимагистра от только вступившего в силу Стихии разделяет просто колоссальная пропасть... Это все равно что сравнивать рыкаря и адепта.

Великий Князь с князем Кобылиным возглавили процессию, за ними следом двинулись Алексей Владимирович с супругой, а следом и пара незнакомых мне мужчин. По периметру мгновенно рассредоточились шесть «пиджаков» царской охраны и шестеро из «тайников» Приказа.

Мы с Сашей и Давидом двинулись на встречу. На пяти шагах мы остановились в одной шеренге и глубоко поклонились Великому Князю.

— Добрый день, Ваше Высочество, для нас честь принимать вас на нашей скромной презентации. — Я взял слово, потому что Саша старательно удерживал Давида за ремень спиной последнего, потому что ноги нашего технического директора отказывались его держать.

М-да, так мы каши не сварим, как говорится, перед началом демонстрации стоит немного привести в чувство Богомолова, иначе шанс облажаться будет расти с каждой минутой...

— День добрый, Матвей Александрович. Вот уж не думал, что так скоро вновь о тебе услышу. Да не от кого-нибудь, а от князя Кобылина. — Хохотнул Михаил Васильевич, — у нас появляется традиция регулярных встреч, Волков, ты так не думаешь?

— Надеюсь, Ваше Высочество, что все наши будущие встречи будут проходить исключительно в положительном ключе. — С улыбкой ответил я.

— Это уже зависит исключительно от тебя, Матвей Александрович. Ну что ж, веди уж, у меня не так много времени, а князь Кобылин просто заинтриговал, старый плут. — Кивнул Великий Князь.

— Прошу за мной, господа. — Я кивнул и повел гостей в малый корпус, в котором и была собран один из двух компьютеров, которые нужны были для демонстрации.

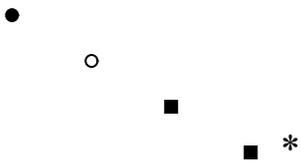
Проектную документацию я знал неплохо, так что начал презентацию, как говорят, «с колес». Почти тридцать минут я вещал о новейших разработках, прорыве в сфере передачи информации, что все это основано на общем патриотизме и стремлении в «светлое будущее»... В общем, мои выступления перед курсантами в училище наконец-то дали свои плоды, опыт и талант (да-да, именно талант), как говорится, не пропьешь...

Пока я вещал и объяснял общий принцип работы, обходя скользкие вопросы клерков, приехавших вместе с Великим князем, мне пришлось одновременно проводить восстановительные мероприятия с Богомоловым. Несколько арканов на улучшение самочувствия, затем тонус на весь организм, затем улучшим работу мозга, разгоним проводимость нервной системы, сделаем адреналиновый «буст» внутри его тела... В общем, спустя тридцать минут Давид «пышет здоровьем» и рвется в бой.

— А теперь, уважаемые гости, я передаю слово нашему техническому директору Богомолу Давиду. Он ознакомит вас с технической частью нашего проекта более подробно, а также проведет основную часть демонстрации, после чего ответит на все ваши вопросы. — Кивнул я, «уходя со сцены».

Богомол же на эту сцену буквально «ворвался».

И тут понеслось....

РИ, Санкт-Петербург, Невский проспект, ресторан «Боярская Охота», пять часов спустя после начала презентации технологических и информационных продуктов компании «БВК»

— Располагайтесь, господа. — Кивнул нам князь Кобылин, когда наша тройка — я, Саша Кобылин и Давид Богомол — вошли в отдельный зал для особых гостей ресторана «Боярская Охота» в центре Петербурга на Невском проспекте.

Этот ресторан принадлежал боярскому роду Кошкиных и входил в тройку самых дорогих заведений в столице. Отделка ресторана поражала своей ценой, при этом не теряла некоторого шарма. Деревянная мебель выполненная из массива за такими же мощными столами с вырезанным орнаментом из народных сказок на спинках кресел, сами столы были накрыты белоснежными скатертями, по краям которых были небольшие красные клетки, деревянные рамки окон по периметру были выложены мозаикой изумрудного, красного и желтого цветов. Стены были выполнены в виде подогнанного одного к одному карандашного бруса. Также в зале были выложены три камина, в каждом из которых сейчас весело игралось рыжее пламя, пожирающее деревянные поленья. Над каждым камином висел свой инструмент для охоты: над одним — составной рогатый лук с колчаном, над вторым — три разных наконечника рогатин для охоты на медведя, над третьим — охотничий самострел, очень похожий на классический арбалет, но гораздо большим размахом «плеч» и без упора

для ноги... В углу зала стоял небольшой постамент из серого камня, на котором стояла фигурка сибирского кота, сидящего с поднятым хвостом, вырезанной из цельного куска лабрадорита — маленькое напоминание для всех, кому принадлежит данное заведение...

Сами бы мы трое в этот ресторан не попали. Разве что Саша мог бы вместе с дедом или отцом, но меня и Давида суда бы даже просто не пустили, а заказ столика пришлось проводить как полноценную войсковую операцию. И копить на этот столик пришлось бы с моей текущей зарплатой в больнице месяцев семь — восемь, не меньше...

Но Великий Князь принял решение переговорить с нами после презентации именно здесь. И буквально ПРИКАЗАЛ нам прибыть сюда к девяти вечера. Вообще, вся сложившаяся ситуация для меня сейчас уже выглядела не столь опасной, как мне показалось в начале... Оба князя просто зависли на нашей презентации почти на пять часов. Михаил Васильевич просто приказал отменить все встречи одному из своих клерков и слушал и смотрел всю нашу программу, осматривал оборудование, слушал наши будущие планы, которые я «рисовал» весьма условно... И в итоге, сказав, что одну встречу он, к сожалению, отменить не может, укатил на нее, но приказал нам прибыть всем троем в «Боярскую Охоту», также наказав Владимиру Александровичу быть вечером здесь же.

Ждать долго нам не пришлось. Мы лишь успели рассесться по указанным князем Кобылиным местам, как в зал тяжелым шагом вошел брат Императора в сопровождении отца Саши. Алексей Владимирович шел рядом с Великим Князем Сибирским о чем-то тихо разговаривая, но мой слух рыкаря позволял выхватывать отдельные тихие слова и словосочетания: «паутина», «техника в будущем», «бухгалтерия и банковское дело», «в армии», «в Приказе»... Говорили они явно о нас...

Все сидящие за столом моментально поднялись и склонились перед Великим Князем. Сердце Давида снова начало ускорять свой бег, и мне пришлось вновь накладывать на него череду утренних арканов, чтобы успокоить этого «будущего гения информационных технологий»...

— Ваше Высочество. — Князь Кобылин поприветствовал Великого Князя как старший за столом.

— Уже второй раз видимся за сегодня. Владимир Александрович, давай без этих этикетов уже. Ночь почти на дворе. И вам, молодые люди, в сем узком кругу, как сейчас, всем троем позволяю обращаться ко мне по имени — отчеству, хватит тратить время на «высочеств» и тому подобное. Обсудим ваше детище, и что с ним нам всем делать... — Великий Князь занял место по главе стола и махнул рукой официанту, который тенью стоял рядом с дверями в зал.

Сердце Давида вновь начало ускоряться от таких новостей, не смотря на действие арканов. Да что с ним такое?! Хоть усыпляй! Пришлось повторять все по новому кругу...

Официант моментально оказался рядом с Михаилом Васильевичем, в руках оказался крошечный блокнот и простой карандаш:

— Слушаю, Ваше Высочество.

— Прямо сейчас подай нам, — князь обвел взглядом всю собравшуюся компанию за столом, — шесть бокалов игристого «Шато Тамань» из золотой коллекции, затем шесть бокалов красного сухого, через час подашь шесть блюд оленины с тушеными овощами и повторишь красное сухое, между красным и олениной ни тебя, ни кого другого, кроме нас шестерых, в этом зале быть не должно.

Официант все отметил в блокноте, поклонился и моментально умчался. Меньше минуты, и он вернулся с подносом, на котором стояли шесть высоких бокалов игристого, в котором еще не успела осесть пена, также быстро расставив бокалы между гостями, официант скрылся за дверью.

— Ну, что же, — Михаил Васильевич поднялся со своего места, держа бокал в поднятой руке, — поздравляю вас, молодые люди. Вы действительно совершили прорыв, с чем я вас искренне поздравляю и желаю новых открытий! Уверен, что государь присоединится к моим словам, как только я смогу поделиться с ним этими радостными новостями!

Великий князь осушил свой бокал одним глотком, и мы все последовали его примеру. Тут же появился наш официант и, оставив шесть бокалов с красным вином, вновь скрылся за дверью.

— А теперь поговорим о деле. — Великий князь сложил кисти огромных рук в замок, уперев локти в стол, и положил на них подбородок, — вы прекрасно знаете, что правительство, с указания Императора, может объявить ваше открытие национальным достоянием и изъять у вас все разработки, выплатив определенную компенсацию и премию за открытие.

— Да, Михаил Васильевич, мы это прекрасно знаем. Но вот только это будет не выгодно, ни Империи, ни роду Рюриковых в частности, если мы рассмотрим это открытие в долгой перспективе. — Ответил я, взяв слово.

Еще в машине, пока мы ехали в ресторан, я рассказал о своем плане Саше и Давиду. И оба моих компаньона с ним согласились. Так что разговор с Великим Князем полностью лежал на мне.

— Объяснись. — Коротко ответил Михаил Васильевич, нахмутив брови.

— Как пожелаете. — Развел я руками и продолжил, — Михаил Васильевич, сейчас у вас под рукой есть отличная команда молодых инженеров — первопроходцев в абсолютно новой технологической сфере. И эта сфера имеет огромный ресурс развития — от гражданского до военного применения. Я могу назвать даже пять разных сфер наугад, к которым вы и ваши сопровождающие сегодня уже «примерили это пальто»: армия, банковское дело, бухгалтерия, работа в Тайном Приказе, Императорская Канцелярия. Но это очень узкий взгляд. Да, со временем, ваши работники дойдут и до мысли о возможности применения данных технологий в других сферах, а потом и, возможно, смогут создать способ применения данных технологий. Но только нам это не нужно. Мы уже придумали способы

применения в различных сферах своих технологий. И вам не придется тратить время на реализацию этих вопросов. Мы сами сможем это сделать. Уже после первых контрактов с Тайным Приказом о нас поползет слух, постепенно придут другие государственные ведомства, а там мы и на гражданский рынок уже выйдем. Сначала в Империи, а затем и в мир можно замахнуться.

— А вопрос, который обсуждался с князем Кобылиным? — Прищурился Михаил Васильевич.

— Как и договаривались. Все ключи будут переданы Тайному Приказу. Но опять же, уточню один момент. Как только мы окажемся в рамках международного рынка с данной техникой, уже спустя пять лет, и это максимум, смогут появиться аналоги, которые будут скопированы с нашей техники, опять же промышленный шпионаж никто не отменял... Но мы сможем захватить львиную долю рынка, а затем у нас уже будет задача его удержать... И стать такими «законодателями мод» в сфере информационных технологий на мировом уровне.

— Стелешь очень гладко, Волков. Но слишком все просто... И главный вопрос — что ты хочешь дать за такое самостоятельное развитие? — Великий Князь продолжал смотреть только на меня, постепенно опустошая свой бокал красного сухого.

— Гладко только на бумаге, Михаил Васильевич, как говорится. В реальности это всё будет гораздо сложнее, чем выглядит на первый взгляд. А к вашему вопросу у меня встает сразу же свой собственный — что вы можете дать нам кроме невмешательства за участие в развитии и распространении технологического взрыва, который перевернет мировое сообщество в течении ближайших двадцати пяти лет?

— Ой ли? — Рассмеялся брат Императора, — очень смелое заявление! Всего за четверть века перевернуть мировой технологический мир?! Волков, ты вроде бы не скоморох, а предприниматель!

Великий князь продолжал смеяться, а я молчал и не сводил с него глаз. Смысл вступать в перепалку с человеком, который, во-первых, старше тебя (хотя тут вопрос — он старше меня только внешне), во-вторых, этот человек сегодня только впервые увидел компьютер и интернет, он просто не может представить себе, как эти технологии перевернут мир. А я знаю, потому что был современником данных событий в прошлой жизни...

— Ты реально в это веришь? — Уже серьезно спросил Михаил Васильевич, отсмеявшись.

— Уверен. — Кивнул я.

Брат Императора откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди, уперев тяжелый взгляд в меня. Пару минут Великий Князь просто «сверлил» меня взглядом, ничего не говоря. Мне даже показалось, что он размышляет о том, чтоб просто меня убрать с этой «игровой доски» и, тем самым, закрыть вопрос переговоров со мной.

— Волков, вот мне интересно, у тебя шило в заднице или что-то другое. Дворянчик из-под

Новосибирска сидит перед Великим Князем и ставит ему условия и не краснеет, как говорится. Ты за год в Петербурге уже трижды со мной пересекся, меня некоторые бояре и князя реже видят... При этом ты молод, юн, но не горяч. Взрослый, рассудительный, хладнокровный, принципиальный, не по годам умный и сообразительный — так тебя Кобылины описывали. К чему ты стремишься? Для чего тебе эти технологии и эта компания? Ты же Лекарь.

— Да, Михаил Васильевич, я — Лекарь, будущий. Но я хочу жить не просто хорошо и сыто, я хочу жить настолько свободно на своей родине, насколько это максимально возможно внутри Империи, я хочу обладать тем уровнем влияния и защиты для себя, своего рода и своих близких, со стороны Императора в том числе, чтобы ни один князь или боярин, генерал или чиновник не смогли «тыкать» мне в лицо своими полномочиями и своей властью. Я хочу иметь возможность сам выбирать свою будущую жену, мать моих детей, а солидным капиталом это делать, уж простите, гораздо проще. Я хочу лечить людей не из возможности оплаты, а из принципа «можешь — помоги». А чтобы помогать, нужно все вышеперечисленное мною. И власть, и влияние, и покровительство, и хорошее стабильное состояние, желательно постоянно растущее.

— Ох, вот не пойму я тебя, Волков, с одной стороны — взрослый и умный, с другой — молодой и глупый... — Вздохнул брат Императора, опуская руки с груди и доставая из нагрудного кармана серебряный портсигар с гербом Империи на крышке, — хорошо, чего ты хочешь, и что ты за это дашь?

— Как вы наверняка уже знаете, Михаил Васильевич, нам организована компания «БВК», в рамках общества мы разделили проценты акции на пять частей: каждый из нас троих получил по тридцать процентов акций — Богомолов, Волков, Кобылин, оставшиеся десять процентов разошлись в двух паях по пять процентов родам Волковых и Кобылиных. Что мы предлагаем. Последние два малых пая мы не трогаем — они остаются без изменений. Каждый из нас троих из своих долей выделяет по семь с половиной процентов и дарит их роду Рюриковых. Это составит двадцать два с половиной процента, при этом и у каждого из нас троих останется такой же пай. При этом род Рюриковых отказывается от вмешательства в разработку, тестирование и внедрение новых технических и информационных продуктов, также мы, как компания, получаем Грант Императорской Руки за открытие в сфере «науки и технологии», сразу же отмечу, что деньги уйдут в оборот продукции сразу же и без остатка. А также мы с вами подписываем договор той же формы, что и с Тайным Приказом, поставке и обслуживании определенного количества машин для Тайной Канцелярии.

— А как же защита? — Ухмыльнулся Великий Князь.

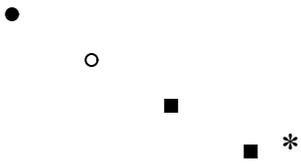
— А защитой, Михаил Васильевич, ваш род нас обеспечит сам, как только станет держателем пая. Никто из Рюриковых не захочет терять репутацию, если экономических партнеров рода начнут «прессовать» и пытаться обокрасть, и уж тем более, рискнут совершить покушение на жизнь и здоровье. Нет, тут я уверен на все сто процентов, вы будете готовы лично глотки рвать всем шакалам, которые на наше предприятие поднимут руки, особенно, когда наша продукция начнет использоваться в государственных учреждениях, а также начнет приносить прибыль на гражданском рынке. — Ухмыльнулся я в ответ.

Князь задумался. Думал он долго и даже красиво. Этаким «Мыслитель» Родена... Кстати, интересно, а тут скульпторы, которых я помню, творили те же картины, скульптуры? Или они вообще не пошли в искусство, или сотворили что-то другое?.. Нужно будет проштудировать материалы по данному вопросу...

— Мне нужно поговорить с государем. — Наконец-то выдал свой вердикт Великий Князь, — предварительно меня все устраивает, но для окончательного согласования мне нужно поговорить с братом. Он уже и примет окончательное решение.

Дверь в наш зал открылась, и официант с дежурной улыбкой вкатил столик с шестью подносами, новыми чистыми бокалами и бутылкой красного сухого вина.

Что-то я проголодался, действительно, пора бы и поужинать...

РИ, Городская больница Святого Георгия, отделение хирургии и неотложной помощи, спустя неделю после презентации, 23:00

Я вышел из своего отделения, едва волоча ноги после смены. Володин остался ночевать в ординаторской, сказав, что ехать домой бессмысленно, завтра в семь утра все равно на работу... Ну да, Володину завтра в университет с утра не нужно ведь!

Сегодня у нас был просто аншлаг жестких автомобильных травм! Первым у нас на столе оказался сотрудник дорожной полиции из мотобатальона, которому оторвало руку в локтевом суставе, благо напарник быстро забрал товарища и его руку и буквально на баке второго мотоцикла привез его к нам в отделение. Следом был раздробленный перелом коленного сустава велосипедиста, который катался по трассе и попал на капот внедорожника, а закончилась наша смена с опозданием на два часа, потому что к нам привезли мальчика с раздробленной ступней оттого, что по ней проехал трактор. Да-да, именно трактор, вы не ослышались...

Выйдя за ограду больницы, мне на глаза сразу попался классический черный внедорожник в глухой черной тонировке, на которых так любили раскатывать все сотрудники царской «охранки» и сбэшники различных богатых родов, что могли позволить себе подобный автомобиль...

Машина пару раз моргнула фарами, но я пропустил этот момент мимо себя. Мало ли кому может моргать фарами автомобиль... В итоге, после того, как я прошел мимо автомобиля по противоположной стороне улицы, водитель, видимо, решил, что нашей встрече просто необходимо состояться, и резко развернул машину через сплошную разметку дорожного полотна.

С одной стороны, от этого маневра я немного напрягся, сформировав на кончиках пальцев четыре «морозных игл» — моя первая личная разработка среди арканов, гибрид воды, воздуха и земли. Вода остывала и становилась ледяными обоюдоострыми иглами длиной около десяти сантиметров, воздух давал первый импульс и направление, задавая скорость, а магнитное поле земли в короткий момент удара в объект менялось в обратное, и уже не тянуло, а отталкивало «иглы» от себя. Если бы не возможности рыкаря в видении и чтении арканов, в купе с узловой техникой воли, которую так любит Конев, я бы никогда не смог создать подобную технику аркана. А так у меня ушло всего пара месяцев на разработку. Правда, пока аркан требовал полевых испытаний... Но чем черт не шутит?!

— Добрый вечер, Матвей Александрович! — Окно внедорожника открылось, и я услышал очень знакомый голос, хотя и общался с этим человеком всего один раз за всю свою жизнь...

Ну вот как не вовремя... Еще бы недельку подождать, а лучше две... Нет, с князем пересекаться никак нельзя, пока нельзя. Слишком уж цепкий этот князь, словно немецкий дог...

— Просто Аркадий, добрый вечер! — Криво ухмыльнулся я. На этот раз коричневый плащ и фетровая кепка — восьмиклинка пропали, за рулем внедорожника сидел крепко сбитый мужчина возрастом в районе сорока двух — сорока пяти лет в дорогом черном коротком пальто, синем костюме — тройке с сиреневой рубашкой и широким темно фиолетовым галстуком. Явно дорогие часы на руке, герб Долгоруковых выглядывает на пиджаке из-под полы пальто и его миниатюрная копия установлена на золотой заколке галстука. Внешность уже явно выделяющаяся — крепкий раздвоенный подбородок с побелевшим шрамом на левой стороне, острые скулы, нос с горбинкой, серые хитрые глаза, шрам между бровями, высокий лоб, короткая аккуратная стрижка «канадка». И главное — яркий светлый треугольник Источника «вода — воздух — жизнь», примерно в четыре сотни УЕР и Рангом твердого Магистра. А ведь неплохой результат для его лет... Вот только мне интересно, как он скрывал свою личность в прошлый раз — дар скрыт, этих черт я не помню, словно он был другим человеком... Хотя, если он принял Небесное Покровительство, его Аспект может быть вполне связан с сокрытием или искажением восприятия...

— Приятно осознавать, что одной встречи хватило, чтобы вы смогли меня запомнить, Матвей Александрович. Может я смогу вас подбросить до дома, заодно и побеседуем с вами? — Аркадий, по всей видимости, был настроен более серьезно, чем в прошлый раз.

— Знаете, Аркадий, сидеть у меня желания особого нет, я больше люблю ходить пешком, да и для здоровья полезно. Но тут рядом есть одна кофейня, в которой варят очень хорошее зерно, если у вас есть время и желание побеседовать со мной, то можете мне составить компанию. — Ответил я.

— Хорошо, давайте. — Кивнул Аркадий и закрыл окно.

Так мы и пошли. Или поехали... Ладно, пусть будет среднее — поплыли. Я — пешком, Аркадий — за рулем... Минут пятнадцать мы так и двигались. Аркадий медленно полз за рулем внедорожника, не ускоряясь и не замедляясь. Я же шел пешком в своем обычно темпе.

Дойдя до небольшой итальянской кофейни я взял кофе «на вынос». Миленькая девушка — бариста с очень доброй улыбкой оперативно сделала для меня этот чарующий напиток, дарующий бодрость тела. Поблагодарив баристу и оставив чаевые, я вышел на улицу и занял место на летней веранде, которую еще не успели разобрать. Но главное было, что здесь стояли две закрытые печи, обогревающие маленькую веранду всего на четыре столика. И никого, кроме меня, в данный момент здесь не было.

Аркадий припарковался, вышел из машины и молча занял место за столиком напротив меня. С минуту он молчал, просто рассматривая меня.

— Аркадий, если вы хотите, чтобы я с вами поделился этим чудесным напитком, то уж простите, но я вынужден вам отказать. Им я делиться ни с кем не намерен. Если у вас есть желание попробовать этого чудесного напитка, то советую вам заказать его в этом чудесном заведении, и да, советую поторопиться, они открыты до полуночи.

— Нет, Матвей Александрович, желания пить кофе на сон грядущий у меня нет. Лучше ответьте мне, пожалуйста, на такой вопрос — а вы всегда такой жадный?

— Смотря, что вы имеете в виду?

— Просто ответьте на вопрос, Матвей Александрович, вы — жадный человек?

— Думаю, да, меня можно назвать очень жадным человеком.

— Тогда я понимаю, почему вы так не хотите делиться своим временем.

— Если вы о нашей не сложившейся встрече с князем, то здесь нет моей вины. Практика от университета приравнивается прямому приказу Императора, а нарушить его все равно, что подписать себе приказ об отчислении. Так что вы должны меня понять.

— Да я все понимаю, сам заканчивал тот же университет, но вот князь очень не любит ждать, он, в принципе, довольно нетерпелив, а с годами стал несколько несдержан... Хотя, почти полтора века править родом — занятие далеко непростое и нелегкое. Да и жадность — это черта у вас обоих схожа...

— Так и чего от меня хочет князь Долгоруков?

— Все того же, встречи и беседы. У него есть к вам некоторый интерес.

— В чем же? Он решил после стольких лет предложить принять меня в род матери и сделать наследником княжеского престола? — Криво усмехнулся я.

— Матвей Александрович, становление рыкарем, конечно, поднимает вас в плане возможностей Дара, но я не рискнул бы говорить с сарказмом в отношении Архимагистра, который закрепил свой Ранг почти век назад. Просто в целях безопасности.

— Это лишь сарказм, Аркадий, я не думаю, что князь — Архимагистр будет обращать свое

внимание на такие глупости.

— Давайте не будем пускаться в фантазии по поводу поведения моего сюзерена, а лучше обговорим то, когда и где вы вдвоем сможете спокойно и тихо побеседовать наедине.

— Давайте. — Кивнул я.

— Князь желает узнать, когда вам будет удобно встретиться с князем Долгоруковым?

Я задумался. Если пока мне дают выбор, нужно этим воспользоваться. А значит, мне нужно оттянуть время. Столько времени, чтобы Император подписал документы по гранту и принял пай акций компании. Тогда мне сам черт будет не страшен, по крайней мере, официально...

— Давайте сделаем так, Аркадий. Если князю будет удобно, я буду готов с ним составить ему компанию в ресторане «Русский двор» первого декабря в воскресенье.

— Позвольте узнать, что же удерживает вас от встречи почти три недели?

— Много учебы, много работы, и есть те дела, которые я уже запланированы, и их я отменить не смогу. Я думаю, что князь может это понять. Молодым амбициозным студентам без большой поддержки высокого рода нужно крутиться и крутиться... Если князь не пожелает встречаться в эту дату, то он может предложить свою дату, время и место встречи.

— Пожал я плечами.

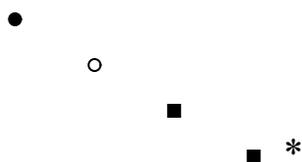
— Хорошо, я передам ваши слова князю. Надеюсь, на этот раз никакая практика вас отвлекать не будет — Аркадий поднялся из-за стола и протянул руку.

Я поднялся и, пожав руку, ответил:

— Буду ждать встречи с вами с ответом князя. Благодарю за уделенное время.

Аркадий кивнул и покинул веранду. Прыгнув в машину, сбэшник Долгоруковых очень резко стартанул с места, выворачивая руль, и сорвался по прямой Северного проспекта.

Я же, допив кофе, пошел к уличному таксофону. Последний автобус я уже пропустил, так что придется потратиться на такси...

РИ, Санкт-Петербург, поместье Долгоруковых, на следующее утро

— Так и сказал? Молодому и амбициозному студенту без поддержки высокого рода? — Князь Долгоруков с довольным видом сидел за своим столом в рабочем кабинете и принимал

доклад от Аркадия о прошедшей вчера вечером встрече с Волковым.

— Именно, господин. Это я передал дословно. — Кивнул начальник службы безопасности.

— Каков наглец, ну что же, возможно, в нем есть что-то и от нас. Хотя, если задуматься, взять этого сорванца и нарядить в парадный армейский мундир, то он будет копией Сашки, когда тот военную академию закончил. Разве что глаза взял от внучки. Эх, такой Дар был, но спящий... А как могло бы быть... Ну да ладно! Какой смысл собирать чайники, когда чайник уже разбили... Тогда посети Волкова завтра и сообщи, что я согласен на встречу в этом гадюшнике, как оно там называется... А! «Русская изба»? «Русский дом»?

— «Русский двор», господин. — Поправил главу рода Соловьев.

— Да, так вот, договорись с хозяином ресторана, что первого декабря ресторан должен быть на спецобслуживание. Не хочу, чтобы нас кто-то отвлекал. — Улыбнулся князь.

— Господин, вы позволите мне проявить некоторую любознательность?

— Ну, попробуй, Аркаша, попробуй. И пока проявляешь любознательность свою, налей-ка мне бокальчик. — Личный Лекарь Императора указал рукой в сторону бара.

— За прошедшие две встречи с Волковым, а также благодаря полученным характеристикам из университета и рапортов следователей управления собственной безопасности пограничной службы у меня сложилось мнение, что юноша психологически старше своего возраста, очень самостоятелен, решителен и находчив. Также мы до сих пор не знаем, что за компанию «БВК» он создал. Ни персонал, ни цели компании, ни место расположения офиса компании мне до сих пор неизвестны. А также юноша крайне критически реагирует на угрозы и агрессию в свой адрес, и реагирует соответственно. Отвечает ударом на удар. Отсюда у меня встает вопрос — как вы хотите его вербовать?

Соловьев налил виски в пузатый бокал и поставил его перед князем. Долгоруков поднял бокал, покатал янтарную жидкость внутри, и с улыбкой, глядя сквозь бокал с виски на Соловьева, решил ответить:

— Эх, вот ты, Аркаша, талантливый силовик, самый престижный университет в империи закончил, двадцать лет в разных ведомствах полиции отработал, заматерел, связями оброс, затем в службе безопасности рода во главе встал, такие дела проворачивал, что у некоторых глаза на лоб полезут. Но дипломатичность ты так в себе и не воспитал, как был силовиком, так и остался. Таких юнцов ломать смысла нет, они только в агрессию принимают все попытки запрячь их в упряжку, которая род целый потащит. Не-е-е-ет, таких нужно соблазнять, на амбициях играть. Он же сам сказал, что он весьма амбициозен. Так и будем это использовать. Или ты думаешь, что мне нечего предложить молодому Лекарю?

— Думаю, что вы единственный человек в империи, способный ему что-либо предложить, господин. — Поклонился князю Соловьев.

— Вот именно, Аркаша, вот именно. Я смогу его сманить к себе. Власть, деньги, женщины — это все приходящее, этим сманивать глупо. Сила и знания — вот она истинная цена, на которую он может повестись. Другим его не заманить. — Князь откинулся в своем кресле и достал из стола коробку сигар, гильотину для них и пачку длинных каминных спичек. Князь ловко отсек кончик сигары, подготовил её и начал раскуривать.

Кабинет князя наполнился запахом дорого табака и кубинского рома, в котором сигары для князя были выдержаны. Соловьев ненавидел запах табака, но с князем стойко терпел...

— И, Аркаша, подготовь-ка мне ко встрече трактат пятого Лейб — Лекаря Арсения Александровича Долгорукова «О восстановлении травмированных конечностей». Будем закидывать удочку на эту рыбку. — Князь сделал глоток виски и, поставив бокал на стол, затянулся сигарой.

— Оригинал? — Уточнил Соловьев.

— Побойся предков, Соловьев! Копию! Только копию! Но подбери из первых вариантов, чтобы выглядела ценно, рыбку нужно подманывать, подманывать... — Рассмеялся князь.

— Сделаю, господин. — Поклонился начальник службы безопасности.

— Все, иди — ступай. — Махнул рукой князь, отпуская Соловьева.

Соловьев вышел из кабинета главы рода Долгоруковых. Как только дверь за его спиной захлопнулась, в любом месте гостиной можно было услышать скрип зубов начальника службы безопасности, но не его мысли: «Старый больной ублюдок! Снова решил пригреть новую псину цепную себе на потеху! Когда же ты уже сдохнешь-то?! Мало того, что внучку под Боярского подложил, так теперь этого байстрюка, этого выб***ка Боярских он к себе забрать решил! На старости лет совсем с ума сошел! Все проклятым схроном Боярских бредит, не иначе! Ну ничего, долго ты не протянешь, явно не протянешь... Надеюсь, осталось недолго потерпеть...»

Глава 7. «Император — компаньон, князь — соперник, и сам черт не брат!»

РИ, Санкт-Петербург, зимний дворец Рюриковых, личный кабинет Императора и самодержца Всероссийского Александра Четвертого «Великого»

Михаил Васильевич прибыл в Зимний дворец почти час назад. Его встретили и проводили в кабинет Императора. И почти час ему пришлось ждать брата, личный самолет которого задержался из Владивостока...

Великий Князь Сибирский, как официально его именовали, сейчас был меньше всего похож на второго человека в империи. Верхние две пуговицы кителя генерал — губернатора были расстегнуты, сам генерал сидел, растекшись по креслу, а на столике рядом исходила паром большая кружка чая с лимоном.

— Здравствуй, брат. — Услышал голос за спиной Великого Князя.

Михаил Васильевич поднялся со своего места и повернулся лицом к брату. В очередной раз Великий Князь удивился глазам Императора, в которых плескалось живое алое пламя. Пусть телом Император и менялся за прошедшие годы, но глаза — глаза Императора менялись совершенно по другому. Они не старели, но в них накапливалась усталость, с каждым годом все больше и больше...

— Здравствуй, брат! — Великий Князь подошел к Императору, и братья крепко обнялись.

— Присаживайся, в ногах правды нет. — Император кивнул на кресло, в котором сидел Великий Князь, и сам занял кресло по соседству, — с чем пожаловал в гости?

— Есть дело, возможно, самое важное для нас. — Ответил Михаил Васильевич.

— Даже так, — Удивленно поднял бровь Император, — ну, удивляй меня, братец.

— Помнишь Волкова, которого ты награждал на Балу Осеннего Равноденствия?

— Ты издеваешься, Миша? Если я буду помнить каждого, кого я награждаю, то у меня память закончится раньше, чем я всю империю объеду.

— Да, тут ты прав. В общем, еще при отце в Тайном Приказе был один оперативник, Волков Аристарх Прохорович, очень талантливый и деятельный, первоначально был напарником Кобылина Владимира Алексеевича. Немало дел они вдвоем раскрутили, но потом ушел на пенсию, когда с отцом поспорил по одному персонажу. Кстати, в итоге, Волков оказался прав. Тем человечком был князь Остап Боярский... Так вот, его внук, Матвей смог не только в ратных подвигах отметиться, но и в инженерном плане. Его компания смогла совершить прорыв в техническом плане. И это не мои слова...

И Михаил Васильевич пустился в объяснения. На общий рассказ и показ уже подготовленных документов занял пару часов. Братья обсуждали все, от госконтрактов поставки оборудования до развития новой сферы гражданского рынка. И хоть Император и Великий Князь и получили военное образование, но вот самообразование никто не отменял. И никто назвать глупыми этих двух мужчин не посмел бы. Вопросы они были способны решать не только с помощью силы...

— И что они хотят? — Спросил Император, когда личный слуга принес уже четвертый поднос с чайником и нарезкой лимона.

— Грант Императорской Руки и гарантии невмешательства в производство и развитие компании, ну и обеспечение защиты компании от посягательств других высоких родов.

— А нам это что принесет? — Скрестил руки Император.

— Долю в двадцать два с половиной процента в компании. — Ответил Михаил Васильевич.

— Контрольный пакет?

— Нет. — Покачал головой Михаил Васильевич, — Равная доля. Десять процентов акций разделены пополам и отданы родам Кобылиных и Волковых.

— Лихо. — Ухмыльнулся Александр Васильевич, выбивая дробь пальцами по подлокотнику кресла, — и ты, разумеется, постарался на него «наехать» в своей манере? То ли ротного старшины на молодого, то ли бандита из братвы?

— Попробовал, но он не повелся. Не огрызался, не угрожал, не просил, давил аргументами и вышибал мой бычий напор, как профессиональный тореодор. — Улыбнулся Великий Князь.

— Вижу, он тебе понравился. Иначе бы ты так не вписывался за него. Какой это уже раз? Третий? — Император взялся за свою чашку.

— Так ты помнишь его! — Щелкнул пальцами Великий Князь.

— Помню, помню, все-таки сын подруги детства императрицы. — Усмехнулся Император, — Один раз ты его отметил после дуэли в роли секунданта, второй раз он сам был одним из дуэлянтов, при этом провинциальный дворянин выбил все д*рьмо из княжича Юсупова. И сейчас уже третий раз. Это уже входит в привычку.

— Если он несет пользу для Империи, буду за него просить и дальше. — Ответил Великий Князь.

— Все ради Империи? — Напомнил старую клятву Император.

— Все ради Империи. — Кивнул Великий Князь.

— Хорошо, тогда давай впрягаться в эту упряжку. Только сам документы подписанные не передавай. Пока слишком много чести для молодежи нашей будет, пусть и очень талантливой. Отдай документы Кобылину, пусть он молодежь обрадует. И давай накинem им в бюджет от родовой казны. Бонус за выдержку и самообладание, так сказать. Сколько они вначале вносили известно? — Император взял в руки ручку с рабочего стола и начал подписывать документы из папки.

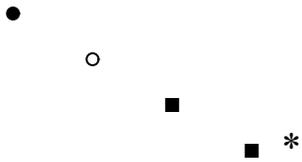
— Точно цифры нет, но по оценке «на глаз» нашим инженером, которого я брал с собой, тысяч двести со стороны, но он не видел оборудования передатчиков. — Ответил Михаил Васильевич.

— Тогда давай перестрашуемcя и закинem три сотни. Мы не обнищам, а статус рода поддержим. Работать с нами должно быть приятно с самого начала. — Подмигнул Император брату.

— Хорошо, так и сделаю. Распоряжение о переводе отдам сегодня же. — Кивнул Михаил Васильевич, наблюдая, как Император подписывает каждый документ в папке из коричневой кожи.

Братья помнили клятву, которую дали только друг другу на восточной границе почти

двадцать лет назад. И пусть в Империи их одними из лучших представителей правящей династии еще при жизни, за границей их боялись до дрожи. Двое молодых мужчин в прошлом смогли заставить бежать весь атакующий восточный корпус. И это за границей все прекрасно помнили...

РИ, Санкт — Петербург, улица Декабристов, дом 21/2, 23-ое ноября

Я еле встал этим субботним утром. После вчерашней смены просыпаться просто не хотелось. Как и бодрствовать вообще. Это ночь выдалась безумной. Добротная такая авария на подстанции обернулась хорошим количеством ожогов для бригады электриков, которых, по итогу, привезли именно к нам...

Так что дома я был не к полуночи, а к четырем часам утра. Но проснуться пришлось в десять, выполнить утренний комплекс тренировки, принять душ и, так до конца и не проснуться. Была последняя надежда в виде благородного утреннего напитка. Так что сейчас я в «ватном» состоянии старался сварить себе утренний кофе...

Получалось откровенно паршиво. Вдобавок, меня от этого священного утреннего обряда отвлек противный тройной писк. И это писк уже трижды повторился... Господи, кого мне нужно превратить в жабу, чтоб этот отвратительный треск закончился?! А! Стоп! Так это же мой звонок входной!

Пришлось идти и открывать входную дверь. Пока я шел, звонок выдал тройной перезвон еще дважды. Когда я открыл входную дверь, за ней стоял нервно переминающийся с ноги на ногу Саша Кобылин.

— Танцуй! — Выдал Кобылин — младший, как только меня увидел.

— Чего? — Не понял я.

— Танцуй! — Повторил Кобылин — младший, крутя в руке папку из коричневой кожи.

— Саша, я тебя ни фиги не понимаю. — Покачал головой я, — проходи, холодно на улице. Кофе будешь?

— Мне, может быть, и кажется, но твой кофе уже сбежал. — Ответил Саша, вдыхая аромат, идущий из квартиры.

— Блин! — Вот тут этот чудесный аромат добрался и до меня.

Тут все ватное состояние моментально испарилось, и я на «Шаге Тени» моментально оказался рядом с плитой. Увы и ах! Даже это не спасло мое утреннее таинство! Кофе в

запасе больше не было, новый я купить забыл, так что на сегодня я остался без кофе!

— Кобылин! — Прорычал я, оборачиваясь, — благодаря тебе от меня смог сбежать самый благородный напиток этого мира, и запас зерен в этом храме, — я указал рукой на верхнюю полку кухни, — закончился. Так что я очень надеюсь, что у тебя о-о-о-очень веская причина, иначе я тебя прямо здесь до смерти залечу...

— Э-э-э-э-эй-эй-эй-эй-эй, волчара, выдыхай! У нас тут праздник намечается! Ладно, ладно! Отдам без танцулек! — Кобылин положил кожаную папку на стол и отошел на три шага от стола, — и верни, пожалуйста, нормальные глаза и цвет кожи, а то хуже мертвеца смотришься со стороны.

Я выдохнул, возвращаясь в нормальную форму, и взял в руки папку, которую привез Саша. Открыв в папку, я начал читать вслух золотые строчки, отпечатанные на очень дорогой бумаге:

— Компания «БВК» решением комиссии Золотого Гранта «Императорской Руки» получает право на использование из бюджета Империи одного миллиона рублей в течение пяти лет с момента получения данного сертификата за вклад в развитии науки и технологий. Император Всероссийский Александр Четвертый. Подпись.

С каждой новой строчкой глаза мои расширились все больше, а сердце стучало все чаще...

— Он подписал? — Я поднял глаза на Сашу, потом опять перевел взгляд обратно на документ, — САША, ОН ПОДПИСАЛ! ОН ПОДПИСА-А-А-АЛ!!!

Я начал прыгать на месте, как пятилетний ребенок, который на Новый Год получил железную дорогу. А Кобылин стоял и выражением лица был похож на кота, обожравшегося сметаны, и после этого ему положили прямо к носу кусочек кошачьей мяты, от которой он просто лениво «тащился»...

— Кто передал документы? — Спросил я, успокаиваясь.

— Дед. Да ты и остальные документы просмотри. Там ой как интересно. — Саша указал на коричневую папку.

Я начал перебирать остальные документы, тут были и экземпляры документов по передаче семи с половиной процентов от каждого из нас троих, при этом на каждом из экземпляров уже стояла подпись самого Императора. А в конце лежала прекрасная бумага — вексель Имперского Банка, на котором была указана сумма в триста тысяч рублей. Род Рюриковых передавал в капитал компании «БВК» триста тысяч рублей! Это было в полтора раза больше того, что мы с Сашей вложили на старте.

— Я сейчас оденусь, и мы мчим к Давиду! — Сказал я и начал метаться по дому, собираясь.

— Не спеши, Богомоллов наверняка спит у себя в бюро. — Усмехнулся Саша.

— Разбудим! — Крикнул я, выпрыгивая из спальни на одной ноге, пытаясь просунуть вторую ногу в брюки, — у нас такие новости, что он нам все вышки, запланированные до Владивостока, уже до новогодней ночи поставит и запустит!

— А ты вторую папку посмотреть не хочешь? — Продолжая улыбаться, Саша покрутил в ладони вторую папку, уже простую канцелярскую, изготовленную из синего пластика.

— Дай! — Я продолжил прыгать на одной ноге к Кобылину — младшему.

Саша постепенно начал двигаться дальше от меня вокруг стола в гостиной.

— Блин, Саша, уже несмешно! Дай уже посмотреть! — Рыкнул я.

Саша весело рассмеялся, но отступать перестал:

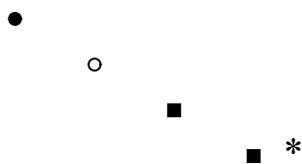
— Будем считать, что мою просьбу о танцах ты выполнил в манере традиционных танцев народов крайнего севера.

Папка поменяла держателя, и я, наконец, смог заглянуть в нее. Пару минут мне потребовалось на ознакомление со всеми бумагами, после чего я захлопнул папку.

— Саша... — Я перевел взгляд на Кобылина — младшего.

— Да, господин проектный директор? — Слащаво коверкая голос, пытаюсь подражать картинному голосу секретарши, ответил Саша.

— Мчим к Давиду. Очень быстро мчим к Давиду! — Мои сборы ускорились раза в три.

РИ, Санкт — Петербург, Купчино, промзона, производственная база/офис компании «БВК»

Сегодня я ни слова не сказал Саше за его каскадерскую манеру вождения. От Декабристов до производственной базы мы добрались минут за двадцать.

В офис (он же «шамбала конструкторской мысли Богомолова») мы буквально ворвались. Богомолов в столь «раннее» утро был найден на своем привычном месте — на диване под клетчатым пледом, из-под которого торчали босые ноги.

— БО-ГО-МО-ЛО-О-О-О-О-ОВ!!! ПРО-О-О-ОСНИ-И-И-ИИСЬ!!! — Рывкнул я, трансформируясь в рыкаря на пару секунд и тем самым усиливая голосовые связки.

Наш технологический гуру подскочил на диване, заспано озираясь по сторонам. Он успел увидеть меня в форме рыкаря, потом начал моргать, потирая глаза. За это время я усел

вернуться обратно в обычную форму.

— Матвей? Саша? — Богомоллов наконец-то начал просыпаться.

— Давид. — С улыбкой поздоровался Саша.

— Что? — Так до конца и не проснувшись, спросил Давид.

— Прочитую дорого друга, — С улыбкой ответил я, — Танцуй!

— Как «танцуй»? С кем «танцуй»? Зачем «танцуй»? Не надо «танцуй»! Я не умею... — Стушевался Богомоллов.

— Выдыхай, просыпайся и читай. — Я протянул первый документ Золотого Гранта Богомоллову.

Тот зажмурился от хлынувшего в эту берлогу света, когда Саша распахнул шторы, но все же принялся читать документ в руках. Чем дальше читал, тем заметнее становилось, что его руки начали мелко подрагивать.

— Это... Это же... Это же... — Начал пытаться выразить свои эмоции Богомоллов.

Мы же с Кобылиным — младшим стояли и молча улыбались. Богомоллов постепенно распялся и начинал активно жестикулировать руками, потому что слов ему явно не хватало...

— А это на десерт... — Я открыл вторую папку, привезенную Сашей и передал Давиду два договора о поставке для Тайного Приказа и Имперской Канцелярии и третий эксклюзивный договор о создании и развитии новейшей телекоммуникационной сети «Информационная Паутина» от Императорского Стола.

Договор от Тайного Приказа подразумевал поставку и обслуживание трех сотен машин, Имперская Канцелярия желала поставку и обслуживание пяти сотен машин, а Императорский стол хотел установить и создать сеть из почти пять тысяч антенн, которые помогут создать и развить огромную сеть для моментальной связи.

— Это же обеспечит нам развитие на годы, если не десятилетия... — Богомоллов явно был ошарашен от прочтенной информации.

— Десятилетия, Давид, десятилетия. — С улыбкой ответил я, — теперь главное, как говорить, нам всем на радостях «не обоср*ться», уж простите мой жаргон... И так, господа — соучредители, какой план наших дальнейших действий?

— Первоначально, нам нужно подписать документы о передачи доли с каждого пая в пользу рода Рюриковых. Эти документы мы должны уже сегодня передать деду, чтобы он завтра смог их представить Рюриковым. — Саша залез в свою сумку, доставая документы, — так что, в первую обязательную очередь, подписываем документы, господа, и дерзаем

разрабатывать план действий.

В итоге, вначале мы подписали документы о передачи долей в пользу Рюриковых. После Саша убрал документы перекечевали обратно в сумку Кобылина.

— И так? Что нам нужно сделать дальше? — Богомоллов уже явно проснулся, собрался и был готов к «труду и обороне».

— Дед обмолвился, что была выражено пожелание о прокладке первой нити так называемой «паутины» через Сибирь в сторону Владивостока. — Сказал Саша.

— Я думаю, нам стоит уважить желание императорского рода. Давид, как у нас дела обстоят с производством оборудования и возможностью монтажа вышек и установки оборудования уже на них?

— В старых промышленных ресурсах. Мы, честно говоря, даже не готовились к таким производственным мощностям. Нужен дополнительный персонал на производство, нужны выездные бригады по монтажу, настройке и тестированию оборудования. В конце концов, нужны большие площади для производства и складов! Нам даже площади для хранения материалов и готового оборудования не хватит в таком масштабе!

— Тогда нам нужно в быстрые сроки все эти вопросы решать. Нам нужна пара талантливых управляющих, желательно молодых и амбициозных, которые будут пахать и пахать на старте, при этом не связанные с высокими родами, и, в идеальном варианте, они, в рамках своих родов, если они дворяне, не должны быть даже в вассалитете к боярским и княжеским родам. Есть идеи, господа?

— В моем институте таких точно не найти, у нас все больше по технике. — Покачал головой Богомоллов, — Вот несколько толковых молодых инженеров я смогу найти, также заглянуть в техникум, где ассистирую, думаю, там среди выпускного курса смогу технологов и мастеров подобрать.

— Уже хорошо, штат нам нужно заполнять очень быстро. — Кивнул я, — Саша?

— Есть пара идей. — Кивнул Саша, — есть пара на моем курсе, пробивные девочки, страшнее акул, палец в рот засунешь — по локоть откусят. И пара ребят знакомых есть на факультете предпринимательского дела, начальниками их, конечно, сразу не поставим, но как специалистов по экономическим вопросам их взять можно, а также пару юристов можно к себе взять в штат на полставки, чтобы с бумагами помогали. О! Андрея Соколова помнишь?

— Блондина с глазами, словно лед? — Припомнил я.

— Да, это кстати, у него родовая черта. У них Дар направлен на использование льда как гибрида воздуха и воды, даже целая родовая система боя построена... — Тут Кобылин — младший посмотрел на меня и понял, что уходит в совершенно другую сторону, — извини,

сейчас нам совсем не это нужно. Так вот, его тоже можно привлечь, особенно в вопросах касательно земли. Он у деда практику проходил в земельном управлении города Москвы. А зная его деда, он за прошедшие два месяца собаку съел, и не одну.

— На полставки. — Вставил я свои «пять копеек».

— Разумеется, — Кивнул Саша, — он же не полную рабочую неделю у нас работать будет.

И только тут до меня дошло — я до сих пор не знал, а где учиться или учился Давид.

— Давид, а ты где учишься, а то я как-то не удосужился узнать раньше?.. — Спросил я Богомолова, решив закрыть вопрос сразу, пока мысль не ушла.

— Ты спустя полгода со знакомства решил спросить? — Улыбнулся Богомолов.

— Честно говоря, раньше как-то даже и не задумывался. Просто сразу решил, что ты старше меня и Саши, да и все. — Пожал я плечами.

— Я закончил Петербургский Технический Институт, сначала получил степень бакалавра, затем магистра, а сейчас на последнем году аспирантуры, весной буду защищаться, если все пройдет успешно, буду гордо именоваться кандидатом технических наук. — Гордо ответил Богомолов.

— Ничего себе. Вот так вот, Саша, работаешь вот так, работаешь, и не знаешь, что мы трудимся вместе с без пяти минут кандидатом технических наук. — Я поднял вверх указательный палец.

— И не говори, открытие просто сегодня совершенно для нас. — Кивнул Кобылин — младший, улыбаясь.

— Вот и цените единственного технического специалиста экстра — класса, который даже почти кандидат технических наук. — Повторил мой жест Богомолов.

— И так, дорогие друзья! Нам нужно срочно увеличивать штат и площади! Давайте так, в первую очередь решим вопрос со штатом и складскими помещениями. Вы берете на себя вопрос со штатом, каждый по своему направлению, а я займусь складскими помещениями, сейчас по максимуму поставим на те площади, что у нас есть. После вопроса персонала, хотя бы первоначальных переговоров, начинаем заниматься площадями для новых линий производства. Давид, сколько оборудования готово для установки на вышки прямо сейчас?

— В принципе, около тридцати вышек мы готовы оборудовать. — Ответил Богомолов.

— А сколько нам нужно для того, чтобы реализовать первую «нить», этого ведь вряд ли хватит? — Задал очень важный вопрос Саша.

— Ты издеваешься? — Усмехнулся Давид, — да нам нужно раз в десять больше оборудования, только для одной нити, а при текущих мощностях производства мы полгода

только оборудование будет делать.

— Но мы же можем параллельно вести и производство, и установку, и отладку, и поэтапный запуск оборудования? Тем более, это позволит нам несколько разгрузить выездные бригады установки. Да! Саша, нам будет нужно подписать договора с местными охранными агентствами, чтобы они регулярно проверяли вышки. — Кивнул я

— Думаешь, уже стоит? — Прищурился Кобылин — младший.

— Стоит, Саша, стоит. Готовим сани с лета, как в поговорке. — Улыбнулся я, — поймите парни, как только мы засветимся как короли горы на вершине новой экономической ниши, с нами начнется все — переговоры, промышленный шпионаж, угрозы, захваты точек, кража оборудования и другие неприятные события. Надеюсь, что это будет ровно до того момента, пока у Рюриковых не переполнится чаша терпения. Но до этого момента нам нужно ещё продержаться «на плаву». А для этого нам потребуется и охранные агентства, особенно внутри страны, и силовики твоего рода, и, даже возможно, силовиков Рюриковых, и это я уже просто молчу о полиции.

— Так может, стоит начать формировать свою собственную СБ? — Кивнул Кобылин — младший.

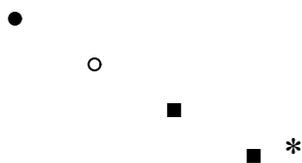
— Вначале персонал, и одновременно с набором старт установки оборудования. Уже затем будем решать вопрос с собственной СБ. Нужно сначала стартовать с установкой и увеличением объемов производства, ребята, без этого мы ничего не сможем. Давид, у меня просьба. — Я повернулся к Богомолу.

— Какая?

— Я на новогодние праздники собираюсь домой. Можно мне одну нашу машину выделить, я хочу дома ее установить, чтобы связь с родными была, как только наша «паутина» начнет функционировать.

— Это не проблема, у нас уже есть некоторый запас готовых машин. ООдну выделим тебе домой. Транспортировку транспортной компанией можно организовать. — Кивнул Кобылин.

— Отлично. Тогда первоначальные шаги мы утрясли, а сейчас предлагаю съездить и позавтракать. Ни я, ни Давид пока не ели, а на сытый желудок, думать гораздо лучше. — Я хлопнул в ладоши, поднимаясь со стула. — Давид, собирайся и поехали завтракать.

спустя неделю после получения Золотого Гранта компанией «БВК», 25-ое ноября

— Матвей Александрович! — Новенькая медсестра Катерина забежала в ординаторскую.

В кабинете сидели я и Володин, развалившись на двух диванах после операции, так и не сняв окровавленные халаты, но уже держали в руках кружки с кофе.

— Да, Катерина. — Откликнулся я.

— Там с регистратуры позвонили, говорят, вас там мужчина ждет. Какой-то очень важный.

— А в чем выражается его важность? — Усмехнулся я.

— Ну, он вроде как в костюме дорогом, и сам выглядит солидно. — Надула щечки Катерина.

— Ты ждешь кого-то? — Подал голос Володин.

— Нет, Борис Геннадьевич, я даже никому особо и не распространялся, где работаю. — Пожал я плечами.

— Все равно, не нужно заставлять человека ждать. Сходи уж.

— Сейчас, только переоденусь. — Я начал вставать со своего «царского» места.

— А зачем? — Удивился Володин.

— В смысле? — Не понял уже я.

— В коромысле, Волков?! Что за еврейская манера отвечать вопросом на вопрос! Так ты выглядишь очень солидно! Усталый вид, белоснежные тапочки для операционной, синий халат с кровавыми брызгами на груди и шапочка с уточками в красном спасательном круге! Иди и шокируй гостей бравым видом русского офицера, который даже в мирное время помогает русскому народу!

— Вы серьезно, Борис Геннадьевич? — Удивился я.

— Давай, давай, я сам сто раз так делал. Если благодарить приехали, еще больше проникнутся, если ругать — весь запал резко теряется, когда к тебе окровавленный хирург приходит.

Я кивнул и пошел к регистратуре. А у нее меня ждал мой самый «лучший в мире друг» просто Аркадий! На этот раз сбэшник Долгоруковых сменил синюю тройку на черную приталенную двойку с тонким черным галстуком, с учетом солидных плеч, сейчас Аркадий выглядел вот прям как классический «бодик». Ну вот не нравится он мне, не нравится, и все тут!

— Добрый вечер, просто Аркадий! — с улыбкой сказал я, подходя к нему со спины.

Просто Аркадий резко развернулся, его правая рука нырнула под пиджак.

— Спокойнее, спокойнее, Аркадий, я не вооружен, и вы не на полигоне. — Я шутливо поднял руки вверх (хотя Источник внутри был готов выдать таранный воздушный удар по сбэшнику, если бы он выхватил пистолет).

— Матвей Александрович, добрый вечер. — Аркадий немного расслабился, убирая руку из-под полы пиджака, — а я как раз к вам и прибыл. Мы можем где-нибудь поговорить с вами наедине?

Только полностью развернувшись, Аркадий обратил внимание на мой внешний вид. Осмотрев меня полностью с ног до головы, Аркадий вернулся взглядом на хирургическую блузу, на которой были видны кровавые следы.

— Вас что-то смущает, Аркадий? — Я с улыбкой наблюдал за Аркадием, который продолжал рассматривать мой внешний вид.

— Нет — нет, Матвей Александрович, так как вы смотрите на то, чтобы уделить мне десять минут своего времени? — Взгляд Аркадия вернулся к зрительному контакту со мной.

— Вы простите, Аркадий, но я на дежурстве, так что давайте остановимся на двух минутах, и их мы проведем в нашей кафетерии вот за этими самыми дверями. — Я указал пальцем на двери по соседству, над которыми висела большая табличка «КАФЕТЕРИЙ».

— Как вам будет угодно. — Кивнул Аркадий и прошел первым.

В кафетерии мы заняли первый свободный столик, так как кроме нас здесь никого и не было. Ларисочка, прекрасная миловидная женщина за сорок, увидев меня, приветственно помахала рукой. Она уже за год привыкла, что я беру регулярно черный кофе. Так что, мы лишь успели сесть за стол, а Ларисочка уже несла чашечку прекрасного напитка.

— Матвей Александрович, добрый вечер! Ваш заказ — кофе черный. — Ларисочка с улыбкой поставила передо мной чашечку.

— Спасибо, Лариса Зиновьевна, примите, пожалуйста, также заказ и у моего гостя. — Кивнул я в сторону Аркадия.

— Спасибо, мне ничего не нужно. Я ненадолго. — Отказался от заказа Аркадий, поднимая руку в останавливающем жесте.

Лариса пожала плечами и ушла обратно за стойку. Аркадий дождался, пока наша буфетчица «отчалит» к себе, провожая ее глазами, и лишь после того, как Ларисочка занялась своими буфетными делами, сбэшник Долгоруковых повернулся ко мне.

— Вот мне интересно, Матвей Александрович, а зачем вы здесь работаете?

— А вы с какой целью интересуетесь, Аркадий? — Улыбнулся я.

Взгляд Аркадия постоянно опускался на кровавые брызги на блузе, но он старался каждый раз возвращать его обратно на мое лицо.

— Да вот стало интересно. Я еще весной узнал, что вы подрабатываете здесь в больнице, но, честно говоря, я даже подумать не мог, что вы пойдете в самое сложное отделение из возможных. Вот мне и интересно — почему такой выбор?

— А мне нравятся ребусы, Аркадий. Очень люблю, с детства. А человеческий организм, он, знаете ли, такой сложный ребус, что и за десять лет не разобраться. А, когда практики много, разбираться становится гораздо легче. — Я взял в руки чашку и сделал глоток, — А вы, Аркадий, почему не связали свое будущее с медициной, тем более, что Дар вам это позволяет?

— Вы видите мой Источник? — Мне показалось, что Аркадий даже слегка побледнел.

— Ну, я бы так это не назвал, скорее, я бы сказал, как от вас «пахнет» водой, воздухом и жизнью. — Покачал я головой.

Ну а зачем мне разваливать самый главный миф рыкарей? Да и я не знаю точно, насколько это миф? Это я буквально вижу Источники, а вот как это воспринимают остальные рыкари? Тем более, что Белобог тогда сказал, что это «вишенка на торте» дана мне им, и об этом не стоит распространяться...

Аркадий выдохнул и немного расслабился. Пару минут он меня просто рассматривал и лишь потом продолжил:

— У меня не было таланта к медицине, в отличие от вас.

— Мне кажется, вы уже потратили на меня больше двух минут, на которые мы договаривались вначале. — Я сделал очередной глоток кофе.

— Да, простите, — Аркадий встрепенулся и явно включился в свое рабочее состояние, — я прибыл вам сообщить, что князь желает с вами встретиться в условленное время, которые вы выбрали.

— Да что вы говорите, ну это просто явление Небесного Воинства простому люду. — Восхитился я.

— Вы настолько религиозны? — Удивился Аркадий.

— Абсолютно нет. — Покачал я головой, — честно вам скажу, за последние два года в родовом храме был всего дважды. А в Петербурге вообще ни разу не посещал. Я больше в вопросах подготовки и практики нарабатывал базу.

— Похвально, Матвей Александрович, похвально. Но мы действительно отклонились от темы нашей беседы. С вашей стороны все в силе, что вы говорили о встрече?

— Я от своих слов не отказываюсь, Аркадий. Если князь готов, то готов и я. — Кивнул я головой.

— Тогда князь вместе с наследником будут ожидать вас в полдень первого декабря в ресторане «Русский двор»! Кстати, ресторан будет закрыт на спецобслуживание, так что вам никто не помешает.

— И зачем такие сложности? — Удивился я.

— Просто князь очень не любит лишние уши, а с возрастом эта нелюбовь только усилилась.
— Улыбнулся Аркадий.

— Тогда я буду рад вас встретить у ресторана в воскресенье. За сим, прошу простить, мне необходимо сообщить князю ваш ответ. Всех благ, Матвей Александрович! — Кивнул Аркадий, поднимаясь из-за стола.

— Всех благ, Аркадий, и до встречи. — Я поднялся со своего места и протянул Аркадию руку.

Тот только спустя пару секунд понял, что я сделал. Заминка продлилась пять секунд, и только после этого подал руку.

Ай ты красавец! Четыре секунды, Аркадий, ты подарил мне прямой контакт на четыре секунды с собой! Это лучше железной дороги на Новый Год! Сначала аркан на диагностику, выявляем слабые места... О! Да у нас столько травм, столько травм! Мое почтение, офицер Аркадий в отставке, твой послужной список явно вызвал бы у меня уважение, если бы я смог с ним ознакомиться. Но сейчас... Сейчас ты играешь в команде Долгоруковых, а мне с ними явно не по пути. Так что извини, Аркадий, но я все же подстрахуюсь, просто ты явно не простой боец службы безопасности. Так что через «Цепь Жизни», которая через рукопожатие прошла в тело Аркадия, на все его переломы наложили определенные «узлы» из моей силы.

И, при определенных условиях, если Долгоруковы будут агрессивно действовать, я, как минимум одного серьезного бойца смогу вывести из боя. Не смертельно, но почти два десятка переломов, моментально открывшиеся вновь... О, это будет неприятно...

Ну, ладно, пора и честь знать, как говорить...

— До встречи. — Ответил Аркадий, когда мы отпустили друг друга, и тот покинул меня.

Я отнес чашку к Ларисочке и, поблагодарив ее, отправился обратно в родное отделение. До конца смены оставалось еще пары часов.

•

○

■

■ *

РИ, Санкт-Петербург, Университетская набережная, Санкт-Петербургский Университет его Императорского Величества Константина V «Багрянородного», 30 ноября.

Вся наша группа просто вывалилась из прозекторской, которая была в отдельном здании на внутренней территории университета. Сегодня мы занимались лечение гнойных ран. Так что ароматы, теперь уже которыми «благоухали» мы сами, были настолько «прекрасны», что желание обедать давно пропало, а завтрак, уже трижды переваренный, просился наружу несколько раз...

И, как это бывает по началу, не все смогли держаться... Но, к счастью, это дело наживное...

Так что вся группа старательно прятала свои халаты в герметичные мешки, которые нам посоветовали купить с началом учебного года...

— Матвей! — Услышал я знакомый женский голос.

Я обернулся — ко мне двигалась рыжеволосая девушка с точеной спортивной фигурой и карими глазами, вокруг зрачков которых шла тонкая золотая окантовка. Выражение глаз было таким, словно на меня смотрели чертики из табакерки. Ко мне приближалась Яна Хмельницкая, чью честь я отстаивал на дуэли с Юсуповым прошлой весной.

— Яна, здравствуй! Ты, как всегда, выглядишь великолепно! — Я с улыбкой взял руку Хмельницкой и обозначил поцелуй.

Хмельницкая действительно выглядела прекрасно: строгая прическа, черный брючный костюм, белоснежная рубашка с широким воротником, черный бант с брошью из крупного голубого камня, видимо, яшмы, в серебряной оправе вместо галстука. Костюм хоть и был строг, но четко подчеркивал все достоинства молодой спортивной фигуры девушки.

— Давно не виделись, Матвей. — Хмельницкая улыбалась, рассматривая меня, — слушай, а где хвост?

— Какой хвост? — Не понял я.

— Ну, в мифологии рыкари — это воины — оборотни, которые своим рыком могли повергнуть в паническое бегство, рыкарей можно было отличить по тому, что даже в человечесьем облике у них оставался волчий хвост. Покажешь? — Улыбнулась Яна.

— Шутка юмора, я понял. — С улыбкой кивнул я, — видимо, вся страна уже в курсе, что произошло со мной.

— Ну, за страну не берусь судить, но по университету слухи уже разошлись. Пока тебя, конечно, никто в форме рыкаря не видел, но и просить о таком вряд ли кто-то решится. Опять же, никто не отменял газеты. Ты вот, к примеру, утренний номер уже читал?

— Нет, времени как-то не было. А что там?

— Ты и радио не слушаешь, как я понимаю. — Покачала головой Яна, — сегодня экспедиционный корпус вошел на территории королевства Афганистан, которые принадлежат роду Нафизулах. Король Афганистана поддержал претензии Империи и блокировал границы с родом своими войсками и войсками родов, верных афганской короне.

— Король Афганистана не встал на защиту своих вассалов, как интересно? — Вздохнул я.

— Мне кажется, что это откуп малой кровью, иначе экспедиционный корпус мог бы стать раз в пять больше и пройти по всему Афганистану. А это уже гораздо страшнее для королевской семьи, чем русские на территории одного рода, который к тому же в постоянном противостоянии с королевской династией уже почти полвека. — Пожала плечами Яна.

— Ладно, честно говоря, я даже рад, что лично меня сейчас это не касается. — Улыбнулся я.

— К счастью, пока что ты еще студент, а у нас не началась новая мировая война, в которую призывают всех Одаренных Империи. — Ответила Хмельницкая.

— Яна? — Глядя на Хмельницкую, мне в голову пришла одна шальная мысль.

— Да?

— А ведь у меня до сих пор нет твоего номера телефона. Может, ты его мне все-таки дашь?

— Улыбнулся я.

— О, а если мама трубку возьмет? Или еще веселее, если это будет отец? — Яна скрестила руки на груди и очень мило закусилла нижнюю губу.

— Я готов побеседовать с твоими родителями, если это потребуется. — Кивнул я.

— Ну, я обычно просто так номер домашний не даю. Опять же моя семья, в первую очередь, занимается торговлей...

— Сделка?

— Сделка.

— И чего желает госпожа Хмельницкая за домашний номер?

— Госпожа Хмельницкая желает в следующую среду посетить открытие главного городского катка и посетить новое шоколадное кафе после него, чтобы согреться.

— Во сколько я могу заехать за вами, моя госпожа? — Шутливо спросил я.

— Буду готова выйти к вам в четыре часа по полудню, мой господин. Адрес, надеюсь, вы не забыли? — В той же манере ответила Яна.

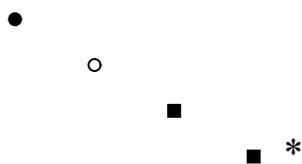
— Не забыл. Обещаю не опаздывать. — Я коротко поклонился с улыбкой в сторону Яны.

— Надеюсь, сударь, искренне надеюсь на вашу пунктуальность, вы уж не заставьте меня волноваться. — Яна в ответ обозначила книксен.

— Ладно, хватит шутить. Мне пора на лекцию, большой перерыв уже заканчивается, да и я уже подмерзла тут с тобой. Увидимся в среду?

— Заеду к тебе без пятнадцати четыре. — Кивнул я.

Яна махнула рукой на прощание и побежала к себе, а мне пришлось двигаться в потоковую аудиторию на лекцию к Золотому. А ведь с этим рыжим чертенком было гораздо интереснее... эх...

РИ, Санкт-Петербург, Набережная Макарова, ресторан «Русский двор», 1 декабря.

Ресторан «Русский двор» располагался на набережной Макарова, бывшей Тучковой набережной, на Васильевском острове. Это было заведение на первом этаже дома с окнами, выходящими на Неву.

Классическое утро в Петербурге сегодня перетекло в классический день. Низкое свинцовое небо давило на крыши города, словно стараясь слиться с серым речным покрывалом. Вся эта серость сливалась в единый фон вокруг меня, пока я шел к ресторану. Вокруг него по периметру уже стояли четыре черных внедорожника СБ Долгоруковых, а также один представительский седан с уже знакомой мне крылатой девушкой со скрещенными клинками над головой, стоявшей на капоте. По бокам машины, на передних дверях были выгравированы гербы рода: геральдический щит, разделенный на четыре равные части: на левой верхней части был изображен черный орел в короне на желтом фоне, справа от него была изображена богиня Жива на золотом лугу, держащая в правой руке свой знаменитый щит, воплощение которого было Аспектом Долгоруковых, внизу в левой половине была изображена рука, облаченная в латы, бьющая вниз молнией, по соседству с ней была изображен каменный бастион на голубом фоне, а на верхней кромке щита лежала, словно отдыхала, белая куница — зверь-тотем рода Долгоруковых.

По периметру ресторана уже стояли люди Долгоруковых, и само их присутствие с абсолютно непроницаемыми лицами уже отваживало всех людей, которые гуляли воскресными днем.

Только сейчас я понял, что и сам одет, как и «бодики» Долгоруковых. Черный костюм, с белой рубашкой и тонким черным тонким галстуком — селедкой, сверху черное пальто, черные кожаные перчатки и такие же черные ботинки.

— Добрый день, молодой человек, в данном заведении сегодня закрытое мероприятие. — Передо мной поднял руку в останавливающем жесте один из сбэшников.

— Добрый день, думаю, что именно меня ждут сегодня на этом закрытом мероприятии. — Кивнул я.

— Волков Матвей Александрович?

— Да, это я.

— Минуту. — Боец Долгоруковых сделал два шага назад и достал рацию, в которую сказал, что «объект прибыл».

Из ресторана тут же появился Аркадий. Он был одет абсолютно идентично остальным бойцам Долгоруковых. Подойдя к нам, он убедился, что я — это я.

— Добрый день, Матвей Александрович. — Поздоровался человек Долгоруковых.

— Добрый день, Аркадий. — Ответил я.

— Матвей Александрович, не сочтите за грубость, но моим людям необходимо вас проверить на предмет возможных угроз в отношении князя и наследника.

— Прощу. — Кивнул я, про себя пропуская мысль: «Видимо, все-таки не рядовой боец службы безопасности, заместитель или начальник службы безопасности рода...»

Шестеро бойцов взяли меня и Аркадия в «коробочку», еще один боец забрался в нашу маленькую компанию, руками проверил всего меня, после чего выпрямился и достал из-под полы своего пальто браслеты из «нулевого» мифрила. Ды вы тут совсем охре**ли! Моя рука моментально трансформировалась и сжала горло бойца Долгоруковых. Во второй руке вырос короткий кол изо льда. Все бойцы моментально напряглись, рука каждого нырнула под пиджак, сжимая рукоятки пистолетов.

— Либо вы прячете эту дрянь от меня подальше, и мы все делаем вид, что ничего не этого не было, либо я убиваю всех бойцов вокруг, включая вас, Аркадий, и, как вы прекрасно должны понимать, мне за это ничего не будет. Попытка незаконно сковать браслетами «нулевого» мифрила поручика Первого Стрелецкого Полка, который находится под личным командованием Императора приравнивается к преступлению против самого Императора. — Прорычал я, глядя в глаза «просто Аркадию», при этом, не отпуская горло бойца Долгоруковых.

Секунд двадцать стояла немая сцена. Даже боец прекратил дышать. В итоге, Аркадий кивнул бойцам, те убрали руки с пистолетов, а не состоявшийся тюремщик медленно и аккуратно убрал руку с браслетами обратно под пальто.

— Простите, Матвей Александрович, обычно — это обязательная процедура при встрече с князем, но, думаю, для встречи с вами, мы можем оставить эту формальность. — Кивнул я.

— Не понимаю, о чем вы говорите, Аркадий. Меня обыскали и все. — Я наигранно пожал плечами, отпуская бойца и возвращая руку в обычное состояние.

— Прошу за мной, Матвей Александрович. — Кивнул Аркадий, пропуская меня вперед.

Мы вместе с начальником службы безопасности Долгоруковых вошли в ресторан. «Русский двор» чем-то напоминал «Боярскую охоту» своим убранством: деревянные стены, колеса для телеги, серпы, молоты, лезвия кос на стенах (интересно, а они настоящие или бутафорские?)

...

Весь зал ресторана был пуст, лишь один стол в центре был сервирован на три персоны. И две из них уже были на месте.

Один из мужчин был на вид гораздо старше своего товарища. Белоснежные, словно первый снег, волосы зачесаны назад. Такая же белоснежная окладистая борода аккуратно подстрижена и ухожена, морщины вокруг глаз образовывали узор паутины, тонкие аристократические черты лица лишь подчеркивались сединой... Мужчина был одет в строгий черный костюм в тонкую белую полоску. Пиджак насчитывал пять пуговиц, который был расстегнут, под ним была высокая жилетка на восемь пуговиц с белоснежной рубашкой и широким черным галстуком. С годами он не располнел, не набрал пары десятком лишних килограмм. Но главным в нем были глаза: не смотря на солидный возраст, его глаза были живыми, властными и горели, словно живые изумруды. И Источник его горел также ярко, как и глаза. А Луч Жизни обладал просто колоссальной плотностью и яркостью! Он будто бы жил своей жизнью, простите уж за тавтологию, внутри Источника князя. Архимагистр с резервом свыше девяти сотен УЕР...

А вот второй мужчина явно уступал и в личной силе, и в уверенности в собственной власти. Схожие черты лиц явно прослеживались: те же тонкие аристократические черты лица, тот же высокий лоб, те же изумрудные глаза, та же манера зачесывать пока еще светлые русые волосы назад. Одет был наследник так же в хороший дорог коричневый костюм с белоснежной рубашкой и темно бардовым галстуком. Но вот выражение глаз у наследника не кричало, что все вокруг него лишь тля. И Источник наследника не «горел» так ярко, и Луч Жизни не сиял в своем собственном ритме... Крепкий середнячок. Резерв в районе трех сотен УЕР, Ранг крепкого Мастера, но не более...

— Господа, — Аркадий поклонился мужчинам, сидящим за столом, — имею честь представить вам Волкова Матвея Александровича. Матвей Александрович, вы представлены князю Долгорукову Андрею Павловичу и наследнику Долгорукову Арсению Владимировичу.

Я коротко поклонился князю и наследнику. Встала немая пауза. Князя явно ждали от меня «сыновнего» почтения, а мне было откровенно плевать на них. Я приехал на эту встречу только ради того, чтобы расставить все точки над «і». — А ты больше взял от отца, но глаза достались тебе от матери. — Князь не спрашивал, осматривая меня с ног до головы, лишь констатировал факт. — Добрый день, Андрей Павлович, Арсений Владимирович. — С легким поклоном я поприветствовал князя и наследника. — Удивительно, что сын Елизаветы унаследовал её Дар. — Покачал головой наследник, также как и князь,

осматривая меня с ног до головы. — Присаживайся за стол, юноша. В ногах, как говорится, правды нет. — Князь жестом кисти указал на стул напротив себя. М-да, оба Долгорукова смотрели на меня не то, что на родственника, но даже не как на человека. Скорее как простой деревенский мужик осматривает корову, которую ему предложил купец, но осматривает так, чтобы сбить цену в свою пользу. Проще говоря, они оба, и князь, и наследник, старались высмотреть в моей внешности какие-то, только им двоим понятные изъяны и недостатки. — Вы настаивали на встрече, Андрей Павлович. И вот мы на встрече с вами. Вы позволите задать вам вопрос? — Я склонил голову набок, наблюдая за лицом и Источником князя. — Задавай. — Князь с легкой улыбкой подхватил правой рукой пузатый бокал с янтарной жидкостью внутри. — Какую цель вы преследовали, добиваясь встречи со мной? — Ха! Да никакой! Просто мне интересен мой правнук. Видимо, становлюсь sentimentalным на старости лет. — Улыбнулся князь, делая маленький глоток из бокала. — Знаете, это несколько нелепо, и даже немного оскорбительно. — Покачал головой я. — И что же здесь оскорбительного, юноша? — Кивнул в ответ князь. — Оскорбление для меня, что вы решили, что я куплюсь на такую детскую манипуляцию, как старость плюс sentimentalность. Вы уже перешагнули рубеж в полтора века, на данный момент, вы — самый старейший из Одаренных во всей Империи. И, уж простите, вы и так были немолоды уже тогда, когда родилась моя мать, а, когда родился я, и подавно. При этом, за почти двадцать лет моей жизни, вы ни разу не участвовали в моем становлении, взрослении, развитии и обучении. Да я даже открытки поздравлением на день рождения от вас ни разу не получил. А теперь вы резко заговорили о sentimentalности? Я, конечно, не рос в столице, и в дворцовых интригах не принимал участие ни разу, но прошу вас сразу же оставить подобные высказывания о родственных чувствах. Давайте говорить о деле — что вам нужно, и чем это выгодно мне лично? На секунду все вокруг замерли. Источник князя разово вспыхнул единой вспышкой во всех лучах, но это стало единственным отражением возникшего раздражения князя Долгорукова, лицом же князь не поменялся, продолжая смотреть на меня с полуулыбкой — полуухмылкой на губах. Затем князь весело и заливисто рассмеялся. Смеялся он долго и красиво.

Рисковал ли я, разговаривая с князем в такой манере? Конечно! Боялся ли я князя? Разумеется! Но конкретно здесь и сейчас он не станет мне вредить, я ему нужен, зачем, для чего — я не знаю, но некоторую свободу в словах я позволить сейчас себе могу. Наверное... Кто не рискует, тот не пьет шампанского! Тем более, что «крыша» у меня теперь есть очень солидная... Отсмеявшись и вытерев салфеткой уголки глаз, якобы убирая несуществующие слезы, князь поставил бокал с виски (или коньяком?) на стол и свел кисти рук в замок, переведя взгляд на своего наследника: — Я же говорил тебе, что Аристарх вложит в него все, чем так гордятся Волковы? — Да, Андрей Павлович, говорили. Правда, уже начинаю жалеть, что не знаком с ним лично. Такие кадры заслуживают уважения. — Кивнул Арсений Владимирович. — Да, даже если они твои враги. — Подумал я, глядя на наследника. — Именно, Волков, в свое время, много дел сотворил, столько голов себе под ноги кинул, столько глоток громких заткнул... Хоть сам сильным Даром не обладал, у него был другой, вне всякого сомнения, Дар, именно с большой буквы. — Кивнул князь. — Мозги? — Улыбнулся наследник. — Именно! Мозги! Обожаю людей с хорошими мозгами! Я их ценю, Матвей, очень ценю и уважаю, любой человек, будь он Одаренный или простак, обладающий мозгами, будет при мне, как говорится, сыт, одет, обут, в комфорте и

безопасности. — Князь взглядом вернулся ко мне. — Люди с мозгами могут хорошо устроиться и без вашего участия в их жизни, князь. Вы же не каждого умного человека берете в свою команду, а успешных людей в империи немало. Главное, как вы сами сказали, чтобы мозги были, а остальное сложится. — Ответил я. — Вы слишком свободны в своих словах, юноша, не забывайте, что перед вами князь. — Арсений Владимирович тяжелым взглядом уперся в меня. — Оставь, Сеня, мы трое все-таки родственники, сделай ему скидку на поведение. — Разрешающе махнул рукой князь. Ну вот он — образ строгого, но любящего дедули, который отпускает “условности поведения” в тесном семейном кругу... Да я сейчас прямо разрыдаюсь от переполнивших меня “сыновних” чувств и брошусь на колени перед прадедом. И картина “Возвращение блудного сына” получит “новое дыхание” в нашем мире, таком черством и запутанном... Брррр... просто противно становиться. Интересно, а если бы мне действительно было сейчас девятнадцать лет, я не имел памяти и прошлого опыта, я бы “повелся” на манипуляции Долгорукова? Он же ни черта теплых чувств не испытывает ко мне. Просто смотрит, как на материал или даже как на полезный инструмент... — Как вам будет угодно, Андрей Павлович. — Кивнул наследник. Похоже, у нас тут к манипуляциям в стиле “добрый дедушка” добавляется “строгий дядюшка”, а вместе они исполняют сюжет “добрый полицейский — злой полицейский”... Не особо хочу играть в подобные игры, но приходится...

— Во-первых, меня интересуют не крепкие «среднячки», Матвей, меня интересуют самородки, гении, таланты от рождения. Крепких специалистов среднего уровня наш род в состоянии вырастить и из молодого поколения вассальных родов. А вот истинных талантов мы собираем по всей Империи сами. Да, зачастую я сам лично, либо Арсений, осматриваем всех талантливых молодых ребят, имеющих склонных к медицине, мы берем их под свою опеку, обучаем, развиваем и тренируем, после чего они обязаны отработать определенный контракт внутри рода, но при выполнении контракта они также получают бесценный опыт. Во-вторых, сейчас ты для нас расцениваешься как самородок. Молодой, талантливый, сильный, умный, сообразительный, к тому же ставший рыкарем, чей облик направлен на усиление Дара. Но с тобой у нас встает другая сложность. — Князь вздохнул, театральным жестом разведя руки в стороны.

— И какая же сложность есть у вас со мной? — Подыграл я князю, подаваясь вперед.

— А сложность у нас в том, что ты нам — родня кровная, но нашей фамилии не носишь. — Подал голос наследник, откидываясь на спинку кресла и сжимая подлокотники.

Ох, ну какова игра! Какие эмоции, какая драма! Какой пассаж, господа! Хотя, возможно, провинциальный парень из Сибири мог бы и купиться на эту игру...

— А фамилию получить... — Продолжил я игру.

— А просто так дать фамилию не может даже сам князь, даже внутри нашего рода, который живет по очень жестким законам внутри семьи. — Ответил Арсений Владимирович.

Князь же горько кивал, подтверждая слова наследника. — То есть вы предлагаете мне... «Родовое» усыновление? — Задал я вопрос в лоб.

— Технически, нет, но ты сам можешь претендовать на него по праву кровной связи, а также, если докажешь свою полезность роду. — Ответил уже сам князь.

— И как же эта полезность в отношении рода должна быть доказана и кому? Ведь я уже сижу за одним столом с князем и наследником рода, которые явно знают обо мне больше, чем половина студентов в университете, хотя слухи обо мне и моих приключениях на границе Афганистана бродят среди молодежи уже больше трех месяцев...

— О, это скорее формальность для совета рода. Да, не удивляйся, даже внутри нашего рода есть свой совет старших членов рода. Для них и нужно выполнить эту формальность. Ничего серьезного, просто пара поездок в разные регионы империи в составе нашей команды специалистов. Там поработать, разумеется не бесплатно, после чего тебя представят на ближайшем совете рода и примут положительное решение о твоём возвращении в «родовое гнездо», я уверен, император мне не откажет и позволит исполнить такую маленькую просьбу. Правда, Волковым ты уже не будешь, ты примешь фамилию Долгоруковых, и будешь подчиняться мне во всех делах и начинаниях, которые будут идти на благо рода. — Рассказывал свою «красивую сказку» князь.

— И империи? — Уточнил я.

— Разумеется, и империи. Долгоруковы уже очень долгое время стоят подле престола и оберегают жизнь и здоровье династии и в военное, и в мирное время. — Важно кивнул князь.

А вот Источник князя был не так спокоен как внешность старшего Долгорукова. Его Источник мелко пульсировал, вибрировал, словно говорить ему было неприятно. Что поделаться, если собственное я обмануть невозможно?..

— Князь, пока я не услышал ничего конкретного, кроме получения фамилии Долгоруков. Какие еще плюсы будут для меня, в случае положительного ответа? — Я упер взгляд в лицо князя.

— Сила и знания. С тобой будут заниматься вне университета наши наставники, возможно, даже я сам, если твой талант действительно будет развиваться быстро.

— А пример этих знаний могу увидеть?

— Можешь, почему же нет. — Улыбнулся князь, кивая наследнику, — Сеня, передай внуку наш подарок.

Наследник достал небольшую шкатулку с левой стороны от себя (он её за креслом прятал что ли?) и передал Аркадию. Тот с поклоном принял её и поставил (уже без поклона, ну да ладно мы не гордые!) шкатулку передо мной на стол.

— Не бойся, открывай, это действительно просто подарок. — Князь приглашающе взмахнул рукой.

Я открыл шкатулку и достал стары вариант рукописи. Это была рабочая тетрадь размерами между форматами «А3» и «А4», пожелтевшая бумага была в зеленой кожаной обложке. Открыв первую страницу я прочитал: «Трактатъ Научный Лейбъ — Лекаря Арсения Александровича Долгорукова «О восстановлении травмированных конечностей».

— Ознакомься с трудом одного из наших предков, думаю, что найдешь его весьма интересным. — С улыбкой кивнул князь, — опять же, это лишь первоначальные мысли и теории, реализовать свои наработки он уже не смог, это сделал его сын. Но увидеть потенциал ты сможешь, если не обделен талантом. Но вот тебе, как говорится, на закуску — этот труд был написан более четырехсот лет назад. И наш род смог реализовать часть теорий, которые выведены здесь. Просто подумай — сколько мы смогли реализовать за четыре века из своих теорий и разработок.

— Я могу оставить эту книгу себе?

— Можешь. — Милостиво кивнул князь, — к тому же, это лишь старая копия.

— У меня остался последний вопрос. — Сказал я, убирая трактат в пальто.

— Задавай. — Ответил князь.

— А как же моя сестра, Софья, в ней ведь тоже есть кровь Долгоруковых?

Князь откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди:

— Решение по твоей сестре будет приниматься после того, как она вырастет. Если она обладает Источником, в роду также будут проверять её полезность.

— А если она не обладает Источником?

— Тогда тут и говорить не о чем. Я буду честным, Матвей, в наш род редко принимают даже тех, кто обладает талантом, а про тех, кто лишен даже просто нашего Дара, и речи быть не может.

— Благодарю за честность. Но, чтобы ответить на ваше предложение, Андрей Павлович, мне нужно подумать и все взвесить...

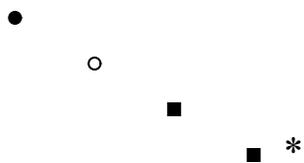
— Да, разумеется, такие предложения стоит обдумать, но не затягивай. Все-таки, я не так часто делаю подобные предложения — Покивал с довольным видом князь Долгоруков.

— Тогда прошу меня извинить, Андрей Павлович, Арсений Владимирович, мне была приятна эта встреча, благодарю вас за беседу. Постараюсь вам дать ответ в ближайшее время. — Я поднялся со своего места.

— Уж постарайся, постарайся. Да не затягивай. — Князь милостиво покивал головой, — Аркаша, проводи нашего гостя.

— Да, господин. — Аркадий указал мне рукой на выход.

Я кивнул Долгоруковым на прощание и отправился за Аркадием.

Когда Волков ушел, улыбка с князя слетела моментально. Образ «доброты дедушки» пропал, да и князь терпеть не мог так себя вести. Долгоруков уже давно вел себя как и подобает главе княжеского рода и не перед кем никогда не пресмыкался. А тут пришлось играть в этой «детской театральной постановке»...

— М-да, а паренек-то у нас не лыком шит у нас. — Вслух проговорил наследник.

— Сеня, и не таких ломали и в стоило ставили. Я за свой век многих повидал, и этот мальчишка некоторым молодым индивидам и в подметки не годится, уж поверь мне. — На лице князя расцвел хищный оскал.

Он вновь взял в руки бокал с виски и во всю свою глотку гаркнул, словно армейский старшина:

— АРКАША!!!!

Соловьев моментально оказался рядом со столиком князя и наследника:

— Да, господин?

— Подберешь пару — тройку отморозков, к ним добавишь одного Одаренного, из наших, и натравишь эту шайку вечером на недельке на нашего юного гения. Также возьмешь нашего сенсора.

— Якубова? — Уточнил начальник службы безопасности.

— Да, хочу, чтобы шайка спровоцировала нашего паренька на применение дара, пусть пощиплют его, но так, чтобы серьезно выглядело со стороны, а Якубов пусть посмотрит на потасовку со стороны. Потом с докладом ко мне.

— Организую, господин.

Князь кивнул в ответ и продолжил:

— А пока подавай машину, не вижу смысла тратить время на пребывание в этом блоховнике...

Глава 8. «За одного битого двух небитых дают»

РИ, Санкт-Петербург, улица Декабристов, дом 21/2, 4 декабря

Встреча с князем меня немного взбудоражила. После встречи я пару дней разбирался в своих ощущениях, которые остались после общения с князем и наследником.

С наследником мне было все понятно. Эта птица ведомая, она не летит сама. Куда князь укажет, какую установку «на игру» даст, какой курс укажет, так себя вести наследник и будет. И возраст тут уже не показатель. Князь правит внутри рода железной рукой. И слова поперек ему говорить нельзя. Такой зверь загрызет тебя и не подавиться...

А вот соглашаться на его предложение я не намерен. Вопрос встает, в таком плане, только один — как отказать? Точнее, как сделать так, чтобы они отказались сами от притязаний на мою тушку...

Пока придумать не смог. А вот труд, который они мне передали, меня по-настоящему удивил. Лейб — Лекарь Арсений Долгоруков вышел на совершенно новый уровень научной мысли! И, если князь Долгоруков сказал правду, что они смогли реализовать часть его теорий, то это был прорыв в медицине.

Только одно жирное «НО!» было во всем этом. Я прошерстил большую часть библиотеки, а также проконсультировался с Золотым на предмет некоторых теорий. И ни об одном успешном эксперименте он не слышал.

Значит, если Долгоруковы не пустили эти открытия в мир (если они их осуществили), то они оставили их при себе. Вопрос — зачем? Ответ очень прост — чтобы использовать данную медицинскую процедуру в своих личных целях. А моя мысль была проста — достаточно даже одной теории, высказанной в труде Лейб — Лекаря: восстановление поврежденных конечностей. Если Долгоруковы смогли создать технологию, которая восстанавливает поврежденные конечности, в том числе и ампутированные, то они сорвали карт-бланш. Ведь, за восстановление конечностей, а по теории, если восстановить конечность, может восстановиться и работа Источника Одаренного, будут платить. И не просто платить деньгами, а платить чем угодно — деньги, услуги, компромиссы, уступки в бизнесе... Да мало ли, что может потребоваться княжескому роду, амбиции которого понятны лишь главе этого рода?...

Ладно. Эти все мысли оставим на потом, а я сегодня отправляюсь на свидание с одной приятной барышней. Так что сейчас я, после того как вернулся с лекций, уже принял душ, переоделся и обулся. Такси уже подъехало и ожидало меня на улице, чтобы отвести меня на Загородный проспект, дом 17, в котором и жила Хмельницкая с родителями...

Доехав до адреса, я увидел рядом цветочный магазин. Конечно, на дворе уже декабрь, но и мы еще пока от её дома не отделились. Так что сделаем даме приятное и посетим магазин до встречи.

— Добрый день! — Поздоровался я, входя в магазин.

— Добрый. — Ответила, улыбаясь, женщина — флорист в зеленом фартуке.

— Будьте любезны, мне нужно пятнадцать белых роз. — Я кивнул на вазу с огромными белыми бутонами.

— Конечно, сейчас сделаем.

Флорист очень быстро и ловко начала собирать розы.

— Вам просто цветы, или оформим букет?

— Да, давайте оформим, только я в этом абсолютно не разбираюсь. Можете с этим помочь?

— А какой повод у вас, позвольте узнать?

— Первое свидание. — Ответил я.

Флорист вновь улыбнулась и будто бы ускорила в несколько раз — в руках мелькали какие-то веточки, фенечки, зеленые стручки... Оп, и спустя пять минут в руках флориста был шикарный букет.

Я быстро рассчитался и отправился к Яне.

Поднявшись на второй этаж, я позвонил в дверь. Открылась она практически сразу, и на мне навстречу вышла «домомучительница и домоправительница семьи Свантессонов, госпожа Фрекен Бок» (кстати, интересно, а здесь сказка о Карлсоне уже написана?!). Женщина ростом явно за два метра (!) с размахом плеч профессионального штангиста. Одета она была в синее платье с большими ромашками и белый передник.

— Добрый день, молодой человек. — Голос у «госпожи Фрекен Бок» был под стать внешнему виду — утробный, глухой, словно из тромбона.

— Добрый день. — Ответил я, потерявшись на секунду, но тут же взял себя в руки, — Волков Матвей, к Яне Хмельницкой.

— Я сообщу о вашем прибытии, прошу вас, проходите. — «Госпожа Фрекен Бок» развернулась и вернулась в квартиру.

Ну и мне пришлось последовать за ней следом.

— Ожидайте здесь. — «Домоправительница» указала мне на серый пуфик в прихожей.

Я молча кивнул и остался ждать. Яна показалась спустя пару минут.

— Матвей! — Улыбка на лице Яны расцвела словно весна, и я в очередной раз залюбовался красотой девушки.

— Здравствуй, Яночка. — Я с улыбкой протянул букет, — это для тебя.

— Какая красота! — Яна приняла букет и, закрыв глаза, вдохнула аромат цветов, — Спасибо, Матвей, мне очень приятно! — Девушка подошла ближе и поцеловала меня в щеку. — Две минуты, я поставлю цветы в вазу и буду готова выходить!

— Готов ждать вас хоть час, сударыня. — Я, помня нашу шутливую манеру диалога в университете, поклонился девушке.

— Столько не потребуется, сударь. — Ответила Яна и упорхнула в недра квартиры.

Яна действительно справилась за пару минут и вышла ко мне уже в коротком белом пуховике, таких же варежках и милой шапочке с большим помпоном наверху:

— Я готова.

— Тогда предлагаю следующий план действий: сейчас мы прогуляемся до катка, проведем там час-два с перерывами для горячего какао, затем посетить интересующее тебя шоколадное кафе, если у тебя будет настроение, сможем прогуляться еще немного и, на десерт заглянем в кофейню на хороший кофе, а в конце я провожу тебя до дома. Как тебе план?

— Принимается! Спешим на каток, сегодня я открываю сезон! — Улыбнулась Яна, и мы отправились на каток.

Городской каток открывался ежегодно первого декабря, церемонию открытия мы уже пропустили, но и народу сегодня на катке было немного меньше, чем три дня назад. Опять же, сегодня будний день, а это значит, что часов до семи у нас есть возможность покататься в свое удовольствие, без страха быть сбитыми насмерть людьми с «пингвинами»...

На катке мы быстро взяли коньки в аренду, переобулись и вышли на лед. И тут я был дико удивлен. Пару кругов Яна раскатывалась, а потом просто словно с цепи сорвалась. Резкие ускорения, челночный бег, а затем элементы из фигурного катания: аксель, тулуп, волчок, вращение стоя, лутц, флип, сальхов... Яна выполняла элементы фигурного катания, не особо напрягаясь, словно бы выполняла уже давно отработанные навыки...

Когда Яна вернулась ко мне, уже раскрасневшаяся и безумна счастливая, я решил развеять свои сомнения:

— Яна, а ты профессионально катаешься?

— Каталась раньше, — ответила Яна, пытаясь отдышаться, — Просто родители решили, что фигурное катание не то будущее, которое подходит для дочери Алексея Хмельницкого, крупного чиновника в правительстве Петербурга. Вот и отдали меня в университет, а я пошла по стопам отца.

— Не жалеешь?

— Знаешь, уже нет. Два года назад жалела очень сильно, когда родители сказали, что больше на профессиональный лед я не выйду, а сейчас уже как-то даже свыклась с этим. Просто пересмотрела свои планы. Теперь новая цель стоит. — Ответила Яна.

— Поделишься? — Поинтересовался я.

— Хочу в дальнейшем будущем свою карьеру связать с министерством спорта. — Яна гордо подняла подбородок вверх.

— А как же мнение Хмельницкого — старшего?

— А никак, просто он об этом пока не знает. И ему не нужно пока знать. Вот университет закончу и смогу говорить уже о том, что хочу я, а не мой отец.

— Извечные проблемы отцов и детей. Отцы считают, что оберегают нас от своих ошибок, но, зачастую, просто хотят видеть в нас свои нереализованные мечты, а дети хотят донести до родителей свои желания, цели и мечты, но из-за отсутствия опыта, не могут свое мнение правильно и корректно выразить... Оттого и ссоримся с родителями...

— Ты тоже часто споришь с родителями? — Яна смотрела на меня, пока мы катились по кругу рядом с бортом ледяной «коробки».

— Уже нет, к сожалению, мои родители давно уже умерли. У меня остались только дед и младшая сестра. — Покачал головой я.

— Ой, прости, пожалуйста! Я даже не знала об этом... — Яна прикрыла ротик ладошками.

— Ничего страшного, ты и не могла знать, я об этом стараюсь не распространяться, хотя и не скрываю особо. Саша в курсе, просто он тоже об этом старается не говорить. Так что просить прощения тебе не за что. — Кивнул я, — поехали лучше за горячим какао, а то я что-то начал подмерзать...

— Просто кому-то не мешало бы ускориться... — Улыбнулась Яна, хлопнув меня по спине, — я тебя осалила! Вот поймаешь меня, тогда и поедем за какао!

И Хмельницкая взяла резкий старт с поворота на сто восемьдесят градусов. Пришлось разворачиваться и мчаться за ней. Следующие сорок минут мы весело носились по всему катку друг за другом. По итогу, я смог поймать Яну всего один раз, она же быстро меня осалила в ответ, а повторно догнать её я уже не смог...

Мы закончили наши салки и подъехали к фургончику с выпечкой и горячими напитками, стоявшем окном в борту прямо вплотную к коробке. Взяли два горячих какао и поехали дальше по кругу.

— Знаешь, я больше люблю горькие напитки. Но сейчас и какао хорошо заходит. — Улыбнулась Яна.

— Чай или кофе? — Спросил я.

— Можно и чай, но больше склоняюсь к кофе. А ты?

— Честно говоря, я тоже больше кофе люблю. Из-за того что в Петербурге мало хороших кофеен, мне пришлось научиться варить кофе самому. Теперь дома постоянно держу небольшой запас зерен.

— О! Вот сейчас я реально удивлена! А как же любовь сибиряков к русскому чаю с медом и лимоном?!

— О, это мы, сибиряки, тоже любим! Особенно, когда после баньки в прорубь окунулся, а потом чайку горячего в себя кружечку залить, м-м-м-м-м....

— Ты слишком вкусно рассказываешь! — Рассмеялась Яна.

— Так нам же аппетит нагулять нужно перед новым шоколадным кафе! Вот я и стараюсь! — Я удивленно пожал плечами.

— Тогда предлагаю уже отправляться туда, потому что ты смог разбудить во мне просто дикий аппетит! А тут становится слишком много гостей, чтобы кататься в свое удовольствие и не бояться врезаться в кого-нибудь... — Предложила Яна.

— Хорошо, тогда покатали сдавать коньки, переобуваться и пойдём в кафе. — Улыбнулся я.

— Покатали. — Кивнула Яна и взяла меня за руку.

Мы сдали коньки обратно в прокат, переобулись и двинулись в кафе, о котором говорила Яна. Идти оказалось недалеко. Прямо на Невском проспекте, на расстоянии меньше километра от катка находилось кафе «Шоколадный Музей». Вдоль витрины были выставлены различные фигурки, сделанные из шоколада. Здесь были и привычные новогодние Деды Морозы высотой не больше двадцати сантиметров, и классические садовые гномы с счастливыми улыбками и бородами до пояса, но самым впечатляющим был огромный орел, распахнувший крылья, сидящий на огромном шоколадном камне...

Очередь в кафе была, но небольшая.

— Добро пожаловать! Что будете заказывать? — Девушка за прилавком успела меня поприветствовать и замерла.

Замерли вокруг все. Весь мир вокруг меня моментально потерял яркость. Все вокруг словно окутал легкий туман.

— Здравствуй! Здравствуй! — Услышал я голос за спиной. Ужасно знакомый голос, который не слышал уже очень давно.

За столиком, который я присмотрел для нас с Яной сидел мужчина. Острые черты лица, но

мягкое выражение, абсолютно белые волосы, белоснежные глаза без радужки и зрачка, аристократичные кисти на руках с белоснежными ногтями, и словно переплетенный клубок из лучей света сам висел над его головой. Точная внешняя копия своего брата, Чернобога. Своим вниманием меня почтил Белобог, один из моих Небесных Покровителей.

— Здравствуйте, Великий Предок. — Я без малейших сомнений опустился на колени перед ним и упер лоб в пол.

— О! Да ты обучился манерам! Хвалю! Хвалю! — Сейчас я не видел лица Белобога, но по речи слышал, что он улыбается, — Встань уже, будем считать, что приличия соблюдены, и мы можем поговорить неформально.

— Я обращался к вам, Великий Предок, но так и не получил ответа. — Покачал головой я, поднимаясь.

— А у меня достаточно дел, ученик шамана, и отвечать на каждую просьбу у меня нет ни времени, ни желания. Все-таки, ответ — это уже мое решение. — Продолжил улыбаться бог.

Белобог улыбался как и раньше, вот только выражение глаз Небесного Покровителя изменилось. Даже при отсутствии зрачков и радужки я понял, что сейчас он нахмурился. Ну, я не дурак, портить отношения с Небесным Покровителем не стану...

— Я понял вас, Великий Предок. — Кивнул я.

— Смирение и терпение — хорошие черты и для Лекаря, и для шамана. — Кивнул Белобог, — но вот только сегодня к тебе пришел не для того, чтобы об этом напомнить.

— Позвольте узнать для чего, Великий Предок? — Я вновь склонил голову.

— Позволю, позволю. — Покивал головой Вышний Бог, при этом клубок света двигался вслед за его головой, — у нас с братом есть предупреждение для тебя и наказ.

— Я слушаю.

— Сегодня на тебя нападут. Это будет инсценировка попытки ограбления. Твоя задача — в схватке единожды применить Темный Источник, не летально, но чтобы это было заметно, пусть это будет Тьма, чтобы уж наверняка купились. — Я впервые (хоть и не так часто виделся со своими Небесными Покровителями) увидел как на лице Белобога сменяется хищным оскалом.

— Простите, Великий Предок, но я не понимаю. Для чего мне раскрывать себя? Ведь сейчас мой Темный Источник — это «карточный джокер» в моем рукаве. А если все узнают о втором Источнике, то меня либо препарируют словно лягушку, либо упекут в застенки Тайного Приказа?

— Не волнуйся, информация о втором твоём Источнике не уйдет на всеобщее обозрение. Но этот момент просто запустит новый виток Игры именно в том направлении, которое нужно

нам. И не забывай, пока что ты — пешка, сильная, крепкая, сложная, но все еще пешка на этой доске, а нам нужно превратить тебя в ферзя.

— Хорошо хоть не в короля. — Буркнул я.

— В сложные времена короли мрут как мухи, а ты нам нужен. — Неопределенно помахал рукой в воздухе Белобог, — а сложные времена уже близко...

— Позвольте задать вопрос, Великий Предок?

— Позволю, но только один. Подумай хорошенько, что ты хочешь спросить. — Кивнул Белобог.

И что спрашивать в такой ситуации? Что мне нужно знать прямо здесь и сейчас?

— Как я могу излечить «Выгорание Источника»? — Решился я.

— Тебе нужно сердце демона. — Ответил Белобог, и я впал в ступор.

Сердце демона? Откуда я могу взять сердце демона?! Демонов же не существует? Или все-таки они существуют?! Да что за фигня?!

— Ну, ладно, я наши желания донес, на твой вопрос ответил. Теперь могу и своими делами заняться. А ты давай, дерзай, и не забудь — Тьма, одно применение обязательно. — Помахал рукой Белобог и щелкнул пальцами.

Мир вновь вернулся к своему нормальному течению времени. Я снова оказался перед девушкой за прилавком. Люди вокруг вновь зашевелились, вернулись голоса и внешние звуки. Белобог ушел, оставив меня в раздумьях. Ну, ладно, буду надеяться, что хоть нападение на меня будет уже после того, как я верну Яну домой...

В итоге мы сделали заказ и устроились уже за другим столиком, а не тем, который я присмотрел вначале, и за которым сидел Белобог...

— Что планируешь делать на новогодние каникулы? — Спросил я, когда мы разделись и сели за столик.

— Мы с семьей на Новый год всегда уезжаем в Москву к родне. Эта семейная традиция — собираться на Новый год всей семьей. А ты? — Яна взялась за кофе, который только что поставили перед нами.

— В этом году отправлюсь на малую родину, в прошлом году съездить не получилось, в этом году хочу исправиться и сдержать обещание перед младшей сестрой.

— У вас хорошие отношения?

— Очень, правда, с того момента, как я переехал в столицу для учебы, мы несколько

отдалились друг от друга. Сейчас я больше общаюсь с дедом, а сестра начинает взрослеть — у нее появляются свои интересы и увлечения.

— Девочки такие девочки. — Улыбнулась Яна.

— Да, девочки такие девочки. — Улыбнулся я в ответ.

Мы продолжили мило беседовать, пока ели поданный десерт. Обсуждали всевозможные темы: новогодние подарки, украшение города, Бал Зимнего Равноденствия, на котором нас обоих не будет...

Наши посиделки продолжались больше часа и повторный заказ кофе. И дальше мы собрались уже домой.

Прогулка наша продолжилась уже по ночному Петербургу. Начался крупный снегопад, и привычный город превратился в сказочный замок. Снег падал, и свет сотен гирлянд отражался в снежинках, превращая фасады зданий в разукрашенные сказочные городские пейзажи...

Небыстрым шагом мы добрались до дома Яны.

— Спасибо за вечер, Матвей, мне было очень приятно. — Улыбнулась Яна.

— Тебе спасибо, если ты не будешь против, я бы с удовольствием его повторил. — Ответил я.

— С удовольствием. Но только после Нового Года. Раньше, к сожалению, не получится. — Согласно кивнула Яна.

— Конечно, но только ты кое о чем забыла. — Улыбнулся я.

— О чем же?

— Ты обещала дать номер телефона. — Улыбнулся я.

— А, точно! Сейчас! — Яна открыла маленькую сумочку, с которой была весь вечер, и достала маленькую записную книжку с ручкой.

Написав номер на листке, Яна аккуратно вырвала его из записной книжки и передала мне:

— Держи. Только давай договоримся — звонит после семи вечера, хорошо? — Кивнула она, улыбаясь.

— Принято к сведению. — Кивнул я.

Яна встала на цыпочки и поцеловала меня в щеку. После чего упорхнула в парадную, бросив на прощание:

— Пока — пока, буду ждать звонка!

— До встречи! — Крикнул я на прощание.

Яна упорхнула домой, а я двинулся к себе. Слова Белобога вновь прозвучали в голове, и я начал себя потихоньку «накручивать» на схватку.

Возвращался я через тихий сквер, который назывался «Сад дворца Юсуповых», где меня и поймали. Хотя почему это поймали? У меня уже час было ощущение, что меня откровенно и нагло «ведут». Вначале я списал это на самообман, но, когда пятеро крепких мужичков возрастом за тридцать.

— Парниша, а, парниша, дай-ка закурить? — Один из пятерки вышел вперед под свет фонаря.

— Не курю, дядь. — Ответил я.

— Ну, тогда подогрей людей трудовых на водичку огненную водицу, а то холодно что-то на улице ждать людей добрых.

— Да как-то не ношу с собой, я так, прогуляться по скверу вышел на сон грядущий. — Пожал плечами я.

— А ты попрыгай, а то не вериться, что ты пустой, уж больно хорошо одет ты, дворянчик. — Заводила сквозь зубы сплюнул на снежный сугроб.

— Сам попрыгай, может, дружков своих удивишь своими талантами акробатическими. А коль не сможешь, так и быть, я тебе сам помогу. — Я поднял руки, вставая в стойку, которой меня обучил Конев.

— Ну, ты сам напросился. — Рыкнул мужик и рванул вперед.

Вслед за ним разом навалились еще трое. Четвертый остался стоять на своем месте, подняв руки перед собой.

Аркан «Шага Тени» построился моментально, давая ускорение, которое не могли достигнуть неодаренные. Глаза я трансформировал уже в движении, и понял, что тут у меня только один соперник — оставшийся в стороне мужик. Он был Одаренным. Стандартный Светлый Источник «вода — воздух — жизнь». И у него уже в руках сформировался аркан плетения. Тут я заметил, что четвертый шевелит губами. А что это значит? Правильно! Он использует словесную технику, по крайней мере, конкретно в этом аркане... А это значит, что с моей скоростью, у меня был шикарный запас времени в схватке с ним...

Прямой толчок ногой в «солнышко», и заводила улетает в тот самый сугроб, в который он сам недавно харкал. Апперкот прилетает точно в челюсть второму, в знаменитый треугольник «нос-подбородок», выключая его, второй пинок выкидывает его с дорожки сквера в сугроб на противоположной стороне. Третий вытаскивает из кармана классическую

«финку» — оу, да у нас пошли в разговор уже серьезные аргументы! Таранный удар «воздушного кулака» отбрасывает третьего на три шага назад и кладет на лопатки. Зрение рыкаря показывает, что пару трещин в ребрах третий заработал, хоть я и вложил в аркан меньше половины привычной мощности... Четвертый опаздывал в атаке, но в его правой руке уже раскручивалась металлическая гирька на длинном шнурке. Оп! Снег под ногой «опоздуна» мгновенно превратилась в лед, сковывая ботинок. Ах, какой молодец, шнурки завязал крепко — накрепко! Четвертый начал заваливаться вперед, и я встретил его голову ударом ноги. Минус четыре! А вот тут в меня прилетел сюрприз! «Ледяная стрела» Ранга Мастера прилетела в воздушный щит, который отклонил полет огромной острой сосульки немного в сторону. А вот дальше мужик пустил в ход уже явно хорошо отработанные прямые атаки, построенные на основе «узловой техники». Да, это были простейшие «воздушные кулаки» и «водные лезвия», но бил-то он явно с самыми серьезными намерениями...

«Один раз говоришь, ну ладно, один раз тебе будет!» — Подумал я, продолжая двигаться.

Что такое Темный Источник? Это агрессивные стихии. Тьма, Смерть, Земля, Пламя. Они все могут помогать, они могут защищать, но также все они прекрасно атакуют. Особенно, если умеючи ими пользоваться. И Тьма ночью получает определенные бонусы... Ведь, где нет Света, всегда царствует Тьма. Она была до, она будет и после... Таков Порядок. И вся Тьма вокруг Одаренного есть его возможность и вариативность действий. Если у него хватает концентрации, таланта и резерва энергии... Это был первый постулат, который мне буквально вбил в голову Чернобог, пока я был в его Дворце, в Мире Духов...

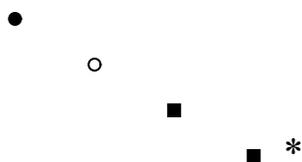
И тень под ногами Одаренного, образовавшаяся от света фонаря, тоже часть Тьмы... Так что простой, но очень неприятный «кулак тьмы» прилетел Одаренному точно в пах. Весь контроль над арканами он тут же потерял, схватившись за пах обеими руками, и упал на колени...

Я моментально оказался рядом с ним и, схватив руками за голову, впечатал колено ему в лицо.

Одаренный свалился на бок — из сломанного носа потекла кровь.

— Результат матча: Грабители «0» — Волков «5». Разделал в сухую. — Подвел итоги я и двинулся домой, оставляя «горе — грабителей» остывать в снегу.

Только почему, не смотря на победу, у меня было ощущение, что ничем хорошим это не закончиться?...

— И что, ты в полицию не обращался после? — Спросил Саша.

Мы вдвоем сидели в столовой после лекций. Я рассказал Саше, как меня попытались «огрابتь», разумеется, умолчав о том, что перед этим я пообщался со своим Небесными Покровителем. Раньше времени нормально поговорить не представлялось. Мы оба носились по городу, встречаясь с людьми, арендуя новые площади и заключая договора поставок необходимых материалов. Богомоллов вообще зашивался, денно и нощно находясь на производстве.

Сегодня у нас был последний учебный день в этом году. Каникулы нам немного сдвинули в этом году. Начинались они с завтрашнего дня, но и заканчивались они уже восьмого января. Зато впереди уже сейчас горели три недели свободы от учебы...

— А смысл? Огрابتь меня не смогли. А, если меня под подписку оставят в городе, а я домой на Новый Год собрался. Тем более, наша машина уже уехала, я её транспортной компанией отправил, как раз к прибытию поезда, она уже должна быть на терминале в Новосибирске. Как у нас, кстати, дела обстоят с установкой наших антенн?

— О, тут мы идем с опережением. Все-таки, императорская фамилия в составе учредителей открывает большинство дверей и сразу же развязывает языки. Так что сейчас параллельно ведется установка в Тюмени, Омске и Тобольске, также оборудование уже на днях должно прибыть в Новосибирск, Томск и Барнаул, так что вполне возможно, что уже поздравлять с новым годом будем друг друга по электронной почте. — Улыбнулся Саша.

— Было бы неплохо. А, в общем, насколько опережаем график, согласованный с Великим Князем?

— Примерно на четырнадцать процентов. И пока стабильно растем в этом опережении. Думаю, что прямая ветка связи с Владивостоком будет готова до конца весны.

— А что с гражданским рынком? Когда начнем продажи? А то я в эти документы даже не заглядывал, пока носился по городу с этими договорами по аренде складов...

— Тут тоже все хорошо. Согласовали три договора долгосрочной аренды на два помещения в Петербурге, и три помещения в Москве. Осталось найти еще три здесь, и два в Москве. Дальше пойдем по регионам. Как и договаривались, на старте по одному магазину в каждом крупном городе Империи.

— Вот это вообще сказка, и ведь все идет как по маслу, даже палки в колеса никто не вставляет... Слишком просто все как-то... — Я потер подбородок.

— Да тут все просто, мы заходим с новой сферой — никто просто не понимает, что мы хотим сделать. Многие воспринимают это как государственный проект Рюриковых, когда видят императорскую фамилию в документах, и это очень сильно нас выручает... — Пожал плечами Саша.

— Ладно, значит, будем пользоваться, пока можем. Рано или поздно, наш марш прекратиться, и мы встретим уже сопротивление. — Кивнул я.

— Значит, будем ковать железо, пока оно горячо! — Усмехнулся Кобылин — младший.

— Будем, и чем больше успеем, тем лучше. Когда Рюриковы поймут, что мы можем тянуть большие объемы, то нам дадут серьезный карт-бланш. По крайней мере, мы постараемся этого добиться. Нам нужно уже сейчас отжать под себя львиную долю новой экономической ниши, которая только что появилась... — Ответил я.

— Да, тут ты прав. Только у нас всего полгода остаётся на заключение договоров с частными охранными агентствами. Да и собственной службой безопасности стоит озаботиться уже сейчас. — Сказал Саша, глядя на меня.

— Займемся сразу после новогодних праздников. Желательно посмотреть большие агентства, которые работают сразу в нескольких регионах империи, так можно будет не расплываться на маленькие конторы, которые работают в конкретных городах или регионах. — Согласился я.

— Да, я тоже об этом думал. Пока ты будешь в Новосибирске, я у отца узнаю, какие конторы стоит рассмотреть в качестве партнеров. — Улыбнулся Кобылин — младший, — у тебя, кстати, когда поезд?

— Сегодня ночью выезжаю. — Ответил я.

— А ты уже собрался?

— Нет, когда?! Я же две недели последние носился по городу по делам компании...

— Тогда тебе стоит поспешить домой, а то уже седьмой час вечера вообще-то. — Саша указал на часы, на которых большая стрелка перевалила за шесть часов.

— Ну, е-мое, опять опаздываю! Вот честно, последние дни я постоянно думаю о том, что в сутках слишком мало часов. Вот тридцать шесть было бы сподручнее... — Воскликнул я, вскакивая со своего места, — Все, Саня, я погнал собираться, а то на поезд опоздаю! Давай, увидимся уже в Новом Году!

— До встречи в новом году, дружище. — Саша поднялся со своего места, протягивая руку.

Мы крепко пожали руки и попрощались. Саша остался в столовой, а я помчался домой собирать вещи...

•

○

■

■ *

РИ, Сибирь, Новосибирск, железнодорожный вокзал.

— Дамы и господа, внимание! Пассажирский поезд первого класса «Амур» по маршруту «Санкт — Петербург — Хабаровск» прибывает на центральный вокзал Новосибирска. Температура в Новосибирске составляет -21 градус, в ближайшее время ожидается начало снегопада... — Механический голос объявил, что мы прибываем.

А, ведь, если вспомнить, на поступление в Санкт-Петербург я ехал именно на «Амуре». Этой мысли я улыбнулся, накидывая зимнее пальто на себя, и, подхватив сумку с вещами, двинулся на выход из вагона.

Выйдя на перрон вокзала после остановки поезда, я оказался в царстве зимы. Если в Петербурге зима только вступала в свои права, и первый снег выпал буквально неделю назад, то здесь первые «белые мухи» упали уже в конце октября. Так что сейчас сугробы лежали уже больше месяца.

Сегодня меня никто не встречал, так как я никому из родственников не сообщал, хотел сделать сюрприз. Так что я, насвистывая сам себе легкую мелодию отправился на Омскую улицу, благо она была недалеко. А на Омской улице располагался терминал транспортной компании «ТК — Байкал», где уже должен находиться мой новенький «электронный терминал», или по-простому, компьютер...

Пункт выдачи встретил меня огромным плакатом Российской Империи, в которой было наткано много-много гвоздиков с красными шапочками, обозначающими терминалы компании «ТК — Байкал», и две милovidные девушки в фирменных жилетках с логотипом компании.

— Добро пожаловать в Транспортную Компанию «Байкал»! — С улыбкой встретила меня одна из девушек.

— Добрый день, — Поздоровался я, подходя к стойке, — Волков Матвей Александрович, отправление 299-013-73/05-12, должно было прибыть к вам на выдачу.

Я протянул девушке квитанцию об отправке. Она взяла квитанцию, проверила журнал прибытия и подтвердила прибытие крупногабаритного груза.

Вместе с ней мы прошли в подсобное помещение, проверили целостность пломб и нарушение упаковки. Проблем не было ни с первым, ни со вторым, так что груз можно было забирать.

— Подскажите, а у вас есть возможность заказать грузовую машину для доставки?

— Да, разумеется, а когда вам будет удобно? — Улыбнулась девушка.

— Сейчас. — Улыбнулся я в ответ.

•

○

■

■ *

Ри, Сибирь, предместья Искитима, родовое поместье Волковых

Нанятый мною грузовичок тихо рычал на дороге к поместью. Мы уже проехали Искитим, и уже подъезжали к родовому гнезду. По обеим сторонам дороги раскинулось царство Снежной Королевы. Солнечный свет играл на кристалликах льда и хлопьях снега. Так что создавалось ощущение такой любимой всеми нами с детства новогодней сказки...

Ворота ограды поместья были распахнуты, и дорога до нашего дома была уже вычищена явно с самого утра...

Грузовичок остановился у главного входа. Я вышел из кабины первым, следом за мной вышли грузчик Василий Петрович и водитель, а по совместительству и напарник Василия Петровича, Анатолий Владимирович. Хорошие мужики, житейские, почти два часа ехали и общались на обычные житейские темы...

— Куда выгружаем, Матвей Александрович? — Спросил Василий Петрович.

— В холл. Двери сейчас открою. — Ответил я, прыгая через ступеньку на крыльцо.

В душе прям какой-то подъем начался, как только родные стены увидел. Все-таки, этот дом действительно стал для меня родным... Родные стены, родные люди, которые ждут... В прошлой жизни я всегда был сам по себе после смерти матери, а потом всю жизнь был как ветер свободен — куда жизнь занесет, туда и отправлялся... А тут — родные... Дед, сестра... Да даже Конев, и тот стал уже близким человеком...

Я открыл двери и вошел в дом, скинув сумку на пол и громко крикнув:

— Семья! Я приехал!

Секунду ничего не происходило. Затем на втором этаже зазвучали быстрые шаги маленьких ножек, и на лестнице показалась Софья.

— БРАТИ-И-И-ИК!

И вот тут я реально офигел! Вместо того, чтобы спуститься по лестнице, Софья пробудила Источник, и буквально спланировала на воздушных потоках прямо ко мне в руки!

Я поймал сестру и крепко обнял, продолжая находиться в легком шоке! Пробуждение Источника в столь юном возрасте встречалось, но крайне и крайне редко! И было принято считать таких детей просто гениями в плане Дара...

— Софушка, а что это сейчас было? — С улыбкой спросил я.

— А это я, братик, летать, научилась. Меня Василий Иванович научил! — Ответила Софья.

— А когда ты начала Воздух так слышать?

— Да в конце сентября, я в школе тогда была, на дерево с Петей залезла и упала, да так испугалась, что услышала, как Воздух шепчет. Василий Иванович тогда сказал, что я какую-то «воздушную подушку» создала.

— Ну, ты даешь! Умница просто!

— Да, Василий Иванович и деда тоже так сказали. Теперь Василий Иванович два раза в неделю со мной занимается, учит Воздух и Воду слушать.

— И как успехи?

— С Воздухом все хорошо, а с Водой не так легко. Она вся такая... холодная и мокрая... — Софья забавно наморщила свой носик.

Я, наблюдая за ней, весело рассмеялся. Софья была права, когда Одаренный обращался к Стихии, с которой он был связан, он словно окунался в нее. При призыве бета — стихий, то есть воды, воздуха, огня и земли Одаренный чувствовал влияние стихии на свое тело: ветер обдувал все тело, вода словно окатывала холодным водопадом, пламя согревало своим жаром, а земля словно сковывала камнем. Ощущения от света, тьмы, жизни и смерти были несколько иными. Бета — стихии были нейтральными, а вот альфа — и омега — стихии влияли на самого Одаренного, если Одаренный слишком часто обращался к ним без должной подготовки и волевого контроля... К примеру, свет делал Одаренного нетерпимым и прямолинейным, тьма, наоборот, делала хитрым и изворотливым, жизнь вызывала сострадание, причем постоянное и ко всему и вся, а смерть наоборот делала Одаренного холодным и безэмоциональным... По этой причине вначале осваивались нейтральные стихии в Источнике, чтобы Одаренный тренировал выдержку и волю в контроле нейтральных стихий...

— Тут кто-то «братик» кричал? — К нам вышли улыбающиеся дед и Василий Иванович.

— Привет, деда, Василий Иванович! — Поздоровался я.

Я поставил Софью на пол и по очереди обнял деда и Конева.

— Что-то эти месяцы тихо прошли у тебя, Матвей, ни одной дуэли, ни одной ссоры. — Ухмыльнулся Конев, отпуская меня.

— Решил этот год закончить на позитивных моментах, мне кажется, достаточно того, что я попал на Императорский Бал. — Улыбнулся я в ответ.

— Это да, мундир привез? — Спросил Конев.

— Какой мундир? — Не понял я.

— Парадный, — Рассмеялся Конев, — обмывать первые золотые погоны как мы будем, чтобы они не последними были?!

— Честно говоря, я даже и не подумал как-то. Я его даже не заказал. — Потупился я.

— А вот это не порядок. Съездим в Новосибирск на днях и закажем, обратно в Петербург уже с ним поедешь, господин поручик. — Покачал головой дед.

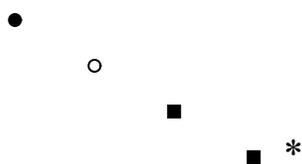
— Вот-вот, а то как это поручик Первого Стрелецкого Полка, и без парадного мундира. — Кивнул головой Конев.

— Матвей, а что ты там нам привез? — Дед указал на Василия Петровича и Анатолия Владимировича.

— А это наша разработка. Так что у меня много новостей, которыми я очень хочу с вами поделиться. И нам стоит выделить комнату для этого оборудования. — Улыбнулся я.

— Хорошо, тогда раздевайся, заноси сумку в свою комнату и приходи в кабинет. Марфа Петровна сегодня с утра пирогов напекла, сейчас попрошу её в кабинет их с чайком принести. — Кивнул дед.

Я кивнул и, подхватив сумку, отправился наверх, в свою комнату.

Российская Империя, Санкт — Петербург, поместье Долгоруковых

Князь сидел в своем кабинете и курил. В поместье продолжал гулять одинокий ветер, потому что всех, кроме службы безопасности и наследника он сам лично отослал в Москву и разрешения возвращаться он никому так и не давал — они все лишь мешали...

Перед князем на столе были разбросаны две кучки бумаг. Одна была копией рапорта из управления пограничной службы, а вторая — отчет одного сотрудника службы безопасности рода, который обладал очень редким талантом — он был ходячим сенсором Одаренных. Крайне редкий и очень полезный талант среди Одаренных и во всех делах, что были с ними связаны. Он встречался даже реже, чем рыкари. Потому что рыкарями можно было стать. А вот сенсором можно только родиться. И большинство из них загребал своими очень длинными руками Тайный Приказ... А тут князю повезло, очень повезло тридцать семь лет назад. Когда он лечил мальчишку на Дальнем Востоке и пробудил его Дар, который и оказался с возможностями сенсора. Конечно, мальчишку сразу же забрали в род на воспитание. И взяли в состав службы безопасности...

И отчет, написанный им, приводил князя одновременно в восторг и в шок. Во-первых, этот отчет доказывал, что его личный эксперимент по селекции Одаренных, почти тридцать лет

его трудов и двадцать лет ложного мнения о провале на самом деле имели положительный результат! Его эксперимент увенчался успехом! И Волков Матвей был живым и прямым доказательством его эксперимента! Одаренный с двумя Источниками, к тому же, ставший рыкарем! К тому же обладатель стихии Смерти, главной стихии рода его биологического отца! Первый и последний Некромант в Империи, особенно, если учесть, кем были и его отец Ранга Архимагистр, и его дед Ранга Стихия, которого вообще прозвали после Мировой Войны «Живым Воплощением Смерти»... Да, этого человека князь уважал по-настоящему, и боялся, и ненавидел, но главное, уважал...

А, во-вторых, это значило, что у него вновь появился шанс исправить все огрехи и ошибки последних двадцати лет, а главное, вернуть с лихвой все то, что у рода забрали почти двадцать лет назад... Шанс призрачный и крохотный, но он был, был прямо здесь и сейчас, в одном с ним, князем, городе... Такой свободный и доступный шанс, над которым князь постарается в кратчайшие сроки получить максимальный контроль...

— Господин! У меня срочные новости! — В кабинет князя без стука влетел Соловьев.

— Тебя не учили стучать... — Сквозь зубы процедил князь, которого оторвали от таких прекрасных размышлений.

— Простите, господин, но эти новости не терпят. Прошу. — Начальник службы безопасности протянул новую папку бумаг.

Князь, поморщился, но все-таки взял в руки пачку бумаг и начал пролистывать. И чем дальше он листал, тем больше багровело его лицо. На лбу сильнейшего и искуснейшего Лекаря империи пролегла глубокая вертикальная складка, даже уши князя побагровели, а дышать Долгоруков начал очень глубоко и тяжело, сквозь сжатые зубы. Соловьев даже услышал, как заскрипели зубы старого князя от напряжения...

— Как... Как, бл*ть, как ты проср*л такое?! — Зарычал князь, с хлопком опуская кипу бумаг на стол, и упер взгляд в Соловьева.

— Господин, я клянусь вам, что никто даже подумать не мог, что он организует собственную компанию, тем более, что вместе с ними в списке учредителей будут Кобылины и, уж тем более, Рюриковы!

Таранный удар ветра уронил Соловьева на колени, снося его собственный щит, который начальник СБ поддерживал постоянно. Дальше князь не поленился и сам взялся за нагайку, которая лежала у него в столе. И плеть начала, с шелестом рассекая воздух, влетать в спину и плечи Соловьева. Так позорно и низко, словно нашкодившего ребенка, князь охаживал по спине своего начальника службы безопасности, пока тот не уперся лицом в пол и не начал орать от боли...

— Еще есть, за что тебя как мальчишку сечь, выбл*док, а?! — Князь, красный как рак, рычал сквозь зубы и плевался слюной в лицо Соловьева, которого схватил за подбородок и притянул к себе.

— Он уехал. — Просипел Соловьев.

— Кто уехал?! Куда уехал?! — Продолжая держать за подбородок Соловьева, рычал князь.

— Волков... уехал... в поместье...под...Новосибирском...три...дня...назад... — Просипел начальник службы безопасности.

— Бл*ть! — Князь отпустил Соловьева и бросил нагайку на стол.

Князь начал ходить по кабинету. Теперь Волков оказался прикрыт Кобылиными и императором. Теперь официальных точек давления на него не будет! Ему не нужен будет старинный княжеский род, если сам император стоит за спиной! Если проект его правнука выгоден, а он явно стоящий, иначе бы император и его брат, здоровенный косолапый медведь, не стали бы «вписываться» в него, то император просто не даст ему правнука и пальцем тронуть...

— У тебя остались контакты той польской конторы? — Прорычал князь.

— Какой именно, господин? — Спросил Соловьев, на дрожащих ногах поднимающийся с пола.

— Диких Гусей. — Прорычал князь и снова ударил Соловьева «воздушным кулаком».

— ДА! — Крикнул Соловьев, как только отдышался.

— Звони и договаривайся, пусть перебрасывают своих людей на Урал, на нашу базу. Срок — неделя. Обещай тройной гонорар. С Урала в Сибирь отправимся. Техника наша. Если ты и с этим облажаешься, я тебя закопаю, слышишь?! ЗАКОПАЮ САМ! — В конце князь сорвался на крик.

— Я понял, господин! — Соловьев упал на колени.

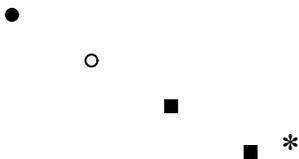
— Посмотри на меня. — Вновь сквозь зубы процедил князь.

Соловьев поднял глаза князя. Тот вытянул вперед руку, образовав тремя пальцами причудливую фигуру. Между пальцами загорелся маленький шарик света, который на секунду завис в воздухе, а после сорвался со скоростью пули и попал в левый глаз Соловьева.

Начальник службы безопасности коротко вскрикнул и вновь упал всем телом на пол кабинета, зажимая левый глаз обеими руками и скуля, словно побитый пес.

— Это будет плата за твой предпоследний косяк! Следующий станет действительно последним, Аркаша, ты меня понял?!

— Да, господин... — Проскулил Соловьев, из второго уцелевшего глаза которого текли слезы...

Ри, Сибирь, предместья Искитима, родовое поместье Волковых

— То есть, вы вывернули всю ситуацию так, что вписали в свою компанию императорскую фамилию в состав учредителей, да еще и грант вытащили с Имперской Канцелярии? — Дед сидел за своим столом и улыбался словно кот, объевшийся сметаной.

— Да, но тут просто повезло, мы лишь воспользовались ситуацией. — Кивнул я, параллельно уплетая пирожки и запивая их чаем с медом и лимоном.

— И император забрал ведущую долю в компании себе? — Кивнул Конев.

— Неа, — Я отрицательно помотал головой, — он взял равную с нами долю. Доли Волковых и Кобылиных остались без изменений.

— М-да, дела... — Конев потер лоб правой рукой и откинулся на спинку кресла.

— И не говори, Василий Иванович, так императора в свою аферу, на моей памяти, ещё никто не ввязывал. Уж прости, Матвей, но никак, кроме как аферой вначале я это не рассматривал.

— Кивнул дед, беря в руки свою кружку, исходящую паром.

— Ну, у меня было другое мнение. Ну да ладно, главное, что все так хорошо сложилось и закрутилось. Сейчас это аферой уже ни у кого язык не повернется назвать. — Ответил я.

— А к нам ты привез один из образцов? — Улыбнулся дед.

— Это уже не образец, а единица техники. И, вполне возможно, что поздравления с Новым годом от Кобылиных будем получать по электронной почте. — Усмехнулся я, беря в руку новый пирожок с мясом.

Вот правда, руки у Марфы Петровны просто золотые! Такую вкусноту готовит!

— Какой-какой почте? — Помотал головой Конев.

— Электронной. Это особенная программа, которая поможет в работе нашей электронной паутины. — Ответил я.

— Блин, я в этом дуб — дубом, ну ни черта не понимаю. — Ответил Конев.

— Так. Сейчас тогда начнем краткую лекцию по нашим разработкам! — Ответил я и пустился в объяснения.

Коротко не получилось. Лекция растянулась на добрые четыре часа. Я говорил и объяснял,

отвечал на вопросы, обещал показать, как говорить, в живую. Софья даже успела уснуть у меня на коленях, проснуться и снова уснуть. За окном давно наступила ночь. Марфа Петровна даже ужин принесла в кабинет деда...

— Ладно, я понимаю, что ничего не понимаю, будем разбираться по ходу пьесы. — Махнул рукой Конев.

— Разберешься, я помогу. — Улыбнулся я.

— Ладно, потом разберемся, ты лучше скажи, ты на сколько приехал к нам?

— До пятого января, пятого обратно поеду, потому что на учебу уже восьмого января.

— В этом году сместили каникулы? — Уточнил дед.

— Да, на неделю. Общее количество дней осталось прежним, по этому так рано смог приехать. — Кивнул я.

— Эх, жаль. — Покачал головой Василий Иванович.

— А что такое? — Удивился я.

— Да у нас Василий Иванович подписался на полевой выход с марш-броском вместе с курсантами третьего курса. Так что уже завтра он нас покинет и будет ближайшие две недели бродить по сибирским лесам, следуя курсу выживания. — Усмехнулся дед.

— Василий Иванович, как ты на такое подписался, да еще зимой перед Новым Годом? — Я удивленно посмотрел на Коневу.

— Да, как говорится, бес попутал, вот и согласился, решил молодостью тряхнуть! — Ответил Конев.

— Ладно, время позднее, завтра решим, где поставим твою безумную машину, и ты начнешь меня обучать, как ею пользоваться нужно, мне жутко интересно! А сейчас давайте-ка спать уже, вон, Софушка уже второй раз уснула на коленях у Матвея. Так что давайте по кроватям. — Голос деда стал серьезным, что говорило о том, что сейчас он не потерпит никаких пререканий.

— Есть, командир! — Конев встал и шутливо вытянулся во фронт.

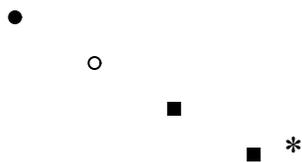
— Я отнесу Софью в спальню, спокойной ночи, деда. — Я с улыбкой поднялся с диванчика и взял Софью на руки.

— Спокойной, Матвей. До завтра. — Дед отпустил меня, кивнув на прощание.

Я отнес Софью в спальню и уложил в кроватку, накрыв одеялом. Полубовался сестренкой и подложил к ней в кроватку большого улыбающегося волка. Сестренка во сне сгребла его под

бок, обняв двумя руками, и засопела, уткнувшись в него носиком.

Я вышел из её комнаты, тихо прикрыв за собой дверь, и отправился в свою комнату. Быстро раскидав свои вещи из сумки, и, спрятав небольшие подарки на Новый Год в шкафу, я сходил в душ и забрался в постель. Теперь можно немного и отдохнуть...

РИ, Урал, Тюменская область, село Викулово, транспортный терминал компании Долгоруковых

Князь Долгоруков вышел из вертолета. Следом за ним вышли наследник, Арсений Владимирович, и Аркадий Соловьев, лицо которого теперь украшала повязка на левом глазу, словно он — капитан пиратского корабля. Следом выскочили четверо личных телохранителей князя.

Дорогие костюмы на мужчинах сменились черным камуфляжем без знаков различия. На поясе князя даже появилась кобура с пистолетом, а в руках Аркадия был АР-2000. Автомат Российский, модель двухтысячного года, в полном тактическом «обвесе», который использовал армейский спецназ.

Следом на посадку заходили ещё два вертолета на территорию транспортного терминала. Большую часть своей службы безопасности князь забрал с собой. Почти сорок бойцов, экипированных и вооруженных по последнему слову.

Но ни они были главной силой в предстоящем деле.

Главной силой, а также «мясом» во всей предстоящей заварушке предстояло стать одной конторе наемников из Польши «Dzikie gęsi», по-русски «Дикие гуси», которых князь уже пару раз использовал в своих целях...

Но сейчас им впервые предстояло работать на территории империи. С другой стороны, ставки в этот раз были настолько высоки, что князь принял решение сам поучаствовать, и наследника прихватил с собой. С другой стороны, «Дикие гуси» — это почти две сотни обкатанных бойцов, не первый класс, конечно, но уже и не необстрелянные воробьи...

А огромная территория транспортного терминала, в который каждый день пребывали и убывали сотни единиц техники, как наземной, так и полетной, прекрасно позволяла спрятать от назойливых глаз Тайного Приказа прибывающий отряд наемников...

Для его целей в самый раз...

Наемники прибыли уже пару дней назад, а люди из собственной СБ уже были в Новосибирске и собирали всю необходимую информацию...

Навстречу князю, наследнику и начальнику службы безопасности вышли двое мужчин в зеленом камуфляже.

— Князь, — с сильным акцентом поприветствовал Долгорукова первый, сделавший шаг вперед, — Командир отряда «Dzikie gęsi», Генри Потюрок. Это мой заместитель, Бартош Стафинский. Рад наконец-то познакомиться с вами лично.

— Взаимно, пан Потюрок, взаимно. — Князь пожал протянутую руку, — Как бойцы, готовы к работе?

— Разумеется, князь, все готовы и ждем вводных данных, последние три дня обкатываем предоставленную технику. — Кивнул командир наемников.

— Совсем скоро получите, пан Потюрок. Уже завтра придут мои люди с полной информацией. — Ответил князь на невысказанный вопрос.

— Все-таки, я вынужден настаивать, князь, хотя бы в общих чертах обрисуйте задачу. — Потюрок явно не собирался отступать.

— Хорошо, ваша задача будет захватить контроль над отдельным объектом и скрытно удерживать его короткий отрезок времени, предварительно, от пяти до семи дней. Также, на этом объекте находятся три человека, которые должны быть взяты в плен живыми и здоровыми, подчеркиваю, живыми и здоровыми. Двое из них — Одаренные, один из Одаренных — Рыкарь. Далее ваши люди должны будутделиться, по вашему усмотрению, часть отправиться вместе со мной и моими людьми на территорию Байкала.

— Простите, кто? — Не понял Потюрок.

— Аркаша, — Князь двойным щелчком пальцев подозвал начальника службы безопасности, — как у поляков называют рыкарей, а то я как-то запомнил...

— «Вилколак», господин. — Ответил начальник службы безопасности, выходя из-за спины князя.

— Это очень серьезный противник, князь. Тем более, если его нужно взять живым. Он — опытный противник? — Потюрок нахмурился.

— Нет, Лекарь, в серьезной схватке принимал участие один раз, и тогда рыкарем и стал. Молодой парень, студент, сильный Одаренный, но неопытный. По нашей информации боевой подготовки особой нет, курсы стрельб освоил, общую подготовку в рамках университета прошел, но не более. — Слово взял начальник службы безопасности Долгоруковых.

— У нас нет браслетов из «нулевого» мифрила, да и пуль, изготовленных из этого дорогостоящего материала, в нашем арсенале нет. Без этих инструментов мы просто не сможем выполнить контракт. — Сказал Стафинский, заместитель командира.

— И первым, и вторым мы вас обеспечим, не волнуйтесь. Также, я лично окажу помощь в исцелении всем вашим бойцам, которые получают травмы или ранения в ходе штурма.

— Это серьезная помощь, князь, благодарю вас. — Кивнул Потюрок.

— Ну, тогда на этом пока и прекратим этот разговор. Я хочу отдохнуть после дороги. Разработка плана действий будет завтра днем, когда придут мои люди со всеми документами и сведениями, которые могут нам пригодиться. На остальные ваши вопросы сейчас ответит мой начальник службы безопасности. — Ответил князь и двинулся дальше.

Наследник отправился вслед за князем, следом за ними отправилась четверка личных телохранителей, с поляками остался только начальник службы безопасности.

— Вы привезли с собой Бурого и Дыма, как я просил? — Спросил Соловьев у командира наемников, когда князь удалился от их «компаний».

— Да, разумеется. — Кивнул Потюрок.

Глава 9. «Мой дом — моя крепость»

Ри, Сибирь, предместья Искитима, родовое поместье Волковых, 24 декабря

Конев уехал на полевой выход ранним утром следующего дня. Меня тогда даже будить не стали, давая отдохнуть. Но Василий Иванович обещал вернуться к новогодней ночи, чтобы отпраздновать этот светлый праздник нам всем вместе.

Последние пять дней пролетели в домашних хлопотах. Мы ездили за огромной елкой, украшали ее, готовились к празднику. У Волковых было принято отмечать наступление Нового Года всем вместе за одним столом, не смотря на то, кто есть кто. Слуги, друзья, родственники — в новогоднюю ночь все садились за один стол. Так что наш праздник обещал быть теплым и семейным, так как слуг у нас было не много, друзей у деда, которые могли бы приехать, было ещё меньше, а родственники и так все уже были в поместье. Вот и получалось, что за новогодним столом должны были собраться дед, я, Софья, Василий Иванович, наш мастер на все руки Гаврила и его помощник Антон, наша королева кухни Марфа Петровна и две служанки — Анна и Алена...

А еще дед все-таки настоял на своем, и мы съездили в ателье в Новосибирске и заказали новую парадную форму. Когда в ателье узнали о том, что свои первые офицерские погоны я получил лично из рук Императора, хозяйка ателье отказалась брать деньги за форму и сказала, что форма будет новогодним подарком от ателье роду Волковых. Форму, кстати, отшили всего за пять дней (наверное, это какая-то особенная магия...) и доставили прямо в поместье.

Также мы собрали вместе с дедом «эту безумную машину», как дед назвал компьютер, и я потихоньку обучал деда и Софью тому, чтобы уверенно пользоваться этой машинкой... Даже отмечу, что у деда получалось весьма недурно! Вот зря говорят, что с возрастом учиться

становиться только сложнее. Мой дед явно стремился к новым знаниям и навыкам, и впитывал все как губка... Так что он уже начал самостоятельно тренироваться в наборе текста, работе с некоторыми программами, а также в обращении с программами электронной почты и дистанционной связи (да-да, глупое название, но его придумал не я, не нужно меня закидывать шапками, все вопросы обращайтесь к господину Богомолу, он — художник, он так видит!).

Сейчас я читал Софье сказку о коньке — горбунке, сидя на краешке кровати.

Меня самого уже начало клонить в сон, Софья старалась оставаться бодрой, чтобы дослушать сказку до конца, но получалось у нее откровенно плохо — мы еще ни разу не смогли закончить сказку так, чтобы она не уснула раньше трех чанов...

— Братик... — Тихо позвала Софья, начиная клевать своим маленьким носом край огромного пухового одеяла в белоснежном пододеяльнике, которым она была укрыта.

— Да? — Я оторвался от книги и посмотрел на младшую.

— Я тебя очень люблю, братик. — Сонно прошептала младшая.

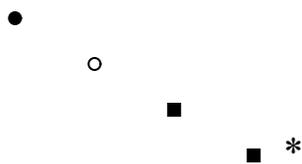
— Я тебя тоже очень сильно люблю, сестренка. — С улыбкой прошептал я, поглаживая младшую по голове, — засыпай, родная, завтра снова тебе почитаю.

— Угу... — Глаза Софьи уже были закрыты, и она мерно и спокойно засопела.

Я с улыбкой поднялся с кровати. Включив маленький ночник, я выключил основной свет и вышел из комнаты сестры, тихо закрыв за собой дверь.

Пока шел по коридору второго этажа, я слушал звуки дома: на первом этаже был слышен шелест ползущего по полу ковра и тихий голос Гаврилы, который скручивал ковер, чтобы завтра утром отвести его на чистку, с кухни доносились глухие шлепки теста по столу — Марфа Петровна явно решила порадовать нас утром свежей выпечкой, все-таки, золотые у нее руки... Все эти звуки наполняли дом жизнью. Мне вспомнилась моя прошлая жизнь и однушка в Рыбацком... Эх, ее я не мог назвать домом, всегда говорил, что у меня есть место, куда я прихожу спать...

Но сейчас у меня есть дом. И есть в этом слове что-то теплое...

РИ, Сибирь, предместья Искитима, родовое поместье Волковых, спустя пять часов

— Как продвигается операция? — Князь Долгоруков забрался в командную машину.

— Все идет согласно плану, князь. — Кивнул Потюрок и вернулся к мониторам, куда выводилась карта местности с помощью маяков, которые группы разведки разнесли по периметру еще днем.

Князь молча встал рядом с командиром наемников и начал рассматривать карту и слушать доклады командиров групп, которые начали занимать свои позиции.

Общее количество людей в отряде «Дикие Гуси» составляло две сотни. Часть людей осталось в Польше, так как остальные контракты тоже требовали исполнения. Так что в империю Потюрок привез сто двадцать человек. Десять боевых отделений и два отделения технического обеспечения...

Прямо сейчас каждая группа занимала свою позицию. Группа разведки, они же группа оцепления рассредоточилась по периметру, продолжая наблюдение за домом и прилегающей территорией. Три штурмовые группы захвата уже заняли свои позиции и готовились входить на территорию. Две группы боевого прикрытия были готовы поддержать товарищей. Отделение огневой поддержки также готовилось к бою, так, на всякий случай, если вдруг что-то пойдет не так... А также рядом с командной машиной и машиной связи, на которых были заняты оперативной работой отделение связи, в двух внедорожниках «на низком старте» уже готово было выдвинуться отделение маневрирования.

— Третий на позиции. — Раздался хриплый голос из динамика.

— Пятый на позиции.

— Девятый на позиции.

— Принято. — Потюрок зажал кнопку тангенты и начал отдавать команды, — Лес, обстановка?

— Чисто, один мирный в сарае. Остальные спят.

— Принято, — Ответил Потюрок, — Напоминаю, первый, цель — дед, пятый — девчонка, девятый — рыкарь, лес, одноглазки должны рыкаря забрать нелетально, повторяю, нелетально.

— Принято.

— Принято.

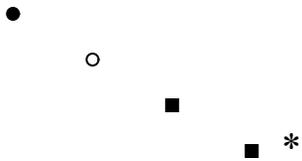
— Принял.

Зеленые точки начали свое движение. Первая группа постепенно подходила к сараю, в котором находился один из слуг Волковых. Спустя минуту из динамика раздался хриплый голос командира:

— Мирный нейтрализован.

Все группы на секунду застыли, но тут же продолжили движение.

Пятое и девятое отделение вошли в усадьбу...

Я резко сел на кровати. Что-то было не так... Что-то меня разбудило... Что произошло? Почему я проснулся? И почему я резко вспотел?! Так, для начала проведем диагностику самого себя. Так, тело в порядке, все тело работает как часы... Что же тогда? Деда или Софья? Блин, ну не ночью же пробираться в спальню к деду. Ну ладно, у меня есть подходящий аркан. Печать «Нитей Жизни» построилась между рук и от нее начали расходиться тонкие нити, связанные с Лучом Жизни. Я сосредоточился на тех ощущениях, которые передавались мне по этой сплетенной «паутине» тонких изумрудных линий...

Стоп! А почему так много откликов? Почему я чувствую почти пять десятков бьющихся сердец вокруг меня? И часть из них обладают своими Источниками... Только в поместье сейчас должно быть меньше десяти человек, и Одаренные только трое, и двое других обладают Светлыми Источниками...

И такого количества адреналина в крови домочадцев быть не может...

И почему десять человек поднимаются по лестнице на второй этаж?

Я встал с кровати, подошел к двери и, тихо приоткрыв ее, выглянул в коридор.

О, а у нас тут аншлаг просто! По коридору второго этажа двигалась группа вооруженных людей. Двигались медленно и практически бесшумно. А у нас в поместье охраны не было...

— ВРА-А-А-А-АГ! — Заорал я во все горло, выпуская аркан «Воздушного тарана» прямо по коридору.

Наруч первого номера на левой руке вспыхнул синим светом, разворачивая перед ним воздушный щит. В итоге, таран разрушил щит, но группу так и не снес группу.

— Styk! — Услышал я голос со стороны противника и успел нырнуть обратно в комнату.

Дверь в комнату тут же открылась, и ко мне в гости зашли четверо «гостей». Все они были одеты в камуфляж похожий на расцветку «вудланд» и разгрузочно-поясные системы, на боку у каждого висели штурмовые винтовки, которых я раньше не видел. В этот момент внизу раздался взрыв. Да, деда решил не размениваться на мелочи...

— Piąte, wsparcia! — Пятый человек, который остался в дверях.

Ответа я не услышал, потому что четверо противников одновременно бросились в

рукопашную. В дверном проеме показались новые противники. Первого я встретил прямым ударом ноги в грудь. Он удачно сбил второго, и они оба улетели в стену. В руке третьего я увидел электрошокер, но воспользоваться им он не успел. «Воздушное копьё» пробило грудь противника, и тот упал на пол, а вокруг начало расплзаться кровавое пятно. Передышка перед четвертым — он отстал от товарищей на пару шагов — смена облика. И руку с глоткой четвертого противника уже сжимает рыкарь. А в комнату вваливаются новые противники. Нужно сменить место для драки. Окно!

Я выпрыгнул из дома, вынося последним бойцом в камуфляже оконную раму. Эх, автомат этого молодчика погнулся от удара! Вот не везет сегодня мне, реально не везет! А во дворе шел крупный снег. Видимость была просто отвратительная, и лишь благодаря аркану “Нитей Жизни” я чувствовал более ста откликов Жизни вокруг поместья, но терялся в них. Раньше я никогда не старался охватить такие объемы, и вот теперь попал в ситуацию, когда сил было более, чем достаточно, а опыта не хватало... Из-за деревьев показалась явно группа боевого прикрытия. Двадцать три бойца грамотно оцепили периметр по фронту усадьбы и сейчас все эти прекрасные и, я уверен, добрые люди направили стволы автоматов и пары пулеметов в мою сторону. Все-таки, Конев — молодец, низкий поклон тебе Василий Иванович! На одном рефлексе я сплел лучи Воды и Ветра и возвел перед собой ледяную стену. Не Бог весть что, но несколько секунд мне это подарит! Только вот была одна странность — стрелять в меня эти ребята не спешили. Из-за спин группы прикрытия ко мне вышли двое бойцов. Первый — здоровенный крепкий веризла, габаритами под стать Великому Князю, с каштановыми волосами и квадратным подбородком, второй — высокий и стройный блондин, явно выше меня на голову, с тонкими пальцами пианиста. Пока они шли вперед, верзила отбросил в сторону товарищей, оставшимся позади, тяжелый пулемет с рюкзаком, в который уходила лента магазина, а блондинчик аккуратно поставил у дерева автомат и скинул разгрузку. В руках первого непонятно откуда появилась здоровенная двуручная секира, на обратной стороне которой был длинный клюв — клевец. У второго на поясе висели парные широкие сабли с закрытыми кулаками — гардами, которые противник также обнажил по пути ко мне. — Если сдашься, бить сильно не будем. — Прорычал первый противник с топором руках, его речь также была с ярко выраженным акцентом. — Двое людей с холодным оружием против рыкаря? Смертники? — Усмехнулся в ответ я. Хотя это было лишь бравадой, а не уверенностью в собственных силах. Я явно понимал, что с этими двумя что-то не так, но понять конкретную проблему не мог. И это стало для меня фатальной ошибкой. — А ты решил, что ты один такой уникальный на свете? — Усмехнулся блондин. Его русский был с диким ломанным акцентом. После его слов оба противника стали меняться прямо у меня на глазах. Это была трансформация рыкарей, но немного не такая, как моя. Их Облики явно были ближе к звериным и несли усиление, в первую очередь, их физических особенностей.

С обратной стороны дома раздались новый шум ломаемых перекрытий и разрушаемых стен. Деда пока они не свалили... Верзила превратился в какой-то гибрид человека и медведя. Оставшись стоять на прямых ногах, он покрылся короткой шерстью стального цвета, человеческое лицо сменилось медвежьей мордой с черными бусинками глаз, сам рыкарь стал выше и шире в плечах, наверное, раза в два. И уже огромная секира казалась игрушкой в этих лапах с черными когтями вместо ногтей. Блондин же стал похож на куницу. Пусть

особо в росте и ширине плеч он не прибавил, но, как и в случае верзилы, его лицо превратилось в хищную пасть, покрытую дымчатым мехом, вот его ноги явно изменились, потому что я четко видел появление дополнительного сустава и изменение строения стопы. А еще у него появился длинный и пушистый хвост! Моментажно сформировав аркан “Воздушного копья”, я запустил его в медведя. Тот просто поднял лапу навстречу атаке. Его шерсть в один миг слилась в единую поверхность, напоминающую металл, и мое копьё он просто сбил в сторону, словно отбил снежок. Куница в это время тоже не стоял на месте. На границе бокового зрения я увидел смазанную тень и на одном рефлексе поднял ледяную стену. Удар стального кулака гарды одной из сабель разнес ее в мелкие куски, и на меня смотрела открытая пасть, усеянная множеством мелких острых желтоватых треугольных зубов (фу! ну и запах!). Я рванул в сторону, уходя с вектора выпада второй сабли, которая шла мне в бедро. Нырнув в сторону от сабли, я оказался на прямой дистанции от медведя. И сокращать ее, чтобы дотянуться до меня своей секирой, ему не было нужно. Словно подсекая меня снизу вверх, лезвие секиры описало полумесяц, и в меня полетел здоровенный воздушный серп, который должен был то ли располовинить меня, то ли ударить словно таран. Да это уже ни в какие ворота не лезет! Два рыкаря на меня одного! Тут уже не до шуток! Так меня на куски покромсают! Абдулматин, вылезай!

“Да, господин!” — Пронесся ответ у меня в голове. Из моей тени выпрыгнул мой первый теневой солдат и с наскока нанес дар по приближающемуся рыкарю — кунице. Тот хоть и потерялся на секунду, но успел-таки поднять над головой скрещенные сабли и принять удар Абдулматина на клинки. Во второй руке Абдулматина возник небольшой круглый щит, который он ударил куницу в грудь, отбрасывая противника на пару шагов назад. Энергия из второго источника начала постепенно уплывать. Все активные действия моей Тени тратили мои силы? Нет! Это просто в Абдулматина начали стрелять! И каждый выстрел частично разрушал структуру сформированной Тени, а все разрушения в афганце восстанавливались за счет моего резерва. Простые пули способны повредить Тени? Я уверен, что нет! Вывод? Это пули с содержанием мифрила! У этих ублюдков есть специальные боеприпасы для борьбы с Одаренными! Это уже не простое нападение! Это спланированная и подготовленная акция против нас! Кого нас? Деда? Меня? Волковых? Конева? Да какая, к черту, сейчас разница! Сейчас главное — отбиться и не сдохнуть!..А медведь про меня явно забывать не собирался! После дистанционной атаки, этот танк просто прыгнул вперед. Лезвие секиры вновь повернулось ко мне, нацелившись на ключицу. Пришлось вновь нырять в сторону. Уходя перекатом вправо и за спину медведя, я хлопнул обеими руками по снег под ногами, выпуская аркан “Поля мечей” на основе смешанной стихии воды и воздуха. Снег вокруг моментажно выстрелил сотней ледяных копий в центр, которым был огромный стальной медведь. А тому хоть бы что! Его шерсть вновь слилась в единый стальной покров, и лед просто ломался при ударе об него, а до глаз или пасти копья дотянуться не смогли, так как сил я вложил ограниченное количество! Медведь рыкнул и сделал один взмах секирой, повернувшись вокруг своей оси, просто срубая весь лед, что обжал его, словно он был внутри Железной Девы, и вновь двинулся на меня. Он махнул рукой вперед, слегка ослабив хватку рядом с лезвием секиры, и оружие проскользнуло по древку в его лапе до конца рукоятки. Я этого откровенно не ожидал, и успел лишь скрестить руки и принять удар на жесткий блок. Блин, просто топором своим махнул, а меня отбросил на несколько метров и уронило на спину! Сколько же силищи в этой морде! У Абдулматина особых успехов тоже

не было. Куница вертелся вокруг афганца как волчок, нанося тому постоянно удары, и два из пяти проходили в цель, Абдулматин тоже пару раз попал по рыкарю, но вот только я видел, как на нем практически мгновенно затягиваются порезы, и из них выходит тьма, словно гной, который оставлял после себя клинок афганца. Только было одно жесткое условие — Абдулматин мог сражаться, пока у меня не закончиться резерв Темного Источника, а вот сколько целителей или даже Лекарей на стороне противника — я не знал. Одно было для меня непонятно — почему стреляют только по афганцу, но не стреляют по мне? Все-таки, меня хотят взять живым? Эх, как же не хватает моих клинков! А энергии темного источника все меньше! И я мог пользоваться только Тьмой и Землей, со смертью я могу поступить только в простейшей форме — сформировать просто сырой выброс силы, который убьет все — людей, животных, деревья и даже землю! Это уже крайний аргумент, последний шанс. Но... СТОП! Я ПРОСТО ДУРАК! Новый аркан формируется на ладони и падает, словно бутерброд с маслом, вниз. Для его действия не нужно много времени, лишь несколько секунд. Он и эти секунды в бою — вечность... Медведь прыгает в мою сторону, а я отпрыгиваю спиной вперед. Наш злой и недовольный «потапыч» приземляется точно на мое место и взмахивает секирой словно веслом. Вот блин, на десять сантиметров ближе, и меня бы огрели по голове лезвием топора, словно веслом! А так, все хорошо, все просто отлично! Пробуем. Три пальца образую фигуру с направлением вверх. Обсидиановый кол выстреливает из земли будто из арбалета и пробивает стопу медведя. Он ревет от боли. Пока он потерялся, наношу новый удар — новый кол, уже длиннее предыдущего, выстреливает в живот, и снова атака пробивает защиту медведя. А «потапыч» орет еще сильнее и опускается на одно колено.

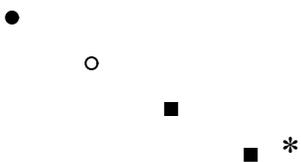
Я отпрыгнул на пару шагов назад. Нужен еще один удар, и одним противником станет меньше! Новый аркан уже начал формироваться и почти слетел с рук... Первый выстрел ударил меня в бедро, практически одновременно в плечо легла вторая пуля. Я упал на спину, теряя концентрацию, что разрушило аркан, и сила просто сырой волной развеялась вокруг меня.

«Господин!» — раздался крик у меня в голове.

Я увидел, как Абдулматин рассыпается на темные лоскуты. Первое — призвать воздух, второе — призвать свою Тень. Куница уже идет ко мне. Я призвал Воздух внутри своего Источника, и... Ничего! Я чувствовал оба Источника, но не мог ими воспользоваться! Что за дерьмо?! Нулевой мифрил?! Пули сделаны из него?!

— Вот и все, рыкарь. Пора спать! — Куница поднял руку, сжимающую саблю.

Стальной кулак гарды ударил мне в лицо. И пришла тьма...

РИ, Сибирь, предместья Искитима, родовое поместье Волковых, спустя еще пять часов

Приходить в себя было неприятно. Все тело ломило от боли. Это было результатом перенапряжения. Зрение и слух постепенно возвращались. Вначале появился шум и тени, затем шум начал разделяться на разные потоки, а теням вернулись краски и обрели четкость.

Я лежал на спине на диване в гостиной. В креслах по соседству были дед и Софья. На обоих были надеты браслеты из нулевого мифрила, такие же были и на мне. В комнате было десять человек, которые здесь быть и не должны, и троих из них я знал в лицо: князь Долгоруков, наследник и «просто Аркадий».

— Вот уж кого не ожидал тут увидеть. Князь, наследник, просто Аркадий, рад вас приветствовать в нашем доме, думаю, мой дед, также, как и я, выразил вам свое почтение прошлой ночью.

— Да, Волковы всегда так рады гостям, что выражают свое почтение применением Источника. — Прокряхтел князь Долгоруков, — а вы заставили даже меня попотеть. Аркан «Темного Воплощения», удивительно. Тень Души воина, которого ты призвал хорошо покромсала моего рыкаря, да и ты неплохо дрался, на медведя я тоже потратился. Видимо, Аристарх Прохорович, ты еще не весь порох подрастерял...

— Для вас, Андрей Павлович, порох я всегда найду. Жалею только об одном. — Глава рода Волковых сидел с прямой спиной и смотрел прямо в глаза князю Долгорукову.

— И о чем же?

— Да вот жалею, что двадцать лет назад не смог нарыть доказательства, что ты против трона выступил.

— Это да, мертвые не особо болтают, спасибо старому другу за это. Боярских вы с Кобылиным тогда развалили так, что их просто вырезали по-тихому. А вот на нас вы ничего собрать не смогли тогда. Вот и ничего не смогли сделать с нами тогда.

— И все равно, я уверен, что вы в сговоре не только с Боярскими были.

— Что с остальными домочадцами? — Я решил обратить внимание присутствующих на себя.

— Все живы. — Ответил Аркадий.

— Может быть, может быть. Но об этом история умалчивает. — Усмехнулся в ответ Волкову — старшему князь Долгоруков. — А вот мой правнучек явно унаследовал все лучшее, что мог взять от двух родов.

Я непонимающе уставился на князя. Да что он несет?!

Князь прошелся по гостиной и вальяжно развалился в кресле рядом с Софьей, медленно обведя взглядом всех присутствующих.

— Все, кроме моего наследника и начальника службы безопасности рода Долгоруковых, выйдите из гостиной.

Люди в камуфляже перевели взгляды одного из своих. Секундная заминка, но, в итоге, седьмой тихо сказал:

— Wychodzić! — Ответил он, и все семеро вышли из гостиной, последний закрыл за собою двери.

Только теперь князь улыбался и смотрел только на меня.

— А ты еще не понял? Ты — результат моего эксперимента продолжительностью почти в полвека. — Князь продолжил усмехаться, — ты же в курсе, что Долгоруковы — одна из ветвей Рюриковых? В курсе? Прекрасно! Так вот, ты, ведь, также и в курсе особенности Источников императорской династии? Превосходно! И вот, почти полвека назад я задался целью повторить это в своих потомках, так как считал, что эта особенность находится в спящей форме во всех, в ком есть капля крови Рюриковых. Мы вместе с Игорем Боярским решили разрушить этот стереотип, что только Императоры способны обладать смешанным Источником. Тогда мы и начали выявлять способы для селекции. Не буду пускаться в долгие объяснения, но результата, как теперь я сам вижу и знаю, мы смогли добиться. В итоге мы пришли к выводу, что лучший вариант для селекции станет в том случае, если мать будет обладать Светлым Источником с упором в Луч Жизни в спящей форме, а отец — сильный Темный с упор в Тьму или Смерть. И тут у нас случилось чудо. Лизонька пробудилась в семь лет. И пробудилась именно как Лекарь! И тогда у меня родилась идея: заставить Источник Лизоньки работать только на одно: развитие плода, первого, второго, третьего. А у Игоря в это время подрастал сын Илья, который был старше Лизоньки на восемь лет, и в двадцать шесть лет он уже подтвердил титул Архимага, хотя как могло быть иначе, когда его наставником был его собственный отец Ранга Стихия. «Живое Воплощение Смерти», так его называли после последней войны. И поверь мне, его боялись все, даже Император, и большинство считало, что в будущем у империи будут два Одаренных Ранга Стихия с основной стихией Смерть! Фактически, два некроманта, каждый из которых был способен заменить собою целую армию. Но это понимал и император. И мы с Игорем. Когда у меня получилось искусственно погасить Источник Лизоньки, а по факту, я смог направить работу Источника сугубо на улучшение и развитие детородной функции, так как пробуждение Источника у внучки в раннем возрасте я не стал регистрировать, в восемнадцать лет я подал документы в Имперскую Канцелярию о том, что её Источник спящий. И тогда мы с Игорем свели Лизоньку и Илью. Первоначально ничего не получилось, но пришлось действовать кардинально, потому что Лизоньке Илья абсолютно не нравился...

— Так ты, больной убудок, дал свое разрешение изнасиловал младшему Боярскому собственную внучку? — Дед сплюнул на пол.

— Все во благо науки и империи. — Пожал плечами Долгоруков, — но технически, ты прав, Волков, я дал Боярскому изнасиловать Лизоньку, за счет раннее проделанных манипуляций она забеременела уже после первой же ночи, а потом Игорь Боярский повздорил с императором, и совершил свой очень грубый и неподготовленный шаг, хотя он и был

успешен. — покушение на прошлого императора было его руками выполнено, как ты сам знаешь. А тут его сынки просто с цепи сорвались...

— И ты хочешь сказать, что ничего не знал о планах Боярского? — Прищурился дед.

— Не знал, у меня были мысли относительно императора, но лишь на далекое будущее. Он мне был понятен, известен, я знал его очень долго, и знал его поведение во всех возможных сценариях. Он был удобен. Но Боярский, дурак, поступил по своему, вновь пошел на поводу своих эмоций. А вы с Кобылиным так вовремя начали копать и, в итоге, оказались в нужное время и в нужном месте... Только Лизонька была уже беременна на момент смерти Боярских. Наследник и его младший брат тогда просто с цепи сорвались. Мстили они знатно, со вкусом, выгрызли глотки всему княжескому роду. — С каждым словом голос князя становился злее, а взгляд тяжелед, — А потом вы притащили нас на ковер в новому Императору Всероссийскому! И мне приказали отдать Лизоньку тебе, тварь ты серая! А потом она еще и понесла от твоего выб*лядка, ведь ее Источник работал на то, чтобы рожать!

— Она полюбила Александра, и в отличие от твоего дома, здесь она семью обрела. В твоём доме она была не внучкой князя, а лабораторной крысой, старый ты псих, мы приняли ее, как родную, не смотря на беременность, даже не стали из-за этого шум поднимать, потому что ребенок ни в чем не виноват. — Ответил дед.

— То есть, я — результат изнасилования одного благородного ублюдка по указанию двух других благородных ублюдков, какие прекрасные новости, князь, прям лучший подарок на Новый Год из всех возможных. — Сквозь зубы выдохнул я, — Теперь я понимаю, что только благодаря тебе, прадедушка, мать с такой болью на меня всегда смотрела. Только из-за тебя!

Я вскочил с дивана. Меня трясло от гнева. Я ведь унаследовал все воспоминания Матвея, я будто на своей собственной шкуре испытал тогда все то, что пережил Матвей. И его главное желание — умереть, было продиктовано именно тем, что его собственная мать всегда видела в нем воспоминание о том, как с ней поступила ее собственная семья, хоть она и ни разу этого не сказала. А этот больной ублюдок поступал так ради какого-то, понятного только ему, высшего блага?! Да таких психов с наполеоновскими планами нужно в дом с мягкими стенами закрывать.

— Ты слишком узко смотришь, Матвей, постарайся посмотреть на всю ситуацию шире, более глубоко, не как простой смертный, а как ученый, как врач, как Лекарь. Какие перспективы открываются перед Одаренными с двумя Источниками? Что они смогут создать, воплотить, построить, открыть... Чего они смогут достичь, ты себе представляешь?!

— Прекрасно представляю. Лучше любого другого человека в этом мире. Только это не отменяет того, что поступил ты абсолютно бесчеловечно.

На мои слова князь только рассмеялся. Смеялся он долго и с удовольствием. При этом за весь диалог, что наследник, что Аркадий — оба изображали безмолвные статуи.

— Одно мне непонятно, зачем ты сейчас начал так грязно действовать? Боярские мертвы, ты был чист, князь, тебя никто не трогал. Жил бы дальше, а ты взял штурмом усадьбу служащего Тайного Приказа. Тут тебе уже никто не поможет, когда об этом узнают. — Сказал дед.

— Если узнают, ты хотел сказать, Волков, именно «если». — Поднял вверх указательный палец князь Долгоруков, — но как узнают? Вы живете здесь очень аскетично, гостей не принимаете, за продуктами выезжаете сами, штат слуг мизерный, вас нескоро хватятся. А мы за это время сделаем свое дело, и вы сможете дальше жить — поживать, и, как в сказке, добра наживать.

— И что же вам нужно? — Выдохнул я.

— Мне нужно, чтобы ты поехал с нами. А твой дед и сестра пока побудут под моей охраной. — Князь щелкнул пальцами, и Соловьев отправился к бару.

— И, конечно же, если я не соглашусь, ты нас всех убьешь?

— Нет, — Князь с кивком принял бокал с коньяком, протянутый приблизившимся Соловьевым, и пригубил, — я убью только деда, тебя разберу на опыте, возможно, смогу стереть твою память, а Софья станет новой Лизонькой, благо, все условия для этого есть, нужно лишь немного подправить её Источник.

— Не смей. — Прорычал я.

— И не буду, если ты сделаешь все так, как мне нужно. — Махнул рукой князь.

— А как вы можете гарантировать, что после того, как я сделаю то, что вам нужно, вы не убьете меня и деда, а сестру не превратите в инкубатор? — Я исподлобья смотрел на Долгорукова.

— Я ничего не буду тебе гарантировать. Просто у тебя есть выбор: первый вариант — отказаться, и тогда я прямо сейчас начну воплощать все то, о чем говорил: на ваших глазах Аркадий по моему приказу убьет Аристарха, затем я погружу Софью в целебный сон и усыплю её Источник, а затем начну развлекаться с твоей головой; второй вариант — ты соглашаешься и едешь со мной, тогда, как минимум, Софья и Аристарх будут целы и невредимы до момента выполнения тобою своей части сделки.

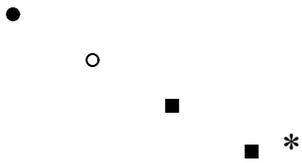
М-да, выбор небольшой. Ну, а что мне остается?

— Я поеду. — Кивнул я.

— Вот и прекрасно. — Князь поставил бокал на журнальный столик, хлопнул руками по коленям и поднялся с кресла. — Тогда тебя, Матвей, отведут в твою комнату и помогут собраться, а Аристарх и Софья останутся здесь и примут у себя моих друзей, как и подобает радушным хозяевам.

Князь покинул гостиную вместе с наследником и Соловьевым. Вместо них к нам заглянули

обратно люди в камуфляже.

Как только князь, наследник и Соловьев оказались в кабинете Волкова — старшего, Андрей Павлович процедил сквозь зубы:

— Аркаша, пригласи господина Потюрка.

— Да, господин. — Соловьев кивнул и вышел из кабинета.

Спустя пару минут он вернулся с командиром наемников.

— Князь, вы хотели меня видеть?

— Да, господин Потюрок. — Кивнул Долгоруков — старший, — выделите десять человек — пятнадцать человек, они останутся на охране поместья со стариком и девчонкой. Остальные отправляются с нами.

— Сроки подготовки к отправлению?

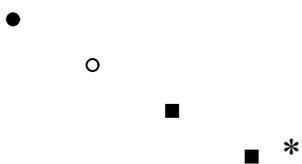
— Четыре часа. — Ответил Соловьев.

— Принято. Останется третье боевое отделение и Стафинский. Остальные будут готовы через четыре часа. Я немедленно отдам указания, князь. — Потюрок кивнул и покинул кабинет хозяина поместья.

— Мы отправляемся на Байкал? — Спросил Арсений Владимирович.

— Да, пора посетить земли Боярских. — Улыбнулся князь, открывая бар Волкова — старшего.

Князь ликовал. Его первый этап план увенчался успехом. И он был уверен, что увенчается и второй.

РИ, Сибирь, где-то в тайге, в то же время, что и разговор в усадьбе Волковых...

Василий Иванович Конев стоял перед строем двадцати курсантов и матерился. Перед ним стоял неполный строй из девятнадцати курсантов. Еще двое валялись на носилках, у каждого

из двоих правые ноги были иммобилизованы. Два юных гения умудрились неправильно закрепить веревку для отработки переправы через реку. Как результат, две сломанные ноги и невозможность продолжать полевой выход.

— Когда из госпиталя выпишитесь, встанете у двух столбов на полигоне и каждый мне тысячу раз эту переправу лично поставит, понятно? — Процедил сквозь зубы Конев.

А у него были такие планы, он им столько заготовок сделал на маршруте... И больше половины коту под хвост, как говорить... Эх...

— Да, господин инструктор. — В один голос ответили травмированные курсанты.

— Болотов, координаты для «карусели» скинули? — Конев повернулся к отдельно стоящему курсанту, за спиной которого болтался короб радиостанции.

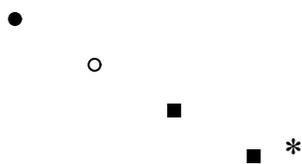
— Да, господин инструктор. До точки эвакуации три километра. — Ответил курсант.

— Тогда я не понимаю, почему Лапин и Панов до сих пор на земле?! Поднять товарищей, разведка своих на поле боя не бросает, ни мертвых, ни раненных! Взвод, отрабатываем вводную: группа разведки уходит на точку эвакуации с двумя ранеными товарищами на плечах в смешанном лесу, группу преследует условный противник с численным превосходством, боекомплект экономить, двигаться быстро, но слаженно! Всем всё понятно?!

— Так точно, господин инструктор! — Рывкнули курсанты в ответ.

— Тогда встаем и вперед — вперед бегом — бегом вперед! Разведка двигается только вперед! — Рывкнул Конев и, подавая пример, побежал первым перед всем строем.

Курсанты двинулись следом за своим инструктором.

РИ, Сибирь, Листвянка, берег Байкала.

Баир Баторович Закаменский камлал в своей юрте, сидя перед ярким пламенем. Жаргал уехал несколько месяцев назад, и сейчас Баир Баторович работал самостоятельно. Но вот уже второй день он не мог чувствовать себя нормально, и пришлось прибегнуть к старому проверенному способу разобраться в своих ощущениях — взяться за бубен. Вот и проводил Баир Баторович за камланием уже третий час. Тело старого шамана продолжало отбивать колдовской ритм, но его души здесь не было. Она уже блуждала в Мире Духов в поисках ответов...

И нашел. Его ученика, Матвея, пленили. И везли в его сторону, в сторону Байкала. А что

должен делать учитель, когда нападают на его ученика? Защищать...

Дух старого шамана вернулся в тело, и бубен вернулся к креслу. До места, куда направлялся Матвей, старому шаману нужно было добираться около дня.

— Благодарю Вас, Хухэ Мунхэ Тенгери. — Старый шаман обратил взгляд в небо и низко поклонился.

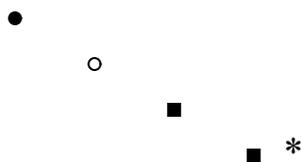
После шаман закинул свежих дров в костер внутри юрты и вышел. Шаман отправился в конюшню, которая располагалась за его домом. Там его ждал его собственный конь.

Как только Закаменский вошел внутрь конюшни, крупный конь черного окраса поднял голову и качнул шикарной длинной расчесанной гривой цвета безлунной ночи.

— Здравствуй, дружище, извини, но поспать сегодня у нас не получится. Нам нужно одному горячему юноше помочь. — С улыбкой сказал Баир Баторович, поглаживая коня по шее.

Тот согласно качнул головой, словно понимая речь Закаменского.

— Тогда будем собираться. — Кивнул Закаменский и снял с крючка простой солдатский вещмешок.

РИ, Сибирь, Имперский тракт, трасса «Сибирь — М11», машина князя Долгорукова, спустя двенадцать часов с момента окончания беседы между Долгоруковыми и Волковыми в поместье под Искитимом.

Колона машин двигалась по федеральной трассе. Меня посадили в микроавтобус к князю и наследнику. На передних сиденьях разместились водитель и Соловьев.

Микроавтобус был внутри отделан «дорого — богато»: салон обшит темной коричневой кожей, за передними сиденьями водителя и пассажира располагались два сиденья спинками вперед, на одно из которых усадили меня, а по соседству со мной разместился наследник. Князь сидел после нас, лицом в направлении движения. Для него по центру салона располагалось огромное (в масштабе автомобильного салона) кресло, под левой рукой у него прятался мини-бар, под правой рукой был журнальный столик со встроенной пепельницей. Всю прошедшую дорогу (как и в настоящий момент) князь курил дорогие сигары, от которых по салону растекался аромат кубинского рома, и пару раз наливал себе виски пузатый бокал...

— Не понимаю тебя, Матвей, чем ты недоволен? — Князь с удовольствием пригубил янтарный напиток из пузатого бокала.

— Вы пришли в мой дом, нанесли оскорбление моей семье и считаете, что я должен быть любезен и дружелюбен? — Усмехнулся я.

— Я бы даже сказал, что стоит. Все-таки, сейчас моя позиция сильнее, чем твоя. А с тем, кто сильнее, стоит общаться, как минимум, вежливо и учтиво. Тем более, мы — тоже твоя семья, старшие родичи, и нас ты тоже должен встречать с уважением— Усмехнулся князь.

— Зачем вам я, князь? Только говорите честно? Скрывать вам уже хоть что-то нет никакого смысла?

— О, у меня есть цель, не волнуйся, и именно ты сможешь помочь ее добиться. Во время русско — французской войны, когда Боярские уже были княжеским родом, глава рода Боярских в то время был личным доверенным императора. И когда риск захвата столицы стал реальным, император поручил вывести имперскую казну в Сибирь в целях безопасности. А в казне тогда было больше сотни тонн мифрила. И именно его транспортировал Боярский Никита Ильич. Сильный Одаренный, талантливый маг с упором в равновесном развитии в стихии Тьмы и Смерти. Очень опасный противник и очень верный пес престола. Но что-то пошло не так, на берегах Байкала Боярский пропал, как и все его окружение, а вместе с ними и казна империи. После этого император очень сильно негодовал, вспыльчивый был, ну прям очень. И род Боярских оказался в немилости. Как они решили — не заслужено. Но и сказать ничего не могли — главы рода нет, он пропал, нового главу император не назначал, тянул время до последнего, часть влияния род растерял за время войны, многие сильные Одаренные погибли, пока шла война. В итоге, род проглотил обиду и просто стал стараться выжить. Выжили, снова окрепли, добились прежних высот, получили уважение, но под руку императорской семьи больше не шли, обиду запомнили. И место, где спрятали казну, Боярские знали. Каждый глава рода знал, но не использовал. Это стало их заначкой на черный день, на случай, если все станет совсем плохо. Вот только воспользоваться не успели. И я уверен, что ты сможешь воспользоваться своими способностями, чтобы найти этот схрон Боярских на черный день.

— А потом?

— А потом ты будешь выполнять для нас небольшие мелкие поручения, обещаю, что они будут не очень частыми.

— Самый глупый вопрос, но все-таки я его задам, князь: а почему вы решили, что я не побегу жаловаться в первое же отделение Тайного Приказа, как только вы меня освободите?

— О, поверь мне, у меня есть способы и методы, чтобы обозначить тебе нашу позицию и даже сделать так, что ты сам её примешь. — Улыбнулся князь.

Улыбнулся так, что мне стало не по себе. Было что-то в этом старом Лекаре такое, что вызывало во мне страх. Но с другой стороны, волков не бояться — в лес не ходить...

— И все, что вы совершили за пятьдесят лет, было ради кучи мифрила?

— Огромной кучи мифрила. — Сказал наследник.

— Просто колоссальной кучи мифрила, я бы даже сказал. — Рассмеялся князь, но только глаза его не смеялись...

— Не верю, — Я покачал головой в ответ, — я не верю, что все, что вы сделали — сговор с княжеским родом с целью убийства монарха, эксперименты с Одаренными, нападение на дворянский род, интриги, бегство, заметание собственных следов — я не верю, что это все вы сделали лишь ради того, чтобы заполучить огромную кучу Небесного Металла, даже если его там сотни тонн.

— Замечу, что сговора с целью убийства императора у нас с Боярскими не было, об этом князь дал понять вам еще в поместье, Матвей Александрович. — Вставил свои «пять копеек» Арсений

Князь молча сделал глоток виски и поставил бокал на столик слева от себя. Он сплел пальцы в замок, уперев локти в подлокотники кресла, и опер на них подбородок. Пару минут он молча рассматривал меня, и лишь затем заговорил.

— Все ради империи. — Князь упер взгляд в меня, — почти тысячу лет назад, еще до Дня Божьего Суда, Долгоруковы были старшей ветвью Рода Рюриковых, мы основали Москву и сделали её столицей, мы развивали её и правили русским государством. А потом наследники Александра Ярославича, которого прозвали Невским пробудили свой Дар. Первыми, и он сразу же оказался боевым. Они смогли на этом сыграть первыми и подмяли все княжеские рода под себя, и нам тоже пришлось подчиниться. А что мы могли им противопоставить? Ничего. Наш Дар пробудился лишь в следующем поколении, и тот был больше связан с помощью и поддержкой, а не схваткой. Помню, когда читал дневники первого князя Долгорукова, который открыл в себе Дар, писал о том, что сожалеет о том, что его Дар не может ни крушить, ни сжигать, не умерщвляет на месте, а просто лечит... И только его внук смог понять и осознать, что этот Дар может дать семье. И уже он пустился в развитие способностей Лекаря. Он всю жизнь занимался развитием Дара и экспериментами с ним. И скажу тебе с уверенностью, Андрей Долгоруков смог создать, выстроить и упорядочить огромную базовую систему медицины, обогнав всех других Лекарей и целителей на столетия вперед. А еще он смог начать применять свои знания на практике, и это дало свои плоды, уже при его жизни. Он рос в богатстве, влиянии, силе, возможностях. И он понимал, что Лекарь Долгоруков во главе государства может добиться гораздо больших высот, чем боец Рюриков, о чем не раз размышлял в своих записях. Но он не горел амбициями. Его устраивало его положение. А я с этим в корне не согласен. Я считаю, что во главе государства должен стоят созидатель, мыслитель, творец, но не маньяк и убийца.

— А вас не смущает, князь, что наше государство сформировалось как военно — национальное, и первые несколько веков своей истории мы постоянно с кем-то враждовали, то мы нападали, то на нас шли войной? Во главе нашего государства всегда стояли воины, военные лидеры, обладающие силой, харизмой и волей? — Спросил я.

— Эти времена уже давно прошли. — Князь откинулся на спинку кресла и опустил руки на

подлокотники, — в нынешний век нет нужды в таких воинах и мясниках, мы живем в просвещенное время.

— Я уверен, что даже в самое просвещенное время, в критической ситуации человек будет скатываться до уровня инстинктов и рефлексов, и, когда его будут убивать, он не будет взывать к человеколюбию и решению проблемы с помощью диалога. Он будет либо бежать, либо драться, но уж точно не попытается достучаться словами до врага, направившего на него меч. — Покачал головой я.

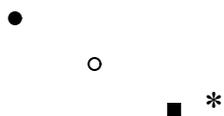
— В тебе сейчас говорит волковское воспитание, ты видишь мир в черно — белых тонах, не различая оттенков. — Ответил князь.

— Нет, князь, оттенки здесь не видите только вы, а мое воспитание держит меня в нормах морали, которые мне привили с детства, и ваши поступки в эти нормы не вписываются.

— Сейчас не вписываются. А что будет дальше — только Богам известно. — Усмехнулся князь.

— Не в Богах здесь дело. Только в людях. — Последнее слово осталось за мной.

На этом наш диалог и закончился. Дальнейшая дорога пошла в тишине, и я задремал.

РИ, Сибирь, предместья Искитима, дорога к родовому поместью Волковых

Василий Иванович Конев медленно шел по дороге к поместью Волковых и тихо матерился. Курсантов он вернул в училище, собрал вещи и, решив, что успеет на автобус, отправился домой. Да вот на автобус он не успел, и до поместья пришлось добираться на попутках. В итоге, последние четыре километра пришлось вообще идти пешком. Весь прошлый день валил снег, так что дорога была укрыта белоснежным ровным покрывалом, которое можно увидеть только за Уралом, но этой красотой у Конева наслаждаться не получалось. Он проваливался по колено практически при каждом новом шаге.

В конце концов, Василий Иванович не выдержал, скинул с плеч рюкзак, достал свои зимние армейские ботинки и снегоступы, переобулся и двинулся дальше. Путь сразу же стал приятнее и комфортнее, так что Конев на радостях достал один из своих термосов и налил прямо на ходу кружечку ароматного душистого черного чая с медом, лимоном и имбирем.

Уже не матерясь и не бранясь, а весело мурлыча себе под нос веселенькую мелодию, Василий Иванович приближался к повороту, после которого откроется вид на поместье Волковых, стоящего на небольшой возвышенности относительно дороги.

Как раз из-за облаков показалась растущий молодой полумесяц, и снег вокруг Конева заискрился, отражая тихий холодный свет. Разжалованный офицер — разведчик прошел

поворот, выходя на прямой зрительный контакт с помещьем. Поднял взгляд и замер на секунду. В следующее мгновение Источник Конева вспыхнул, выпуская волну энергии по желанию владельца и активируя аркан «Теневого Шага», который моментально спрятал Василия в тени огромных сосен на обочине дороги.

Старые привычки уже давно стали рефлексами у отставного разведчика и бывшего наемника, так что «чунька» сработала раньше, чем мозг успел принять и обработать информацию. Уже из тени деревьев Василий Иванович рассматривал усадьбу, параллельно расчехляя рюкзак.

Часть стекол на первом и втором этажах были разбиты и сейчас их закрывали деревянные ставни. Кусок стены на первом этаже был просто снесен изнутри таранным ударом, скорее всего на основе Воздуха. На декоративных колоннах у крыльца усадьбы и на самом фасаде первого этажа частично обвалилась облицовка и лепнина, словно по ней поливали из автоматов или вели плотный огонь из нескольких снайперских винтовок. Часть деревьев перед лицевой стороной помещья были повалены, словно их срезали одним ударом топора древнего великана...

У крыльца стояла караульная пара бойцов с автоматами, еще один лежал на крыше с винтовкой. Последнего Конев «срисовал» только потому, что сидел уже добрые полчаса, наблюдая за помещьем.

Поместье было атаковано, пока Конев отсутствовал. Осталось понять — Волковы и слуги убиты или пленены?

Конев переодевался прямо на снегу. Гражданская одежда полетела в рюкзак, взамен разжалованный офицер натянул два слоя нательного белья, комплект камуфляжа, короткую зимнюю куртку, а сверху был накинут белый пушистый маскировочный костюм. Под верхней частью маскировочного костюма спряталась поясная разгрузочная система с четырьмя короткими клинками: два коротких кинжала, один узкий трехгранный стилет и один охотничий нож с широким листовидным лезвием. Под левой подмышкой повисла кобура с личным оружием, под правой — подсумок с двумя магазинами. Один магазин Конев сразу же загнал в пистолет ПР-99 (Пистолет Российский — 99) калибра 9 мм и загнал патрон в патронник.

Вокруг рюкзака собралась аккуратный шалашик из хвойных веток, которые моментально были засыпаны рыхлым снегом, превратив его в обычный сугроб у дороги. А Конев начал обходить территорию усадьбы, осматривая разрушения и выявляя количество противников.

Спокойный обход территории у Конева занял почти два часа. За это время караул на входе сменился дважды, а стрелок на крыше поменялся лишь раз. Так Василий Иванович выяснил, что смена караула происходит каждый час, а снайперов у противника всего лишь двое. Судя по шуму и количеству движения в комнатах Конев оценил количество противников от десяти до пятнадцати. При условии площади помещья — вполне реальная задача для проникновения и выхода с территории без шумихи. План в голове Конева уже созрел, так что он устроился на той стороне дома, где виднелась труба печного дымохода и стал ждать

смены снайпера на крыше.

В пятом часу утра, с некоторым опозданием, снайпера на крыше все-таки сменили, из-за чего первый очень негодовал, уходя в люк на крыше. Его сменщик что-то весело ему бросил вслед и раскурил сигарету. А Конев уже висел на трубе дымохода.

Снайпер докурил сигарету, смяв бычок и скатав его в шарик между пальцами, отправил в полет в сторону крыльца. Затем потянулся, достал из-под куртки термос, открыл его и, налив себе кружку чая, улегся в гнездо, накрывшись одеялом, к которому было прикреплено маскировочное покрывало.

Василий Иванович на Теневом Шаге подлетел к снайперу и упал на того сверху, прижимая своим весом к крыше, одной рукой активируя второй аркан собственной разработки, которую Конев называл «Снеговик». Аркан мгновенно размораживал всю жидкость по площади контакта объекта и поверхности и тут же замораживал всю эту влагу обратно в лед. Если бы человек стоял просто на ногах, ему бы лишь приморозило подошвы ботинок. Но снайпер лежал практически всем телом на крыше...

Вторая рука с ножом уже легла на глотку противника.

— Кто тут у нас? — Василий Иванович шептал снайперу на ухо со всей возможной нежностью.

— Nie zabijaj! — прохрипел тот в ответ.

Конев удивился, но руку с клинком от глотки снайпера не убрал. Под ним сейчас на крыше поместья Волковых в Сибири лежал поляк. По крайней мере, говорил снайпер на польском.

— Кто вы такие? Что делаете в поместье Волковых? Сколько вас? — Конев перешел на польский. Это был один из языков, который он знал и мог вполне сносно на нем разговаривать.

— Охрана поместья. Нас наняли Волковы. — Просипел снайпер.

— И как зовут главу рода? — Ухмыльнулся Василий.

— Андрей. — Ответил снайпер спустя десять секунд.

— Ложь! — Конев прошипел на ухо снайперу, словно змея, прижимая клинок к глотке поляка плотнее. Кожа не выдержала и лопнула, по шее снайпера потекла тонкая струйка крови, — у тебя вторая попытка, если ответ мне не понравится, я тебя прирежу, а мой командир объявит начало штурма поместья. Вы вторглись в поместье главы местного отделения Тайного Приказа. Лучше говори, если хочешь жить. Если вы наемники и вас подставили, дело может закончиться просто сдачей нанимателя и компенсацией роду. В противном случае вас просто перебьют как кур в тире.

Конев конечно блефовал, но и наемник вряд ли знал, к кому они пришли. Так что это было

просто блефом, как говорится, «на удачу». И богиня Фортуна сегодня явно повернулась сегодня к Василию Ивановичу своим прекрасным лицом...

Снайпер заговорил. Он действительно оказался наемником, как и весь его отряд, их нанял один старый князь, как сказал их командир, чтобы проучить мелкий дворянский род, который нанес княжескому роду унижительное оскорбление и вообще «попутал берега» и «забыл положенное им место». Штурм поместья прошел почти сутки назад, после чего прошлым днем князь и его люди, а также большая часть отряда наемников «Дикие Гуси» отправились колонной на Байкал. В поместье же осталось одно боевое отделение и пять человек из службы безопасности того князя. Итого, кроме старика, его внучки и прислуги, в поместье сейчас было семнадцать человек. И они ничего не знали о том, кем является этот дед, иначе бы на такой контракт не подписались...

Конев получил всю интересующую его информацию, включая и то, где держат Волкова — старшего и внучку, куда увели прислугу, какое вооружение и экипировка у оставшихся наемников и бойцов службы безопасности столичного князя, а также узнал, что среди оставшихся охранять поместье чужаков было пять Одаренных. Самым серьезным противником был заместитель командира наемников Бартош Стафинский, Одаренный с темным Источником с упором развития в Пламя, недавно прорвавшийся на Ранг Магистра...

После полученной информации Конев одним движением вскрыл глотку снайпера и замер, удерживая умирающего противника. Чтобы кровь не ушла по косой крыше вниз, Василий Иванович ее просто заморозил.

Затем Конев через люк чердака пробрался в дом и, приоткрыв дверь, осмотрел коридор второго этажа. Коридор был пуст, шум шел с первого этажа. А Аристарха Прохоровича и Софью держали в его кабинете под постоянным присмотром двое охранников.

Конев перед спуском в дом проверил снаряжение снайпера, нашел у того кроме винтовки пистолет с глушителем, три магазина к нему и пару светошумовых гранат. Винтовку Василий Иванович оставил у трупа, а вот пистолет и гранаты забрал. Могли пригодиться...

Конев медленно двигался по коридору, контролируя лестницу с первого этажа, он уже перешел половину коридора, когда услышал звук смыва в туалете, и замер у двери, сжав в руке узкий трехгранный стилет.

Дверь открылась и в коридор собирался выйти крепкий сбитый мужчина в возрасте около сорока. Понять, почему он умер, противник не успел. Один четкий, тысячи раз отработанный удар стилета пробил мягкие ткани под челюстью, клинок прошел небо, и его кончик вышел из затылка. Между пальцами правой руки противника пробежали алые искры, и тело наемника (судя по камуфляжным штанам той же расцветки, что была и на снайпере) окончательно обмякло. Как минимум, одного Одаренного Конев нейтрализовал, осталось еще четверо.

Конев уложил тело обратно в туалет, проверил лестницу и двинулся дальше в кабинет. У входа в кабинет Василий Иванович вновь остановился и заглянул в замочную скважину, из

которой пробивался горящий внутри кабинета свет. Аристарх Прохорович сидел на диване рядом со своим рабочим столом. Софья спала, положив голову на колени деда. Один охранник сидел в кресле главы рода Волковых и курил сигарету, второй стоял спиной и чуть левее двери, за которой притаился Конев.

До стола было семь шагов от двери. За это время сидящий в кресле успеет, как минимум крикнуть и оповестить товарищей, или еще хуже — под столом на коленях у него окажется заряженный автомат, который он успеет вскинуть и атаковать Конева на шаге. Но только у Василия Ивановича был богатый опыт нейтрализации и ликвидации различных целей в самых разных ситуациях.

Конев имел зрительный контакт с целью. И это было главным в подготовке атаки. Несколько десятков маленьких прозрачных игл из плотного ветра, которые могли пробить деревянную доску толщиной в пять сантиметров на вылет начали образовываться вокруг противника в кресле на максимально возможной дистанции, образуя полусферу. Этаким ежик иголками внутрь. У каждой иглы была своя траектория и своя дистанция, которую они должны были пройти, а затем развеяться...

Когда подготовка была завершена, Василий Иванович поднялся и спокойно вошел в кабинет, просто открыв дверь. Стоящий спиной только начал поворачиваться, а стилет Конева уже нашел свою цель, входя под углом в горло под изгибом нижней челюсти, ломая кадык и выходя с противоположной стороны. Ветер мгновенно сковал трепыхающееся тело противника, и даже хрипов не было слышно. Глаза второго начали расширяться от удивления, он даже успел напрячь мускулы по всему телу, намереваясь вскочить.

Но только Коневу хватило одной мысленной команды и нахождения противника в боковом поле зрения разведчика. Почти шесть десятков воздушных игл прошли голову, шею, плечи и грудь второго противника, не давая тому возможности что-либо сделать. Умер он почти одновременно с первым.

Когда тело первого перестало дергаться в конвульсиях, Конев развеял воздушный барьер и опустил тело на пол. Волков — старший молча наблюдал за всем этим кровавым безумством, после чего одними губами прошептал: «Ключ!», поднимая свободную руку и показывая Коневу браслет из нулевого мифрила на своем запястье, а затем указал на второго противника, чью голову Конев превратил в решето.

Василий Иванович кивнул и быстро обыскал тело. Ключ нашелся во внутреннем кармане куртки. Конев снял браслеты с Аристарха Прохоровича и Софьи, которая продолжала спать. После чего Конев достал свой личный пистолет и второй магазин и передал Волкову. Тот с благодарностью кивнул, проверил наличие патрона в патроннике и убрал второй магазин в карман брюк.

После Волков подошел к стенке с книгами у противоположной стены и нажал на боковую панель, которая открыла вход во вторую часть кабинета. Это не было какой-то секретной частью, но если о ней не знать, то и не найти никогда. Конев подхватил на руки Софью и перенес ее на диван внутри скрытой части кабинета. Дверь они закрыли, и только сейчас

Конев увидел то, чего раньше здесь не было — тут была собрана какая-то адская непонятная машина (для Василия Ивановича), на которой сейчас Аристарх Прохорович нажимал какие-то лишь ему понятные кнопки.

После третьего нажатия машина тихо загудела, и квадратное окно засветилось, выдавая картинку с приветственным словом.

— Что случилось? — Конев решил для себя почерпнуть информацию из первоисточника.

— На нас напал князь Долгоруков. Он пришел с наемниками и собственной службой безопасности. — Ответил Аристарх Прохорович, не сводя взгляда с экрана.

— Пиз**ц. Где Матвей?

— Он его забрал и увез с собой на Байкал. Он ему нужен.

— Зачем ему Матвей?

— Настоящий отец Матвея — Илья Боярский. Долгорукову нужен талант некромантов. — Ответил Волков.

— О! — Конев от удивления чуть не присвистнул, — и ты знал?

— Я знал лишь, что Елизавета была беременна первенцем не от моего сына, но мы это приняли, когда она сказала, что ее изнасиловали, и не стали афишировать. Просто решили воспитать ее сына как достойного человека. Саша тогда сказал, что сын не должен платить за грехи своего отца.

— Благородно. — Кивнул Конев, — а что ты сейчас делаешь, может, все-таки нам стоит уже бежать?

— Есть идея, нужно проверить. Если все получится — бежать не придется. — Кивнул в ответ Волков, — эта та самая машина, которую привез Матвей. К Новому Году уже должна была быть связь, мы хотели Кобылиных поздравлять уже на прямую, и последние два дня шел монтаж главной коммуникационной антенны в Новосибирске. Ее сигнал должен дотягиваться и до нас. Если связь со столицей уже наладили, то я прямо отсюда сообщу Кобылину о нападении.

Пару минут Аристарх Прохорович колдовал с адской машиной, привезенной Матвеем. Конев уже начал понемногу нервничать, но услышал довольный смешок Волкова — старшего.

— Что такое? — Тут же задал вопрос Василий Иванович.

— Связь появилась только что. Я отправил сообщение, и его статус уже изменился на «Прочитано». Так что князь Кобылин теперь в курсе нападения. Скоро будет кавалерия. — Улыбнулся довольный Волков, указывая пальцем на маленький значок в форме антенны на экране, рядом с которым было пять делений, одно деление было заполнено, видимо, это и

говорило о наличии связи.

— И что мы будем делать до прибытия кавалерии? — Уже усмеялся Конев.

— Убивать этих сук. — Жестко ответил Аристарх Прохорович, — они же не знают, что в дом пришел один из лучших ликвидаторов империи прошлого столетия, да, Леший?

Волков впервые назвал Конева по позывному с момента приезда старого друга.

Конев в ответ лишь усмехнулся. Только его усмешка была похожа больше на звериный оскал...

Глава 10. «Не зови меня Боярским!»

РИ, пригород Санкт-Петербурга, поместье Кобылиных

Князь Кобылин проснулся от настойчивого стука в дверь спальни. Владимир Алексеевич сонливо протер глаза и сел на кровати. Стук вновь повторился. Князь посмотрел на часы, стоящие на прикроватной тумбочке возле изголовья кровати. Время было около половины четвертого утра. — Войдите. — Властный голос Главы Тайного Приказа разнесся по спальне, и дверь открылась. Внутри спальни вошел Алексей Дрозд, специалист по работе с новыми машинами, которые Тайному Приказу поставила компания “БВК”. Юноша был молод, лишь в прошлом году закончивший академию приказа, и очень быстро освоился в управлении новой техникой. Что и позволило ему занять должность личного помощника князя в новой для всех вокруг сфере. — Прошу прощения, князь, но я не решился откладывать доклад до утра. С помощью новой техники мы получили сообщение от одного из контактов, которые вы внесли в список приоритетных с пометкой “Особо важен”. — Молодой человек низко поклонился князю, не обращая внимание на заспанный вид главы рода Кобылиных. — Кто контакт? — Тут же подобрался князь. Сонливость с Кобылина — старшего моментально слетела, а разум главного тайного приказчика всея империи моментально встал на “рабочие” рельсы. — Волков Аристарх Прохорович. — Тут же ответил Дрозд. — Зачитай сообщение. — Кивнул князь, опустив ноги с кровати и нажимая кнопку селектора. На кухне особняка тут же сработал датчик, оповестивший слуг, что князь желает получить черный чай с лимоном в спальню. — Цитирую: ” Нападение на поместье. Наследник похищен. Нужно подкрепление. Князь Долгоруков — предатель.” — Дрозд закончил читать и, закрыв ежедневник, вернул взгляд на князя, никак не выражая свои эмоции. — Какие будут распоряжения, князь? — Связь новой информационной сети подтверждена? — Коротко бросил князь. — Да, князь. Также отмечу, что перед основным сообщением шли слова — опознаватели из вашей личной оперативной явки, которые вы мне лично оставили для проверки данных контактов. — Кивнул Алексей. — Срочно подготовить две машины. Первая для меня, вторая машина охраны, едем к императору. Где, по последнему докладу нашей наружки, появлялся князь Долгоруков и его наследник? — Кобылин вскочил с кровати, совершенно забыв о чае, который еще минуту назад он попросил принести в спальню. — Князь Долгоруков лично присутствовал на Балу Зимнего Равноденствия в столице, после чего убыл в московское поместье к остальным родичам на новогодние праздники. Но с момента его заезда в поместье, он не выезжал из него и не

принимал ни одного приглашения для визитов к местным дружественным родам. — Ответил Дрозд, просматривая ежедневник. — Записывай, — Коротко бросил князь, уже натягивая брюки, — Главе Московского Управления Тайного Приказа: боевая тревога, общий сбор, боевому крылу Московского Управления немедленно провести захват поместья князя Долгорукова и не летально нейтрализовать всех представителей рода. В случае присутствия князя или наследника в поместье — их двоих нейтрализовать и сопроводить в изолятор номер один. Остальных членов рода Долгоруковых арестовать и посадить под домашний арест до выяснения всех обстоятельств дела. Также необходимо разослать схожие приказы во все управления, на территории ответственности которых сейчас находятся члены рода Долгоруковых. Где сейчас мой сын? — В Омске, через два часа должен вылетать обратно в столицу. Он закончил инспекторскую проверку местного отделения. — Кивнул личный помощник князя, немного помялся, но все-таки решился задать вопрос, — Князь, простите мою бестактность, но это не перебор — князя и наследника княжеского рода отправлять в Матросскую Тишину? — Если слова Аристарха — правда, а в нем я уверен также, как в себе, то это не перебор. Я даже скажу тебе больше — я уверен на все сто процентов, что ни князя Долгорукова, ни его наследника в Москве сейчас нет. Но подстраховаться стоит. — Кивнул князь, стоя перед зеркалом и завязывая галстук, — продолжим, передай моему сыну: срочно взять под свое командование боевое крыло омского отделения и боевое крыло новосибирского отдела. Необходимо отбить поместье Волковых и спасти членов рода. Если наследник похищен, то в поместье остались Аристарх и его внучка Софья. Их нужно вытащить целыми и здоровыми. А теперь исполняй. — Кобылин — старший накинул пиджак и выскочил из спальни, быстро спускаясь по лестнице на первый этаж к главному входу в поместье. На улице князя встретили шесть бойцов личной охраны и два водителя. Два черных внедорожника ждали князя у крыльца, тихо урча моторами и выпуская облака дыма. — Геннадий, довези меня до зимней резиденции императора быстрее, чем летают боевые костюмы Скуратовых! На сегодняшнюю ночь можешь забыть о правилах дорожного движения! — Громко приказал князь своему водителю. — Будет исполнено, княже! — Весело ответил Геннадий, который вот уже тринадцать лет был личным водителем князя. Князь запрыгнул во вторую машину, тут же бойцы охраны погрузились на свои места — четыре человека заняли места в первой машине, двое сели в машину князя. Машины резко взревели, заставляя подняться с деревьев проснувшихся птиц в еще ночное небо, и помчались в сторону столицы. * * * * *

РИ, Санкт — Петербург, Зимняя резиденция рода Рюриковых, 04:45 утра

Князь вошел в рабочий кабинет Императора Всероссийского. Император Александр выглядел сонным. Домашний халат вместо привычного глазу князя камзола или строгого черного костюма, и чашечка ароматного кофе в руках, рядом с блюдцем лежал открытый портсигар с длинными сигариллами и коробок длинных спичек, но пока император не закуривал, и пепельница оставалась чистой. — Доброе утро, мой император. — Князь глубоко поклонился главе Российской Империи. — Я надеюсь, Владимир Алексеевич, ты приехал ко мне и потребовал немедленной личной аудиенции не для того, чтобы пожелать доброго утра. — Усмехнулся император. — Нет, Александр Васильевич, но случилось то, что требует вашего пристального внимания и личного участия. — Кивнул князь Кобылин. — Князь Долгоруков предал империю. На минуту в кабинете самого сильного Одаренного

империи повисла гробовая тишина. Князь смотрел в глаза императору, а император смотрел в глаза князя. Не прерывая зрительного контакта, император достал одного никотинового солдатика и взялся за коробок спичек. Поднеся спичку к кончику сигариллы, та вспыхнула сама, ровным голубым пламенем, и император раскурил сигариллу. Также, без каких-либо внешних манипуляций, спичка потухла и упала в пепельницу. — Рассказывай. — Бросил император и глубоко затянулся, выпуская облако ароматного дыма через нос. И князь коротко рассказал. Он сообщил о полученном сообщении, о его первоначальных распоряжениях, и о том, то уже сейчас, пока он говорит с императором, бойцы боевого крыла Московского Управления Тайного Приказа уже должны врываться в московское поместье Долгоруковых и “паковать” там всех, кто находится. — А если это подстава, и сейчас выяснится, что князь и наследник находятся в поместье в Москве? — Император сузил глаза, продолжая смотреть на князя Кобылина. — Если я ошибся, то я лично буду просить прощения у князя Долгорукова на коленях, а после напишу рапорт на отставку. — Ответил Кобылин, хотя в словах друга он не сомневался. — Ну, тогда посидим и подождем новостей вместе. А ты пока распорядись, чтобы новости сообщали нам прямо сюда, и скажи, чтобы завтрак подали прямо ко мне в кабинет на двоих. Я так думаю, что ты ко мне прямо из поместья сорвался, когда такие новости получил? — Усмехнулся император. — Да, Александр Васильевич. — Кивнул князь Кобылин и отправился к двери, за которой ждали слуги.

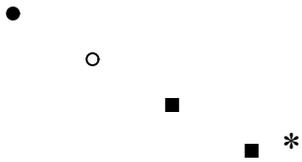
- - - - *РИ, пригород Москвы, родовое поместье Долгоруковых, в то же время

Поместье Долгоруковых спало, в такое раннее утро в поместье не спали только слуги, что уже начинали готовиться к пробуждению господ. Ведь, сейчас в поместье было много членов княжеского рода. Почти сорок человек — старшее поколение, их дети с женами и внуки, некоторые тоже уже с женами и детьми... Только количество людей службы безопасности было очень маленьким для такой территории — всего двенадцать человек бодрствующей смены, и столько же отдыхающих в своем собственном доме — казарме прямо на территории поместья... Именно по этой причине боевое крыло Московского Управления Тайного Приказа смогло занять прилегающую территорию тихо и без проблем, а также проникнуть в казарму и захватить отдыхающую смену без единого выстрела. От Тайного Приказа в операции были задействованы все бойцы силового блока московского управления — почти две сотни бойцов спецназа, десять боевых групп, также оперативники Приказа оцепили и блокировали все дороги, ведущие к поместью, а солдаты комендантских рот перекрыли периметр среди лесополос и на пересеченной местности... Общее руководство операцией осуществлял лично глава Московского Управления. И сейчас у его командно — штабной машины лежали — сидели двадцать четыре бойца службы безопасности Долгоруковых. Их связали, на головы накинули мешки, уши заткнули берушами, проверили на наличие Источника, и всех Одаренных заковали в браслеты из нулевого мифрила. В тоже время бойцы боевых групп же окружили поместье и готовились “входить” — до начала штурма оставалось меньше минуты... Командир третьей группы спецназа, в чью зону ответственности входила зачистка восточного крыла второго этажа,

ротмистр Коновалов Николай Александрович, с шевроном “Тайпан”, что означал его позывной в группе, взвел карабин с травматическими патронами и снял с предохранителя. Все было приказано действовать жестко, но не летально, но “на всякий пожарный” у всех висели пистолеты — пулеметы, магазины которых были забиты уже боевыми патронами... В поместье было четыре этажа, и начальник боевого крыла принял решение о действии в условиях отработанной тактики. Каждый этаж получил свою “карточную масть” — кодовое обозначение: первый этаж — пики, второй этаж — трефы, третий — бубны, четвертый — червы. На каждый этаж отводились две боевые группы по принципу “восток” и “запад”, еще одна группа должна была зачистить подвал, а последняя получила в зону ответственности чердак... В радиации раздался двойной щелчок, и пошли доклады о готовности: - Пики — Запад, готов! — Пики — Восток, готов! — Трефы — Запад, готов! — Трефы — Восток, готов! — Ответил за свою группу Тайпан, зажав кнопку тангенты на груди. — Бубны — Запад, готов! — Бубны — Восток, готов! — Червы — Запад, готов! — Червы — Восток, готов! — Земля, готов! — Небо, готов! На секунду в радио-эфире повисла тишина, после чего каждый из бойцов услышал голос главы Московского Управления: - Внимание всем! Говорит Катран-99, начать операцию! Повторяю, говорит Катран-99, начать операцию! — Два ноля! — Слились ответы командиров боевых групп, и спецназ Тайного Приказа начал прорываться в поместье. За считанные секунды группы проникли внутрь дома и начали двигаться согласно тактике штурма. Группы, ответственные за зону “Пики” моментально рассыпались в холле на боевые пары и двинулись вглубь этажа, зачищая помещения, оставив двух бойцов на контроле главного входа. Группы, ответственные за зону “Трефы” уже в это время заканчивали подъем по лестнице на второй этаж и начали распадаться на два потока по обоим крыльям дома. С выхода для слуг бойцы зон “Бубны” и “Червы” уже мчались на третий и четвертый этажи. Первый выстрел прозвучал спустя тринадцать секунд после начала штурма. На шум выскочил кто-то из мужчин Долгоруковых, увидев бойцов Приказа, он попытался вскинуть руку и пробудить Источник, но бойцы оказались быстрее Лекаря. Три травматических резиновых шарика вылетели с разных стволов, ударяя мужчину в грудь и роняя того на спину, тут же один из бойцов подлетел к поваленному противнику, нанося удар прикладом карабина в челюсть и хватая противника за руку, после сразу же выворачивая ее на болевой захват. В руках бойца мелькнули наручники из нулевого мифрила, и Долгоруков оказался отрезан от собственного Источника. Следом в руках бойца появился одноразовый шприц — тубик, и Долгорукову вкололи убойную дозу снотворного, гарантированно вырубая того на пару часов... Зачистка шла планоно — каждого взрослого вначале выбивали травматическими патронами, после сковывали браслетами и вкалывали снотворное. Исключение составляли только маленькие дети и беременные женщины. Но и их усыпляли с помощью снотворного, просто более мягко... Тайпан и его группа добралась до покоев князя Долгорукова. Остальные помещения в восточном крыле уже были зачищены. Группа сосредоточилась у дверей покоев князя. Один из бойцов повесил малый взрывной заряд для вышибания дверей. Группа укрылась за двумя “щитовыми” и произвела подрыв заряда. Двери слетели с петель и упали внутрь княжеских покоев. Группа спецназа забросила две светошумовые гранаты внутрь и после парного взрыва и поднявшегося визга вошла внутрь. В комнате на огромной кровати жались к изголовью три ослепленные взрывами девчушки, полностью лишённые даже намека на одежду: блондинка, брюнетка и рыженькая. Фигурки у каждой были просто великолепные, как машинально отметил про себя Тайпан, но бойцы уже начали крутить девушек, надевая браслеты и вкалывая снотворное. Под этими тремя

девушками оказался практически погребен Алексей Владимирович Долгоруков, глава московской клиники рода Долгоруковых, племянник нынешнего главы рода. — Что вы себе позволяете?! Кто вы такие?! Что вам надо?! Вы вторглись в частные владения княжеского рода, мы находимся под личной защитой императора! Да вас всех в Воркуту отправить по этапу надо! — Долгоруков начал орать на всю спальню и даже вскинул руки, словно намереваясь ударить одного из бойцов кулаком по лицу, но просто потерялся, когда этот же боец “прописал” племяннику князя профессиональную тройку в голову, а после, схватив тело потерявшегося в пространстве Лекаря, вытащил того из кровати и точным броском через плечо приложил это уже стареющее худое тело об холодный пол. Долгоруков крикнул, потеряв весь воздух, который просто выбили из легких. Тут же ему на руки надели браслеты из нулевого мифрила, а перед ним на корточки опустился боец в черной форме и маске — балаклаве. на правом рукаве и грудной пластине брони были приклеены шевроны с надписью “ТАЙПАН”. — Где князь Долгоруков? — Голос бойца оказался с некоторой хрипотцой, а глаза были льдисто — синими и смотрели сквозь Долгорукова. — Уехал утром. — Скрипнул зубами племянник князя. Один из бойцов Тайпана продолжал держать пленника в болевом захвате, выворачивая руку. — Где князь Долгоруков? — Повторил вопрос Тайпан. — Говорю же, утром уехал! — Долгоруков скрипел зубами, но продолжал врать. Тайпан знал, что племянник князя врал. С докладами наружки он ознакомился, еще пока они ехали в сторону поместья. Князь поместья не покидал. Племянник врал, но какой смысл тратить время на старые методы допроса, когда на вооружении Тайного Приказа были чудеса современной химии?.. — Филин, коли сыворотку. — Кивнул Тайпан медику в своей группе. Боец кивнул и достал из утилитарного подсумка синий футляр с тремя одноразовыми шприц — тюбиками. — Даже не думай ко мне прикасаться, докторишка недоученный!!! — Долгоруков даже попытался дернуться и ударить головой Филина, за что вновь получил прямой удар в челюсть и фиксацию головы, а затем и укол. На действие препарата требовалось минут десять — пятнадцать. И смысла тратить время зря Тайпан не видел. — Филин, со мной. Африка и Падре — контроль, остальным — обыскать комнату. — Раздал указания Тайпан и вернулся к Долгорукову. Бойцы споро начали переворачивать всю комнату: проверять ящики, полки, столы и шкафы, простукивать двойное дно, искать полости в стенах и скрытые сейфы... И поиски дали результат. Один из бойцов вернулся к Тайпану, держа в руках шкатулку из черного дерева. — Что там, Гюрза? — Тайпану и самому было интересно, что в шкатулке. — “Двойник” — Ответил Гюрза, открывая шкатулку и показывая маску, внешними узорами похожую на карнавальную. Только маска была полностью выполнена из мифрила и с внутренней стороны покрыта магическими письменами, а узоры на внешней стороне повторяли конструкты узловых арканов. Такие артефакты изготавливались штучно и под конкретного человека. “Двойник” позволял принять внешность оригинала и даже копировать его ауру, тем самым некоторые правители в мире использовали такие для страховки собственной жизни... Тайпан и Филин одновременно присвистнули. Такая вещь стоила дорого, очень дорого. Дороже всего этого шикарного поместья со всей обстановкой внутри вместе взятые... — Чья личина зашита в “Двойника”? — Начал допрос Тайпан. — Князя Долгорукова. — Голос племянника князя был похож на голос пьяного, но это было просто побочное действие “сыворотки правды”. — Зачем эта личина у тебя? — продолжил Тайпан. — Чтобы скрыть отсутствие князя, если к нему неожиданно заявятся гости, которых он не ждал. — Где сейчас князь Долгоруков? — Уехал, но не сказал куда. — Давно? — Несколько дней уже отсутствует. Тайпан поднялся и

кинул бойцам:- Забирайте его и “Двойника” и тащите к Катрану на дальнейший допрос. Когда бойцы вытащили племянника князя, Тайпан двинулся следом и зажал кнопку тангенты собственной радиостанции:- Трефы — Восток, задача выполнена, возвращаюсь с языком!

РИ, Санкт-Петербург, зимняя резиденция Рюриковых

Заместитель Кобылина уже закончил доклад по прошедшей операции и, поклонившись, вышел из кабинета императора. — Ну, в итоге, что можешь сказать по всей ситуации? — Император Александр поднялся со своего кресла и подошел к огромному окну и закурил новую сигариллу. Завтрак император закончил уже час назад, и весь прошедший час “чай гонял” вместе с князем. — Князь Долгоруков тайно покинул территорию родового поместья, после чего организовал и атаковал поместье Волковых, выкрал Матвея Александровича Волкова, тем самым нарушил с десятков законов империи. — Пожал плечами Глава Тайного Приказа, — мы имеем полное право взять князя Долгорукова за жабры. — Что дальше по твоему плану? — Усмехнулся Император. — Сейчас мой сын уже забрал боевое крыло в Омском отделении и взял под свое командование боевое крыло из Новосибирска. Он уже выдвинулся к поместью Волковых под Искитимом. — Снова ждем? — Улыбка продолжала гореть на лице Императора. — Снова ждем. — Кивнул князь Кобылин. — Владимир Алексеевич. — Позвал князя император. — Да, Александр Васильевич? — Князь поднял глаза на император и внутренне содрогнулся, видя пылающие черным и белым пламенем радужки глаз императора. — Я хочу, чтобы князя Долгорукова притащили ко мне и поставили на колени передо мной. — Голос императора изменился. С таким голосом князь Кобылин видел императора всего несколько раз... И каждый раз при этом князь Кобылин, уже давно находящийся в этой бесконечной подковоерной дворцовой игре, ужасался тому, что следовало за этим взглядом. В прошлые два раза князь бежал с поля боя, на котором бушевал Император с таким же взглядом, используя весь свой арсенал. В последний раз именно с таким взглядом Император уничтожал убийцу своего отца — князя Боярского... — Постараюсь исполнить, мой император. — Кивнул князь Кобылин, чувствуя, как его горло моментально превратилось в пустыню...

■ *РИ, Сибирь, предместья Искитима, дорога к поместью Волковых

Алексей Владимирович двигался в командно-штабной машине, приписанной к Новосибирскому Отделу Тайного Приказа, вместе с ним в машине ехал глава Новосибирского Отдела. Они двигались в составе колонны из двух десятков машин.

Наследник рода Кобылиных после звонка личного помощника отца и рассказа прошедших

событий срочно забрал на военном аэродроме военный транспортник и в срочном порядке забрал боевое крыло омского отделения и прилетел в Новосибирск. Глава Новосибирского Отдела уже был в курсе и поднял свое боевое крыло по тревоге. Личный состав уже был рядом с аэродромом «на броне»...

Сейчас район поместья был оцеплен, и штурмовые группы были готовы работать «с колес».

КШМ остановилась в низине перед подъемом к поместью, а штурмовые группы уже начали подниматься согласно заранее намеченным маршрутам.

— Черный, есть зрительный контакт с объектом. — Кобылин получил первый доклад от одного из командиров штурмовых групп.

— Обрисуй ситуацию. — Коротко ответил Алексей Владимирович.

— Вижу дом, свет горит, перед домом лежит порядка двадцати тел, точно сосчитать не могу, точка обзора не позволяет. Еще четверо связаны. У одного, судя по внешнему виду, ранение. Еще двое сидят на крыльце с кружками. Один курит, по внешнему виду — старик, около шестидесяти, второй — мужчина, в армейском камуфляже, в руках нож, на вид около сорока. — Пришел ответ.

— Всем оставаться согласно текущим позициям. Пятое отделение ждет меня, я вместе с ним захожу на территорию поместья. — Ответил в рацию Алексей Владимирович.

— Алексей Владимирович, простите, но я против, это нарушение оперативного регламента, и вы подвергаете себя излишней необоснованной опасности. — Выдал Алексей Владимирович, Глава Новосибирского Отдела.

— Успокойтесь, Алексей Андреевич, я думаю, что Волковы справились без нас. — Ответил Алексей Владимирович, надевая бронежилет и защитный шлем, и беря в руки автомат.

Кобылин быстро добежал до пятого отделения, которое должно было заходить через главные ворота, встал рядом с командиром, и отделение двинулось вперед.

— Первое и четвертое отделение, выйти на позиции прикрытия. — В рации раздался голос Алексея Андреевича.

Начальник Новосибирского Отдела явно не хотел брать на себя ответственность за смерть или ранение сына Главы Тайного Приказа...

Группа спецназа вместе с Кобылиным в спокойном темпе дошла через распахнутые ворота ограды и двинулась в крыльцо.

— Работает Приказ! Бросить оружие! — Раздался голос первого номера.

— Все-все-все, боюсь — боюсь! — Конев бросил нож в снег, с которым игрался последние полчаса и поднял руки вверх.

Аристарх Прохорович повторил жест Конева руками.

Группа спецназа приблизилась, осматривая территорию и не опуская стволов с Конева и Волкова. Как только лица Василия Ивановича и Аристарха Прохоровича осветили фонари, Алексей Владимирович дал команду:

— Отбой штурма, повторяю, отбой штурма. Заложники сами себя освободили. Следственно — оперативная группа, подъезжайте к поместью, жду вас здесь.

— А ты не торопился, Алексей Владимирович. — Усмехнулся Волков — старший, — мы тут без тебя начали, уж прости.

И обвел рукой кучу трупов перед поместьем.

— И они сами построились и ждали, пока их зарежут? — Усмехнулся уже Кобылин.

— Нет, конечно, мы просто трупы вынесли, чтобы в доме не воняли. Ну, и немножко пообщались с теми четырьмя голубчиками. — Конев указал рукой на четверку связанных бойцов.

— А руку ему зачем отрубили? — Кобылин указал на одного из четверки.

— Одаренный. — Пожал плечами Конев, — у нас мифриловых браслетов под рукой не было.

— Жестко. — Сказал командир группы.

— Зато действительно. — Развел руками Конев.

— Вернемся к делу. — Остановил обсуждение исторических способов лишения Одаренных способностей, — а вы, собственно, кто? — Наследник кивнул Коневу.

— Конев Василий Иванович, друг Аристарха Прохоровича, в настоящее время работаю внештатным инструктором по специальной подготовке в военном училище Искитима.

— Видимо, у господина Конева богатый опыт? — Улыбнулся Кобылин.

— Богатый, очень богатый, Алексей Владимирович, таким не грех и поделиться. И да, твой отец в курсе, мы с ним это еще год назад обсудили. — Улыбнулся Аристарх Прохорович.

— Тогда ничего не имею против. И так, Аристарх Прохорович, расскажите все по порядку. Сейчас нам это очень важно. — Кивнул Алексей Владимирович.

В это время рядом с говорящими остановился пара микроавтобусов, из которого начали выгружаться сотрудники следственно — оперативной группы.

А Аристарх Прохорович пустился в рассказ о событиях последних дней. Рассказ затянулся на пару часов. В процессе разговора троица переместилась в кабинет Аристарха Прохоровича.

— И вот главный вопрос: зачем Долгоруков забрал Матвея? — Кобылин упер взгляд в Волкова.

— Алексей, тебе правдиво или культурно? — Волков сплел пальцы в замок.

— Правду, Аристарх Прохорович, правду, вы же знаете, что ваши показания все равно будут проверяться людьми с очень особенными способностями. — Кивнул Кобылин.

— Князь Долгоруков сказал, что биологическим отцом Матвея является Боярский Илья Игоревич, ныне мертвый сын и наследник княжеского рода. И, князь Долгоруков, по его же словам, смог изменить Источник своей внучки путем медицинского вмешательства, что привело к тому, что Матвей получил два Источника.

На пару минут повисла тишина в кабинете.

— Аристарх Прохорович, ты сейчас серьезно или сказку на ходу придумал? — Кобылин упер взгляд в Волкова.

— Нет, два года сочинял и еще три репетировал перед зеркалом для натуральности. — Ответил Волков.

— И как давно ты знаешь?

— Про биологического отца Матвея только вчера.

— Я не о Боярском! Я о том, что Матвей Волков — обладатель двух Источников?! — Кобылин чуть ли не кричал.

— С момента принятия Небесного Покровительства. — Кивнул Аристарх.

— И ничего не сказал об этом?!

— А где-то в законе сказано, что я, как глава рода, обязан сообщать в Тайный Приказ о том, что мой внук обладает нестандартным Источником? — Прищурился Волков.

— Нет, но, да и технически он не твой... — Кобылин начал говорить, но фразу не закончил, поймав взгляд Волкова.

— Матвей признан мною как мой внук? — Тихо проговорил Аристарх Прохорович.

— Ну, юридически... — Кобылин начал отвечать, но Волков его прервал.

— Я был в твоём доме, Алексей, вместе с внуком, у нас хоть что-то было не так в нашем общении? — Глаза Волкова превратились в две тонкие щели.

— Нет, Аристарх Прохорович. Мы общались как обычные дед и внук. — Покачал головой Алексей Владимирович.

— Так вот, я говорю в первый, и надеюсь, в последний раз: Матвей — мой внук, мы его воспитали, вырастили, выкормили, одели и обули, он жил и воспитывался как Волков, он признан мною как мой внук и наследник. Он — Волков! И не смей называть его ни Боярским, ни Долгоруковым. — С явным холодом в голосе ответил Аристарх Прохорович.

— Прошу прощения, Аристарх Прохорович, я не хотел вас обидеть, если будет необходимо, наш род принесет вам официальные извинения. — Наследник Кобылиных встал и поклонился Волкову.

Кобылин понял, что сморозил глупость, и действительно был готов принести официальные извинения.

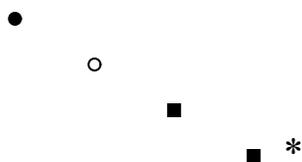
— Мне извинения не нужны, Алексей, верни мне внука и дай порвать глотку Долгорукову.

— Прорычал Волков, словно подражая зверю, в честь которого носил свою фамилию.

— Матвея мы вернем. А про князя, извините, Аристарх Прохорович, обещать ничего не могу.

— Покачал головой в ответ Кобылин.

— Так действуй, Алексей, действуй!

РИ, Сибирь, озеро Байкал, бухта «Радость — 2»

Колонна машин прибыла на священное озеро. Наемники начали быстро ставить палаточный лагерь и маскировать его. Буквально за несколько часов лагерь был возведен и накрыт маскировочными сетями, наемники даже выкопали несколько секретов по периметру и посадили в них людей.

Меня заковали в походные наручники, которые связывали короткими цепями руки и ноги и не позволяли ни сделать широкий шаг, ни развести в руки в стороны. Ну и, конечно, браслеты из нулевого мифрила с меня никто снимать не спешил.

Пару часов я провел в гордом одиночестве, если не считать двух бойцов службы безопасности Долгоруковых, которые находились вместе со мной в палатке, в которую меня посадили.

Уже стемнело, когда ко мне пришли князь и начальник служб безопасности.

— И как тут у нас поживает наша будущая надежда некромантии? — Князь с улыбкой вошел в палатку, следом зашел Аркадий, и бойцы поклонились князю и командиру.

Я молча наблюдал, как Аркадий поставил рядом со мной металлическую миску с гречневой кашей с кусочками мяса, исходящую паром, и парой кусков хлеба.

— Эх, князь, мы же на Байкале, тут с кашей нужно еще рюмашку ставить, да такую, чтоб от нее зубы сводило. — Усмехнулся я.

— Вот дело сделаем, тогда можно и водочки рюмашку опрокинуть. — Хохотнул в ответ князь. — Завтра доставят груз, который нам необходим, сделаем дело, и после я сам тебе рюмку налью.

— Я думал, что у вас все с собой. С таким-то эскортом. — Я неопределенно помахал рукой над головой.

— Нет, Матвей, я привык перестраховываться. Особенно, когда играю по-крупному. Так что третья стадия плана будет выполняться завтра. А пока ознакомься с этим трудом, у тебя есть сутки. — Князь достал изнутри куртки старую потертую книгу в черной обложке и положил рядом с миской.

Я взял книгу и открыл первую страницу. На ней было от руки написано: «Т.И. Боярский. Призыв и контроль немертвых. Том 1. Черновик»

— Кто такой Т. И. Боярский? — Спросил я.

— Сразу видно, что ты не занимался особо развитием Темного Источника. Тимофей Ильич Боярский, первый князь этого имени, и он же — первый Одаренный Ранга Стихия, который мог поднять из трупов целую армию. Его боялась вся Европа и Азия, и его считали пострашнее императора, хочу отметить. Он был создателем родовой школы магии Боярских, их родовую школу еще Школой Смерти прозвали, потому что Боярские сразу после пробуждения Источника начинали обучение именно через луч Смерти, хоть и это не рекомендуется общей классической школой.

— Сильный мужик, только думаю, не совсем в своем уме. С мертвецами возиться — вряд ли рассудок останется в нормальных рамках... — Выдохнул я.

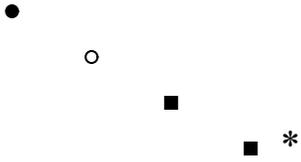
— Ну, об этом история умалчивает, да и нас сейчас это не интересует. — Покачал головой князь.

— Тогда у меня еще вопрос. — Кивнул я, — почему мы прибыли именно в эту бухту? На Байкале огромное количество укромных мест на обоих берегах, но вы выбрали именно это место. Так почему?

— Потому что вся эта земля вокруг нас раньше, еще во времена войны, о которой я тебе уже говорил, принадлежала роду Боярских, и Никита Ильич вел обоз с мифрилом именно сюда. И пропал он где-то здесь. Когда род Боярских был уничтожен императорской рукой, я выкупил все эти земли с имперских торгов через один из дворянских родов, которые были среди моих должников. Слишком уж лакомый кусок был, чтобы дать ему уйти на сторону, ну да ладно, это все — лирика. Теперь вернемся к тебе, — Взгляд князя разом потяжелел, — твоя задача — изучить арканы индивидуального поднятия с призывом души умершего с божественного плана. Дерзай. Мы не будем тебя отвлекать. Верно говорю, Аркадий?

— Все верно, господин. Матвею Александровичу стоит погрузиться в учебу. — Кивнул Соловьев.

Князь и Соловьев покинули палатку, оставив меня в компании книги и пары молчаливых бойцов.

Что я могу сказать? Эту ночь я не спал. Книга, а по сути своей, личный научный дневник Тимофея Ильича Боярского оказался очень интересным и увлекательным чтивом. Мужчина изучал самого себя, свой собственный Источник, его природу, законы взаимодействия с различными духовными планами, влиянием Стихий на него самого и окружающих... Тимофей Боярский явно был первопроходцем в освоении стихии Смерти, и, наверное, можно сказать, что раскрыл свой потенциал максимально широко, правда, иногда он все же совершал поступки, выходящие за нормы морали... Этаким имперский доктор Франкенштейн... Чего стоит только его изучение и описание опытов по созданию кадавров, големов плоти с заключенными в них душами... Боярский же описывал процесс опытов сухим научным языком, четко прописывая необходимые количества трупов, различных органов и конечностей, типы душ, которые лучше всего подойдут для привязки к искусственно созданному телу.

И одновременно с разработкой и созданием кадавров Боярский занимался изучением способов влияния стихии смерти на различные новообразования и опухоли внутри человеческого тела. Судя по дневнику, он смог добиться успеха и провел более десятка успешных операций по излечению людей. Соответственно, в дневнике были выкладки арканов, конструкторов и печатей для этого...

Но самым удивительным и одновременно жутким были его записи по дисциплине, которую он отнес к «традиционной некромантии» — «костяная пластика». Это был способ создания очень опасных бестий на стыке Тьмы и Смерти, с привязкой души еще живого противника к воле некроманта — создателя и превращения тела живого Одаренного в машину для убийства. Как писал первый князь Боярский, это могло позволить снизить потери среди собственных войск, а также приводило к полной деморализации противника, когда против него выходили твари, словно вышедшие из ночных кошмаров в обрывках вражеской формы и именами товарищей на устах...

И к этим экспериментам добавлялись еще с пару сотен простых и сложных арканов, атакующих и защитных, даже бытовых и исследовательских, с уже готовыми графиками — выкладками и пояснениями к каждому аркану и возможным результатам их применения...

В общем, книжка полезная, и явно не одна, по-хорошему, мне бы достать полное собрание сочинений первого князя Боярского. Уверен, что с этими дневниками и тренировкой этих навыков я смог бы составить серьезную конкуренцию во владении Темным Источником

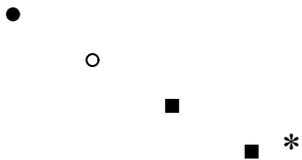
любому Одаренному...

Но время имеет свойство заканчиваться, и мои двадцать часов подошли к концу.

В палатку вошел Соловьев, начальник службы безопасности Долгоруков, со словами:

— Матвей Александрович, князь просит вас присоединиться к нему на встрече груза.

Пришлось вставать и выходить из палатки.

РИ, Сибирь, озеро Байкал, в пяти километрах от полевого лагеря наемников

Алексей Владимирович Кобылин перебросил все подконтрольные силы под Иркутск, там же он забрал под свое командование и боевое крыло Иркутского Отделения Тайного Приказа. Общее число бойцов под его командованием сейчас составляло чуть больше трех сотен бойцов спецназа, почти две сотни бойцов комендантских рот и сотня бойцов боевого обеспечения.

Самолет — разведчик смог найти лагерь наемников и подтвердил присутствие более сотни вооруженных бойцов противника на территории бухты «Радость — 2».

Его отец, император Александр и Великий Князь Сибирский Михаил Васильевич уже были в курсе всей ситуации, в том числе и о том, что Матвей Волков по крови Боярский и обладает двумя Источниками, и получали доклады от Алексея Владимировича каждый час. Бойцы приказа уже были рядом с бухтой и занимали прилегающую территорию. Снайперские пары скрытно занимали оперативные высоты, чтобы вести наблюдение, а при начале штурма — огневое прикрытие личного состава штурмовых отрядов. Применять артиллерию или тяжелое тактическое вооружение отказались — был риск ранения целей, которые бойцы приказа должны были взять живыми — князя Долгорукова и наследника. Приказ был прост: наемников, незаконно проникнувших на территорию Российской Империи, ликвидировать, пленных брать по минимуму, князя Долгорукова и наследника взять живыми и максимально целыми, других членов рода Долгоруковых, участвующих в заговоре и бойцов СБ княжеского рода — по обстоятельствам, наследника Волковых — спасти любой ценой, как первого обладателя двух Источников... Фотографии Матвея, князя Долгорукова и его наследника раздали по всем подразделениям, чтобы каждый боец знал этих людей в лицо.

— Черный, Бурят позицию занял, веду наблюдение, со своей стороны наблюдаю три секрета, в каждом два теплых. — Раздался голос из рации Кобылина.

— Бурят, я Черный, принял, продолжай наблюдение. — Ответил в рацию Кобылин и вернулся в кунг командно — штабной машины.

Здесь пять операторов принимали все поступающие доклады, документировали их и дублировали индивидуальные приказы командования отдельным номерам боевого расчета.

Сейчас все снайперские пары уже заняли свои позиции и контролировали пространство в лагере наемников и рядом с ним. В это же время штурмовые группы готовились к проведению операции и слушали доклады наблюдателей. Снайперы собирали первоначальные оперативные данные, на основе и будут действовать штурмовики...

— Внимание, Черный, внимание! Говорит Гусар, слышу шум с запада, одиночная цель, карусель, возможно, грузовая, идет на низкой высоте в нашу сторону! — Послышался новый доклад в рации.

— Отдать команду погасить весь свет! — Тут же отдал распоряжение Кобылин, и операторы КШМ поспешили донести команду руководителя специальной операции до всех участников.

Свет от фар автомобилей, переносные прожекторы, даже личные фонарики были погашены в несколько секунд. Спустя пару минут шум пропеллера услышали и в колонне Тайного Приказа.

Вертушка приближалась быстро, и уже спустя несколько минут повисла рядом с лагерем Долгорукова. Пилот оказался достаточно опытным и начал заходить на посадку сразу же, как зажглись сигнальные огни на земле, обозначающие посадочную площадку для вертолета.

Встречали его исключительно бойцы службы безопасности Долгоруковых.

— Черный, я Бурят, наблюдаю все три объекта, они вышли на встречу вертолета. Заложник в цепях. — Снайпер сделал новый доклад.

— Внимание всем, я хочу знать, что привезли на карусели! — Прорычал Кобылин в рацию.

На пару минут в радио-эфире повисла тишина.

— Внимание, наблюдаю разгрузку с карусели. Они стгружают... саркофаг?! — Голос снайпера звучал удивленным.

— Внимание, я — Бурят, подтверждаю разгрузку саркофага! — Раздался новый доклад.

Следом последовали доклады еще десяти снайперских пар с различных позиций.

— Кого ты притащил на берег Байкала, а, Андрей Павлович? — Вслух проговорил свои мысли Кобылин.

●

○

■

■ *

Вертолет быстро зашел на посадку, заняв место с левой стороны от палаточного лагеря. Когда мы вышли из палатки он уже кружил над квадратом, образованным сигнальными фонарями красного и зеленого цветов.

Тяжелая «карусель», чем-то напоминающая мне «Ми-6» из прошлой жизни, с гербами неизвестного мне рода (явно ни боярского и ни княжеского — их гербы я выучил наизусть) зашла на посадку, и не успели окончательно заглухнуть винты, как грузовой люк начал открываться.

Группа бойцов с теми же шевронами, что и на бортах вертолета начали выгружать какую-то непонятную мне машину со здоровенным окном, из которого шел мутный зеленоватый свет. Когда по косому траппу эту машину начали спускать, я понял, что это какой-то техномагический саркофаг — внутри машины было ремнями закреплено тело мужчины. Вокруг саркофага были закольцованы потоки энергии стихий Жизни, Земли, Воды, Воздуха, Тьмы и Смерти.

Смерть вообще воспринималась как-то особенно в отличие от всех остальных, которыми я мог пользоваться. Каждое соприкосновение с этой стихией для меня было похоже на слабый холодный электрический ток, проходящий через все тело. Да, можете воспринимать меня как сумасшедшего, но самое подходящее описание данной стихии от меня — слабый холодный электрический ток. Из темного Источника маленькими рывками вырывалась энергия, которая всегда двигалась какими-то рваными траекториями, словно молния, рассекающая небо, но, при этом в точке каждого изгиба, внутри моей плоти словно вырастали ледяные цветы, которые опускали температуру моего тела внутри тех участков, через каналы которых эта энергия прошла... Интересно, а Свет тоже воспринимается своими обладателями как-то особенно?..

Один из бойцов подошел к князю Долгорукову и, поклонившись, передал пакет бумаг. Князь распечатал конверт, достав пачку бумаг, пролистал их, скривился словно от зубной боли, но все же достал ручку и поставил свою подпись на последней странице.

— Благодарю вас, князь, глава рода будет рад получить эти бумаги. — Боец неизвестного рода вновь поклонился князю.

— Забирай бумажки и людей, и покиньте мои земли. Наше сотрудничество с вашим родом окончено, соответственно вы уже не входите в число союзников рода Долгоруковых. У вас пятнадцать минут, затем ваше пребывание на моей земле будет расценено как нападение на род Долгоруковых.

— Но, князь, позвольте... — Боец явно был удивлен такому повороту.

— Аркадий! — Рывкнул князь.

Начальник службы безопасности рода Долгоруковых вышел вперед, досылая патрон в патронник на автомате и направив тот в лицо бойцу сопровождения груза.

— Да, господин? — Только после того, как боец сделал три шага назад, Соловьев ответил князю.

— Считай до девяти сотен, если увидишь после числа «девятьсот» здесь хоть кого-то, кто не относится к роду Долгоруковых, к примеру, как теперь эти господа, расценивай это как нападение и уничтожь противника. — Кивнул князь.

— Есть, господин, — Ответил Соловьев, зажимая кнопку тангенты на рации, — Пятый, седьмой, десятый, одиннадцатый, с личным составом на вертолетную площадку. Пятый, прихвати ПЗРК с оружейки, у нас тут возможно незаконное проникновение и попытка нападения на княжеский род и его земли, — Соловьев отпустил кнопку рации и начал считать, — раз... Два... Три... Четыре... Пять...

Бойцы сопровождения поняли, что разговаривать с ними больше не намерены, и командир скомандовал срочную погрузку в транспорт и отправление домой.

Вертолет взвыл винтами и начал разгоняться.

Князь наблюдал за этим с ухмылкой на губах. Когда вертолет поднялся над землей и начал удаляться, князь повернулся к Соловьеву.

— Сделай так, чтобы вертолет не вернулся домой. Пусть авария где-нибудь в тайге случиться. — Кивнул князь.

— Есть, господин. — Ответил Аркадий, остановивший счет, и вновь взялся за рацию, отходя от нас.

— Матвей, позволь тебе представить: Игорь Никитич Боярский, также известный как «Живое Воплощение Смерти», Одаренный Ранга Стихия, бич королей Европы и императоров Востока. Человек победивший в одиночку в трех сражениях против армий, любимец женщин, демон интриги, цепной пес и заклятый друг, а также самый старый и любимый враг императора Василия Пятого, прозванного Мирным, последний князь рода Боярских и твой биологический дед. Был убит наследником престола Александром Четвертым, как ныне говорят, в народе именуемым Великим, но на Западе и Востоке его называют уже вот двадцать лет не иначе как Азиатский Мясник. — Князь Долгоруков театрально взмахнул рукой в сторону саркофага, — ох, сколько же сил мне тогда пришлось приложить, чтобы заполучить тело сильнейшего некроманта мира! Сколько связей поднять, скольких запугать, скольких сломать, искусить, подкупить, а кого-то даже убрать с пути... Да, но это все того стоило! А он ведь неплохо сохранился за столько лет. Считаю это своим личным успехом, да! Данный саркофаг — моя личная разработка, с его помощью можно сохранять тела погибших в очень хорошем состоянии, и даже после препарирования! Вдруг, что-то новое будет открыто, и эта новинка поможет в изучении сильных Одаренных? А от таких экземпляров, как князь Боярский, отказываться просто нельзя...

Тело князя Боярского действительно было в хорошем внешнем состоянии. Чистая плоть, нет следов гниения, длинные каштановые волосы свободно лежат внутри субстанции, глаза

закрыты. Создавалось ощущение, что князь просто спит... До тех пор пока взгляд смотрящего не опускался вниз. Характерный при вскрытии разрез по форме «У» шел лучами от плеч, встречался в вершине груди, сливаясь в одну линию, шел вниз до низа живота. Также были видны следы рассечений на мышцах рук и ног... Но самым жутким были криво стянутые края плоти в районе сердца и мечевидного отростка в центре груди, словно куски плоти вырвали из груди, и эти дыры просто прятали этими стяжками...

— Вы удалили у него сердце? — Даже у меня, прожженного военного хирурга, встал ком в горле от понимания, что с этим телом делали.

— О, нет! Наш нынешний император своей силой выжег сердце и Источник князя. Да, были случаи, когда сильные Боярские возвращались с того света в свои тела и после физической смерти, так что император решил не рисковать и сразу же решил лишить князя возможности вернуться и не дать перебить весь свой род. — Усмехнулся князь Долгоруков, — но только я точно знаю от самого Игоря, что любого Боярского можно вернуть родной кровью в тело любого мертвого представителя рода. Так что этой лазейкой мы и воспользуемся. Идем!

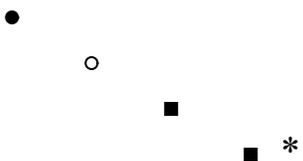
Князь двинулся в лагерь, и мне пришлось идти за ним. Бойцы СБ рода подхватили саркофаг и потащили за нами. Наемники при всей нашей беседе к нам даже не приближались.

Пройдя весь палаточный городок, мы вышли на противоположную сторону от лагеря. Тут уже была подготовлена площадка для ритуала. Земля была очищена от снега, установлен каменный алтарь (и откуда они его притащили?!), а рядом с ним стояли транспортировочные ящики.

— В ящиках ты найдешь все необходимое, чтобы подготовить ритуал Боярских, и не забудь о печатях Подчинения и Контроля, если не хочешь, чтобы князь Боярский разорвал нас всех на части, когда ты призовешь его в тело. — Усмехнулся Андрей Павлович, — снимите с него цепи, браслеты пока оставьте. И держите на прицеле.

Князь сел в кресло, поставленное на самом краю круглой площадки, диаметром около пятидесяти метров.

С меня сняли кандалы, оставив лишь браслеты из нулевого мифрила. Только при этом на площадке появилось два десятка наемников, каждый из которых следил за моими движениями...

— Подтверждаю, два объекта переместились на противоположную сторону от лагеря. Один объект зашел в палатку в восточной части лагеря. Два отделения наемников стоят вокруг расчищенной площадки, примерно столько же бойцов СБ. Остальные продолжают вести контроль прилегающей территории и самого лагеря. — Рация в очередной раз донесла

доклад до Кобылина.

— Что с грузом? — Задал вопрос Алексей Владимирович в рацию.

— Подтверждаю, внутри саркофага находится тело, опознать с данной дистанции личность не могу. — Последовал ответ.

— Кто еще подтверждает наличие тела в саркофаге? — Задал новый вопрос Кобылин.

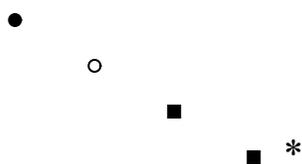
— Черный, я — Бурят, тело в саркофаге подтверждаю. — Последовал ответ.

— Черный, я — Гусар, информацию подтверждаю.

Следом раздалось еще семь подтверждений и два нейтральных ответа. Кобылин начал выбивать дробь пальцами левой руки по коленке, обдумывая всю ситуацию.

С одной стороны, нужно бы уже штурмовать лагерь наемников, с другой стороны, угрозы для Волкова острой и прямой прямо сейчас он не видел, а интерес к действиям Долгорукова был...

— Продолжаем наблюдение. Ждем удобного момента. — Бросил в рацию Алексей Владимирович.

Мне пришлось расчертить три круга вокруг алтаря. Первый включал в себя девять рун, второй — тринадцать, третий — семнадцать. Каждая руна технически отвечала за свой аспект поднятия — вызов, речь, функции организма, призыв души конкретной или случайной из мира Духов, и, конечно же, власть призвавшего над призванным в форме «хозяин — раб».

На черчение в мерзлой земле и проверку рун у меня ушло почти два с половиной часа. Каждую руну пришлось наполнить кварцевым песком, который перед этим зарядили «сырой» силой из темного Источника. Этим же песком выполнены были и круги, призванные сковать призванного... В каждом круге было установлено тоже количество чаш на металлических кольях, погружаемых в круг, что и количество рун в круге, в каждую чашу бойцы Долгоруковых установили по одному кварцевому кристаллу, внутри которых клубилась сконцентрированная Тьма. По моим ощущениям, в каждом кристалле было собрано примерно восемьсот УЕР.

Другими словами, на этот аркан было заложено свыше тридцати одной тысячи условных единиц темной энергии... Жуть просто.

— Зачем так много энергии? — Спросил я, когда князю доложили о полной готовности.

— Во-первых, князь Боярский — Одаренный Ранга Стихия. Жив он или мертв — по сути значения не имеет, он напрямую связан со своей главной стихией, сроднился с ней, и нужна просто огромная прорва энергии, которая сможет притащить его Дух обратно в наш мир. Во-вторых, ты же не думал, что мы полностью освободим тебя от браслетов для проведения ритуала? — Видя мое удивление, князь только весело рассмеялся, — не строй из себя невинную овечку, Матвей, тебе это не идет! Я прекрасно знаю, что рыкари способны колдовать и одной рукой, с трудом, большой сложностью, но могут. А уж для активации и контроля ритуала, в который ты не будешь вкладывать свою силу, тебе хватит и частичного контроля. С одной стороны, ты сможешь действовать с одним браслетом, с другой — я буду более спокоен за всех нас. Так что начинайте, господин Волков. Или лучше обращаться к вам, как к Боярскому Матвею Ильичу? — Князь рассмеялся, как ему показалось, собственной удачной шутке.

Я молча сделал три шага к алтарю. М — да, а план мой немного «посыпался»... Значит, буду импровизировать... Но сначала...

— Не зови меня Боярским! — Рыкнул я, повернув лишь голову в сторону князя.

Почему-то все вокруг напряглись. Наемники сжали автоматы покрепче, князь перестал смеяться, Соловьев положил руку на кобуру с пистолетом, а наследник, который только приближался к нам, резко замер на месте, призывая слабенький воздушный щит.

— Иди! — Сквозь зубы сказал князь, опустив голову и глядя на меня, словно бык, готовящийся к атаке.

Я вышел вперед, проходя все три круга, и встал у алтаря. Одновременно со мной бойцы службы безопасности Долгоруковых вскрыли саркофаг, и, достав тело, уложили его на каменный алтарь, а затем быстро покинули границы ритуала. После того, как бойцы Долгоруковых покинули площадку, ко мне в одиночестве подошел Соловьев. Он снял у меня один мифриловый браслет с правой руки и вложил в нее простой охотничий нож с широким листовидным клинком в темно-коричневых кожаных ножнах.

— Кровь требует крови. Тьма требует Тьмы. А Смерть — Смерти. Если умрешь, я не особо буду горевать. — С усмешкой сказал начальник СБ и оставил меня с трупом Боярского наедине.

Ну, как наедине — почти, если не считать того, что по краю площадки на меня смотрели почти пятьдесят вооруженных мужиков...

Ладно, смысл сейчас об этом думать — время начинать...

Я подошел к телу Боярского, доставая клинок из ножен. Полоснув лезвием по левой руке, на которой продолжал висеть браслет, я подождал пока на груди трупа появиться небольшая лужа, внутри которой тем же клинком вырезал последнюю руну для фокусировки всей темной энергии ритуала строго на нем. Затем я отошел к первой руне, сжимая порезанную руку. Вот уроды, даже бинта или тряпки никакой не дали... Пришлось снять шарф и

замотать руку им, тратить время и силы на регенерацию сейчас абсолютно не хотелось...

Встав у главной фигуры, я начал читать словесную форму аркана, которая запускала все руны и сам ритуал:

— Как жалкий грешник, взывающий к Небесам,

Приговоренный Черным Драконом, Великим Змеем,

Из чьих костей будут рождены его клыки,

Молю Вас, Вышние Боги, принять мое подношение и стать опорой моей...

С кровавой жертвой своей и праву силы крови моей

Я призываю душу этого умершего и заключаю его

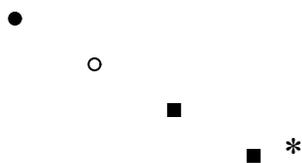
В Объятия Железной Девы!

Посмертие твое — моё, воля твоя — моя!

Ты — раб мой, и ты есть — пока жив я!

Не смотря на то, что текста я абсолютно не понимал и искренне считал это абсолютным набором пафосного бреда (тут надо сказать спасибо Коневу Василию Ивановичу, который сразу же приучил меня к «узловой» технике создания арканов), я понял, что мой темный Источник на них действительно отзывается, и темная энергия в кристаллах кварца, расставленных вокруг начала постепенно приходит в буйство...

«И что за хе*ня здесь происходит теперь, а?!» — Подумал я, когда кварцевые кристаллы начали взрываться черной пылью, а темная энергия внутри них собираться в единый бурлящий комок прямо над трупом князя Боярского...

Алексей Владимирович решил не просто ждать докладов от снайперских пар, а лично понаблюдать за происходящим за палаточным лагерем. Поэтому наследник княжеского рода добрался до позиций одной из снайперских пар и сейчас уже почти два часа наблюдал за приготовлениями Матвея и людей Долгоруковых к ритуалу...

Честно говоря, Кобылин не хотел верить в свою догадку... До того момента, пока из саркофага не достали хранящееся внутри тело. Как только Кобылин увидел лицо трупа, он пришел в тихий ужас. Князь Боярский, «Живое Воплощение Смерти»... Темный Одаренный Ранга Стихия, которого сравнивали со стихийным бедствием... Пока он был жив, никто не

рисковал нападать на империю... Почти семьдесят лет мирного правления Василия Мирного были обеспечены именно авторитетом одного единственного человека. Потому что любой монарх в мире знал — Россия не нуждается ни в каких крупномасштабных сражениях и многомиллионных армиях, у них есть Боярский. Этот человек просто прибудет к вам в страну, и все мертвые станут вашими врагами. А как вы будете относиться к тому, что вас хочет сожрать ваш отец или мать, или собственный ребенок?.. Или в свежесозданном кадавре вы увидите лицо своей матери или сестры?.. Или просто город, в котором вы родились и выросли и жили, просто умер в один момент ночью от массового проклятья сильнейшего Одаренного, а затем восстал тупыми мертвяками и отправился утолять свой единственный инстинкт — голод... И жрать они будут тех, в чьих венах кровь еще теплая... А Боярский просто будет идти следом... И поднимать новых и новых мертвяков... Кое-кто из европейцев до сих пор не мог простить империи то, что князь Боярский прошелся по их землям... Демографический кризис эти страны до сих пор не смогли преодолеть...

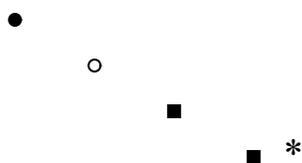
И сейчас уже не так важно, зачем Долгорукову нужен Боярский. Важно, что Боярский будет воскрешен! И сам Кобылин виноват из-за своего любопытства! Кровь Матвея связана с Боярскими, значит, он обладает одним очень серьезным «бонусом» по сравнению со всеми другими темными Одаренными империи. Боярские получили не просто силы и покровительство, а личное благословление Кощея, сына Чернобога, повелителя мертвых. И хоть, их покровителем был не один из Вышних Богов, их Дар к Смерти развился просто великолепно... И это ужасало...

По этому наследник рода уже просто мчался вниз, обратно к штабной машине, чтобы лично доложить о том, что будет дальше и вызывать подкрепление, потому что его сил вряд ли хватит, чтобы справиться с тем, что придет... И одновременно Кобылин раздавал приказы...

— Внимание всем, говорит Черный, всем бойцам сменить патроны на нулевой мифрил! Повторяю, сменить обычные патроны на нулевой мифрил! При возможности, убитым противникам отсекайте все конечности! Голову, руки, ноги, все! И с погибшими товарищами поступать приказываю также! Штурм приказываю начать, как только увидите зажегшееся в небе черное солнце! — Кричал в рацию Алексей Владимирович.

— Черный, я — Монах, прошу объясниться... Что за черное солнце? Зачем отрубать конечности?! — Раздался ответ в рации.

— Отставить вопросы, просто делайте, как приказано, скоро сами все поймете, у нас тут сейчас появиться маленькое королевство мертвых... — Ответил Кобылин, уже запрыгивая по ступенькам КШМ-ки, — связь со столицей мне сейчас же!!!

О, такого буйства стихий я еще никогда не видел! Тридцать тысяч условных единиц?! Ха! Да они нужны были лишь для того, чтобы прорваться в Мир Духов!

Вся энергия кристаллов собиралась над трупом Боярского и сливалась в единый закольцованный поток, который вращался с безумной скоростью и в разных плоскостях, что казалось, что передо мной висит огромный черный шар, который начинал светиться мутным желтоватым светом по своей границе...

В один момент ветер, бушующий вокруг трех окружностей стих. Воздушный пузырь резко лопнул, нанося удар по ушам всем бойцам, стоящим по периметру площадки.

И только я один увидел, как сероватая дымка выскользнула из водоворота черной энергии и погрузилась внутрь тела давно погибшего князя...

Ну, началось...

Раз... два... три... четыре... пять... шесть... семь...

На правой руке уже немертвого князя дернулся палец. От него разошлось кольцо темной энергии тонким диском радиусом около шестидесяти метров. В момент, когда я почувствовал точку выброса темной энергии, я просто рухнул на землю. Кто-то заметил меня, и упал следом, кто-то, как и я почувствовал выход энергии, у кого-то сработала внутренняя «чуйка» на опасность, кто-то, обладая светлым Источником, почувствовал Тьму, и закрылся щитом... Но были и те, кому не повезло... человек семь... Их не разрубило, они не взорвались кровавыми брызгами, раскидывая ошметки вокруг себя... Нет. У каждого из них просто остановилось сердце. Они умерло в один миг, истлев до состояния праха... Потому что некроманту нужны лишь тела для работы...

Руки князя уткнулись в стол алтаря, и князь Боярский сел на холодном камне. Кожа его была белее снега, глаза полностью черными, лишенными белков, а зрачок наоборот был белого цвета. Ногти на руках и ногах тоже почернели. На теле и лице немертвого князя появились трещины, словно на сухой земле, через которые начала сочиться темной дымкой тьма...

В общем, выглядел князь Боярский брутально... Если не брать в учет то, что сейчас он, по сути своей, лич, которого пожирает постоянный голод и преследует могильный холод, и это все может удовлетворить лишь две вещи — кровь и души...

— Добрый вечер, князь. — Я все-таки решил поздороваться, с коротким поклоном.

«Кровь моего рода... Но душа мне... незнакома... Кто ты?...» — В моей голове раздался сильный уверенный голос. Паузы в речи звучали так, словно он просто давно не разговаривал.

— Матвей Александрович Волков. Сын Елизаветы Долгоруковой, и, как недавно узнал, моим биологическим отцом был ваш сын, Илья Игоревич Боярский. — Ответил я.

«Сын... Эксперимент... Долгоруков... Друг... и враг... Да... помню его... Но... на тебе... нет печати... благословения... нашего... Небесного... Покровителя... Великого... Кощея...» — Последовал ответ в моей голове.

— Все верно, князь, у меня другой Небесный Покровитель. — Кивнул я.

«Кто?» — Последовал вопрос.

— Простите, но я не могу и не хочу вам отвечать на вопрос. И не могли бы вы говорить в живую? — Покачал головой я.

«Не... могу... Нет... языка...у тела... Но... отвечай... мне... я... глава... твоего... рода...» — Голос князя продолжал раздаваться в моей голове.

— Князь, я повторяюсь. Моя фамилия — Волков. Вашего рода больше нет. — Я вдруг ухватился за соломинку, которая могла сейчас у меня появиться.

— Что вы там обсуждаете?! Забирай его и иди к нам! — Крикнул князь Долгоруков, стоя на краю площадки.

Кварцевый песок, засыпанный в руны и круги — ограничители, до сих пор «фонил» энергиями Тьмы и Смерти, и даже столь сильный Одаренный не решался пройти в центр круга.

«Как... нет... моего... нашего... рода?... Почему?... Где... мой... сын... Илья... Где... мои... братья... сестры... Где... весь... род... Боярских?...» — Князь продолжал пользоваться моей головой, как телеграфом.

— Уничтожен. Весь род Боярских уничтожен. В живых остались только такие бастарды, как я — в ком есть кровь, но не носит фамильное имя княжеского рода. — Ответил я.

«Кто?.. Кто?! За что?! ЗА... ЧТО... УБИЛИ... МОЮ... СЕМЬЮ?!» — Князь начал буквально орать внутри моей головы.

Я схватился за голову, сжимая ее руками, и упал на колени. Боль была невыносима... Словно кто-то раскаленным паяльником выжигал рисунок на внутренней стороне моего черепа...

«ОТВЕЧАЙ!» — В моей голове громом прогремел голос Боярского.

— Я не знаю этого, князь. Знаю лишь, что вас обвинили в покушении на императора Василия Мирного, и его смерть тоже повесили на вас! После чего вас убил его сын, Александр Великий! Все официальные версии размытые и не говорят ничего о том, как и почему погибли все представители Боярских! — Ответил я, продолжая сжимать голову.

Боль наконец-то отступила, и я вновь услышал голос князя:

«Моя... вина... в... смерти... императора... есть... но... она... не... вся... на... мне... Я не совершал... покушения... но император... пал от моей руки... это была... трагическая случайность... как я думал... но... императора отравили... яд... приводящий к... боевому безумию... Одаренных... проект «Берсерк»... Долгорукова... Наследник... Андрея Павловича... отравил... императора... он сказал мне... об этом... сам... а потом... я убил

его... при свидетелях... а наследник... престола... убил меня... даже не стал... слушать... не дал... сказать... ни слова...»

Князь Боярский встал на ноги, спрыгнув со своего каменного ложа. Зрачки его расширились, и белый цвет сменился голубым холодным пламенем.

«Я...вижу... здесь... князя Долгорукова...это ведь...он... я... прав... внук?» — Голос князя звучал хрипло в моей голове.

— Да, князь, это князь Долгоруков. Он похитил меня из моего дома, атаковал мое поместье с целью, чтобы выкрасть меня, взял в заложники моих родных и близких, чтобы я поднял вас в виде умертвия и выяснил, где находится тайник с мифрилом, которые Боярские вывезли по приказу императора во время русско — французской войны. — Ответил я.

«Старый... больной... ублюдок... и зачем... ему этот... мифрил... из-за него... столько крови было... пролито... и все еще... льется... Долгоруков... сколько крови... пролилось... из-за твоих амбиций...» — Князь покачал головой, а пламя в его глазах бушевало все сильнее.

Немертвый Боярский сделал два шага ко мне и положил свои руки мне на плечи.

«Пусть... нет... больше фамильного имени...но... род жив... пока жива его... кровь... пока живо... его дело... Боярские... всегда стояли... на страже империи... Враги не бояться... героев... но все они боялись... чудовищ... Мы... не всегда дружили... с императорами... но всегда... защищали империю... защищали дом... Помни об этом... внук...» — Голос князя звучал... трогательно.

— Я запомню ваши слова, князь. — Кивнул я.

Боярский кивнул в ответ и продолжил:

«Пообещай мне... Матвей... две вещи...»

— Смотря чего вы попросите, князь. — Осторожно кивнул я.

«Первое... среди своих детей... прошу тебя назвать... одного из сыновей... Ильей, и одну из... дочерей...Светланой... в честь... моего сына... и моей матери... Второе... найди и заведи к себе... родовую библиотеку... кровь... ключ к библиотеке... Она в пригороде Петербурга... за Гатчиной... я покажу...» — И в моей голове появились чужие воспоминания.

Теперь я знал дорогу к родовой библиотеке Боярских...

«Да... я вижу... в тебе... наша кровь... Наш родовой Атрибут... Память Мертвых... принимает тебя... Каждый из нас... способен передавать свои воспоминания по линии крови... своим потомкам... Так мы раньше... проверяли тех... кого молодые... Боярские... нагуляли... на стороне... и передавали... знания... накопленные за нашу... жизнь... жаль...

сейчас... на это... у нас... нет... времени...» — Усмехнулся князь, — «и... попрошу тебя... еще... об одной... услуге...»

— Какой? — Я вновь напрягся.

«Когда... я здесь закончу... от меня... уже мало что... останется... прошу... как своего потомка... упокой меня... уничтожь оболочку... которой меня сковали...»

— Но у вас нет сердца, князь. — Неуверенно ответил я, уже понимая, что сейчас начнется локальный ужас...

«Сожги тело... разорви на части... и сожги... будет больно... но я выдержу... а сейчас тебе лучше... уйти... я с Долгоруковым... и его людьми... побеседовать хочу... Видимо... он забыл... кто я... и как меня... называли...»

— Но вы скованы печатью аркана, князь, а я скован родственниками, что находятся в заложниках. — Покачал головой я.

«Хах... ты же... не думаешь... что печати... Ранга Аколита... смогут... меня... сдержать?! Даже если... в них... вложили силу... равную моему... удару...» — Сейчас в голосе князя звучала усмешка.

В один момент печать резко налилась чернильным светом, и выдала единую вспышку света, так что мне пришлось зажмуриться. Князь резко сжал одну руку у меня на плече, а второй — мифриловый браслет. От руки Боярского пошел запах паленой плоти, словно он обжегся, но тот не обратил на это никакого внимания. Секунда — и браслет лопнул, и ко мне вернулось чувство единства со стихиями. Я моментально обернулся в форму рыкаря, а князь Боярский уже отправил меня в полет, при этом сам завертелся на месте волчком.

Словно в замедленной съемке в полете уже над палаткой я наблюдал, как вокруг князя Боярского соткался плащ из Тьмы. Вначале он лежал на земле, но постепенно князь начал подниматься вверх, вращаясь вокруг своей оси, и плащ из живой бурлящей Тьмы вращался вслед за ним. Вот князь на высоте двух метров, трех, четырех... И князя уже нет... Вместо него на земле стоит огромный четырехметровый рыцарь в глухих тяжелых костяных желтоватых доспехах, забрало его шлема было выполнено в виде черепа с распахнутой пастью. У него было четыре руки, верхняя пара сжимала огромные косы, одна — здоровенный ростовой щит, и последняя — исполинский двуручный меч с тупым концом, словно это был меч палача... Из плаща в разных местах проступали лики людей, искаженные муками, они были искривлены в немых криках и тянули руки, пытаясь прорвать ткань плаща, сотканную из Тьмы. Капюшон плаща спал на спину рыцаря, и в глазницах шлема заплясало голубое потустороннее пламя. Над головой рыцаря возникла корона из такого же пламени с восемью зубцами, ярко полыхнув на всю округу.

В момент вокруг расплозлось ощущение скорой смерти... Каждый в лагере человек почувствовал близкую смерть...

А я лишь услышал крики князя Долгорукова, отлетая куда-то вглубь лагеря:

— Стреляйте! Стреляйте, идиоты! Это Живое Воплощение Смерти!!!

Глава 11. «Юный шаман, мы приветствуем тебя!»

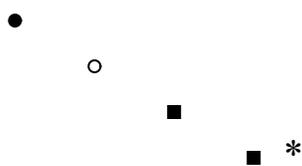
— Начинаем штурм! Повторяю! Начинаем штурм! Я захожу с четвертой группой! Очистить лагерь! Дайте мне добраться до площадки алтаря! Третья группа, вытащите Волкова! — Орал в рацию Кобылин, пока машина четвертой группы неслась к лагерю.

— Черный, я — Бурят, тут полный пиз*ец. — Алексей Владимирович услышал доклад снайпера в рации.

— Верю, что пиз*ец. — Тихо ответил Кобылин и, повернувшись к водителю, заорал, — ТАНК! ПОДНАЖМИ!!!

Водитель с позывным «Танк» в ответ молча вдавил педаль газа, и машина рванула вперед, надрывая двигатель.

Штурм начался с очень удобного момента. И очень опасного...

Вот как описать буйство немертвого мага Ранга Стихия? Бедствие. И я резко стал никому не интересен... И пока я летел от броска князя, мое сознание рухнуло в состояние «война»...

Благо, мне повезло, и я рухнул на крышу одной из палаток, установленную наемниками. Она стала моей «воздушной подушкой». Правда, крой палатки не выдержал, и я рухнул внутрь палатки.

— So do cholery?! — Я услышал голос одного из наемников внутри палатки, поднимаясь на ноги.

— Добрый день, господа! — Ответил я, выпуская аркан «Кольца ледяных пик».

Мгновенно ледяные кольца начали разрывать пол палатки, пронзая тела наемников вокруг меня.

— Kurwa! — Раздался крик из толпы, и я увидел старого знакомого.

Рыкарь, обращающийся в куницу, был здесь. Он успел отскочить от кольца ледяных пик, обратиться и схватить свои клинки.

— Захотел реванша, мальчик? — Звериный оскал заменял рыкарю улыбку, а его русский был

все также плох...

— Фу, ну ты все же и урод, мужик! Мне ты нафиг не нужен. Но у меня есть друг, который очень хочет с тобой покончить. Вы в прошлый раз сошлись в разных весовых категориях.
— Усмехнулся я, — Абдулматин!

Из моей тени выскочил мой первый и единственный теневой солдат.

«Господин» — Голос солдата раздался в моей голове.

— Снеси ему голову и принеси мне. — Я указал рукой на куницу.

Тот в ответ зашипел и поднял клинки перед собой.

«С радостью, господин» — Ответил Абдулматин, и в его руках материализовались кривая сабля и щит.

Абдулматин рванул вперед, принимая первую саблю куницы на щит, а вторую на свой клинок. Ладно, куница пусть развлекается, а у меня еще очень много дел!

Я рванул наружу из палатки, и оказался буквально в локальном филиале ада! За те несколько секунд, что я находился в палатке, князь Боярский разгулялся не на шутку. Часть палаток полыхали черным пламенем, вокруг раздавалась стрельба. И люди вокруг метались в панике. Князь словно распускал вокруг себя ауру страха. А со стороны Байкала возвышалась фигура рыцаря в костяных доспехах, в сторону которой сейчас бежали все люди в лагере, кто еще не потерял самообладание. В этот момент раздался взрыв со стороны въезда в лагерь. Одновременно несколько человек вокруг меня завалились на землю. Наклонившись над ближайшим упавшим, я осмотрел тело. Пулевое отверстие в затылке прямо говорило, что жизнь покинула это тело.

Только от костяного рыцаря ударила волна темной энергии в форме дыма, проносясь по лагерю, и чувство близкой смерти буквально взвыло внутри. Тело рядом со мной дернулось, как и остальные тела, которых сняли снайпера... Вопрос только чьи?.. Я моментально отскочил, выпуская темное копьё в дернувшееся тело. Тело упокоилось повторно, рассыпавшись серым прахом. А остальные тела поднялись на ноги... И выглядели они не очень презентабельно... Глаза помутнели, на руках отвалились ногти и вместо них выступили кривые когти, ботинки рвались, изменялись ноги, суставы, на коленях и локтях, разрывая плоть, выступали острые костяные наросты, выпадали зубы, вместо них вылезали кривые клыки, менялось строение нижней челюсти, деформировалась голова, плоть на грудной клетке лопалась и опадала кровавыми ошметками, ребра расширялись и сливались в единый костяной щит...

Все трупы, попавшие под волну темной энергии Боярского, были “подняты” и прошли через частичную стихийную трансформацию. Не знаю, была ли эта форма финальная для кадавров, но выглядела она омерзительно.

Один из кадавров посмотрел на меня, но не счел меня интересным и рванул внутрь ближайшей палатки, откуда мгновенно раздались крики. Кадавры просто начали рвать всех вокруг, внося еще больший хаос в окружающее пространство...

Я рванул дальше, стараясь вновь приблизиться к площадке, на которой стоял алтарь. Князь Боярский продолжал бушевать. Я успел пройти тридцать шагов, когда над лагерем раздался крик:

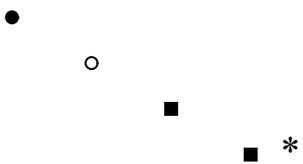
— ДО-ОЛГО-ОРУ-УКО-ОВ!!!! — Голос Боярского был готов разорвать здесь всех.

Ад вокруг начал подниматься до новых высот. Земля под ногами дрогнула, и я уже было решил, что началось землетрясение, но нет — костяной рыцарь просто ударил одной из своих кос, располовинив одного из наемников вертикально, и лезвие косы ушло в мерзлую землю. О! Тут и мой второй «лучший» друг — серый Потапыч! Он со своей огромной секирой как раз в этот момент решил атаковать Боярского со спины, но у князя явно были глаза на затылке. Рука, держащая щит, выставила его навстречу удару секиры, и огромный топор медведя отпружинил от плоскости щита. Но только князь не остановился на отражении удара — рука, сжимающая меч, совершила выпад, и хваленная шкура медведя, которая защищала его от моих ударов очень успешно не так давно, на этот раз не выдержала — польский Потапыч оказался пробит исполинским клинком навывлет.

Костяной рыцарь провернул клинок внутри раны медведя в горизонтальную плоскость и рванул клинок в сторону — бок рыцаря разорвало клинком, разбрасывая его внутренности на снег... В тот же момент сгусток голубого пламени влетел в грудь мертвого рыцаря, и с трупом началась трансформация...

М-да, просто безотходное производство... А рыцарь продолжал бушевать... Он рубил, кромсал, рвал и давил наемников. Каждый труп он обращал в кадавра, который бросался на живых. Наемники бежали к площадке ритуала, а Боярский просто убивал их всех, поднимал и натравливал на пока еще живых однополчан... Но меня кадавры не трогали, никто из этих измененных тварей не пытался порвать меня, они словно обнюхивали меня, воспринимали как своего, и неслись дальше к тем, чье сердце еще билось...

И сейчас держалась только плотная сбитая кучка Одаренных. Князь Долгоруков, наследник, Соловьев и группа Одаренных бойцов службы безопасности Долгоруковых вполне успешно отбивалась от наскокивающих кадавров.

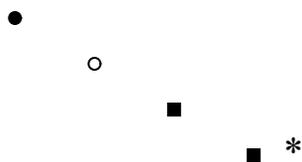
Кобылин прорывался вглубь лагеря наемников. Особо сильного сопротивления бойцы Тайного Приказа не встречали, лишь единицы из наемников обращали внимание на бойцов в черной форме и пытались вступить в бой. Но бойцы Тайного Приказа имели прямой приказ — уничтожать любого противника на месте.

— Третий, вы забрали Волкова?! — Крикнул в рацию Кобылин.

— Черный, я — третий, нет, объект прорывается к месту ритуала, мы стараемся следовать за ним, но мертвецы атакуют и нас, и наемников, но на Волкова не нападают. Нам приходится прорываться к объекту! — Последовал ответ в рацию.

— Вытаскивайте объект! — Рыкнул в рацию Кобылин, и крикнул командиру, — Командир, прорываемся к алтарю!

— Принял! — Ответил командир группы.

Я начал обходить группу Долгорукова, заходя со спины. Группа Одаренных пыталась противостоять немертвому Боярскому, но получалось у них откровенно плохо.

Боярский методично выбивал то одного, то двух людей Долгорукова, но тут же поднимал их в виде умертвий, одновременно с этим измененные кадавры атаковали прибегающих наемников, убивали их и подтаскивали к Боярскому, который поднимал и их, изменял и посылал их снова на группу Долгорукова.

— Ну, что, Боярский, сила не вся вернулась после смерти? — Рассмеялся князь Долгоруков.

— На тебя, Андрей, моей силы нынешней хватит! — Голос Боярского разносился словно бы отовсюду.

— Это мы посмотрим! А потом я твоего ублюдка прирежу! Он мне больше не нужен! — Ответил Долгоруков.

В ответ костяной рыцарь глухо зарычал и взмахнул руками, в которых сжимал свои косы. Руки поднялись вверх и опустились в рубящем ударе, и с кос сорвались два серых серпа и ударили в полусферу защитного купола вокруг группы Долгорукова.

— Жизнь и Свет вполне хорошо сопротивляются Смерти, Игорь, и сейчас я сильнее тебя, у тебя нет шансов, сдайся! — Крикнул Долгоруков.

— Из-за тебя и твоего сынка мой род истребили, и ты за это заплатишь! — Ответил Боярский, выпуская облако черного тумана.

Туман разошелся широким кругом, когда он соприкасался с кадаврами, он втягивался внутрь марионеток, изменяя их вновь. Кадавры теперь выпрямлялись, становясь в полный рост, костяные наросты отваливались, тела кадавров окутывались этим туманом, он спадал вниз на землю, и на кадаврах появились глухие доспехи из черного материала, вместо оружия у них были черные перчатки, каждый палец которых заканчивался длинным когтем длинной

около пятнадцати сантиметров.

— Волков! — Я услышал крик из-за спины и развернулся, сжимая в руках два копья, сотканых из Тьмы и Ветра.

— Свои! Свои! Не бросай! — Крикнули сзади бойцы в черной форме.

Первый из них отпустил автомат и поднял раскрытые руки.

— Кто такие?! — Рыкнул я, продолжая сжимать копья.

— Тайный Приказ! Кобылин приказал вытащить тебя! — Ответил первый номер.

— Не сейчас, если я уйду, Боярский разнесет здесь все, а дальше двинется на ближайший населенный пункт! С каждым применением Дара он теряет разум. — Покачал я головой.

— Это уже не твоя забота! Идем с нами! — Ответил командир группы.

Я покачал головой и рванул в сторону алтаря.

— Стой, дурак! Убьют же! — Крикнул в спину командир.

Только я его особо не слушал. Аркан «Теневого Шага» сложился и ускорил меня, позволяя скользить по воздуху, словно по льду. Выскочив за спиной группы главного лекаря империи, я всадил оба копья в спины бойцов Долгоруковых. Первое копьё ударило в щит и создало брешь в защите, а вот второе уже нашло свою цель... Часть бойцов тут же отреагировала на смерть товарища и начала вести огонь по мне, только успеть за Одаренным на такой скорости...

Я ушел с линии огня за соседнюю палатку и начал готовить следующую атаку. Этому аркану меня тоже научил Конев. Воздух — Вода, стык двух стихий: Вода создавала кинжалы, Воздух их замораживал, превращая в очень неприятное оружие... Так, а давайте немного поэкспериментируем... Добавим в эту гремучую смесь немножко Тьмы. Вокруг меня начали вращаться темные водные сгустки, принимая форму клинков. Пять — девять — тринадцать — двадцать — тридцать два — сорок три... Я выскочил из-за угла палатки, отправляя в полет «Ветер клинков», в котором было почти семьдесят ледяных кинжалов. Да, по отдельности, они вряд ли могли нанести серьезный ущерб Одаренным или даже простому человеку в механизированном доспехе. Но их главным плюсом было количество...

Семь десятков клинков ударили в щит, окружавший группу Долгорукова, и почти десяток прорвал окружающий их барьер, калеча и рая бойцов. Кадавры Боярского смогли этим воспользоваться, вырывая бойцов из тесного строя, разрывая их части и просто загрызая прямо в толпе. Криков лишь добавилось...

Однако, Соловьев не зря был начальником службы безопасности рода. Продолжая стрелять из пистолета, Аркадий сформировал одноручный меч из воды и просто начал сносить головы — и мертвям, и только что погибшим товарищам...

Долгоруков же ушел в противостояние Боярскому. Они обменивались ударами таких арканов, которые я даже не понимал... Вот Боярский бьет по своему щиту мечом палача, и уже из огромной проявленной печати аркана выскакивает костяная рука исполинского скелета и бьет по щиту Долгорукова. Тот не отстает, и мерцающий светом щит, словно гильотина падает на одну из рук Боярского, сжимающую огромную косу и отрубает ее. Лич ревет, то ли от боли, то ли от обиды, но взмахивает второй косой, рассекая пространство, оставляя в воздухе чернильный разрез.

Из разреза вырываются два десятка серых теней, которые тут же бросаются на щит Долгорукова и буквально начинают его жрать... Долгоруков кричит, видимо бестелесные твари наносят вред и его Источнику, которые постоянно подпитывают щит, и выдает мощную вспышку Света, который поджигает тварей золотистым огнем.

Так! А сколько всего людей у Долгорукова?!

Я снова спрятался за палаткой и создал аркан «Нитей Жизни». Господи! Вот это настоящая катавасия! Просто огромный безумный хоровод откликов! Ладно! Уменьшим радиус... Выделим сектор... Определимся с отправной координатой самого яркого светлого Источника... О! Есть! Раз — два — три... Итого, одиннадцать живых, не считая князя! Трое тяжело ранены, но раны быстро затягиваются, и эта троица уже может вставать... Князь? Побочное действие щита? Наследник? Нет! Луч Жизни Наследника комбинируется и усиливается от щита князя... Так это Атрибут! Щит Берегини! Я о нем читал! Не знал, что он еще и от магических атак защищать может... Хотя, логично, он же на основе Света и Жизни построен, прямые антагонисты Смерти и Тьмы...

Так, а что нам нужно, чтобы пробить щит, построенный на основе Атрибута? Х*ен его знает... Интересно, а щит образует полную сферу или ограничивается по уровню твердой поверхности?...

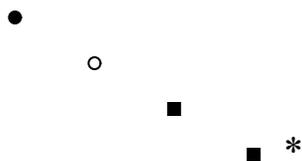
Выскочивший сбоку от меня наемник отвлек от очень серьезных размышлений. Он попытался вскинул автомат на ходу, но поскользнулся на появившемся под ногами льду и, падая, сломал себе шею, так как основанием черепа угодил на трапециевидный выступ, выросший на льду. Раздался неприятный хруст, тело конвульсивно дернулось, но тут на него сверху приземлился кадавр в черных доспехах и принялся рвать плоть умирающего наемника своими перчатками — когтями. Кишки невезучего наемника полетели во все стороны, а я вновь удалился за угол палатки...

И так, на чем я остановился? Кстати, что-то стрельбы становится больше и больше... Бойцы Тайного Приказа пробиваются? Скорее всего... А! Не о том думаю! И так, щит полный или полусфера? Можно проверить? Нужно!

Я упал на колени, положив руки на землю, образуя треугольник ладонями. Как там оно называлось? «Сад каменных роз»? А пофиг! Не до пафосных названий! Главное, чтобы сработало!

Новый конструктор аркана начал формироваться.

Арканы, относящиеся к разделу Земли, как правило, выполняются медленно. Они тяжеловесны, сложны в построении, оттого и медлительны, и Землю, как стихию, часто применяют в основном с целью защиты, а не нападения... Вот только если у вас есть время, то на основе Земли можно построить сотни ловушек, которые ни один Одаренный не увидит и не учует (за исключением рыкарей и Одаренных Ранга Стихия, наверное), потому что влияние на землю быстро растворяется в общем фоне потоков энергий, которые блуждают внутри нее, тем самым маскируя магические ловушки... Но если вы — рыкарь (а также если вы уже в Ранге Архимага или выше), то земля перестает быть такой медлительной...

Поручик Баяр Арданович Санжиев служил в силовом крыле Иркутского Отделения Тайного Приказа уже давно. Почти двенадцать лет выслуги, за это время он не раз командировался в сложные оперативные районы на границах империи, участвовал в специальных операциях, прошел путь от простого рекрута до старшего инструктора — снайпера. И пусть как Одаренный он был очень не плох, душа его всегда тяготела к снайперскому делу. Поэтому снайпер с позывным «Бурят» вначале стал лучшим в своем отделе, а потом и по всему Сибирскому краю... Но такая операция была на его памяти впервые... Это даже не было похоже на специальную операцию силового ведомства, скорее на полноценную войсковую...

Бурят вместе со вторым, прикрывающим его номером, методично отстреливал умертвий, которых поднимал немертвый князь, но патроны из нулевого мифрила уже были на исходе... В лучшем случае, если без единого промаха (а уж в этом Бурят не сомневался), он сможет убить еще четверых мертвяков... А дальше у него останутся только обычные патроны...

— Бурят? — Позвал старшего товарища второй номер.

— Что, Зима? — Откликнулся Баяр, не отлипая от винтовки.

— Что-то земля дрожит... — Неуверенно ответил Зима.

— Так и не мудрено, ты сам посмотри, там такие титаны сражаются! — Без особых эмоций ответил старший снайперской пары.

— Да нет, Бурят, позади нас земля дрожит... И все сильнее... Будто, кто-то очень тяжелый бежит сюда... — Бурят почувствовал, как Зима покачал головой.

Бурят отвлекся от прицела и, сформировав аркан «Эха земли», выпустил его вокруг себя. Отклик пришел практически сразу же. Тяжелый объект прямым курсом несся мимо них в сторону лагеря.

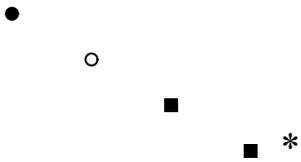
— Уйдите с дороги, я к Волкову на выручку! — Раздался крик мощного баса.

Перед снайперской парой вспыхнул шар яркого пламени, освещая бегущее мощное тело, покрытое гладкой черной шерстью. Бычья голова с черными как ночь глазами, между золотых рогов которой и висел шар багряного пламени. На груди здоровяка, отражая свет огненного шара, качалось шаманское толи на синем плетённом гайтане. Мощный рык выдал облако пара из груди трехметрового минотавра, и огромное тело мощным прыжком перепрыгнуло снайперскую лежку и понеслось дальше вниз, в сторону лагеря наемников.

Снайперская пара переглянулась между собой и уставилась в спину несущемуся вниз здоровяку. За винтовку братья Бурят не спешил.

— Бурят, это кто сейчас был? — Сглотнув, спросил Зима.

— Зима, если бы я только знал... Но на его груди я увидел шаманское зеркало. — Ответил Бурят, вновь берясь за винтовку, — у нас еще три нулевых патрона, трех мертвяков положить должны.

Ростки каменных роз пробилась из земли, выстреливая шипами — иглами во все стороны, несколько бойцов Долгорукова, в том числе и Соловьев, взвыли от боли, когда шипы пробили ботинки и штанины, входя в плоть... Из носа наследника брызнула кровь — перенапрягся болезный, его Источник почти полностью истощен...

А в группе Долгорукова народ все тает и тает, словно снег по весне! Включая князя Долгорукова, осталось семеро. Мне кажется, наемников уже вообще не осталось, как и других бойцов службы безопасности Долгоруковых... А вот три десятка кадавров в черных доспехах все еще пытались прорваться за пелену Щита Берегини. Наследник выдохся и потерял сознание от энергетического истощения, упав на землю в центре группы рядом с князем Долгоруковым. Его исцеление и поддержка бойцов закончилась уже пару минут назад. Сейчас на ногах оставались только князь Долгоруков, Соловьев, двое бойцов — Одаренных, и два простых бойцов, один с автоматом, второй с пулеметом. Патроны у обоих уже закончились, и теперь парни старались отбиваться от прорывающихся лап с длинными когтями длинными окопными ножами. Получалось откровенно хреново, судя по ранам на руках этих двоих...

Я снова формировал два копия на основе Тьмы и Ветра, когда услышал могучий рев.

Сперва я увидел сминаемую крышу первой палатки на пути здоровяка, затем вторую, а там и третья на землю упала. К площадке ритуала прорвался трехметровый черный минотавр с золотыми рогами, между которых плясал шар багряного пламени. Вот уж кого не ожидал тут увидеть!

— НА-СТА-АВНИ-И-ИК! — Крикнул я, ударяв в кулак в мерзлую землю.

От моего удара передо мной выросла ледяной столб высотой под четыре метра. Такой точно заметит!

Минотавр уже был в прямом зрительном контакте со мной. Но вот только Баир Баторович не обладал иммунитетом перед умертвиями, как я. Сразу четыре твари бросились на старого шамана. Только долететь не успели. Закаменский взревел и хлопнул в ладоши перед грудью. Шар пламени выдал волну огня, которая кольцом разошлась вокруг шамана, обращая всех кадавров в пепел. В радиусе тридцати шагов от него не осталось ничего. Просто ничего. Все осыпалось пеплом от жара. А минотавр рванул снова вперед.

Через пять шагов огромный минотавр просто пронесся мимо группы Долгорукова, и на ходу пробив Щит Берегини (!), и вытащил одного бойца с пулеметом, который немного отделился от основного кулака оставшейся группы. Баир Баторович не стал его сжигать или рвать на части — огромный минотавр просто запустил бойца СБ Долгоруковых в сторону палаточного лагеря, который орал благим матом... Правда, не долго — пока до него не добрались три кадавра Боярского...

Осталось шестеро... Пардон... Пятеро. Один из бойцов — Одаренных рванул в сторону костяного рыцаря, подняв над головой здоровенный двуручник, над которым быстро создал какой-то неизвестный мне аркан Долгоруков, от действия которого лезвие меча превратилось в сгусток света. М-да, глупость храбрецов... Или храбрость глупцов... Тут как посмотреть...

— Кто этот лич? — Прогремел голос Закаменского рядом со мной.

Старый шаман — рыкарь распахнул руки, и, вырвавшись из земли, нас окружила гранитная полусфера.

— Мой биологический дед. Боярский Игорь Никитич. Одаренный Ранга Стихия. — Ответил я.

Гранитный купол закрывал обзор, но полностью скрывал все удары и не пускал кадавров к Закаменскому...

— Ты с ним общался? Он в своем рассудке?

— Да, наставник. Но он сам сказал, что просит упокоить его, когда он закончит схватку с Долгоруковым. Сказал, что вряд ли у него останется рассудок после использования Дара в таком состоянии. — Я покачал головой, — Только я даже не представляю, как это сделать.

— Аркан «Темного Воплощения». — Кивнул Баир Баторович, — просто воспроизведи последовательность рун в обратном порядке и в конце добавь руну Рейдо. И напитай Тьмой. Так ты получишь «Лук Предтеча». Это единственный шанс его развоплотить. Тебе нужно попасть ему в сердце. Тогда я смогу сжечь его тело.

— У него нет сердца, Баир Баторович, император выжиг сердце и Источник князя.

— Матвей, сердце искусственно созданного лича — кристалл, который образуется из кварцевой пыли при проведении ритуала. Оно же и Источник. Сколько силы было вложено в ритуал?

— Свыше тридцати тысяч единиц.

— Тогда его сердце под стать его габаритам, размером с лошадиное. — Усмехнулся старый шаман. — Правда, и сил потребуется пара — тройка сотен единиц, сможешь вложить?

— Смогу, — Кивнул я.

— Тогда формируй аркан, и, на всякий случай, — Прищурился Закаменский, — Оберни наконечник стрелы в воздушную оболочку.

— Принято. — Кивнул я и развел руки на ширину плеч.

Аркан «Темного Воплощения» отпечатался в моей памяти еще с прошлого лета. События, при которых я его применил впервые, на всю оставшуюся жизнь отпечатались в моей памяти... Спасибо Абдулматину. О, только помяни, как говориться...

Рядом со мной из моей тени вышел Абдулматин, держа в руке отрубленную звериную голову куницы. Одного глаза не было, морду пересекали два рубящих удара, часть зубов была выбита, а язык буквально вырван.

— Господин, враг повержен.

— Хорошо, Абдулматин. Напомни мне последовательность рун «Аркана Темного Воплощения».

Абдулматин назвал все руны, и я убедился в своей памяти. Пора начинать!

Первый круг конструкта — пять рун в обратном порядке. Второй круг — еще пять. Третий круг — девять рун... Четвертый круг — девять рун... Пятый...

Раздался дикий визг, словно из человека, еще живого, находящегося в сознании, вытаскивали кишечник...

Шестой... Седьмой круг...

Новый визг и противный чавкающий звук...

В левой руке появилась и начала быстро расти тонкая черная дуга.

Буквально за полминуты с начала в моей правой руке вырос простой прямой лук и размахом плеч чуть больше полутора метра... В общем, он выглядел как простой лук, если не считать то, что от него то и дело исходила черная дымка...

— Готовься, сейчас сниму щит. — Бросил Закаменский, не оборачиваясь.

Я поднял руку с луком, и передо мной появилась черная струна тетивы. Я взялся за тетиву, ина руку словно легла стрела... Она начала увеличиваться и расти, и на ее наконечнике зажглась сверхновая... Тьма может освещать...

— Из Тьмы рождается Свет. — Выдохнул Закаменский, опуская щит.

Картина за куполом сменилась. Наемников не было... Кадавров тоже... Вокруг валялись кучи разорванных и расчлененных тел... На открытых участках местности рассредоточились бойцы Тайного Приказа, поливая костяного рыцаря и князя Долгорукова из всего доступного стрелкового оружия. Раздался мощный взрыв, и облако пламени окутало Боярского. Пардон! Бойцы Тайного приказа начали применять и тяжелое вооружение! Начали раздаваться характерные щелчки гранатометов, и на костяного рыцаря обрушился град взрывов...

Лич взревел, но двинулся вперед, его цель явно была простой — добраться до Долгорукова. А в его группе осталось все трое, и один просто валялся на земле, потеряв сознание...

Пламя короны над костяным рыцарем уменьшилось, одной руки не было, часть лезвия меча палача было сломано, одна коса валялась на земле вместе с отсеченной рукой, правый верхний угол щита был отколот, на забрале в виде черепа отсутствовало несколько зубов и на правой скуле была дыра... Один наплечник был расколот, обнажая серую ссохшуюся плоть... А лич все равно шел вперед...

Всего тринадцать шагов потребовалось Боярскому, чтобы в плотную подойти к щиту Долгорукова. Первый удар костяной косы заставил щит мелко дрожать, но тот не развеялся. Еще три удара князь Боярский нанес под плотным градом огня. На четвертый удар щит не выдержал, лопнув, словно мыльный пузырь.

Князь Долгоруков скривился, словно от удара под дых, и упал на колени. А Боярский не остановился, и нижняя рука с мечом рванулась вперед. Раздался новый крик — на этот раз голос мне был прекрасно знаком. Кричал Аркадий — меч лича пробил его на вылет в области живота...

— Отставить огонь! — Раздался еще один голос.

Алексей Владимирович Кобылин вышел на первую линию бойцов Тайного Приказа. Бойцы остановились, кто-то быстро начал перезаряжаться.

— ДОЛ-Л-ГОР-Р-РУКО-О-ОВ... — Выдохнул лич, и морда черепа на шлеме буквально изогнулась.

Я вскинул руки, направляя лук на лича, собираясь стрелять. Стрела стала уже настолько толстой, что больше напоминала копье для баллисты, чем стрелу...

— Рано! — Выдохнул Закаменский, сжимая кулаки.

— После... Света... всегда... приходит... Тьма... а... после... Жизни... всегда... следует... Смерть! — Выдохнул лич, резко распрямляясь, и высоко вскидывая косу, бросая меч и щит и сжимая ее древко всеми тремя руками.

Грудь немертвого открылась, и я услышал крик старого шамана:

— СТРЕЛЯЙ!!!

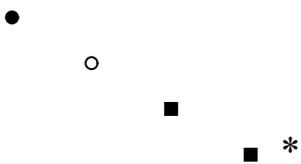
На выдохе я спустил тетиву. Мир замедлился. Тетива очень медленно ползла вперед, выталкивая древко стрелы толщиной с хорошее бревно.

Белоснежное пламя разгоралось все сильнее на самом кончике наконечника. А коса уже начала свое движение вниз... Стрела сошла с тетивы и двинулась к груди лича... Коса прошла половину пути... Кончик лезвия косы уже коснулся головы князя, стоявшего на коленях... Стрела уже рядом с грудью лича, а коса разрубает князя Долгорукова, разваливая его тело на две части. Вспышка — удар по ушам — и воздушная волна сшибает с ног всех вокруг, кроме огромного минотавра.

Уже второй раз находясь в полете за сегодняшнюю ночь, я наблюдаю, как магическая стрела, выпущенная из Лука Предтеча, словно веретено срывает куски костяной брони с тела лича, доходит до серой высохшей плоти, расщепляя её на мелкие частички, и добирается черного кристаллического сердца. Встреча стрелы и кристалла и стала взрывом.

Закаменский только этого и ждал — как только кристалл начал разрушаться из багряного шара ударила концентрированная струя пламени, будто в руках старого шамана был современный огнемет. Пламя жадно накинулось на тело лича. Исполинский рыцарь заорал от боли, но сделать ничего не мог... Пламя словно прилипало к телу и пожирало его без остатка.

Рыцарь упал на спину, начав кататься по земле. Но только защититься от этого огня он не мог. Все заняло несколько минут. Все люди вокруг просто лежали, сидели, стояли... и молча смотрели на жуткую смерть самого страшного человека в империи за последние века...

РИ, Сибирь, озеро Байкал, бухта «Радость — 2», те же лица

Я поднялся на ноги. Лагеря наемников больше не было. Часть палаток полыхала, вторая — просто валялась на земле... Закаменский рядом со мной принял обратно человеческий облик.

— Жаргал с вами, Баир Баторович? — Спросил я, подходя к старому шаману.

— Нет, уехал домой, он закончил свое обучение. — Выдохнул шаман.

— Повезло ему. — Кивнул я.

— Повезло сегодня тебе, что мне Небесный Покровитель показал, где тебя искать. — Усмехнулся в ответ Закаменский.

— Да, это точно. — Улыбнулся и я.

Бойцы Тайного Приказа начали осторожно подходить к площадке ритуала, осматривая тела, валяющиеся вокруг. К нам двигался Кобылин, прикрываемый группой из десяти бойцов.

— Матвей, ты что творишь?! Тебе же говорили эвакуироваться! Ты на х*ена цирк такой устраиваешь?! Я твоему деду обещал тебя живым домой вернуть! — Кобылин был красный как рак.

— И вам вечер добрый, Алексей Владимирович! — Улыбнулся я, — да вот тут князь Долгоруков чудить изволит, против императора решил пойти, дом мне разворошил.

Кобылин повернулся к телу, точнее, к двум половинам тела князя Долгорукова. Одна половина так и осталась на лезвии огромной костяной косы, вторая валялась в луже подмерзающей крови...

Рядом с ним валялся наследник рода Арсений Владимирович, внешне целый, но так и не пришедший в сознание. Рядом с ним уже стоял на коленях боец Тайного Приказа с шевроном маленького красного креста на черном фоне, проверявший пульс, реакцию зрачков и осматривающий тело наследника. После нескольких простых манипуляций, боец достал синий футляр, вытащил из него шприц — тубик и вколол его в плечо наследника. После этого он достал из подсумка на груди браслеты из нулевого мифрила и закрыл их на запястьях Долгорукова. Следом боец осмотрел Соловьева, и я с удивлением услышал:

— Он еще жив! Нужно срочно госпитализировать!

— Распорядись на счет карусели. — Кобылин кивнул командиру группы.

Тот кивнул в ответ и отошел в сторону, доставая рацию из подсумка.

Я решил подойти ближе. Все-таки я тут Лекарь или как?..

Тело постепенно приходило в норму, и состояние «война» уже отступило...

— Я могу помочь. Я — Лекарь. — Сказал я.

— Давай, он все равно без сознания. — Кивнул медик группы.

Я опустился на колени и построил аркан диагностики.

Так, что тут у нас? И... внутреннее кровотечение, разрыв селезенки, разорванный желудок,

поврежден позвоночник. Хорошо еще, что почки целы и желудок пуст...

Светлый Источник вспыхнул, выпуская энергию. Стянем края раны, пока только внутри. Промываем раны, а теперь за дело... Срастим селезенку, закроем дыры в желудке. Затем промоем раны вновь и закрываем дыру в животе. С помощью воды вытягиваем кровь, заполнившую полость внутри тела и закрываем рану на спине. Теперь идем по классике: общее укрепление, общая стимуляция, обезболивание, укрепление...

— Состояние средней тяжести, стабилизировано, большая потеря крови. До вертолета дотянет, и перелет переживет. — Кивнул я медику.

— Спасибо. — Кивнул медик и застегнул наручники из нулевого мифрила на запястьях Соловьева.

— Все равно, Матвей, я тебя не понимаю. Зачем так рисковать? — Покачал головой Кобылин, вставший рядом со мною.

— Алексей Владимирович, а вы уверены, что смогли бы изгнать князя Боярского? — Прищурился я.

— Нет, но попытался бы. — Ответил он, — но только это не дело молодых, разгребать ошибки старших.

— С ошибками должны разбираться те, кто есть здесь и сейчас. Я был здесь и сейчас, и я был уверен в своих силах.

— Максималист! — Махнул рукой Кобылин.

— Что поделать, возраст такой! — Пожал я плечами, усмехаясь.

— Матвей! — Закаменский рванул ко мне.

Кобылин непонимающе смотрел на старого шамана, а я услышал хриплый знакомый голос снизу из-за спины:

— Сдохни уже, выб*ядок!

Четыре выстрела снизу откинули меня вперед, пересекая всю спину от левой стороны пояса до правого плеча... Сука, больно... И тепло... Сознание начало гаснуть... И последний кадр — командир группы, который прибыл с Кобылиным, вскидывает автомат, направляя его между мной и Кобылиным.

•

○

■

■ *

Князь Кобылин отскочил в сторону, услышав уже первый выстрел. На повороте он увидел, что Соловьев, еще пару минут назад валялся без сознания, сейчас сжимал пистолет, ствол которого дымился. Еще три выстрела пробили спину Матвея, две пули прошли на вылет...

«Пиз*ец» — Успел подумать Кобылин и уже услышал пятый выстрел с другой стороны.

Четвертый, командир группы, с которой заходил Кобылин, вскинул автомат и выстрелил. Стрелял он хорошо. Пуля легла в голову Соловьева, опрокидывая приподнявшееся тело обратно на окровавленный снег...

— Где контроль, идиоты?! — Процедил сквозь зубы Кобылин, бросаясь к упавшему Волкову, — МЕДИК?!

Медик уже стоял на коленях, переворачивая тело Матвея на спину и срезая одежду с груди.

— Бл*ть — Сказал медик, осматривая моментально почерневшие сосуды на теле, — пули из нулевого мифрила, не жилец.

— Сука! — Крикнул Кобылин.

— Тащите его к озеру. — Сказал Закаменский, подбегая ближе, — другого варианта нет.

— А вы кто? — Рыкнул Кобылин, обращая взгляд на старого шамана.

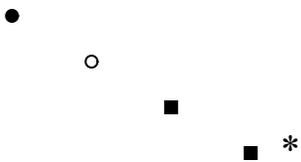
— Закаменский Баир Баторович. — Представился шаман.

— Тот самый шаман из Листвянки? — Удивился Кобылин.

Закаменский просто кивнул в ответ и продолжил:

— Тащите Матвея к озеру и прорубите прорубь во льду. Другого шанса у нас не будет, даже вертолет не успеет доставить его до Иркутска. Отравление убьет его раньше.

— Командир, тащите Матвея к озеру, бегом, бегом! — Рывкнул Кобылин, — Четвертый, мне нужна прорубь уже пять минут назад!!!

Тьма вокруг... и холод... Почему вокруг тьма? И тело я не чувствую...

— Вот сколько раз мы должны доставать тебя из задницы, в которую ты сам героически залезаешь? — Насмешливый мужской голос выдернул меня из раздумий.

Я повернул голову (или не повернул?!) и увидел рядом Белобога.

— Вот сегодня выражать свое почтение желания нет. — Буркнул я.

— О, как! И почему же? — Усмехнулся один из Вышних Богов.

— А ведь все началось благодаря вашему наставлению о применении Темного источника в той потасовке в парке, в Петербурге. Именно во время драки я применил Темный источник, и князь Долгоруков начал действовать, будто с цепи сорвался. Оказалось, что наличие двух Источников во мне — его заслуга. И ему нужен был мой Темный Дар, который я унаследовал благодаря роду Боярских.

— Ой, какой молодец, какую цепочку построил! А ты не забыл, что я тебе сказал, когда ты впервые пришел в родовой храм? Ты — пешка на шахматной доске, которая может стать ферзем. И да, чтобы стать ферзем нужно было пройти через все это. — Взгляд Белобога перестал быть насмешливым, и голос стал серьезным.

— И моих родных тоже нужно было подводить под такой риск? — Мои глаза тоже сузились.

— Ой, как мы разозлились. Прямо страшно становится. — В голосе Белобога вновь появилась усмешка спустя минуту молчания, — Им ничего не угрожало, все было просчитано и выверено. Только твое ранение было с высоким коэффициентом. Не повезло нам здесь, да. Вот и придется исправлять свои собственные ошибки.

— Знаете, мне сейчас ваш брат кажется гораздо человечнее, чем вы, хотя именно он воплощает в себе всю ту Тьму, что есть вокруг нас. — Выдохнул я.

— Не всю, далеко не всю... — С улыбкой покачал головой Белобог, — но сейчас мы не об этом говорим. Так что вернемся к твоему исцелению. Ничего не ощущаешь вокруг?

— Ощущаю огромное количество энергии, которая пульсирует в озере.

— Да, Боярский постарался. Свалить такую кучу небесного металла в священное озеро! Тогда мне казалось, что он — дурак, но даже я не понял, что благодаря этому случиться!

— То есть весь тот обоз мифрила здесь, в озере? — Выдохнул я.

— Ага, и каждый год она прирастала в три — четыре десятых процента от общей массы. — С улыбкой кивнул Белобог.

— Это новая проверка? — Прищурился я.

— Не для тебя, сейчас ты просто гонец. Это проверка для императорского рода. — Улыбка Белобога превратилась в оскал, — мы дадим новый инструмент земле, посмотрим, как он им распорядится — решит вытащить все, просто потому что давно мечтал вернуть это все домой, либо поступит хитрее. Единственное, что ты должен уточнить для Александра — если мифрил останется в Байкале в массе более ста тонн, то его прирост ежегодный сохранится за счет особенностей озера.

— И как я должен это подтвердить для Императора?

— Никак, — Покачал головой Белобог, — ссылайся на меня и брата. Твоя тайна двойного источника раскрыта, Тайный Приказ в курсе этого, как и сын Кобылина — прямой свидетель того, что ты сражался и против Долгоруковых, и против Боярского. Плюс — ты принесешь императору сведения о давно потерянном богатстве. Так что ты стал еще на шаг ближе к статусу новой фигуры.

— Можно вопрос? — Вдруг спросил я.

— Почему бы и нет, мы все равно ждем, но только один. — Кивнул один из Вышних Богов.

— Вы, боги, покровительствуете родам, отдельным людям, вы знаете наши мысли, желания, тайны, помыслы... Как вы допустили, чтобы Долгоруковы стали такими? Как вы... — Я снова начал расплываться, но мой рот просто захлопнулся, как только Белобог поднял палец.

— Я обещал ответить на один вопрос, и ты его задал, так что слушай. Ответ мой: — а никак, мы не допускали, мы не позволяли, но мы и не запрещали. Один из Законов Мироздания: душа, воплощенная в Срединном Мире имеет Волю. Воля — основа Выбора. Выбор свободен для любого смертного существа. Мы не нарушаем свои же законы. Мы спрашиваем с душ в посмертии за их дела.

— И Долгоруков теперь попадет на суд. — Кивнул я.

— ХА! Нет! Коса Боярского — прямой путь в царство Кощея, прежде, чем он попадет на суд, он ответит лично перед Боярскими. Их благословил Кощей, и они попадают в его царство. Это князь не смог туда попасть, потому что саркофаг Долгорукова запер на душу внутри тела и помещал в состояние очень похожее на кому, так что Боярский был не в курсе всего произошедшего. Но теперь он с родичами с Долгорукова тридцать три шкуры снимет, а потом отдохнет и еще тридцать три раза повторит с Долгоруковым... Не думаю, что Боярские его быстро отпустят...

— Жестоко. — Меня аж дрожью пробило от такой картины...

— Ставки согласно игре, в случае победы он получил бы огромный куш, а случае проигрыша — всего лишь умер, но тут ему не повезло встретиться с тем, кто был даже не сильнее, а опытнее его. Боярский ВСЕГДА воевал САМ. Долгоруков ВСЕГДА лишь лечил САМ. Вывод прост. Они не в целительстве соревновались...

В этот момент огромная извивающаяся фигура показалась внутри темноты. Она быстро приближалась к нам, и я уже видел длинное серебристое тело с синими вставками по хребту. К нам летело или плыло огромное змееподобное существо...

— А нам не стоит сбежать от него? — Я сглотнул.

— Нет, именно к нему мы и прибыли на встречу. — Усмехнулся Белобог.

Серебристый огромный змей все увеличивался, приближаясь к нам все ближе и ближе. И чем ближе он становился к нам, тем больше я убеждался в двух своих теориях: во-первых, это был не змей, а дракон в том виде, в котором так любят изображать этих гордых и яростных существ в китайской мифологии — длинное гибкое тело, извивающееся словно плеть, мощные лапы, заканчивающиеся длинными когтями, огромная голова с ветвистыми закрученными рогами с серебристой гривой вокруг, словно она была львиной, пара длиннющих серебристых усов, которая тянулась за головой и заканчивалась где-то ближе к середине тела, и огромные золотые глаза с радужками — веретенами, во-вторых, я вновь был в Мире Духов, в своей форме рыкаря, которая здесь была отражением моей души... Когда дракон приблизился к нам, я понял, что одна его голова в три раза больше моего роста — Моя голова была на высоте верхней губы сомкнутой драконьей пасти... — Приветствую тебя, Балхар, темный нойон — отец, Владыка моря — озера Байкал! — Сказал Белобог, учтиво склонив голову перед драконом. — Здравствуйте, Великий Предок. — Я поклонился хозяину священного озера. — Приветствую и я тебя, владыка Белобог, хранитель Светлой Стороны, кто прибыл под твоим покровительством? Голос дракона был ему под стать — глубокий, сильный, властный... — Мой последователь, ученик шамана. — Ответил Белобог. — Интересно... Но я ощущаю вместе с твоей Жизнью в нем и частицу Тьмы твоего брата — близнеца Чернобога. Это не звучало как вопрос, скорее как утверждение. Я же просто стоял и молчал, как говорится, “в тряпочку”. Когда титаны разговаривают, трясутся горы, и лучший выбор для смертного — не отвечать... — Все верно, душа внутри этого тела уже была отмечена им в прошлой жизни. Он часто встречался с Тьмой и Смертью, и его душа впитала в себя часть этих эманаций... — Дважды рожденный, ставший учеником шамана, как интересно. Дракон, наконец, опустил свои глаза на меня. Глаза его вспыхнули золотом с новой силой, и от них словно потекла золотистая дымка. — Зачем ты пришел с ним ко мне, Белобог? — Наконец произнес владыка Байкала после пары минут молчания. — Его смертное тело поражено опустошенным Небесным Металлом через пару минут земного мира он может уйти в Мир Духов окончательно. Я на твоей земле, и я прошу твоей помощи в его исцелении. Дракон задрожал всем телом. Вначале мне показалось, что его трясет от сдерживаемого гнева, но затем из раскрывшейся пасти раздался громopodobный смех. Дракон кружился всем телом, лишь голова оставалась неподвижно, продолжая хохотать. — Пути мироздания неисповедимы. Вышний приходит просить помощи у простого местного царя. — Словно сквозь слезы, произнес дракон. — Не приbedняйся, Балхар. Я знаю твою силу и мощь, и я уверен, что тебе это по силам. — Улыбнулся Белобог. — Да, то правда, что я могу его исцелить. Но ради чего мне это делать? — Зрчки — веретена серебристого дракона сузились, уставившись на Вышнего Бога. — За мной будет долг перед тобой, Балхар. — Кивнул Белобог. — Договор? — Дракон раздумывал недолго. — Договор. — Подтвердил Белобог. — Тогда так тому и быть. — Кивнул дракон. Его хвост перестал извиваться и скользнул ко мне, обвивая все тело. — Советую, когда очнешься, всплывать как можно быстрее, а то ты и так долго находишься под водой. — Услышал я насмешливый голос Чернобога, пока кольца вокруг меня не начали мерцать мягким серебряным светом.

•

○

■

■ *

Холодно... И влажно... Очень холодно... И очень влажно... Что со мной? Я в воде?! А почему так много серебряных нитей вокруг меня? Я подо льдом Байкала?! Так зима же на дворе!!! Я резко рванул вверх, вырываясь на поверхность. Благо я оказался привязан за корпус веревкой, по которой смог быстро прорваться к поверхности. Только я показался в вырубленной во льду проруби, как услышал крик: - Вытаскивайте его, вытаскивайте! Веревка резко натянулась, за руки меня схватили сразу четверо бойцов Тайного Приказа, вытаскивая на поверхность. С меня тут же стянули все сырые вещи и коллективно одели в сухие, добавив сверху теплое одеяло. Лишь сейчас я смог начать различать лица здесь присутствующих. Вокруг меня стояло около двадцати бойцов Тайного Приказа, Кобылин и Закаменский. — Выжил! — Выдохнул Кобылин, начав тут же улыбаться. А вот Закаменский просто стоял и молча смотрел на мою грудь. У меня зуб на зуб не попадал, но с третьей попытки я смог построить аркан целебной диагностики и направить его на себя. Если не считать переохлаждения, мое тело работало абсолютно нормально. Никаких следов ранений не осталось. — Н-н-на-ставн-н-ник! Н-на что в-вы т-так п-п-прис-с-стальн-н-но с-с-смотрим? — Спросил я старого шамана. Закаменский молчал указал на мою грудь. Я опустил взгляд вниз. Толи и зурхайбши, подаренные Закаменским в конце прошлого лета преобразились — они стали словно бы отлиты из серебра, но глаза рыкаря говорили о другом — шаманские атрибуты испускали энергию и пульсировали в такт моему сердцебиению. Они словно поменяли структуру и теперь были выполнены из мифрила... — Юный шаман, — Произнес Баир Баторович, склонив голову, — мы приветствуем тебя!

•

○

■

■ *

РИ, Санкт-Петербург, зимняя резиденция Рюриковых, спустя месяц после событий в бухте “Радость-2” на берегу Байкала

Я сидел в гостиной вместе с князем Кобылиным зимней резиденции императорской династии. Алексей Владимирович хотел меня утащить в Петербург сразу же после окончания операции на Байкале, но его затея не увенчалась успехом. Наследник князя смог довольствоваться только моими показаниями. Так что меня вернули домой, правда в охране у нашего поместья, которое теперь требовало ремонта, оставили два отделения боевого крыла Тайного Приказа. И после каникул мне не дали вернуться в Петербург с помощью поезда — за мной пригнали личный самолет. Я начал обучение и взялся за дела компании, ожидая скорого вызова к Кобылину — старшему, но его не было ни на первой неделе, ни на второй. А вот на третьей пришел. Только не к Главе Тайного Приказа.

Меня пригласили на личную аудиенцию к Императору Всероссийскому Александру Четвертому двадцать восьмого января. Сегодня утром князь Кобылин прибыл за мною лично. Пришлось надевать на себя новенький мундир с погонами поручика. И сейчас мы сидели в огромной гостиной зимней резиденции Рюриковых. Я потягивал прекрасно приготовленный кофе, а князь Кобылин просто молчал последние полчаса. — Спасибо тебе, Матвей. — Я впервые услышал голос князя с момента нашей сегодняшней встречи. — За что,

Владимир Алексеевич? — С удивлением спросил я. — За то, что не стал ни Долгоруковым, ни Боярским. — Криво улыбнулся князь. — Я — Волков, Владимир Алексеевич, для себя уже все решил. — Кивнул я, — но в отношении с Боярскими я вас не понимаю, откуда такая ненависть? — Они предали империю. — Утвердительно произнес князь. — Вы удивитесь, Владимир Алексеевич, но я общался при проведении ритуала с князем Боярским, Игорем Никитичем. И я уверен, что он не предавал. — Почему ты так в этом уверен, Матвей? — Ну, давайте порассуждаем немного. Во-первых, князь рассказал мне об этом будучи призванным и связанным со мной оковами аркана “Железной Девы”. Вы ведь знаете основы его построения? — Разумеется. — Кивнул князь. — Отлично, так вот, этот аркан порождает связь между некромантом и призванным в форме “хозяин — раб”, и подчиненный не может его послушаться, не может нарушить приказ некроманта, не может лгать ему или нанести вред в какой-либо иной форме. Да, князь Боярский разорвал оковы Железной Девы с завидной легкостью, но в момент нашей беседы он был под действием аркана. — Но он мог разорвать или ослабить аркан в процессе беседы, и, возможно, мог говорить все, что считал нужным, а не быть абсолютно честным. — Возразил князь. — Такая возможность есть, все же мы говорим об Одаренном Ранга Стихия, — Кивнул я, — но тут выступает мой второй аргумент — а какой в этом смысл? Боярский уже был мертв, ему не было никакого смысла врать, чтобы выгородить себя, ведь его рода больше нет как такового. Но есть и третий аргумент. — И какой же? — Прищурился князь. — А вы его сами можете подтвердить. — Усмехнулся я, — Ответьте мне, Владимир Алексеевич, Боярский действительно убил наследника князя Долгорукова? — Да, причем, с особой жестокостью при свидетелях. — Кивнул Кобылин. — А император общался с Боярским перед его убийством, или же он сразу атаковал его, когда они встретились лицом к лицу? — Атаковал без промедления. И там было не до разговоров. Два Одаренных Ранга Стихия тогда сражались так, что земля тряслась от напряжения. — Ответил Глава Тайного Приказа. — Тогда эта часть слов Боярского точно правдива. И я не вижу смысла искажать даже часть. К тому же, князь Боярский ни разу не обвинил императора в своей смерти или смерти своего рода. Он винил лишь Долгорукова и его бесполезные интриги. Ведь все Боярские были военными офицерами? — Да, они принципиально не шли ни на какую другую службу, их уделом была война и массовый террор в стане врага. — Снова кивнул Кобылин. — Так вот и делайте соответствующие выводы. Боярский не предавал, он лишь стал очень сильной пешкой в партии Долгорукова, а, когда появился риск того, что пешка выйдет из-под негласного контроля Долгорукова, он ее очень успешно разыграл с молодым наследником императорского престола, получив необходимые ему результаты. Все-таки, князь Боярский — офицер до мозга костей. Он ведь и в бой шел с лозунгом “Мертвые сраму не имут”... Знаете, о чем меня просил князь Игорь Никитич, перед тем как он напал на Долгорукова? — Возродить род? — Нет, князь, он просил меня защищать империю и ее жителей всеми силами. Герои нужны для поддержания морального духа народа внутри империи. Враги и соперники империи, которые открыто или тайно желают нас разорвать и хапнуть себе кусок от наших земель должны видеть внутри империи чудовищ, которых они будут бояться. — Я сделал последний глоток восхитительного напитка и поставил чашку на столик. Князь Кобылин откинулся на спинку своего кресла и скрестил руки на груди. Спустя пару минут он все же вновь начал говорить: - Мне нужно все очень хорошо обдумать, Матвей. Я склонен доверять тебе и твоим словам, но тогда это значит, что мы с твоим дедом совершили ужасную ошибку и уничтожили целый род. Такое осознавать на старости лет не особо

приятно... — Нет смысла горевать по тем, кого не вернуть. Но сделать выводы из своих ошибок и больше их не повторять — это нам по силам. Ведь, по этому дети и изучают историю как предмет в школе — чтобы не повторять тех ошибок, что уже были совершены прошлыми поколениями. — Пожал я плечами. — И ты не держишь на нас обиды? — Не держу, — Честно ответил я, — может я и есть результат изнасилования моей матери Ильей Боярским, но я вырос Волковым, мой отец — Волков, моя мать — Волкова, моя сестра — Волкова, мой дед — Волков, мой род — Волковы, и Волковым я и умру. В этот момент в гостиную вошел Трубецкой Лев Леонидович, личный помощник императора. — Господа, прошу следовать за мной, император примет вас в своем рабочем кабинете. Мы молча поднялись из своих кресел и двинулись вслед за Трубецким.

Глава 12. “У меня тоже есть просьба”

Трубецкой привел нас в рабочий кабинет императора.

Кабинет располагался в круглой комнате с выступающим прямоугольным эркером, который был полностью выполнен из стекла. В нише эркера располагались два мягких кресла, обшитых коричневой кожей, и между ними стоял небольшой журнальный столик с круглой столешницей на одинокой резной ножке. Сам рабочий кабинет был выполнен в светло-серых спокойных тонах. Из мебели, кроме той, что была установлена в зоне эркера, тут присутствовали лишь два застекленных шкафа, заставленные книгами, небольшой бар, рабочий г-образный стол, кресло хозяина кабинета и шесть резных стульев с высокой спинкой. В хозяйском кресле располагался Император Всероссийский Александр Четвертый. Это был уже второй раз, когда я встречался с императором лицом к лицу. На этот раз черный мундир сменился классическим костюмом — тройкой черного цвета с серой рубашкой и широким черным галстуком. За правым плечом императора замер, словно безмолвная статуя, его младший брат, Великий Князь Сибирский, Михаил Васильевич. — Здравствуйте, Ваше Императорское Величество! — Первым поприветствовал главу империи князь Кобылин. — Здравия желаю, Ваше Императорское Величество. — Я склонился в поклоне вслед за Кобылиным перед монархом. — Добрый день, господа. Прошу вас, присаживайтесь за стол. — Кивнул император с легкой улыбкой и продолжил, — Матвей Волков, на время личной аудиенции мы дозволяем вам обращаться к нам просто “государь”, дабы мы все не тратили время на эти дворцовые условности. — Благодарю Вас, государь. — Кивнул я. — И так, начнем с самого начала вашу историю. Мы желаем ее услышать от вас лично и в максимально полном объеме. — Кивнул император.

Следующие два часа я вел свое повествование, начиная с весны прошлого года, когда мной впервые заинтересовались Долгоруковы, и я встретился с Аркадием Соловьевым.

Император и его брат слушали молча, не перебивая и не переспрашивая, лишь когда я закончил, Великий Князь приказал подать чай на каждого гостя. Император Александр поднялся из своего кресла и переместился в одно из тех, которые стояли лицом к застекленному эркеру. Пока мы все ждали чай, в кабинете императора стояла мертвая тишина. Лишь один звук прервал этот штиль — чирканье длинной спички о коробок. Император раскурил сигариллу и открыл окно в эркере. Кабинет наполнился ароматом дорогого табака с нотками кубинского рома...

— Теперь ты потребуешь восстановления рода Боярских и признания тебя князем? — Я услышал голос императора, но не мог видеть его лица.

— Разве я могу так поступить, государь? — Спросил в ответ я.

— Ну, согласно правовому уложению Российской Империи, именно император может узаконить ранее незаконно рожденного байстрюка, если все члены рода погибли или пропали без вести ранее, дабы не терять благородный род и сильных Одаренных из состава империи. Закон старый, но его никто не отменял, так что он до сих пор действует. — Усмехнулся брат императора.

А что, так можно было?! Я и не знал!..

— Нет, не буду. Я — Волков. — Отрицательно покачал головой я.

В этот момент словно выпустили спертый воздух из кабинета. Великий Князь Сибирский и князь Кобылин одновременно выдохнули. Император поднялся из кресла и повернулся лицом ко мне. Бррр... Эти глаза, в которых плескалось и переливалось живое пламя меня все также пугали...

— Хорошо, что ты принял такое решение. Но я не могу понять одного — от кого ты узнал, что на дне Байкала спрятан обоз с мифрилом? От Боярских?

— Нет, государь.

— Не уже ли Долгоруковы знали? Тогда я не понимаю, откуда они получили эту информацию...

— Простите, государь. Но и князь Долгоруков этого не знал, именно по этой причине он хотел призвать душу князя Боярского.

— Тогда кто тебе сказал?

— Белобог.

В кабинете вновь повисла тишина.

— Ты уверен в своих словах? — Раздался голос императора.

— Да, и я готов поклясться своими Источниками, что Белобог — мой Небесный Покровитель.

Такие слова были весомыми. Никто бы не рискнул ставить на кон свои силы, поэтому даже такие слова говорили только тогда, когда человек говоривший их, был абсолютно уверен в своих словах...

— Серьезное заявление. — Кивнул император, — а он что-то добавил к этому?

— Он сказал, что это знание станет вашим испытанием, государь, и от того как вы поступите, будет многое зависеть в будущем... А, и Белобог сказал, что только в Байкале мифрил может прирастать в массе за счет особенностей озера...

Император повернулся к брату.

— Готовь экспедицию на Байкал. Собирай всех, кто тебе нужен и отправляйся на Байкал.

Брат императора кивнул:

— Я займусь немедленно.

Великий Князь вначале пожал руку императору, после князю Кобылину и в конце мне. После брат императора покинул кабинет, закрыв за собою двери.

— За раскрытие преступлений князя Долгорукова я обязан отблагодарить тебя, как ни крути. Да и за сведения о мифриле, если они верны, стоит. Ну, так чего ты хочешь, Волков? Я даже готов расщедриться — у тебя есть три просьбы. — С легкой усмешкой сказал император, выпуская облако табачного дыма.

— Вы правы, государь, у меня есть просьба. Даже три. — Кивнул я.

— Так озвуч, а я уже решу, достойна ли она. — Ответил император, возвращаясь в свое кресло.

— Первое — я прошу признать заслуги моего деда, Волкова Аристарха Прохоровича, и присвоить ему соответствующий титул. — Сказал я.

— Просишь не за себя, а за родича?

— И за себя тоже, ведь я — наследник рода Волковых, возвышение деда затронет всю семью.

— Пожал я плечами.

В ответ император только улыбнулся и сказал:

— Это была первая просьба. Что с двумя другими?

— Вторая просьба — отдайте мне доступ на месяц в родовую библиотеку Долгоруковых.

Ну, а что? Наглость — второе счастье, как говорится...

На этот раз император рассмеялся, не сдерживаясь. Смеялся император красиво, но не долго...

— Ну, удивил, так удивил! Мне даже интересно, что же станет третьим твоим желанием? — Теперь улыбка не сходила с лица императора.

— Я был бы рад, если бы император пожаловал роду Волковых землю за Гатчиной, что раньше принадлежала роду Боярских, а после гибели рода перешла под руку императорской династии. — Ответил я.

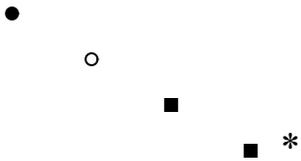
— Да, каждая просьба дает свои преимущества, Волков, хотя ты бы мог попросить и больше.
— Кивнул император.

— Мог бы, государь, но большего мне и не нужно, остального я постараюсь добиться сам. Тем более, сам император является моим соучредителем в компании, которая перевернет мир. — Улыбнулся я.

— Хорошо, я действительно могу исполнить все, о чем ты попросил. У меня тоже есть просьба. Чтобы уравновесить наши взаимные услуги друг другу. — Кивнул в ответ император.

— Могу я узнать, в чем она заключается? — Спросил я.

— Сможешь и узнать, и сразу же исполнить. — Кивнул император, продолжая улыбаться, и повернулся к князю Кобылину, — Владимир Алексеевич, нам нужна машина. Мы все втроем едем в Кресты прямо сейчас.

РИ, Санкт — Петербург, следственный изолятор петербургского управления полиции № 1, также известный как «Кресты»

Из зимней резиденции Рюриковых мы очень быстро смогли переместиться в Кресты.

В этом мире следственный изолятор № 1 нес те же функции, что и в моей прошлой жизни с двумя поправками. Первое — все заключенные, содержащиеся в Крестах были Одаренными, второе — представителей благородных сословий в Петербурге отправляли строго в Кресты...

И пусть большинство камер были свободными, и здесь были свои постояльцы... И да, из этих Крестов побегов не было... Как и освобождений...

На КПШ наш кортеж из семи машин даже не стали досматривать. Просто ворота быстро разъехались в стороны, пропуская машины с гербами императорской династии внутрь. Личный состав изолятора был моментально построен для встречи императора, и к нам вышел начальник Крестов.

— Ваше Императорское Величество, личный состав следственного изолятора главного управления полиции по городу Санкт-Петербургу построен! Доложил начальник следственного изолятора № 1, подполковник юстиции Васин. — Крупный мужчина, лишь немного уступающий своими габаритами Великому Князю Сибирскому, с лопато —

образной бородой без усов и лицом, похожим на питбуля, вытянулся по фронту, стоя перед императором.

— Вольно, господин подполковник. Я ненадолго и без проверки. Распусти людей по местам несения службы. — Улыбнулся император.

— Есть, Ваше Императорское Величество! — Гаркнул в ответ начальник изолятора и повернулся к строю, набрав в грудь воздуха, — У масс две минуты вернуться на свои посты! Сам пройду и проверю, и не дай-то Великие Боги, я хоть кого-то не застаю на месте несения службы! Разойдись по местам!!!

Строй сотрудников мигом рассыпался, и полицейские маленькими, но организованными группами просочились внутрь различных зданий.

В итоге, спустя три минуты, на плацу остались только Император, князь Кобылин, я, начальник изолятора и дворцовые безопасники, которые стояли и изображали из себя гранитные статуи.

— Петр Александрович. — Позвал начальника изолятора Александр Четвертый.

— Я, Ваше Императорское Величество! — Моментально откликнулся подполковник.

— Проведи нас к Долгорукову. — Кивнул император, даже не оборачиваясь.

— Есть! Прошу следовать за мной! — Козырнул подполковник и двинулся первым, ведя остальных за собой.

Следом за нами двинулись шестеро безопасников, в итоге, вся наша компания насчитывала десять человек. Подполковник двигался впереди, рука об руку идя с императором, заранее указывая на нужные повороты. Я шел плечом к плечу с князем Кобылиным, следом молча шли шестеро дворцовых.

Убранство тюрьмы было... серым. Все вокруг было серым... Создавалось ощущение, что серость — неотъемлемая часть Крестов. А еще тут было разлито умопомрачительно много энергии Смерти... Сотни, нет, тысячи Одаренных были казнены в этих стенах... И каждый приговор, приведенный в исполнение в этих стенах, оставлял свой отпечаток на этом месте... С таким объемом разлитой вокруг силы тут было настоящее раздолье для некроманта, вот только одно «но» — мне было отвратительно, просто омерзительно здесь находится... Вместе с энергией Смерти здесь были оставлены и последние эмоции, которые испытывали приговоренные — страх, ненависть, ярость, боль, отчаяние, печаль, скорбь, гнев, отчаяние, паника... Все это множилось многие годы и перемешалось в безумном коктейле... Неудивительно, что многие старались покончить с собой в этих стенах... Еще бы был способ это сделать, сидя в клетке в мифриловых браслетах...

Бррр... Жуть... Не хочу здесь находиться... Просто сбежать хочу отсюда... Как можно быстрее и дальше...

— Чтобы от тебя не потребовали — сделай это, иначе последствий не избежать! — Услышал я голос князя Кобылина.

— О чем вы говорите, князь? — Одними губами прошептал я в ответ.

— Просто так император не повез тебя сюда... Он всегда преследует какие-то цели... И сейчас он явно чего-то хочет... Если хочешь жить... То сделай все так, как он потребует...
— Прошептал князь.

А вот это мне уже не нравится вдвойне... Чего император может потребовать от меня, простого дворянина, пусть и наделенного двумя источниками?...

Наша компания спустилась на второй подземный этаж. Коридор здесь был уже значительно уже, так что нормально мог идти только один человек. У каждой решетчатой двери стояли часовые, которые отдавали воинское приветствие, как император и начальник изолятора оказывались на дистанции пяти шагов от них. Мы прошли до конца коридора и остановились у самой последней двери на этаже.

— Арсений Владимирович Долгоруков содержится здесь, Ваше Императорское Величество, в одиночной камере, без права прогулки и встреч, как и было приказано Великим Князем Михаилом Васильевичем. — Отрапортовал подполковник Васин.

— Хорошо, можете подождать нас здесь, господин подполковник. — Кивнул император и вошел в открытую дверь камеры.

Князь Кобылин и я вошли следом. За нами вошли двое бойцов СБ, остальные остались в коридоре, как и начальник изолятора.

— Ну, здравствуй, князь. — Насмешка в голосе императора звучала открыто.

— Добрый день, Ваше Императорское Величество. — С бетонной койки, которая являлась по сути постаментом, с одним матросом поднялся мужчина в серой робе.

Наследник князя Долгоруковых выглядел откровенно паршиво. Тело Арсения Владимировича сдало под действием браслетов из нулевого мифрила, которые явно никто не снимал последний месяц. Источник нового «князя» стал гореть гораздо тише, тело осунулось, были видны мешки под глазами и запавшие щеки, словно он был на долгой голодовке. Часть ногтей отсутствовала, другие были обломаны, той прически с зачесанными волосами больше не было — Долгорукова обрили налысо...

— Ну как тебе новые апартаменты?

— Меньше прежних, я больше привык к простору и большому количеству света в помещении, Ваше Императорское Величество. — Криво усмехнулся Арсений Владимирович.

— Я вот одного не могу понять, Арсений, ты же вроде как взрослый мужик, и ты уже был взрослым, когда я разобрался с князем Боярским. Зачем ты влез в эту авантюру? Ты же

прекрасно понимал, что в случае провала, голову с плеч твою снесут и принесут мне на блюде? — Император стоял перед Долгоруковым, возвышаясь словно скала.

— Был приказ действующего князя рода. Род — превыше всего. — Пожал плечами «князь» Долгоруков.

— Даже превыше империи?

— Я уже ответил, Ваше Императорское Величество. — Вновь пожал плечами Долгоруков.

— Эх, Арсений, Арсений... Если бы ты сразу пришел ко мне и рассказал, что князь Долгоруков проворачивает... Тогда сейчас князем был бы ты, и ничего этого не было... И род твой был бы в почете и уважении во всей империи... А так... Ты сам виноват в том, что сейчас происходит. Ты это понимаешь? — Император покачал головой.

— Понимаю, Ваше Императорское Величество. — Долгоруков медленно поклонился императору.

— Ну, тогда не серчай. Все по закону, как говориться... — Император щелкнул пальцами.

Один из дворцовых приблизился к императору и достал из кобуры под черным пиджаком пистолет. Перезарядил, поставил на предохранитель и передал в руку императору, после чего вернулся на свое прежнее место.

— Волков. — Позвал меня император.

Я сделал два шага вперед, вставая на одной линии с Александром Четвертым.

Долгоруков перевел взгляд на меня и криво усмехнулся. Оказывается, у него и зубов теперь гораздо меньше... Император повернулся ко мне лицом и протянул пистолет.

— Что вы хотите от меня, государь? — Мне было понятно, чего он от меня хочет...

— Закончи дело. — Просто ответил император.

Вот ведь пид**! Я должен пристрелить Долгорукова как собаку в этих застенках?! Ты меня в таком говне замазать хочешь, у***к хитрозадый?! А ты сам свой хрен с солью сожрать не хочешь?!...

Все эти мысли пронеслись в моей голове, а я сам смотрел то на рукоять пистолета, то на лицо императора. Александр Четвертый не выражал никаких эмоций, просто ждал. Лишь в его глазах плясало пламя...

— Но это же... бесчестно... — Выдавил я из себя.

— А была ли честь в действиях Долгоруковых, когда они захватили твое родовое гнездо? Была ли честь, когда тебе угрожали жизнями твоих родных? Была ли честь, когда они

отравили моего отца и подставили Боярских? Я приказал уничтожить целый род, по твоим же словам, из-за их интриги. — Спокойно ответил император.

— В их действиях чести не было. Но это не повод уподобляться им. — Покачал я головой.

Сука! Ну, зачем тебе это?! Если надо, вот сам бы его и удавил по-тихому! Меня-то ты зачем в это все вмешиваешь, а, псих ненормальный?!.

— Можешь не уподобляться. Но не так давно я присвоил тебе звание поручика полка, в котором являюсь непосредственным командиром. И, как командир, я отдаю тебе приказ: пристрели Арсения Владимировича Долгорукова как вшивую собаку за то, что он предал империю! — Прорычал последние слова император.

Источник императора вспыхнул ярким пламенем. Даже воздух вокруг его тела начал рябить, словно тело императора горело...

— А если я откажусь? — Во мне проснулась непонятно откуда взявшаяся «борзота».

— Ты же мне говорил, что ты не Долгоруков и не Боярский. Если ты оказываешься, значит, и эти твои слова — пустой треп. Следовательно, доверия тебе нет, и не будет. Я засуну тебя в лабораторию, чтобы понять, как так получилось, что ты родился с двумя источниками. А твой род не получит ничего за твои дела, твой дед так и сгниет в Сибири от Угасания Источника, а сестра никогда не сможет ни получить нормального образования, ни нормального брака. Сейчас, Волков, решается простой и одновременно очень важный вопрос — в чьей команде ты будешь играть до конца своей жизни — в моей или против меня? Я не допущу, чтобы такая неизвестная переменная, как ты, могла быть против меня. Так что решай, прямо здесь и сейчас. — Кивнул император.

— Вы ставите условия так, государь, что звучит это немногим лучше того, что говорил мне Долгоруков, сидя в гостиной моего поместья, когда в меня снайпер всадил две пули из нулевого мифрила. — Процедил я сквозь зубы.

Все они одинаковые... Власть имущие... В таком раскладе чем этот больной псих — маразматик отличается от алчного психа — лекаря, мечтающего об абсолютной власти... Тем, что у человека, сейчас стоящего передо мной, эта власть уже есть...

— Нет, ты не прав. Долгоруков бы просто использовал тебя, когда как некроманта, когда как Лекаря, а когда и просто как племенного быка — осеменителя. Твои дети стали бы лабораторными крысами, а сам ты навечно оказался в плену Долгорукова. Я же предлагаю тебе светлое будущее — твой род поднимется вровень с боярами и князьями, твоя компания с нашей поддержкой быстро разрастется, твои навыки смогут развиваться очень быстро благодаря доступу к родовой библиотеке и всем знаниям, которые в ней хранятся. Демон тебя задери, да будь у меня доступ к библиотеке Боярских, я бы дал и его! — Рыкнул император, — но решать ты должен здесь и сейчас. Времени на раздумья у тебя нет.

Император буквально вложил пистолет в мою руку и повернул меня лицом к Долгорукову.

«Мы... не всегда дружили... с императорами... но всегда... защищали империю... защищали дом...» — В памяти вдруг всплыли слова князя Боярского.

Кажется, я начинаю его понимать... Предыдущий император, отец Александра Четвертого, Василий Мирный, превратил князя Боярского в чудовище в глазах всего человечества. Так было нужно империи. Но вряд ли самого князя спросили о его желании становиться для всех окружающих монстром... И меня никто не спрашивает... А есть ли у меня выбор сейчас? Белобог!.. Чернобог!..

В принципе, как и ожидалось, ответа не последовало... Но хоть попытался... И выбора нет... А жить хочется...

Я поднял пистолет, направив в лицо Долгорукова. Мушка и целик совмещены. Долгоруков поднимает лицо, глядя мне в глаза. Печаль... В его глазах нет ненависти или злобы, только печаль...

— Давай, парень, заканчивай. Это лучше, чем Призрачное Пламя... — С грустной улыбкой сказал несостоявшийся князь Долгоруков.

Снять с предохранителя. Щелчок... Патрон в патроннике... Я сам видел, как его загнали туда, взведя затвор... Пристрелить Долгорукова... Он сам пришел в мой дом... Разрушил его... Взял в плен мою семью... Я должен его ненавидеть... И я его ненавижу... Но не такой смерти плешиной собаки я ему желаю... Но и выбора мне не оставили...

«Мы... не всегда дружили... с императорами...»

Слова князя Боярского вновь повторились в моей голове. Да, с таким отношением дружить с ними не будет никакого желания...

«...но всегда... защищали империю... защищали дом...» — именно, Долгоруков и наследник пытались разрушить империю, уклад жизни сотен людей. Гражданская война — это смерти, это брат против брата, сын против отца, мать, хоронящая своих детей... Деда, хоронящие внуков... Матери, что душат малюток во сне, чтобы они не умирали медленно от голода... Это кровь, боль и разорение... Я помню, что такое война... Я видел её уже не раз... Что такое одна жизнь против тысяч и тысяч?... Как говорят? Наименьшее зло... Только в книгах можно не выбирать вовсе...

Палец надавливает на спусковой крючок. Раздается выстрел. Во лбу Долгорукова появляется аккуратная дырочка, а за ним расцветает алый бутон... Пуля прошла на вылет... Рот несостоявшегося князя Долгорукова перекошен, глаза закатываются. Тело опрокидывается на спину и дважды дергается в посмертных судорогах. Сглатываю комок рвоты в горле и поворачиваюсь лицом к императору. Александр забирает протянутый пистолет обратно и с довольной улыбкой кивает мне.

Сука! Да я бы с удовольствием прибил бы Долгорукова! Но прибил честно, в бою! Я не хочу быть палачом! Но ты меня им сделал, тварь!..

— Я в тебе не ошибся, Волков, это радует! Князь Кобылин отвезет тебя домой! Все твои просьбы я исполню в ближайшее время. — Кивнул император и направился к выходу.

— Государь? — Тихо позвал я императора.

— Ну что еще? — Повернулся Александр Четвертый с недовольным видом.

— Что будет с Долгоруковыми, позвольте узнать? Их ждет судьба Боярских? — Я задал свой вопрос.

— Нет, с Боярскими я поступил глупо, был слишком молодым и горячим. Долгоруковы нужны мне, нужны империи. Все-таки, они — лучшие медики в стране, а, возможно, даже и во всем мире. Я назначу нового князя... Скажем, через год... А пока пускай сами погрызутся внутри рода в борьбе за власть. Это хорошенько остудит их буйные головы. — Усмехнулся император и покинул камеру, в которой уже начал собираться запах мочи и дерьма от трупа Долгорукова.

Мы остались вдвоем с князем Кобылиным в камере.

— Владимир Алексеевич, тогда, на Байкале, князь Боярский сказал мне, что Боярские не всегда ладили с императорской династией. — Сказал я.

— И что? — Не понял моих слов Владимир Алексеевич.

— Теперь я кажется, начинаю понимать, почему они не ладили... — Покачал головой я.

— Матвей, поехали, я отвезу тебя домой. — Князь положил руку мне на плечо.

— Дайте мне пару минут побыть в одиночестве здесь. — Покачал я головой.

— Хорошо, жду тебя за дверью. — Кивнул князь и вышел из камеры.

Я остался в одиночестве, если не считать труп Долгорукова. Пусть я и стал палачом. Пусть мне и пришлось убить по указке, а не по нужде или личному решению... Пусть... Но я оставляю себе напоминание об этом... Чтобы никогда не забывать... Как говорил Чернобог? Условие для проведения «Темного Воплощения» — гибель от руки проводящего аркан...

— Отдай мне Тень своей души, враг мой, и служи мне до смерти моего рода, либо до того, когда я дарую свободу твоей душе! — Аркан, напитанный Тьмой и Смертью, сорвался с моей руки, как только Конструкт наполнился рунами и впиталась необходимая сила.

Из трупа Долгорукова вырвалась рука, показалась вторая... Тень выбиралась из тела, словно из ямы.

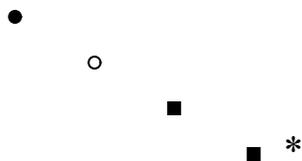
Передо мной встал Арсений Долгоруков, сотканный из Тьмы. Вместо робы на нем были пластинчатые доспехи, лицо было закрыто шлемом с совиной маской.

— Господин! — Раздался глухой голос из-под личины.

— Спрячься в тень пока. Потом мы побеседуем. — Сказал я.

— Да, Господин. — Ответила Тень и бесформенной кляксой слилась с моей тенью.

Я сделал шаг к выходу из камеры...

РИ, Санкт-Петербург, зимняя резиденция Рюриковых, Бал Весеннего Равноденствия, 21 марта

— Готов? — Спросил дед, входя в комнату.

С момента моей злополучной встречи с императором Александром Четвертым прошло полтора месяца. На дворе стояла вторая половина марта, и Петербург начинал просыпаться от зимней спячки. Дворники собирали и вывозили снег, сбивали появлявшиеся каждое утро новые сосульки и чистили дороги и тротуары от молодой наледи... Город оживал от зимнего сна, все больше солнце выглядывало из-под вечно низкого свинцового неба, принося тепло и какое-то хорошее и доброе настроение, которого не было всю зиму.

Я понемногу начал восстанавливаться после тех событий. Если действия на Байкале не были для меня чем-то выходящим за рамки моего опыта (ну, не считая вызова из посмертия князя Боярского), то события в Крестах меня действительно подкосили. И да, спасибо Яне и Саше Кобылину. Они меня вытащили из скорлупы, которая начала появляться... И да, с Яной мы сблизилась... Ну, вы понимаете... Император не приглашал меня больше к себе, но обещания свои сдерживал. Первым стал доступ к библиотеке Долгоруковых. Целый месяц я мог прибывать в поместье Долгоруковых, которое контролировалось Тайным Приказом, и копаться в записях. Каждый день, после учебы, а иногда и пренебрегая ей, я приезжал в поместье и переписывал, копировал все, что могло меня заинтересовать... А интересовало меня все, в особенности то, что касалось родовой школы Жизни. Вот честно скажу, я — дурак, и нужно было просить больший срок. Как только месяц закончился, а это был как назло февраль, мне сразу сказали — баста! В лучшем случае я смог вытащить одну двадцатую часть из всего багажа знаний рода самых знаменитых Лекарей империи...

Вторым стало приглашение моего деда на Императорский Бал, посвященный Дню Весеннего Равноденствия. Приглашение было "+1", что автоматически определило мое присутствие на Императорском Балу... На который, честно говоря, мне не хотелось ехать абсолютно...

— Готов. — Ответил я, бросая последний взгляд в зеркало, и поворачиваясь к деду.

А тот был хорош! Парадная форма полковника Тайного Приказа, три ряда наград на левой

стороне, отдельно орден Князя Владимира в черно-алой ленте на шее со скрещенными мечами третьей степени, который присваивался строго за боевые заслуги офицерам империи. Черный китель с высокой стойкой воротника с золотыми погонами и такими же аксельбантами, широки золотые лампасы на прямых классических брюках, остроносые лакированные черные туфли, в которых можно было увидеть свое отражение. На поясе деда висели ножны с офицерской саблей, обвязанной георгиевской лентой...

— Деда, я тебя впервые вижу в парадном мундире! Великолепно выглядишь, меня прям гордость берет! — Улыбнулся я, осматривая дед.

— Отстань! Мне самому как-то уже и неудобно... Столько лет не надевал на себя эти тряпки... Как будто эти тряпки говорят о том, что я делал на службе... — Выдохнул дед.

— Деда... — Позвал я.

— Что? — Волков — старший поднял на меня глаза.

— Ты три дня как приехал в Петербург, и каждый день ты сам на себя не похож. Может, ты поговорить о чем-то со мной хочешь, но не решаешься? — Прищурился я.

— Эх, если честно, очень хочу. — Выдохнул дед, присаживаясь на кровать, — просто не знаю, как об этом говорить. Вот, знаешь, я людей ломал на допросах морально, а вот как говорит с собственным внуком — ума не приложу...

— Ты хочешь поговорить о Боярских?

— Да, — Кивнул дед, вздыхая, — ну, ладно, я начну, как могу... Во-первых, я никогда не знал, кто является твоим настоящим отцом, просто старался воспитать тебя, как своего внука. Может быть, Александр и Елизавета и относились к тебе иногда с некоторым холодком... Но и ты его пойми — для них ты всегда был напоминанием того кошмара, через которое прошла твоя мать... Я не знаю, как она прошла через все это... Но и пойми такой момент — даже, когда Боярских начали вырезать по всей империи, она никому не выдала, что ты — внук князя и сын наследника рода... По сути, она спасла тебя еще в младенчестве. А Илья... Я не знаю, при каких обстоятельствах и как его заставили насильно взять Елизавету, но не думаю, что это произошло по его добровольному желанию... Думаю, Долгоруков смог и на него найти рычаги... Или создал аркан, влияющий на мужчину... ну, ты понимаешь как и сам... Все-таки, ты сам медик, все прекрасно понимаешь... Во-вторых, я всегда считал и продолжаю считать тебя своим внуком. Ты — Волков. Для меня, для Василия Ивановича, для Софьи. Мы все из одной стаи...

— Я понимаю, деда, и зла ни на кого из вас не держу... Только вот действия императора...

— Начал было я, но дед меня перебил.

— Согласен, действия императора импульсивны, резки, жестки, даже жестоки... Но только и его можно понять отчасти — он просто старается удержать империю в целости... Может, он и не мастерски себя ведет, и его интриги бывают топорны, а действия жестоки с точки

зрения человечности... Но и ты пойми — иначе его никто не учил... Он делает все так, как умеет, а слова против никто ему не говорит... А иногда стоило бы.

— Я все это понимаю, деда, но просто так принять не могу. — Покачал головой я.

— Принимать ты это и не должен. Главное, чтобы ты понимал, когда можно сказать слово против, а когда лучше промолчать. — Кивнул дед.

— Пока я ничего не могу, и слова против не могу сказать, пока мы можем только молчать. Но я добьюсь того, чтобы наше слово тоже будут слушать. — Я покачал головой, — я не хочу, чтобы в империи было множество людей, которые будут требовать от меня исполнения своих желаний и требований, которые нужны им.

— Это хорошая цель, Матвей, действительно хорошая. — Улыбнулся дед, — но пока нам лучше не опаздывать на бал, тем более, машины сопровождения Имперской Канцелярии уже прибыли. Идем?

— Идем. — Кивнул я.

Мы вместе покинули квартиру. На улице нас действительно ждали две черные машины с эмблемами “Астарта” на капоте и гербами Имперской канцелярии на передних дверях. Водитель предупредительно распахнул заднюю дверь перед нами, и мы с дедом заняли места в салоне. Две машины с тихим рокотом выдвинулись в сторону Зимнего Дворца...

У самой зимней резиденции Рюриковых мы двадцать минут потратили на движение ко входу во дворец со скоростью улитки. Все машины двигались, но у красной дорожки притормаживали, где слуга встречал почетных гостей, с поклоном открывая заднюю пассажирскую дверь и выпуская князей и бояр со своими дамами, чиновников, промышленников и сановников на обозрение столичных журналистов и фотографов... И каждый из них двигался медленно, вальяжно, с некоторой ленью и явным выражением превосходства на лицах...

Разительно отличались в толпе этих богачей и влиятельных людей военные офицеры и служащие полиции и Тайного Приказа. Подтянутые, строгие, внимательные... Собранная фигура, цепкий взгляд, строгая выправка... Даже в классических костюмах каждый из них выделялся на фоне “гражданских”...

Нас также выпустили на красную дорожку, ведущую к парадному входу дворца. Мы спокойно прошли и поднялись по ступеням под вспышками фотокамер, проходя в недра зимней резиденции Рюриковых.

Дворец встречал нас море света и обилием золота. Все вокруг нас кричало о богатстве и достатке императорской династии... В главном зале расположились около пары тысяч гостей, по моему скромному подсчету. По бокам бального зала стояли длинные столы для фуршета с множеством закусок, а между гостями быстро передвигались официанты, разносящие напитки. Гул от тысяч голосов стоял страшный...

Я постарался абстрагироваться от происходящего, ожидая начала церемонии. Находится рядом с императором у меня желания по-прежнему не было...

— Старый волк, а я говорил тебе, что тебе еще предстоит надеть эту форму! — К нам с улыбкой приближался князь Кобылин с наследником, — Добрый вечер, Матвей.

— Добрый вечер, Владимир Алексеевич, Алексей Владимирович! — Улыбнулся и пожал обоим руки.

— Будь на то моя воля, я бы уже не надевал ее, если честно, но все сотрудники Приказа всегда находятся в глубоком запасе. — Усмехнулся дед.

— Но-но, Аристарх Прохорович, не выставляй меня диким тираном на службе, а то к нам молодежь приходить не будет. — Рассмеялся князь и приобнял деда, продолжив уже тише, — Император уже прибыл, и с минуты на минуту все должно...

Рев труб прервал князя. Весь зал моментально затих. Трубы проиграли еще дважды, и к трибуне вышел императорский церемониймейстер.

— Дамы и господа! Император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Польский, царь Сибирский, царь Херсонеса Таврического, царь Грузинский; государь Псковский и великий князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; государь и великий князь Новагорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северныя страны повелитель; и государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкасских и Горских князей и иных наследный государь и обладатель, государь Туркестанский; наследник Норвежский, герцог Шлезвиг-Голштейнский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, Хозяин земли русской, Его Императорское Величество Александр Четвертый, народом именуемый Великим!

Вперед вышел Александр Четвертый, обводя своим пылающим взором... И все-таки, жуткий у него взгляд...

— Дамы и господа, сегодня свое приветственное слово я начну с доведения до вашего знания моего указа, который подписан мною лично сегодня утром, — Голос Александра Четвертого заполнил бальный зал, и каждый стоящий здесь, слушал его, затаив дыхание, — Мною было принято решение ввести третье сословие старших аристократических родов, как и боярских, и княжеских родов, этих родов будет восемь. И четверем главам дворянских родов мною принято решение присвоить титул графа уже сегодня.

Император взял паузу, а народ в бальном зале моментально зашептался. Император дал пару минут присутствующим на обсуждение новости, а затем начал снова говорить:

— Каждый из глав названных мною фамилий получит регалии и грамоты графского титула немедленно, вместе с соответствующими титулу землями. Все выбраны мною только за заслуги перед отечеством, ранние и нынешние. Остальные четыре фамилии я выберу позже. Церемониймейстер!

Главный распорядитель императорских балов вышел вперед и встал рядом с императором. Позади него стоял слуга с серебряным подносом, на котором лежали восемь свернутых свитков. Распорядитель взял первый свиток и, развернув, начал зачитывать:

— Главе дворянского рода Багрову Юрию Александровичу присваивается титул графа за военные заслуги, титул сей передавать от отца к старшему сыну — наследнику рода, и передать в вечное владение роду Багровых земли на Дальнем Востоке... — Распорядитель еще читал, а глава Багровых в парадном военном мундире сухопутных войск уже начал подниматься по ступеням к императору.

После передачи грамот и рукопожатия новоиспеченный граф Багров повернулся к гостям лицом и громко произнес:

— Во имя Империи!

— Во имя Империи! — Ответил весь зал.

— Главе дворянского рода Абрамову Леониду Васильевичу присваивается титул графа за военные заслуги, титул сей передавать от отца к старшему сыну — наследнику рода, и передать в вечное владение земли в Сибири... — На этот раз к императору поднимался военный офицер с регалиями артиллериста.

— Во имя Империи!

— Во имя Империи! — Кричит толпа.

Артиллерист начал спускаться под аплодисменты. Как только он сошел со ступеней, распорядитель императорского дворца начал зачитывать третий свиток:

— Главе дворянского рода Злобину Евгению Александровичу присваивается титул графа за дипломатические заслуги, титул сей передавать от отца к старшему сыну — наследнику рода, и передать в вечное владение земли на Кольском полуострове...

И вот мужчина в дорогом черном костюме поднимается навстречу императору, торжественный ритуал — свиток передается в руки нового графа Российской Империи.

— Во имя Империи!

— Во имя Империи! — Вторит весь зал.

Осталась последняя фамилия. Император на этот раз коротким жестом обозначил тишину для всего зала, и церемониймейстер молчал. Молчал и весь зал, ожидая слова Александра

Четвертого.

— Иногда, когда мы помним заслуги наших подданных, но не можем публично отметить их, так как их служба сокрыта в тени. Редко кто знает их в лицо, мало кто может похвастаться личным знакомством с этими людьми. И тогда империя ждет долгие годы, даже десятилетия, чтобы начать чествовать своих героев. И сейчас именно такой случай. Главу рода дворянского Волкова Аристарха Прохоровича мы, Император Всероссийский, возводим в титул графа за особые заслуги в вопросах защиты и отстаивания чести и интересов Отечества нашего, титул сей передавать от отца к старшему сыну — наследнику рода, и передать в вечное владение земли под Гатчиной. Также граф Волков Аристарх Прохорович, согласно нашему указу, назначается с первого июля сего года на должность Главы новосозданной асессорской комиссии Столичного Управления Полиции сроком на пять лет. — Император, продолжая говорить, обводил взглядом весь зал, словно заглядывал в глаза каждого присутствующего.

В мертвой тишине каждый шаг деда в направлении императора звучал словно набат. Каждый первый удар каблуков о гранитный пол отдавался эхом. Каждый второй присутствующий здесь и сейчас смотрел на черный китель полковника Тайного Приказа. И каждый третий боялся этого кителя. Потому что у всех были свои грешки...

— Во имя Империи! — Сказал император Александр Четвертый, пожимая рук деда.

— Во имя Империи! — Ответил дед, так и не обернувшись к толпе гостей.

— ВО ИМЯ ИМПЕРИИ! — Грохнул зал, полный гостей.

— ВО ИМЯ ИМПЕРИИ!!

— ВО ИМЯ ИМПЕРИИ!!!

— ВИВАТ! ВИВАТ!! ВИВАТ!!!

— ВИВАТ! ВИВАТ!! ВИВАТ!!!

— ВИВАТ! ВИВАТ!! ВИВАТ!!!

А я стоял и улыбался. Император исполнил все мои требования. Хоть в этом он был честен...

●

○

■

■ *

РИ, пригород Гатчины, бывшие земли Боярских, переданные роду Волковых, пятое апреля

Машина такси довезла меня до поворота на территорию, где раньше стояло поместье

Боярских. На этот раз ни костюма, ни туфель на мне не было. Армейский рюкзак, малая пехотная лопатка, плотная куртка армейского кроя, которую так любят егеря пограничных отрядов, брюки по типу карго в расцветке олива, черная майка, тонкая черная шапка, плотные перчатки, армейские ботинки с высоким берцем и пара клинков, из подаренных мне Коневым. Источник был полон энергии, я сам был полон сил и бодр, по этому легким бегом я отправился вперед по заброшенной, уже давно нечищенной аллее.

До конца аллеи я добежал за пятнадцать минут. После поворота я остановился. Моему взору открылось поместье Боярских. Точнее, то, что от него осталось... Одна полуразрушенная восточная стена с одиноким окном без стекол, сломанные кlyки первого этажа по периметру усадьбы и выступающий из земли уже потемневший от старости фундамент...

— Да, осколки бывшего величия... — Проговорил я для самого себя свои мысли вслух.

Путь мой сегодня лежал дальше. Атрибут Боярского дал мне знания, как добраться до родовой библиотеки...

И сейчас мне нужно было уйти за поместье, углубиться вглубь леса...

За время движения я не встретил ни одного человека. Эти земли раньше принадлежали роду Боярских почти три сотни лет, поле гибели рода земли перешли под опеку Императора Всероссийского. И последние двадцать лет никто не приходил сюда. Следить за территорией поместья никто и не старался, здание, которое разрушили по приказу Александра Четвертого, а, возможно, и он сам, никто не стремился восстановить... И завладеть этой землей никто не стремился — все-таки воспоминания об ужасных некромантах — Боярских были еще свежи и крепки в памяти людей...

Углубившись в лес, я прошел около километра вдоль ручья и снова свернул в небольшую пропешину между двумя возвышенностями. Так я прошел еще около трех километров. Чем дальше в лес я углублялся, тем плотнее стояли деревья друг к другу, тем меньше солнечного света проникало сквозь плотно переплетенные кроны... К концу маршрута я уже шел словно в сумерках... А в конце маршрута меня ждал пенёк. Старый, посеревший, низкий пенёк, кривыми корнями уходящий в землю. Размер спила был примерно с сиденье обычной табуретки, но новых побегов он так и не пустил за две с половиной сотни лет... Боярские постарались на славу, чтобы спрятать библиотеку. В отличие от Долгоруковых.

Я приблизился к пню. Память Боярского... Спасибо вам, Игорь Никитич, за вашу память!

Как тогда сказал император? Будь у него возможность, то он дал бы мне доступ и к библиотеке Боярских? Спасибо, конечно, но этот доступ мне передали вместе с кровью... А лишний раз быть обязанным вам, государь, у меня нет никакого желания...

Пришлось достать нож и уколоть себя в палец кончиком клинка. Руна “Надежда”, которую толковали как ожидание вести, устремление к обретению чего-либо лучшего, душевное состояние предчувствия счастья или беды с надеждой на лучшее, я начертил собственной кровью на срезе. Вообще, я даже нахожу это несколько забавным — самые жуткие

некроманты в истории использовали как ключ руну, олицетворяющую надежду. Все же, те, кого считали безумными маньяками — психопатами и массовыми убийцами, были простыми людьми...

А сейчас, если я правильно понял воспоминания князя, должен появиться страж могил.

Потомок Ставра или Гавра — хотя, кто его знает?... Кровь впиталась в пень без малейшего следа, оставив чистую серую поверхность с неровными окружностями.

— Кто... потревожил... сон... стража... могил? — Голос раздался из-под земли.

Под моими ногами заструился тонкими ручейками серый песок. Он собирался в кучки и поднимался вверх, формируя мощное, крупное тело огромного серого пса. В холке ростом он был мне по грудь, и сейчас на меня смотрела оскаленная пасть с серыми клыками и таким же языком.

— Тот, кто имеет право по крови. — Ответил я ритуальную фразу.

— Кровь — золото... души... Поделись... своей кровью... заплати... золотую цену... открой... свою душу... и... докажи... что кровь твоя... имеет право... на вход... — Ответил дух, воплощенный в материальной оболочке и вывалил из здоровенной пасти серый язык.

М-да, на этот раз пальчиком не отделаться... Пришлось разрезать ладонь и прислонить к языку.

Э-э-эй, псина песочная! Хватит кровь из меня тянуть, как пылесос!

А эта тварь действительно вытягивала кровь из раны, словно ко мне присосался самый натуральный вампир.

Лишь когда весь язык твари потемнел от крови, она отлипла от меня. Глаза серого пса стали темно-бордовыми, и тварь с удовольствием зачмокала.

— Молодая душа... дважды рожденный... наследник... рода... Боярский... сын... — Выдала тварь, — новый... господин... может войти... в сокровищницу... рода... Страж... всегда... на страже... и... всегда... рад... присутствию... господина...

Страж рассыпался песком, а под ним появился люк в подвал. Я хмыкнул и открыл люк. Вниз уходила лестница. Я достал фонарик из рюкзака и начал спускаться. Но как только я ступил на первую ступень, впереди зажегся магический светильник белым ровным холодным светом...

И так продолжалось весь спуск — пока я шел вниз, передо мной загорались все новые и новые светильники. Пока я не уперся в гранитную дверь. Когда я встал перед ней, рисунок на створках загорелся таким же белым холодным светом, и двери распахнулись, впуская меня внутрь.

Я оказался в просторном круглом зале вокруг колодца, уходящим вниз. По стенам были расставлены стеллажи, заполненные книгами. Я ради интереса обошел весь зал и нашел лестницу вниз. Второй. Третий. Четвертый. Пятый. Седьмой. Восьмой. Все.

Восемь подземных этажей содержали в себе все тайны и наработки Боярских. Здесь же хранились и родовые артефакты в стеклянных стойках. Я брал в случайном порядке книги с полок, читая названия, разворачивал атласы, вытаскивал артефакты из стеклянных шкафов... И они сделали все возможное и даже невозможное, чтобы это не попало в чужие, даже если это императорские, руки!

Тут было все! Все, что Боярские копили столетиями! Все их знания, весь их опыт! Тут были собраны сильнейшие артефакты рода, в которых еще предстояло разобраться...

Но главное — у меня теперь были знания...

И ими необходимо грамотно распорядиться...

Эпилог

РИ, Петергоф, поместье Юсуповых, первое мая

Князь Юсупов сидел в своем кабинете и пил в горьком одиночестве. Какие потери! Какие потери он потерпел за последние месяцы!

Все началось с пропажи князя Долгорукова и наследника, совместный бизнес в транспортной компании стал рушиться! А затем посыпались и все остальные проекты, совместные дела начали рушиться! И потери составили миллионы!!! А князь Юсупов не мог успеть всюду, даже при условии, что под его рукой была далеко не самая слабая команда менеджеров и управленцев.

Все конкуренты словно с цепи сорвались, не смотря на авторитет князей, стали откусывать по маленькому кусочку бизнеса, который еще недавно работал практически идеально... И главное — все они действовали строго в рамках дозволенного, даже предъявить им какие-либо нарушения было невозможно! Словно кто-то давно спланировал эту акцию, и сейчас просто запустили весь процесс...

Да и как мог князь жаловаться на каких-то дворян! Позор, да и только! Нет, тут нужно было разбираться самим, с каждой выскочкой, которая покусилась на добро Юсуповых, разговор должен был быть коротким и единичным. Чтобы остальным в будущем неповадно было...

А потом добрые люди, очень добрые и хорошие люди рассказали правду: князь Долгоруков и его наследник погибли от рук императора! Их поймали на измене, и кара настигла их очень быстро... А официальной причиной гибели объявили катастрофу с падением вертолета на Байкале, в котором находились князь и наследник... Гробы стояли закрытыми на прощании...

Император официально объявил о том, что берет род Долгоруковых под свою руку, выступая

регентом до момента назначения новой старшей семьи рода, в которой и будет наследоваться титул князя... И теперь у князя Юсупова вставал вопрос — а как много император и его цепные псыны из Тайного Приказа смогли вытащить из Долгоруковых?

Вначале Юсупов испугался. По-настоящему. Даже думал, как ему и родичам сбежать из страны... Ведь, в отличие от Долгоруковых, в роду Юсуповых были построены другие взаимоотношения, и не только князь Юсупов был замешан в делах Долгорукова. И не только он о них знал... И таких удивительных талантливых Одаренных среди Юсуповых не так уж и много, в отличие от Долгоруковых. И редким Даром Юсуповы похвастаться не могли. Их королевское положение на море уже давно стало просто воспоминанием о прошлом — в век развития технологий и машинной тяги уже нет необходимости раздувать паруса дружественных эскадр и с помощью ураганов ломать мачты противника...

Да, бизнес по перевозкам Юсуповы смогли построить довольно прибыльный и стабильный. Но вот какой демон дернул князя пятьдесят лет назад, когда он был еще наследником рода, связаться с князем Долгоруковым?!

Но после того, как Тимофей Ильич узнал правду о Долгорукове и его наследнике, прошла неделя. Затем вторая, и потом уже месяц, а затем и второй. И к нему никто не пришел. Появилась надежда, что Долгоруков унес свои тайны с собой в могилу. Эх, жаль только, сколько денег он потерял... Но жизнь дороже!

Но беда пришла откуда и не ждали. После двух месяцев молчания со стороны Тайного Приказа и Имперской Канцелярии, Тимофей Ильич уже было решил, что может теперь забрать весь совместный бизнес в свои руки, но по этим загребушим рукам его и ударили. Очень больно и обидно — поверенные люди императора прибыли в каждую совместно с Долгоруковыми образованную компанию и начали тотальную проверку. Всего и вся. И князя дергали как нашкодившего кота на каждое нарушение или расхождение в бумагах, словно макая в собственное... И так продолжалось уже две недели подряд, каждый день! Иногда за день его могли вызвать три — четыре офиса разных компаний, и отказаться он не мог — государевы ведь люди...

И вот сегодня инспекторы объявили выходной. Первый. Долгожданный.

И Тимофей Ильич решил просто напиться в одиночестве... Столько стресса за последние месяцы, столько стресса для не такого уж и молодого тела...

Князь опрокинул в себя очередную рюмку дорогого армянского коньяка и, закусив долькой лимона, посыпанной шоколадной крошкой, с удовольствием откинулся на спинку кресла. Тишина, покой... Вот оно счастье... Вторая бутылка только началась... Можно через пару рюмочек и перекусить... А пока раскурим — ка мы сигару...

Князь поставил на колени коробочку из красного дерева. Достал сигару, завернутую в желтую бумагу, развернул, специальными ножницами срезал кончик и взялся за длинные спички. Раскуривая сигару и выдыхая облака ароматного дыма с нотками вишни в аромате, князь убрал коробку с сигарами обратно и налил новую рюмку.

Отдых...

Князь с удовольствием наблюдал в открытое окно, как у дома играли младшие внуки. Все были младше шести лет, и для них весь мир каждый день был новым и удивительным, интересным и постоянно меняющимся...

За внуками присматривали двое нянечек, одетых в строгие черные платья, полностью скрывающие фигуры женщин. Больше в поле зрения не были ни души, но князь знал точно — как минимум, трое бойцов службы безопасности также присматривают за малышкой. Они же Юсуповы! Разве может быть по другому?!

В дверь тихо постучали.

Князь поморщился, словно от зубной боли, но все же властно произнес:

— Войдите!

В кабинет, она же и комната отдыха, вошел управляющий поместьем, Сергей Сомин. Взрослый мужчина с пеплом седины, уже покрывшем всю голову слуги и выбеливший его усы, стройный и сухой словно жердь.

В прошлом Сергей был заместителем начальника службы безопасности рода, но после серьезного ранения боец оставил службу. Но не оставил род. Князь Юсупов умел ценить такие поступки, и сделал Сергея управляющим и своим личным помощником в некоторых делах. В том числе, Сергей был помощником в делах с Долгоруковым.

— Господин, прошу прощения за то, что прервал ваш отдых, но поступить иначе я не мог. — Сомин поклонился Тимофею Ильичу, встав с левой стороны от кресла князя.

— Что случилось, Сергей? — Лениво спросил князь, переводя взгляд на слугу.

— К нам поступил звонок по закрытой линии, господин. По линии, через которую мы связывались с Долгоруковыми в особых случаях. — Вновь поклонился Сомин.

— Ты пошутить вздумал?! — Рыкнул князь.

— Я никогда бы не посмел насмеяться над вами, господин. — Покачал головой управляющий, так и продолжая стоять склонившись перед Юсуповым.

Князь завис на полминуты. Затем взял рюмку и опрокинул в себя залпом, не смакуя, словно пил обычную водку. Даже не закусил — аппетит пропал.

— Кто звонит, и что он хочет?

— Кто звонит — неизвестно, представился как «мистер Смит», говорит, что является вашим другом и будет говорить только с вами, потому что ваш контакт ему оставил Долгоруков. Голос явно изменен, но некоторый акцент прослеживается. — Выпрямился управляющий.

— Ну, ладно, давай побеседуем с мистером Смитом. — Князь поднялся из кресла и двинулся к рабочему столу, взмахом руки отпуская Сомина из кабинета.

Подойдя к столу, князь снял трубку с телефонного аппарата:

— Князь Юсупов слушает.

— Добрый день, Тимофей Ильич. — Механический голос поздоровался с князем, — можете называть меня «мистер Смит», я очень рад наконец-то с вами познакомиться лично, все же князь Долгоруков приятно о вас отзывался.

— Не понимаю, о чем вы говорите, мистер Смит. С Долгоруковыми у нас был лишь совместный бизнес, но особо дружны мы не были. — Покачал головой Юсупов.

— Бросьте, князь, ложь вам не к лицу, вы же практически равны герцогу по титулу... Но мой заказ на «красные камни» исполнили именно ваши люди, князь, Долгоруков даже передал мне доказательства вашего таланта. — Захихикал голос в трубку.

Сигара выпала из руки. Юсупов сглотнул, не обращая на нее внимания и потянул резко ставший тесным ворот рубашки. Теневая сторона бизнеса... Долгоруков, сука ты...

— Я не понимаю, о чем вы говорите, мистер Смит, моя компания доставляет грузы по всему миру. Почему я должен помнить именно ваш заказ на какие-то красные камни... — Ответил Тимофей Ильич, по лбу которого уже побежали бисеринки пота.

— О, не волнуйтесь, я совсем скоро собираюсь посетить вашу чудесную страну, и мы сможем с вами обсудить все детали прошлой сделки... И новых... — Снова хихикнул механический голос.

— Вот приедете — тогда и поговорим. — Бросил князь.

— Конечно, конечно... Ну, что ж, князь, был весьма рад с вами познакомиться, собственно ради этого и звонил вам. Ждите в гости, да с гостинцами, как у вас говорят. Всего доброго, князь Юсупов. — Механический голос затих, и последовали короткие гудки.

Князь положил трубку на аппарат. Ну, вот почему так?! Вроде бы уже есть беда, да вот не приходит в дом она одна! Вначале внука избил провинциальный мальчишка Волков, потом Долгоруков запретил его трогать, затем Долгоруков погиб, потом люди императора начали контролировать его бизнес, а теперь еще и выясняется, что Долгоруков сливал информацию о их совместных делах на сторону?!.

На глаза князя попался свежий выпуск газеты «Северная Пальмира». На первой полосе красовалась крупная фотография троих молодых парней, которым пожимал руки глава министерства технологического развития, над фотографией красовался крупный заголовок «Компания «БВК» перевернула рынок! Богомоллов, Волков и Кобылин совершили инновационный прорыв!»

— Снова Волков! — Сквозь зубы процедил князь, глядя на фотографию и бегло пробегаясь по тексту, и затем, возвращаясь глазами к молодому человеку в центре троицы на фотографии, продолжил — только Долгорукова больше нет, чтобы тебя защитить, юноша...